ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Journal of metadisciplinary research
The POLITICAL CONCEPTOLOGY

2015 г. № 2

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

Ростов-на-Дону

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Центр политической концептологии

Высшей школы бизнеса

Институт философии и социально-политических наук

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал метадисциплинарных исследований

2015. № 2

(апрель-май)

Научный журнал
Издается с 2009 года

Политическая концептология:
журнал метадисциплинарных исследований

Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-32422 от 09 июня 2008 г.

ISSN 2218-5518

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *В.П. Макаренко*, доктор политических и философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины

Заместитель главного редактора: *С.П. Поцелуев*, доктор политических наук, доцент

Ответственный секретарь: *М.С. Константинов*, кандидат политических наук

Редакционный совет:

Председатель – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор *А.В. Лубский* (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, доцент *А.И. Бардаков* (Волгоград)

Доктор экономических наук, профессор *В.В. Вольчик* (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, профессор *И.И. Глебова* (Москва)

Профессор ординарный, доктор габилитованы *Анджей Захариаш* (Жешов, Польша)

Доктор политических наук, профессор *В.С. Малахов* (Москва)

Доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ *О.Ю. Мамедов* (Ростов-на-Дону)

Доктор юридических наук, профессор *А.В. Оболонский* (Москва)

Доктор экономических наук, профессор *А.Н. Олейник* (Москва, Ньюфаундленд, Канада)

Доктор политических наук, профессор, действительный член РАН *Ю.С. Пивоваров* (Москва)

Доктор философских наук, профессор *Н.С. Розов* (Новосибирск)

Доктор философских наук, профессор *В.В. Савчук* (Санкт-Петербург)

Доктор исторических наук, профессор *В.Н. Ткаченко* (Киев, Украина)

Доктор философских наук, профессор *С.Г. Чукин* (Санкт-Петербург)

Доктор философских наук, кандидат психологических наук *В.А. Шкуратов* (Ростов-на-Дону)

Доктор исторических наук, профессор *В.А. Шнирельман* (Москва)

Электронная версия журнала: **http://politconcept.sfedu.ru**

Номер подготовлен с участием младших научных сотрудников Центра политической концептологии СКНИИЭиСП ЮФУ Вадима Попова и Симона Гарибяна.

Адрес учредителя:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105
тел.: (863) 263 3158 263 8498
факс: (863) 264 5255
e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:
344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Пушкинская, 160, к. 112
тел. (863) 264-02-64
факс: (863) 264-52-55
e-mail: politconcept@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Макаренко В.П.
Уроки Ханны Арендт: проблема создания интеллектуального противовеса власти (статья 2)..... 6

ПРОБЛЕМА ПРОРАБОТКИ ИМПЕРСКО-СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО

Булдаков В.П.
Кризисный ритм российской истории: к культурно-антропологическому переосмыслению..... 18

Пивоваров Ю.С.
О «советском» и путях его преодоления..... 53

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ

Цвынар К.М.
Средства массовой информации в современной культуре: информация и просвещение или манипуляция?..... 97

Бойко С.И.
Драматургия концепта нации в программном дискурсе российской «партии без власти»..... 109

Камкия Б.А.
Контекстуализм в политической философии..... 132

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

«Политический цинизм: концепт и постсоветская реальность»
(материалы Всероссийской научной конференции 27–28 марта 2015 г., Ростов-на-Дону)..... 137

Гудков Л.Д.
От двоемыслия к цинизму: общественная цена стратегии понижающей адаптации (по материалам исследований Левада-Центра)..... 138

Оболонский А.В.
Политический цинизм: концепт и российская реальность..... 164

Макаренко В.П.
Внеконтекстуальные проблемы системы организованной лжи..... 173

Олейник А.Н.
Конфликт формальных институтов и «человеческого» как источник политического цинизма..... 178

Шкуратов В.А.
Между туземцами и элитой: баланс эндогенности и экзогенности в российской политической идентичности (Часть I)..... 191

Лубский А.В.
Публичные интеллектуалы и политический цинизм..... 204

Денисов С.А.
Политико-правовой нигилизм и цинизм административного класса современной России..... 217

Константинов М.С.
Политический цинизм в контексте российско-украинской информационной войны (статья 1)..... 225

Кравцов Н.А.
Политический цинизм и эстетическое убожество..... 231

Трубина Е.Г.
«По-большому»: городская инфраструктура и власть над пространством..... 234

ТЁПЛЫЕ СВЯЗИ БЫТИЯ

Стешенко Н.И.
Памяти советского и российского логика Юрия Григорьевича Гладких (17 сентября 1938 – 27 ноября 1999)..... 248

Наши авторы..... 257

Summaries and keywords..... 259

Contents..... 264

К сведению авторов..... 266

Слово редактора

УРОКИ ХАННЫ АРЕНДТ: ПРОБЛЕМА СОЗДАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРОТИВОВЕСА ВЛАСТИ (статья 2)

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье рассматривается проблема истины в политике. Основываясь на оригинальной интерпретации концепции Ханны Арендт, автор анализирует конфликты между истиной и политикой, истиной и мнением, истиной разума и истиной факта, позицией философа и позицией гражданина. Одним из главных открытий Х. Арендт, по мнению автора, стало осознание того, что принуждающая сила истины противостоит политической власти.*

Ключевые слова: *истина и политика, истина и мнение, истина разума и истина факта, гражданская позиция, когнитивное сопротивление*.

На основе анализа когнитивных, социальных и политических процессов XX века Ханна Арендт сформулирована систему критериев для их анализа и оценки. Часть из них описана в предыдущей статье [Макаренко 2015]. Возникает вопрос: почему приверженность фактической истине обычно воспринимается как антиполитическое настроение? Для ответа Ханна Арендт обсуждает фундаментальные проблемы: соотношение истин разума, истин факта и мнения; океан политической лжи; острова истины современного общества. Надо войти в процесс её размышления и аргументации.

Истина как механизм сдерживания

Все истины разума и истины факта противоположны мнению. Для примера Ханна Арендт приводит несколько утверждений:

Из области геометрии: «Три ***угла*** треугольника равны двум углам квадрата»;

Из области астрономии: «Земля вращается вокруг Солнца»;

Из области этики: «Лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать»;

Из области истории и политики: «В августе 1914 года Германия напала на Бельгию».

Все эти истины не являются предметом спора и мнения и не зависят от договорённостей. Они обладают принудительной силой. Такое кредо сформулировал Гроций: «Даже

Господь не мог бы сделать так, чтобы дважды два не равнялось четырем». К принуждающей силе истины он обратился для противостояния политической власти.

На основе данных констатаций Ханна Арендт формулирует проблему: конституция, билль о правах, разделение властей не являются достаточными политическими средствами для сдерживания власти; надо разработать когнитивный противовес власти, источник которого находится вне политической сферы. В процессе разработки такого механизма она фиксирует сходство между тиранией и демократией. С точки зрения политики истина деспотична. Её ненавидят тираны, поскольку боятся конкуренции со стороны силы, которую они не могут присвоить. Однако демократические правительства тоже смотрят на истину подозрительно. Неудобное мнение можно оспорить, отвергнуть или смягчить. Неудобные факты можно унять только ложью. «Истина факта, — пишет Ханна Арендт, — как и любая истина, требует безоговорочного признания и исключает дискуссию, а дискуссия составляет самую суть политической жизни» [Арендт 2014: 355].

В процессе анализа Ханна Арендт развивает идею Канта о способности человека к «расширенному образу мыслей». Кант сформулировал эту идею в эстетике, но он осознал политических и моральных следствий своего открытия. Ханна Арендт систематизирует эти следствия.

Политическая мысль основана на представлении. Каждый человек формирует мнение по конкретному вопросу, рассматривая его с разных точек зрения. Процесс представления не означает слепого согласия с иными взглядами на мир. Но надо сохранить свою идентичность и способность мыслить при воображаемом перенесении туда, где индивида нет. Такова специфика способности к представительному мышлению.

Формирование мнения детерминируется людьми, на место которых человек ставит себя. Единственное условие такого воображения — незаинтересованность, свобода от собственных частных интересов. Качество мнения и суждения зависит от меры его беспристрастности. Политика есть мир всеобщей взаимозависимости, в которой каждый может сделать себя представителем каждого. Но большинство людей предпочитает такое мнение, которое учитывает только интересы данного индивида или группы, к которой он принадлежит. Поэтому наиболее часто встречается слепое упрямство, проявляющееся в нехватке воображения и неспособности судить.

Ни одно мнение не самоочевидно. Мышление дискурсивно в вопросах мнения, а не истины. Оно переносится с места на место, из одной части мира в другую, обегает все виды конфликтующих взглядов, пока не восходит от особенных случаев к беспристрастному общему. В сравнении с этим процессом утверждения истины не отличается ясностью. Истина разума несёт свет рассудку, а истина факта должна давать пишу мнениям, но эти истины по природе противятся прояснению, подобно тому как свет по природе не может быть освещён.

Указанную **неясность** Ханна Арендт иллюстрирует на примере фактов и истин факта. Случайность фактов безгранична. Именно по этой причине древние философы отказывались рассматривать сферу человеческих дел, которая целиком состоит из фактов. Они не верили, что истину можно открыть в «безотрадной случайности» (Кант) цепочек событий. Ни одна философия истории тоже не смогла примириться с упрямством чистой фактичности. Современные философы подняли на щит все виды необходимости — мирового духа, материальных условий, неизменной природы человека. По мнению Ханны Арендт, это сделано для того, чтобы вымести последние следы произвольного «все могло бы быть иначе» из единственной области действительной человеческой свободы. Задним числом любая последовательность событий выглядит так, словно иначе быть не могло. Но это оптическая или экзистенциальная иллюзия. Поэтому надо отвергнуть любые варианты идеалистического, материалистического и антропологического объяснения истории.

Иначе говоря, истина факта не более самоочевидна, чем мнение. Такова одна из причин, почему сторонники мнения часто отвергают истину факта, объявляя её ещё одним мнением. Для установления фактов обычно используются показания свидетелей, летописи, документы и памятники. В этих источниках всегда можно подозревать подлог. Если возникают разногласия, для их решения нет никакой третьей, высшей инстанции, можно лишь привлечь другого свидетеля, а последнее слово обычно остаётся за большинством, т. е. как при столкновении мнений. Такая процедура неудовлетворительна, ибо ничто не мешает большинству свидетелей быть лжесвидетелями. Чувство принадлежности к большинству может даже воодушевить на лжесвидетельство.

Как решает эту коллизию Ханна Арендт? Истина факта не обладает трансцендентностью принципов свободы, справедливости, чести и мужества. Но это невыгодное положение имеет серьёзные последствия для личности рассказчика истины и шансов его истины на выживание. Ханна Арендт приводит сентенцию Сократа «Лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать». Это — пример философского утверждения, которое касается человеческого поведения и потому имеет политические следствия. Арендт избрала эту сентенцию по двум причинам: она дала начало западной этической мысли; она осталась единственным этическим положением, которое можно вывести из философского опыта.

Сократ не мог доказать истинность данного положения. Его опровергали на рыночной площади, где мнение противостоит мнению. Главный аргумент Сократа в защиту данного положения звучит так: человеку лучше быть в разногласии со всем миром, чем в разногласии и противоречии с самим собой. Для человека как мыслящего существа это этическое положение по поводу несправедливых дел и несправедливых страданий обладает не меньшей понуждающей силой, чем математическая истина. Но для человека как гражданина положение Сократа ложно[1].

Прежде всего по причине катастрофических последствий для любого сообщества, которое всерьёз пыталось следовать этическим предписаниям (сократическим, платоновским, христианским), относящимся к отдельному индивиду. Аристотель предостерёг от того, чтобы давать философам слово в политических делах. Его аргумент был таков: по роду деятельности философ мало заботится о собственном благе, поэтому ему нельзя доверять в вопросе о благе для других, особенно в вопросе об «общем благе» — интересах сообщества. Макиавелли советовал оберегать политическую сферу от принципов христианской веры. На этой основе Ханна Арендт проводит жёсткое различие между философской и политической истиной (поскольку философская истина касается единичного человека, она по природе неполитическая) и анализирует несколько позиций по преобразованию философской истины в политическую[2]. Все эти позиции сомнительны, хотя существуют до сих пор. Но философа может искушать власть мнения, а принудительная философская истина может стать искушением для государственного деятеля[3]. Арендт предлагает войну на два фронта с обоими искушениями.

---

[1] Под гражданином Арендт понимает действующее существо, которое беспокоится о мире и общественном благоденствии, а не о собственном благополучии, включая «здоровье» его «бессмертной души», которое считается важнее потребностей бренного тела.

[2] Эти позиции таковы: если философ пожелает, чтобы его истина восторжествовала над мнениями множества, он неизбежно потерпит поражение и сделает вывод о бессилии истины, то он выскажет банальность; если у философа вслед за Платоном возникнет искушение привлечь внимание какого-либо тирана, и он сможет создать одну из тираний «истины», то эта тирания будет не лучше остальных форм деспотизма; если истина восторжествует без насилия, а по причине случайного совпадения мнений, то в она превратится в обычное мнение множества людей, которые завтра могут передумать и сойтись на чем-нибудь другом.

[3] Арендт приводит в пример Декларацию независимости Джефферсона, который объявил определённые «истины самоочевидными», поскольку хотел, чтобы всё то, что было предметом согласия между людьми Революции, не подлежало спору и аргументации. Подобно математическим аксиомам, эти истины должны были выражать «убеждения людей», которые «зави-

Она указывает религиозно-философские истоки указанных искушений: все люди равны перед лицом Бога; все люди равны перед лицом смерти; все люди относятся к виду разумных животных. Ни одно из них никогда не имело политических или практических следствий, поскольку уравнитель (Бог, смерть, природа) оставался за пределами сферы человеческого общения. Место таких истин не среди людей, а над ними. Равенство людей не самоочевидно и недоказуемо. «Мы придерживаемся этого мнения, потому что свобода возможна только среди равных, а мы считаем, что радости и награды, ждущие нас в свободной компании, следует предпочесть сомнительным удовольствиям господства» [Арендт 2014: 365]. Указанные предпочтения имеют величайшее политическое значение, но в этой сфере люди наиболее отличаются друг от друга. Всё это вопросы мнения, а не истины. Их значимость зависит от свободного согласия и соглашения: они получены путём дискурсивного мышления, а сообщают их посредством убеждения и разубеждения.

После такой расчистки площадки для спора Ханна Арендт приступает к выдвижению аргументов. Она утверждает: положение Сократа «Лучше несправедливо страдать, чем несправедливо поступать» является истиной, а не мнением. Хотя оно никогда не имело прямых политических последствий, но его влияние в качестве этического предписания на поведение людей невозможно отрицать. Это противоречит общему представлению о бессилии философской истины. Сократ использовал необычный способ убеждения: он решил поставить на эту истину свою жизнь, подать пример, когда он отказался бежать от смертного приговора. Здесь Ханна Арендт развивает идею Ницше: научение примером есть единственный способ, каким философская истина может «убеждать», не подвергаясь искажению или передергиванию[4]; точно так же философская истина только тогда может стать «практической» и вдохновить на поступки, когда ей удаётся найти выражение в облике примера. Такова единственная возможность верификации этического принципа[5].

Но сегодня философские утверждения не считаются настолько серьёзными, чтобы они угрожали жизни философа. Поэтому исчезла возможность сделать философскую истину значимой в политике. Для рассказчика истины разума такая возможность существует, но её нет у рассказчика истины факта. Высказывания о фактах не содержат ничего, что могло бы стать принципом для поступков; само их содержание не поддаётся верификации. Если же рассказчик истины факта пожелает отдать за какой-нибудь факт свою жизнь, то в этом поступке обнаружится его мужество или упрямство, но не истинность его слов и не его собственная правдивость. Лжец тоже может держаться лжи с величайшим мужеством, особенно в политике, где его может побуждать патриотизм или стремление защитить законные групповые ин-

---

сят не от их собственной воли, но невольно подчиняются доказательствам, предложенным их уму». Но сказав «*Мы считаем* эти истины самоочевидными», он неосознанно признал, что утверждение «Все люди сотворены равными» не самоочевидно, а нуждается в соглашении, — что равенство есть не «истина», а вопрос мнения, и только в этом случае оно имеет значение в политике.

[4] Именно в этом смысл замечания Ницше: «Я придаю философам значение ровно в той мере, в какой они в состоянии подать пример».

[5] Для иллюстрации этого общего положения Арендт приводит примеры: поведение Ахилла позволяет верифицировать понятие мужества; поведение Иисуса Христа или святого Франциска позволяет верифицировать понятие доброты. Эти примеры учат, убеждают и вдохновляют на поступки. Всякий раз, когда мы совершаем мужественный или добрый поступок, мы подражаем кому-то другому. Как сказал Джефферсон, «внушить сыну или дочери живое и стойкое чувство сыновнего долга можно скорее чтением „Короля Лира“, чем всех сухих томов по этике и богословию, какие когда-либо были написаны». Как сказал Кант, «никогда ещё общие предписания, данные священнослужителями и философами или выработанные самостоятельно, не давали результатов, подобных тем, к которым ведёт следование примеру добродетели или святости». В отличие от схем, которые разум порождает самопроизвольно, посредством воображения, эти примеры берутся из истории и поэзии, через которые, как отметил Джефферсон, совершенно иная «область воображения попадает к нам в распоряжение».

тересы. Поэтому патриотизм и защита групповых интересов были и остаются врагами истины.

Всеобщая паутина обмана

Ханна Арендт определяет ложь как намеренную неправду и врага истины. Для иллюстрации она анализирует два высказывания о факте: «Германия напала на Бельгию в августе 1914 года» и «Бельгия напала на Германию в августе 1914 года». Первое высказывание является реальным историческим фактом. Другое высказывание Клемансо считал нелепым. Но он не был знаком с искусством переписывания истории. По мнению Арендт, противоположное утверждение есть явная попытка изменить хронику и образует форму *действия.* В этом смысле оно является разновидностью деятельности лжеца. Лжец не может принудить всех к согласию с ложью. Поэтому не настаивает, что его утверждение есть истина в последней инстанции. Он маскирует ложь правом на «мнение». Этим часто занимаются подрывные группировки в политически незрелом сообществе, чтобы вызвать замешательство. Размывание границы между истиной факта и мнением — форма действия лжи.

Лжец — человек действия. Рассказчик истин разума или факта таковым не является. Но он может захотеть сыграть роль в политике путём убеждения. В этом случае он должен объяснять, почему его истина лучше всего отвечает интересам группы? Философ одерживает пиррову победу, когда его истина становится господствующим мнением. Если рассказчик истины факта вступает в пространство политики и идентифицирует себя с интересами и пристрастиями группы властвующих, он жертвует единственным качеством, делавшим его истину правдоподобной, — своей личной правдивостью, залогом которой служили его беспристрастность, честность и независимость.

Фигура профессионального рассказчика истины в политике вызывает подозрение, поскольку он обнаруживает совпадение между истиной и интересами. Лжецу не надо приспосабливаться к политической арене: «Он говорит то, чего нет, потому что хочет, чтобы всё было по-другому — т. е. он хочет изменить мир» [Арендт 2014: 371]. Иначе говоря, Ханна Арендт подвергает критике не только все виды лжи во спасение, но и все разновидности политического активизма XX века.

Она аргументирует эту критику следующим образом. Существует родство между способностью изменять мир и способностью лгать. Способность лгать относится к немногим очевидным и наглядным подтверждениям свободы человека. А способность говорить правду не относится. Человек может изменить обстоятельства только потому, что относительно свободен от них. Лицемерие и лживость суть извращение и злоупотребление этой свободы. Отсюда вытекает **противоречие между профессиональным историком и профессиональным политиком**: первый обычно не может преодолеть искушение попасться в ловушку необходимости и неявно отвергнуть свободу действия; второй почти не может преодолеть искушение переоценить возможности свободы и лживо отрицать или искажать факты.

На этой основе в XX веке возникла система организованной лжи. Ложь — главное свойство большинства политиков, особенно тех, кто стремился переделать мир. Правдивость никогда не была политической добродетелью потому, что от неё мало толку в деле изменения мира и обстоятельств, т. е. в политической деятельности. Но правдивость может стать первостепенным политическим фактором там, где сообщество вступило на путь организованной тотальной лжи, а не просто лжёт по отдельным вопросам. Если все лгут по всем важным вопросам, то рассказчик истины начинает совершать поступки. Он вовлекается в занятия политикой, а если выживет, то даст начало изменению мира.

Иначе говоря, Ханна Арендт принимает только такое изменение мира, которое направлено в сторону беспощадной истины. Такая истина предполагает борьбу с выгодой, удовольствием, общепринятыми убеждениями и любыми формами правдоподобия.

Такое кредо позволяет Ханне Арендт сформулировать основы анализа нового феномена массовой манипуляции фактами и мнениями. Этот феномен возник в XX веке и проявляется в переписывании истории, создании имиджей и фикций, реальной государственной политике.

Традиционная политическая ложь известна из истории дипломатии и государственного управления. Она касалась либо настоящих тайн (данных, которые никогда не оглашались публично), либо намерений, которые не могут быть столь же достоверны, как факты. Современная политическая ложь успешно работает с тем, что не представляет тайны и известно каждому. Примерами лжи являются: переписывание истории на глазах у её свидетелей; различные виды имиджмейкинга, когда любой известный и установленный факт может отвергаться или игнорироваться, если он вредит имиджу. Задача имиджа состоит в подмене действительности. Благодаря современной технике и СМИ такой заменитель получает больше внимания, чем оригинал[6].

Все неправды содержат насильственную составляющую; организованная ложь всегда стремится уничтожить то, что решено отрицать, хотя лишь тоталитарные правительства сознательно используют ложь как первый шаг на пути к убийству. Классическим примером политической лжи является история и политика СССР. Когда Троцкий узнал, что не принимал никакого участия в Октябрьской революции, ему стало ясно: его смертный приговор подписан. Проще устранить публичную фигуру из исторических хроник, если одновременно устранить её из мира живых.

Короче говоря, разница между традиционной и современной ложью состоит в различии между скрыванием и уничтожением. Раньше участники обмана относились к ограниченному кругу государственных деятелей и дипломатов. Традиционная ложь всегда касалась частностей и никогда не предназначалась для обмана всех; она предназначалась врагу и должна была обмануть только его. Современная ложь направлена на обман всех.

Оба этих смягчающих обстоятельства традиционной лжи отсутствуют в современной манипуляции фактами. По этому поводу Арендт опять ставит комплекс вопросов[7], который завершается главным вопросом: если современная политическая ложь настолько масштабна, что требует полностью перекроить всю текстуру фактов — как бы создать иную действительность, куда эту ложь можно будет вплести без единого шва или разрыва, ровно так, как факты вплетены в свой исконный контекст, — что мешает этим новым историям, фикциям и нефактам стать полноценной заменой действительности и фактической истины?

Для иллюстрации того, как трудно обманывать других, не обманывая самого себя, Арендт рассказывает байку[8]. Эта история даёт понять, до какой степени представление о ре-

[6] Показательными примерами лжецов являются государственные деятели. В пример Ханна Арендт приводит де Голля и Аденауэра. Они выстроили принципы своей политики на откровенной лжи: де Голль сумел сделать так, что Францию начали относить к числу победителей последней войны и великих держав; Аденауэр считал, что «зверства национал-социалистов пользовались согласием лишь относительно небольшого процента населения страны».

[7] Чем важны эти ограничения и можно ли их назвать смягчающими обстоятельствами? Почему самообман стал неотъемлемым инструментом в ремесле имиджмейкеров и фальсификаторов? Почему для мира и лжеца будет хуже, если он сам обманется собственной ложью, чем если обманет других? Разве можно придумать лучшее моральное оправдание для лжеца, чем то, что его отвращение к лжи было так велико, что прежде, чем он смог лгать другим, ему пришлось убедить себя самого?

[8] В ней рассказывается о том, что случилось однажды ночью в городе, на смотровой башне которого днём и ночью дежурил часовой, чтобы предупреждать людей о приближении врага. Часовой был падок на розыгрыши и той ночью пробил тревогу, просто чтобы нагнать на городских немного страху. Его успех был ошеломляющ: весь город бросился на стены, а последним к ним помчался сам часовой.

альности зависит от окружающего мира и какая нужна сила духа, чтобы утверждать нечто свое (ложь или истину), чего никто не разделяет. Чем успешнее лжец, тем скорее он падёт жертвой собственных подтасовок. Шутник, обманувший сам себя, оказавшийся в одной лодке со своими жертвами, с виду заслуживает куда большего доверия, чем хладнокровный лжец, позволяющий себе наслаждаться своей выходкой с расстояния. Но только самообман создаёт видимость правдивости. А в споре о фактах только личный внешний облик имеет шанс оказаться убедительнее удовольствия, страха и выгоды.

Этические предрассудки таковы, что люди сурово относятся к хладнокровной лжи, а к искусству самообмана относятся терпимо[9]. Ханна Арендт усматривает здесь проблему: чтобы подкрепить утверждение «Лучше лгать другим, чем обманывать самого себя», надо учесть, что хладнокровный лжец осознает различие между истиной и ложью. Поэтому истина, которую он прячет от других, нашла последнее убежище в самом лжеце. Он солгал, но не изолгался. Ни он, ни обманутый им мир ещё не лишились надежд на «вечную жизнь».

Современная манипуляция фактами — это нанесение необратимого ущерба действительности. В прежние времена манипуляции не было. В современном свободном мире у государства нет монопольной власти решать, что является и не является фактом. Но даже там гигантские организации лиц с общими интересами ввели в обиход мышление в стиле *raison d'etat*, которое прежде встречалось лишь в области иностранных дел, а в худших проявлениях, в ситуациях прямой и несомненной угрозы. Государственная пропаганда на государственном уровне переняла уловки из деловой практики и из арсенала Мэдисон-авеню. Традиционная ложь была предназначена для иностранного неприятеля. Имиджи и фикции для внутреннего употребления могут стать действительностью для каждого, включая их создателей. При этом создатели уже в процессе изготовления «продукта» вдохновлены мыслью о числе своих потенциальных жертв. Инициаторы создания лживого образа понимают, что хотят обмануть врага на общественном или национальном уровне. Но в итоге ориентиром для групп и целых наций становится **паутина обмана**, в которую их лидеры хотели поймать своих оппонентов.

Основные усилия групп обманутых и обманщиков направлены на сохранение в неприкосновенности созданного пропагандой образа. Этому образу угрожают не столько действительные враги и враждебные интересы, сколько те члены группы, кто сумел избежать его чар и настаивает на обсуждении фактов и событий, которые не укладываются в этот образ. Современная история полна примеров, когда рассказчики истины факта воспринимались как большая опасность и даже более враждебная сила, чем действительные оппоненты. С точки зрения политики важно, что современное искусство самообмана приводит к преобразованию внешней политики во внутреннюю, и международный или межгрупповой конфликт бумерангом возвращается на сцену внутренней политики. В период холодной войны самообман использовался обеими сторонами. Консервативные критики массовой демократии часто подчёркивали опасности этой формы правления для международных дел, не упоминая об опасностях, которыми чреваты монархии и олигархии. Эти доводы усиливаются фактом: в полностью демократических условиях обман без самообмана невозможен.

Нынешняя система всемирного сообщения охватывает большое число независимых стран. Ни одна из мировых держав не может взять свой «имидж» под полный контроль, поскольку факты нарушают ход пропагандистской войны конфликтующих фикций. Продолжительность жизни фикций едва ли удастся увеличить даже при наличии всемирного правительства или другой современной версии *Pax Romana.* Это лучше всего можно проде-

[9] Ханна Арендт в противовес этой оценке приводит знаменитую сцену в монастыре из «Братьев Карамазовых». Старший Карамазов, закоренелый лжец, спрашивает старца Зосиму: «Что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?», и старец отвечает: «Главное, самому себе не лгите». Достоевский не объясняет и не развивает этот отрывок.

монстрировать на примере закрытых тоталитарных систем и однопартийных диктатур. Они превосходят любые другие организации в защите идеологий и фикций от истины и от действительности[10]. Проблема в том, что им постоянно приходится менять ложные утверждения, которые они предлагают взамен действительной истории; меняющиеся обстоятельства требуют заменять один учебник истории на другой, переклеивать страницы в энциклопедиях и справочниках, стирать одни имена и вписывать другие, ранее неизвестные или малоизвестные. Это бесконечное непостоянство лишено признаков, по которым можно вычислить истину. Оно само по себе служит признаком лживости всех публичных высказываний о мире фактов. В отдалённой перспективе промывка мозгов приводит к тому, что люди совершенно отказываются верить в истинность чего бы то ни было, с какой бы достоверностью она ни была установлена.

Другими словами, последовательная и тотальная подмена истины факта ложью приведёт не к тому, что эту ложь примут как истину, а истину будут поносить как ложь. Результат намного хуже: государственная политика целенаправленно уничтожает чувство, посредством которого люди ориентируются в реальном мире. А категория лжи/истины относится к числу необходимых для этого мыслительных средств.

Ханна Арендт считает, что от этой напасти лекарства нет. Такова обратная сторона случайного характера фактической реальности. Все человеческие дела могли получиться иначе. Поэтому возможности лжи безграничны. Фикции всегда можно объяснить и сделать правдоподобными. В этом причина того, что последовательная ложь вырывает землю у нас из-под ног и не даёт никакой опоры взамен. «Ощущение, что все, на что мы опираемся, чтобы иметь чувство направления и реальности, дрожит и шатается, относится к самым явным и распространенным переживаниям людей при тоталитарном правлении» [Арендт 2014: 381].

Таким образом, родство лжи с политикой как способом изменения мира универсально. Убеждённый фальсификатор заблуждается, когда думает, что может предвосхитить изменения, переврав факты, от которых все хотят отделаться. Политики и пропагандисты слаборазвитых стран любят создание потемкинских деревень. Но это никогда не ведёт к учреждению чего-то реального. Оно только совершенствует притворство. Все истины факта касаются прошлого. Но действию подвластно не прошлое и не настоящее как результат прошлого, а будущее. Если с прошлым и настоящим обращаются как с частями будущего, политическое пространство лишается не только главной стабилизирующей силы, но и отправной точки для изменений и любых новых начинаний. Тогда начинаются бесплодные перестановки и перетасовки, характерные для многих новых наций, которым не повезло родиться в эпоху пропаганды.

Государственная власть — главная угроза миру фактов. Но Арендт обращает внимание на то, что власть по своей природе не способна ничем заменить фактическую реальность. Упрямые факты превосходят власть; они не столь мимолётны, как властные образования, которые возникают, когда люди объединяются с некоей целью, но исчезают, едва цель достигнута или потеряна. Эта мимолётность делает власть крайне ненадёжным средством для достижения любого постоянства. В её руках опасности подвергаются не только истины и факты, но и ложь и выдумки. «В отношении к фактам, — пишет Ханна Арендт, — политика

[10] Арендт приводит в пример исправления хроник фрагмент из Смоленского архива. Из меморандума 1935 года мы узнаем о бесчисленных трудностях, с которыми сталкивается такое предприятие. Что «делать с речами Зиновьева, Каменева, Рыкова, Бухарина и др. на партийных съездах, пленумах ЦК, конгрессах Коминтерна, съезде Советов и т. д.? Как быть с антологиями марксизма, написанными или отредактированными совместно Лениным, Зиновьевым и другими? Как быть с сочинениями Ленина под редакцией Каменева? Что делать в случаях, когда Троцкий написал статью для номера „Коммунистического интернационала“? Должен ли быть конфискован весь выпуск?» На эти вопросы в архиве ответов нет.

должна идти крайне узкой дорожкой, избегая, с одной стороны, опасности принимать их за результаты какого-нибудь необходимого процесса, который люди не могли предотвратить и с которым поэтому ничего не могут поделать, а с другой — опасности отрицать их, пытаться удалить их из мира» [Арендт 2014: 381].

Острова истины

В заключение Арендт формулирует общий вывод: посмотреть на политику с позиций истины означает занять положение рассказчика истины вне политического пространства. Это положение подрывается, если рассказчик пытается *вмешаться в* человеческие дела и говорить на языке убеждения или насилия. Положение вне политического пространства есть один из модусов одиночества. К ним относятся уединение философа, изоляция учёного и художника, беспристрастность историка и судьи, независимость свидетеля и репортёра. Все они обнаруживают факты. Каждый из модусов одиночества включает верность делу и исключает вовлеченность в политику. Только когда мы делаем один из них своим образом жизни, он может прийти в противоречие с требованиями политического.

Неполитическая и антиполитическая природа истины «Да свершится справедливость, если даже мир погибнет» начинает осознаваться только в ситуации конфликта. Но надо учитывать также роль независимого суда и университетов. В этих публичных учреждениях истина и правдивость всегда оставались высшим мерилом. Судебная власть тщательно охраняется от общественной и политической власти, а высшим учебным учреждениям государство вверяет воспитание своих будущих граждан[11]. Крайне неудобные истины рождались и рождаются в университетах, и крайне неудобные приговоры выносятся судами. Суд и университет — это островки истины, им по-прежнему грозят все опасности, исходящие от общественной и политической власти. И все-таки существование и самоорганизация независимых и незаинтересованных учёных увеличивают шансы истины восторжествовать в публичной сфере. В конституционно управляемых странах осознали, что политическое пространство заинтересовано в существовании людей и учреждений, над которыми у него нет власти.

Сегодня на первый план вышли узкопрофессиональные училища, а развитие естественно-научных подразделений принесло плоды, оказавшиеся жизненно важными для страны. Общественную и технологическую пользу университетов невозможно отрицать, но она не имеет отношения к политике. В политическом отношении важнее исторические науки и гуманитарные дисциплины, призванные находить, охранять и толковать истину факта, и оставленные людьми документальные источники. Рассказывать истину факта означает не только давать ежедневные новости. Работа журналистов имеет непосредственное политическое значение. Но чтобы пресса стала «четвёртой ветвью власти», её надо защищать от государственной власти ещё тщательнее, чем от неё защищают суд. Ибо функция предоставления информации осуществляется извне политического пространства.

Все рассказчики истины должны учитывать связь трагедии с творчеством. Примером для Ханны Арендт служит жизнь и творчество Исак Динесен. Политическая функция рассказчика (историка, судьи, учёного, журналиста, романиста) — учить принимать вещи такими, какими они есть. Это принятие означает правдивость, на основе которой возникает

[11] Академия была основана Платоном — самым решительным и влиятельным противником полиса. Но его мечта не осуществилась: Академия не стала противовесом обществу, и нигде не слышно ни о каких попытках университетов захватить власть. Случилось то, о чем Платон не мечтал: пришло осознание, что не только правосудие нуждается в беспристрастности, но и политическая сфера нуждается в учреждении, не затрагиваемом властной борьбой; ибо независимо от того, находятся эти высшие образовательные учреждения в частных руках или в государственных, не только их целостность, но и само их существование зависят от доброй воли правительства.

способность суждения: говоря словами Исак Динесен, «в конце мы получим привилегию рассмотреть и пересмотреть его — именно это и называется судным днём».

Все эти функции выполняются извне политического пространства. Они требуют невовлеченности, беспристрастности, свободы от корыстных интересов в мысли и суждении. Незаинтересованный поиск истины начинается с Гомера. Он решил воспеть деяния троянцев наряду с деяниями ахейцев и вознести не меньшую хвалу Гектору, врагу и побеждённому, чем Ахиллу, герою собственного народа. «Такого прежде не случалось нигде; ни одной, сколь угодно блистательной цивилизации не удавалось взглянуть одним и тем же взором на друга и врага, на успех и поражение, — которые со времён Гомера не признаются решающими мерилами для того, чтобы судить о людях, хотя имеют решающее значение для людских судеб. Гомеровская беспристрастность эхом звучит через всю греческую историю; она вдохновила первого великого рассказчика истины факта, ставшего отцом истории: Геродот в первых предложениях своих историй говорит нам, что его намерение в том, чтобы «великие и удивления достойные деяния как эллинов, *так и* варваров не оказались незаслуженно в безвестности». В этом корень всей так называемой объективности — в любопытном, неведомом за пределами западной цивилизации рвении любой ценой добиться интеллектуальной честности. Без него никогда не возникло бы науки» [Арендт 2014: 388].

Итак, Ханна Арендт рассматривает политику с внеполитической позиций. Она отвергает понимание политики как поля битвы конфликтующих интересов и пристрастий типа удовольствия, выгоды, предубеждений и страсти к господству. Она не согласна с определением политики как сферы публичных дел, власти, интереса и необходимости. Именно указанные понимания и определения способствуют тому, что истина факта до сих пор сталкиваются с политикой. По мнению Ханны Арендт, настоящее содержание политической жизни заключается в радости общения — пребывания в компании равных, совместных действиях и появлениях на публике. Величие и достоинство политики состоит в коллективном творчестве, когда с помощью слов и дел включаются в дела мира, приобретая и поддерживая свою личную идентичность и начиная нечто совершенно новое. Но даже так понятая политика не заключает в себе всё существование человека и мира. Истина кладёт пределы политике: «В понятийном отношении истиной можно назвать то, чего мы не можем изменить; в метафорическом отношении истина — это земля, на которой мы стоим, и небо, распростёршееся над нами» [Арендт 2014: 389].

Выводы

Таким образом, для создания интеллектуального противовеса надо учитывать систему критериев для описания и оценки социальных и политических процессов XX века, которая разработана Ханной Арендт. Данная система базируется базируется на основоположениях: природа политики — отрицание или извращение любых истин; свобода мнения является фарсом, если не даётся адекватная информация о фактах, а сами факты остаются предметом спора; право каждого поколения писать собственную историю не даёт права прикасаться к фактическому материалу; групповые, общественные и государственные интересы противостоят истине. В целях укрепления истины Ханна Арендт ставит проблему создания интеллектуального противовеса власти. Для разработки этого противовеса она бросила на весы несокрушимую логику и убедительные аргументы.

Принуждающая сила истины противостоит политической власти. Неудобные факты обладают упрямством, которое можно унять только ложью. Истина факта требует безоговорочного признания и исключает дискуссию. Но в большинстве случаев люди руководствуются слепым упрямством, недостаточным воображением и неспособностью судить. Качество

мнения и суждения зависит от меры его беспристрастности. Для установления фактов обычно используются источники, в которых всегда можно подозревать подлог. Большинство свидетелей могут стать лжесвидетелями.

Философская истина касается единичного человека и потому по своей природе неполитическая. Но её воплощение в жизнь зависит от того, предпочитает ли большинство людей радости свободной компании удовольствиям господства. Научение примером есть единственный способ, каким философская истина может «убеждать», не подвергаясь искажению или передергиванию. Но в XX веке исчезла возможность сделать философскую истину значимой в политике.

Ложь — вековечный враг истины. Ложь образует форму *действия.* Размывание границы между истиной факта и мнением — форма действия лжи. Философская истина никогда не должна претендовать на господствующее мнение. Беспристрастность, честность и независимость в изложении фактов невозможны без противоборства с интересами и пристрастиями группы властвующих в любой стране. Существует родство между политикой как способностью изменять мир и способностью лгать. Отсюда вытекает противоречие между профессиональным историком и профессиональным политиком: первый не может преодолеть искушение попасться в ловушку необходимости и отвергнуть свободу действия; второй не может преодолеть искушение переоценить возможности свободы и примириться с лживым отрицанием или искажением фактов.

Организованная ложь — внутреннее свойство политики, поскольку она претендует на преобразование мира. Правдивость никогда не была политической добродетелью, но стремление к истине может стать первостепенным политическим фактором там, где общество вступило на путь организованной тотальной лжи.

В XX веке в СССР и нацистской Германии возник феномен массовой манипуляции фактами и мнениями. Он проявляется в переписывании истории, создании имиджей и фикций и реальной государственной политике. Развивается противоречие между традиционной и современной политической ложью. Все неправды содержат насильственную составляющую; организованная ложь всегда стремится уничтожить то, что решено отрицать. Тоталитарные правительства сознательно используют ложь как шаг на пути к убийству. Разница между традиционной и современной ложью состоит в различии между скрыванием и уничтожением.

Современная манипуляция фактами — это нанесение необратимого ущерба действительности. Государство культивирует мышление в стиле *raison d'etat*, которое прежде встречалось лишь в области иностранных дел и в ситуациях прямой и несомненной угрозы. Такова основа государственной пропаганды. В итоге паутина обмана стала всеобщей. Современное искусство самообмана приводит к тому, что международный или межгрупповой конфликт бумерангом возвращается на сцену внутренней политики. Промывка мозгов приводит к тому, что люди совершенно отказываются верить в истинность чего бы то ни было. Последовательная и тотальная подмена истины факта ложью уничтожает чувство и категорию лжи/истины, посредством которых люди ориентируются в реальном мире. Ощущение всеобщей зыбкости — феномен и следствие тоталитарного правления. Власть и созданная ею пропаганда — главная угроза миру фактов. Власть — крайне ненадёжное средство для достижения постоянства.

Истина безвластна и всегда проигрывает в поединке с властью; истина обладает собственной силой, поскольку власти не в состоянии изобрести ей замену; уговоры и насилие могут разрушить, но не могут заменить истину. Посмотреть на политику с позиций истины означает занять положение рассказчика истины вне политического пространства. Положение вне политического пространства есть один из модусов одиночества, к которым относятся уединение философа, изоляция учёного и художника, беспристрастность историка и судьи,

независимость свидетеля и репортёра. Все они обнаруживают факты. Деятельность по регистрации фактов осуществляется в публичных учреждениях — судах и университетах как островах истины в море тотальной лжи. Но существованию этих учреждений по-прежнему грозят все опасности, исходящие от общественной и политической власти.

Стало быть, идеи Ханны Арендт требуют всестороннего обдумывания и применения ко всем сферам внешней и внутренней политики всех обществ и государств. Особенно они применимы к описанию политической истории России на основе опыта людей, переживших эту историю и сохранивших ясность ума, несмотря ни на какие обстоятельства. Ещё более важно использовать эти идеи для систематизации и оценки современных событий в отношениях России с сопредельными странами. Здесь мы попадаем в сферу спорных фактов и мнений, которые можно систематизировать в соответствии со всеми параметрами, сформулированными великой женщиной-философом. По отношению к данным параметрам все реальные фигуры политики и государственной власти являются лишь бездарными статистами. Ханна Арендт начала составлять их список, поместив в него Ленина, Сталина, Гитлера, де Голля и Аденауэра. Приглашаю читателей дать предложения по другим кандидатам в этот список.

Арендт Х. 2014. *Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли*. Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. — М.: Изд-во Института Гайдара.

Макаренко В.П. 2015. Уроки Ханны Арендт: внеконтекстуальные проблемы системы организованной лжи (статья 1) — П*олитическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 1.

Проблема проработки имперско-советского прошлого

КРИЗИСНЫЙ РИТМ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: К КУЛЬТУРНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМУ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ

В.П. Булдаков
Институт российской истории РАН

Аннотация: *Автор объясняет, почему в России преобладал и преобладает кризисный, а не эволюционный тип развития. На протяжении многих веков истории главной задачей российской государственности было овладение «необъятными» пространствами. В ходе постепенного охвата управлением обширных территорий с разреженным населением происходила неуклонная централизация власти, инерция которой сохраняется до настоящего времени. В конечном счёте, власть попыталась сосредоточить в своих руках не только управление производством и собственностью, но и умами подданных. Такая система управления сама по себе приобретала кризисный характер. Наиболее заметны системные кризисы XVII, начала и конца XX в. При всем своём внешнем несходстве они содержат одни и те же взаимодействующие компоненты: моральный, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, рекреационный. При этом на всех стадиях преобладает не рациональная, а эмоциональная мотивация того или иного выбора. В результате системных кризисов всякий раз происходит возрождение традиционного российского авторитаризма, идейно опирающегося на патерналистские иллюзии низов. Такая историческая ситуация исключает заинтересованность государства в развитии модернизационных потенций населения. Вопреки провозглашаемым популистским лозунгам, государство заинтересовано преимущественно в собственном самосовершенствовании ради более эффективного извлечения и монополизации прибавочного продукта.*

Ключевые слова: *Россия, империя, традиции, модернизация, патернализм, идеология, политика, насилие, цикличность, кризисы, революции, социальные движения, стагнация, культура.*

Представление о кризисном ритме российской истории, вроде бы, окончательно закрепилось в современном обществоведении. Однако причины кризисов, а равно их результаты, трактуются по-разному. И это не удивительно. «Пытаясь оценить и объяснить катастрофические события европейской истории последних десятилетий, современные исследователи чувствуют обветшалость и бессилие традиционных средств», — заметил в своей время К.-

Г. Юнг [Юнг 1994: 39]. Похоже, эта тенденция упрочилась. Современному человеку сложно жить с сознанием зыбкости своего существования — отсюда своего рода эсхатологическая паника, периодически охватывающая даже просвещённых людей, а равно и желание исследователей уклониться от бесстрастного проникновения в природу катастрофических явлений.

В современной России заметна и человеческая «обида» на недавние революции, не увенчавшиеся желаемым результатом. При этом заблуждения прошлого перерастают в мифы, отравляющие память поколений, а утопии кризисных времён обретают наукообразные формы, парализующие исследовательскую мысль. Впрочем, так было всегда. Социальные катастрофы раскалывают историческую память, порождая вспышки ожесточённых дискуссий о неподвластном прошлом.

В свое время 90-летие Октябрьской революции вызвало не только поразительную разноголосицу эмоционально перенасыщенных мнений [ср.: Пивоваров 2007; Фроянов 2007; Громыко 2007 и др.], но и вопиющую беспомощность профессиональных обществоведов, явно не способных связать это событие с естественным ходом российской и мировой истории [Никифоров 2007]. Тематика революции стала малоприятным свидетельством когнитивной уязвимости всего современного обществоведения.

В значительной степени непонимание природы российских кризисов связано с тем, что они рассматривались исключительно в «прогрессистской» (формационно-поступательной) парадигме. Идея цикличности истории в СССР не имела права на существование. Большинству авторов даже не приходило в голову, что социализм сыграл в массовом сознании роль бесплодной утопии, так и не получив адекватного социально-экономического воплощения. С другой стороны, непреходящая болезнь российской историографии по-прежнему связана с презентизмом — отрывом от исторических реалий под влиянием той или иной эфемерной доктрины современности.

Неприятие самого факта революции (смуты, системного кризиса) связано с ощущением недостижимости стабильного развития России. Трудно согласиться с тем, что «славное» имперское прошлое было *закономерно* перечёркнуто «неведомыми» силами. Несмотря на появление ряда работ, доказывающих, что кризисность является «нормой» российской истории, внимание читающей публики привлекают работы конспирологического пошиба. Ну а основная масса исследователей избегает независимой постановки вопроса о причинах революции, довольствуясь устарелыми теориями [Шепелева 2005].

Наплывы смутного времени, периодически лихорадящие течение времени, имеют сугубо человеческое происхождение. В 1932 г. К.-Г. Юнг писал, что следует выделять в социальных катастрофах «проявления психического начала», доходящие до «психических эпидемий». Увы, в своем большинстве современные «аналитики» шарахаются от попыток поиска истоков социальных кризисов в исторических надрывах человеческой психики. Конечно, думать, что в «*любой момент* (выделено мной. — В.Б.) несколько миллионов человеческих существ могут оказаться охвачены новым безумием» [Юнг 1994: 242], житейски непрактично. Но теоретически нельзя отрицать, что феномен кризисности связан с непредсказуемостью острых культурно-антропологических реакций на «вызовы времени».

Вряд ли надо объяснять, что утрата сложноорганизованной системой своих исторически востребованных качеств воспринимается как непосредственная угроза человеческому существованию. И здесь на первый план выходят видовые признаки «настоящей» власти: ее харизматическое наполнение, связанное с личностью правителя; сакральный характер господства последнего, поддерживаемого «высшими» силами; нравственное санкционирование низами любых, включая репрессивные, действий верхов; концентрация военной мощи, призванной усмирить любого внешнего и внутреннего врага. В целом ясно сформулированная и символически представленная картина единства духовных и управленческих интенций

власти должна соответствовать историческому опыту и ожиданиям масс, а экономическая мощь государства естественно направляться на поддержку низов в экстремальных обстоятельствах (неурожай, голод, эпидемии, пожары и т. п.). В любом случае власть обязана обладать «человеческими» (а не чисто бюрократическими) навыками управления: не допускать появления и разрастания в подконтрольном социальном пространстве маргинальных слоёв и, особенно, диссипативных элементов; уметь по-третейски поддерживать сложившийся баланс социальных иерархий и нейтрализовать излишне пассионарных их представителей; конструктивно взаимодействовать с самоуправленческими начинаниями низов. Со своей стороны правящие элиты должны демонстрировать идеологическую сплочённость, блокирующую действия антисистемной оппозиции, и, вместе с тем, и внутреннюю солидарность, обеспечивающую поддержку инновационных начинаний. Система, испытывающая дефицит этих качеств, «выдыхается». В результате утраты своего солидаристкого психоэмоционального наполнения она начнёт превращаться в беспомощное ригидное сооружение — своего рода исторический памятник самой себе.

Можно сказать, что российская власть строилась по «непогрешимому» народному сценарию (так называемой домашней модели). Эта традиционалистская конструкция отнюдь не предполагает тотальной поднадзорности социального пространства. Власть контролирует только ту его часть, которая грозит уязвимости системы в целом. При этом самостоятельность отдельных сегментов социальной структуры вовсе не предполагает утраты устойчивости ее как целого. Такая высшая — в традиционалистском ее понимании — власть в принципе *не могла считаться дурной*, хотя в лихие времена под воздействием панического мировосприятия она могла предстать *ложной*, то есть не соответствующей своему естественному предназначению. Таков примордиалистский стержень любого (лишенного гарантий внутренней стабильности) господства — «власть, которую оспаривают и противоречиво интерпретируют, уже не есть власть» [Московичи 1998: 287]. Народ периодически бунтует не против власти как таковой (или ее устарелости ее типа), а против *искажения* ее желанной сути «чуждыми» и «инородными» элементами, против покушений на ее изначальное *естество*. Духом именно такого протеста проникнута, кстати говоря, книга В.И. Ленина «Государство и революция» — величайший разрушитель вольно или невольно «подбирал» в ней оптимальную («естественную») форму грядущей государственности.

В связи с этим первостепенным оказывается вопрос: где зарождаются и по каким углам прячутся бациллы революционаризма, способные взорвать систему в «день Х»? Вероятно, в сложноорганизованном (имперском) социальном пространстве они рассеяны повсеместно, хотя наиболее опасны те из них, которые могут вызвать «экстремальный рост малых возмущений», то есть резонировать с источниками массового социального напряжения. Проблему осмысления кризисов в России, таким образом, можно свести к задаче распознания «слабых мест» социэтальной конструкции.

Сила и устойчивость (соответственно и конфигурация) любой власти связана не с интенсивностью насилия и не с его театральными суррогатами, а со степенью (тотальностью) овладения пространством [Королев 1997]. Имеется в виду не только собственно пространство (территория), но также пространство населения (социализованная популяция). Только при организации их в *информационно-временную* целостность (иерархию социальных энергий, ценностей и смыслов) возникает поддающееся устойчивому («внятному») управлению *пространство власти*. Сбои в ее функционировании чреваты разрастанием *пространства хаоса*.

1. От расползания территорий к пространству власти

Россия никогда не была устоявшейся территориальной данностью — она существовала как постоянное (причём аритмичное) пространственное расширение (В.О. Ключевский). И дело не просто в том, что юго-восточные границы империи не были точно установлены ни в начале XX в., ни даже в его конце. Россия складывалась скорее как расплывчатый этно-пространственный *образ*, а не «сухопутная» империя, планомерно подчиняющая своему культурному диктату окружающее пространство. Россия была пространством непредсказуемости — в связи с этим византийский опыт правления вряд ли имел здесь серьёзное значение. Призвание варягов, вероятно, было связано с потребность во ***внешнем*** управлении в связи с ненадёжностью автохтонных саморегулятивных механизмов. Последнее могло быть связано с ощущением ненадёжности существования в силу непредсказуемости вторжения ***внешних*** сил, будь то природные катаклизмы (голод, неурожай и т. п.) или войны и набеги (угрозы со стороны Степи). Разумеется, можно интерпретировать «призвание» как обычное завоевание (аналогичное европейским победам норманнов), однако и здесь возникала проблема выбора: признание господства одних внешних сил ради избавления от опасности со стороны других. Так или иначе, власть в России изначально оказалась ***внешней*** силой, призванной восполнить слабости естественной саморегуляции. Однако снизу она воспринималась (и воспринимается) как некое патерналистское благо, спущенное свыше.

В том же управленческом (а не просто завоевательном) контексте следует оценивать пресловутое монгольское «иго». Кочевники убивали и разрушали, но они же, в конечном счёте, поставили преграду натиску с Запада и укрепили систему ***внешнего*** управления, которое при этом приобрело новый — имперски-консолидационный — смысл. Как ни парадоксально, действительное собирание «русских» земель началось с утверждения системы наместничества, опирающегося на баскаков. Это, ко всему, был новый шаг по пути формирования служилого сословия в России. Конструктивный фактор монгольского начала российской государственности, по-видимому, останется «неоцененным» (или недооцененным) исследователями — мешает привычно негативная оценка 240-летнего «чужеродного» ига (хотя известны слова Владимира Соловьева о русском государстве, «зачатом варягами и оплодотворённом татарами [Соловьев 1989: 298–299]). Между тем, вряд ли подлежит сомнению, что без создания «русского улуса» вся восточно-европейская равнина осталась бы балканизированным (а отнюдь не «централизованным») этно-государственным пространством. И дело не только в чисто силовом начале, которое вслед за норманнами привнесли монголы. Для древнерусской государственности сложнейшую проблему составлял сбор дани [Милов 1998: 557] — решить ее смогли, как ни парадоксально, «дикие» завоеватели-кочевники через своих баскаков. Со временем именно на этой основе сформировался институт кормлений — некая архаичная форма правления, для последующей коррекции которой была призвана имперская бюрократия.

С другой стороны, восточноевропейская равнина представляла собой настолько слабо заселённое пространство, что всякая государственность приобретала здесь номинальный характер без необходимого транспортно-информационного обеспечения. Монголы решили и эту проблему, создав ямскую службу — технологически революционную для своего времени. Так была заложена основа *маршрутному* овладению пространством, оказавшему, в свою очередь, решающее влияние на «приказной» стиль и характер управления. В этих условиях всякое заимствование внешних (не только западных) технологий давало «обратный» социальный эффект: под покровом внешней инновационности реанимировались архаичные и грубые формы эксплуатации [Милов 1998: 564].

Можно сказать, что византийско-православная государственность обрела неадекватную ей монгольско-*кочевническую* систему управления. Со временем место баскака занял немец-бюрократ. Понятно, что в подобные метаморфозы российского управления верить не никому хочется — протестуют иллюзии патернализма. Снизу «злая» власть казалась явлением преходящим.

Существовал ещё один малозаметный парадокс. В силу необъятности пространств Россия на протяжении многих веков располагала минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта [Милов 1998: 417] (даже если бы его удалось произвести, превратить его в общенародное достояние было бы невозможно) — и это вопреки тому, что государственность необъятной державы должна была располагать очень значительными «свободными» средствами. А между тем неосвоенное обилие порождало в народе устойчивое представление о его *богоданности* — природный достаток смешивался с необъятными возможностями власти. На деле государство не умело распорядится даже тем, чем оно вроде бы обладало (до использования природного обилия россиянин додумывался только в критических обстоятельствах — не случайно за основательное изучение природных богатств взялись благодаря В.И. Вернадскому только в годы Первой мировой войны). В таких условиях обычные природно-демографические катаклизмы приобретали системно угрожающий характер. В силу этого власть стремилась совместить пространство территории с пространством населения в форме крепостничества. Но это был далеко не тот процесс, какой имел место на Западе с его «классическим» феодализмом или Востоке с его азиатским способом производства.

Отношения власти-подчинения в России строились не столько по принципу верхинизы, а как особая сословно-территориальная форма овладения пространством. Символично, что присоединение Сибири начали «сухопутные пираты» — казаки, имевшие обыкновение награбивши прибегать под царскую длань. Ее завоевание Сибири началось *вопреки* приказам Ивана IV, понимавшего, что пространство державы следовало *ограничить*, дабы не подвергать угрозе нестабильности в результате бесконтрольного расширения. Получалось, что разбойный и гулящий люд способствовал сомнительному преумножению богатств короны. С другой стороны, охлократия, приобретая сословно-служилое качество, становилась фактором геополитики. В любом случае необъятные пространства становились в России фактором нестабильности. Исследователи отмечают, что, в отличие от «модернизирующей» в целом колонизации американского Дикого Запада, «освоение» Сибири оборачивалась архаизацией жизненного уклада мигрантов.

Обилие неосвоенных пространств при низкой плотности населения породило ещё одну особенность. «Наши пространства… хранят в своих недрах богатейшие сокровища, отказаться от стражи которых равносильно исторической измене; они включают в свои пределы важнейшие политико-стратегические позиции, требующие серьёзной военной силы, хотя бы для того, чтобы не быть втянутыми в войну…, — считал видный военный теоретик начала XX в. А.А. Свечин. — Первый шаг к победе должен лежать в сознании того, что наша грудь открыта для удара, что враг не спит…» [Свечин 2000: 100]. Перманентное ощущение опасности, несомненно, порождало чрезмерно нервозное отношение не только к внешнему миру, но и к собственной власти, как гаранта стабильности.

2. Вера, империя, застой

В пространстве большого исторического времени есть смысл выделять лишь два реальных субъекта человеческого бытия — информационное пространство, соединяющее людей с Богом, и плотская энергетика, заставляющая их отчаянно и бесконечно враждовать друг с

другом. По большому счёту примирить эти два начала может только свободное творчество, но на практике обуздывает их вера — наиболее естественная конвенциональная сила.

Патернализм всегда многолик. Для своей убедительности он постоянно мимикрирует. В результате возникают всевозможные идейные симулякры. Символично, что в годы, предшествовавшие падению самодержавия, упорно именовал Николая II «папой» Григорий Распутин.

Если смысл Российской империи состоял в освоении, культивировании и сохранении необъятного пространства, то всякий человек, усомнившийся в ее способности к этому, невольно становился на путь ее разрушения. При этом взаимоотношения империи с конфессиями своеобразны: онтологические потребности человека используется властью для *собственной* сакрализации. Но когда процесс утраты веры в империю — единственного, что способно ее по-настоящему сцементировать, — становился необратимым, рушатся все прочие сакральные основания человеческого бытия. Наступает время новых культов.

В отличие от Запада с его «избыточным» социально-энергетическим наполнением (одно из следствий — религиозные и крестьянские войны) в России власть вынуждена была иметь дело с «неуловимой» социальной энергетикой, наполняющей «неопознанные» пространства. Теоретически в таких условиях возможно несколько вариантов их конфессионального насыщения: пантеистский «хаос»; мозаика изолированных верований; иерархия гетерогенных культов; утверждение единобожия с помощью центральной власти.

Как ни странно, в России власть всегда пыталась управлять обществом не с помощью «общей» веры, а своего рода иерархии конфессий. С «единой» верой в России дело обстояло вовсе не так просто, как это излагают православные иерархи. Кивать на наследие Византии следует с большой осторожностью. Не стоит также связывать российскую революционность с христианской эсхатологией и мессианством, что делалось неоднократно [Яковенко 2002: 138], — во всяком случае, до тех пор, пока это не будет подтверждено на эмпирическом уровне. Исследователи отмечают необычайная живучесть языческого менталитета, считается, что в русском крестьянине поселился христианин, но сохранился и язычник [Levin 1993: 100]. При этом синкретизм крестьянского мировосприятия вовсе не исключал своего рода духовного бунтарства [Clay 1997; Engelstein 1996; Engelstein 1998] — некоторые авторы (А.С. Ахиезер) видят в этом непреходящую форму раскола. Но почему не исходить из того, что веру вовсе не заимствовали и не взращивали на огородах собственных душ? Возможно, вера в России — это ни самобытная религия, ни этатизированный *fusion*, а, как и прежде, бродильное сусло сакральных поверий, вольно или невольно вливаемое в государственное русло. В условиях бездорожья безграничных пространств создаётся впечатление, что единственно верный путь может быть указан только сверху — именно поэтому вера во власть становится психоментальной доминантой неупорядоченных верований. Если Россию представить как «страну пути», то ей будет соответствовать и «блуждающая» (кочевническая) вера.

Конечно, идея империи стара и изменчива как мир. Империя — это «большая» культура, ее историческая судьба, сопряжённая с культурой. Удивляться такому взгляду на продукт «огня и железа» не стоит. По большому счёту культура — это «совокупность энергий» (П. Флоренский). Обычно империя начинается с агрессии «порядка», а кончается «цивилизацией потребления». Российская культура остаётся многослойной. В русском быте находили «разнородные» заимствования — «варяжский, византийский, славянский, татарский, финский, польский, московский, „санкт-петербургский“ и прочая» [Флоровский 1998: 101]. Конечно, при желании сходное генеалогическое древо можно подобрать для любой «большой» культуры. Все дело в том, как былые заимствования по-своему структурируются и в теле империи, и в историческом сознании ее народов.

В любом случае жизнеспособность империи зависит от энергетики ее этнического ядра империи — этого праистока имперства. Как только оно утратит силу, варвары непременно используют «камни» разрушившегося здания для строительства собственной империи.

Примечательно и символично то, что в начале XX в. имперская власть отчаянно ухватилась за веру: череда сомнительных канонизаций призвана была укрепить *её* позиции, а отнюдь не веры и не церкви. Эффект оказался соответствующим: демонстративная набожность оказала подрывное воздействие на систему [Freeze 1996]. Сказалось и то, что сакрализующие маневры власти происходили в условиях отказа от восстановления патриаршества, которое действительно могло способствовать поднятию веры. В любом случае иерархическое соотношение властного и божественного пошатнулось.

Любая вера сопряжена с определёнными представлениями о свободе человеческого выбора. Устремлённость к свободе столь же имманентна человеческой природе, как и тенденция к тотальной организации своего пространственного общежития. Конечно, их соотношение в рамках различных культур понимается по-разному, однако устремлённость к житейски приемлемому идеалу является всеобщей. Россиянину не нужна была *свобода для*, более того, в силу особенностей своего хозяйствования он не понимал такого содержания свободы. Он мог понять только *свободу от* необходимости, давление которой было весьма велико в силу вынужденного (со временем) общинного существования.

В принципе, если бесконечность и вечность — «естественное» пространство империи — становятся «координатами» существования державы, последняя сама становится верой [Исаев 2007: 19–20]. Конечно, представления о Святой Руси — не что иное, как утопическая попытка выдать желаемое за действительное. Все намного проще: народное сознание органично принимает образ Господа небесного потому, что он, и только он, способен властвовать и над обычаем, и над традицией. Его продолжением является вера в сверхпатерналистскую *власть*, которая тем более естественна, чем более основательно человек запутался в паутине им же созданных (или заимствованных) символов. Теоретически такая вера способна подчинить себе добро и зло, уравновесить в человеческих душах отчаяние и надежду. Но оборотной стороны подобной веры является то, что всякое неизбежное сомнение в известных условиях может дойти доходящее до нигилистского глумления и над Богом, и над властью. Кстати, именно поэтому богохульство объявлялось страшнейшим преступлением в дореволюционной России. В советское время эта же тенденция проявилась в форме несоразмерного, казалось бы, преследования инакомыслия.

Принято считать, что революция — это социальное производное от утопии, связанное с ослаблением официальной веры. В России положение было сложнее — утопии постоянно «сопровождали» официальную веру. В то время как утопии образованных верхов обычно связаны с «рациональным» преодолением прошлого, утопии служилых классов — на поддержание существующего порядка, утопии традиционных слоёв, напротив, — на ушедший «золотой век». Предпринятая самодержавием череда канонизаций святых дала обратный эффект: она не только обидела нехристианские меньшинства и разочаровало секуляризованные элиты, но и спровоцировала волну негативизма в массовой политике [Freeze 1996: 350]. И это при том, что в переходный период своей истории (со второй половины XIX в.) масса населения фактически была лишена достойных идеологов [Леонтьева 2002]. Так возникало пространство психоментального хаоса, составлявшего суть российских смут.

Трудно сказать, был ли марксизм органически чужд России или, напротив, это была прогрессистски востребованная «вера пути». Но для новой власти он стал подручным средством, с помощью которого через посредство части *интеллигенции* можно было навязать народу мегаутопию «великих свершений». Как ни странно, даже практика сталинизма воспри-

нимается в дискурсе «модернизационных» изменений [Павлюченков 2008: 460]. Отсюда оксюморон — «консервативная модернизация» [Вишневский 1998; Фурсов 2012].

Ленин писал, что Россия «выстрадала марксизм». Трудно поверить, что выстраданная религия «освобождения от страдания» может стать конструктивной и *направляющей* верой. Но в России всякое историческое движение совершается по преимуществу именно за счёт иллюзий и утопий, а не практического расчёта. Не стоит думать, что это врождённый «антимодернизаторский» недостаток: по большому счёту мы по-прежнему не можем понять, что такое прогресс и соответствуют ли наши текущие представления о нем онтологической природе человека.

На этом фоне особенно симптоматично смотрится попытка привить патерналистской системе принципы ЕГЭ. Что это если не попытка окончательно подавить инновационный потенциал нового поколения? И кто придумал этот способ самоубийства России? Между прочим, кризисы могут рассматриваться как стихийная попытка преодоления подобных бюрократических нелепостей.

3. Власть и временщики

Несомненно, отношение к власти в России в значительной степени связано с представлениями о катастрофичности бытия. В России риск таких природных бедствий как наводнения, землетрясения, эпидемии, всегда был относительно невелик, однако пожары, засухи, неурожаи — то, что наиболее угрожает непосредственным результатам труда — напротив, весьма распространены. Отсюда ощущение «неустойчивости» бытия и, как противовес, чрезмерные надежды на «устойчивость» власти. Между тем, верхам было крайне трудно обрести равновесие: развитие государственных структур, государственного хозяйства и «государственной машины» разрывалось между задачей оптимизации объёма совокупного прибавочного продукта и военными потребностями государства [Милов: 565]. Разумеется, подобное противоречие сказывается на работе всякой государственной машины — даже той, которая изначально настроена на внешнюю экспансию. Однако, для России вопрос об обеспечении народа продовольствием порой становился особенно болезненным.

С другой стороны, низовое представление о власти и ее носителях формировалось в условиях крайне низкого уровня социализации — в связи с этим всякие заметные шаги правителя могли произвести необычный эффект. Во-первых, спазматичность насилия сверху порождало бытовую уверенность низов в естественности череды «добрых» и «жестоких» правителей, противостоящую признанию «высшей» оправданности культурно дисциплинирующего насилия. Во-вторых, *общества* как такового *не было* — существовали лишь закрепощаемые сословия, не способные найти язык общения между собой *без* посредничества власти. В-третьих, такая власть казалась только либо «истинной», либо «ложной» — всякий намёк на ее «подмену» провоцировал самозванцев (фигура Гришки Отрепьева символична). Наконец, поскольку власть не обладала общественно признаваемым аппаратом принуждения, она периодически становилась заложницей негодного управления — тогда вместо ореола сакральности у нее замечали дьявольский хвост (история другого Гришки — Распутина не менее многозначительна). Таков естественный результат *псевдоморфности* властного начала в России. Человек перестаёт замечать, что живёт в условиях «неимманентного развития и навязанного государства» [Яковенко 2014: 182–184, 187–190].

Российских правителей до сих пор имплицитно разделяют также на «умных» и «дураков», связывая с ними свое «счастье» и «несчастье». На деле тем и другим под влиянием внешних обстоятельств приходилось использовать непривычную для низов «мимику власти» и совершать непонятные «догоняющие» рывки. Правитель в России — заложник не только

«большого пространства», но и большого исторического времени. С основной массой подданных он находится не только в разных культурных, но и временных измерениях.

Возможности православно-византийской конструкции власти, привыкшей прикрывать свои оперативно-управленческие слабости, щитом сакральности, весьма ограничены — в этом смысле судьба последнего российского императора — словно наследовавшего дух покорности судьбе от череды казненных басилевсов — весьма показательна. Трудно представить себе государство, которое попыталось бы выиграть войну без поддержки общественности. Тем не менее, в годы Первой мировой войны самодержавие надеялось обойти без ее организаций, рассчитывая на непосредственную поддержку народа. Результат известен (хотя его парадоксальность не вполне сознается): так называемые общественные организации взломали государственность, причём сделали это преимущественно на казённые деньги [Шевырин 2007].

Российский властитель — это, как ни парадоксально, временщик *sui generis* (отсюда сложность престолонаследия) и одновременно несменяемый «помазанник Божий». Такое противоречивое состояние закрепилось в ходе длительного репрессивного «совершенствования» российской власти. Создаётся впечатление, что глубокая православно-патерналисткая религиозность, как показывает пример Ивана IV, оборачиваться беспредельной убеждённостью власти в своем праве «казнить и миловать» под влияние монгольского опыта. На этом фоне сложно говорить о феодализме или капитализме в России. Известно, что большая часть средств к существованию феодала поступала через государственные каналы, крестьянин смотрел на него как на господина, насильственно завладевшего землёй, а не как на хозяина [Милов: 558–559], а потому инстинктивно чурался любых исходящих от него новаций. Российский капитализм также не мыслил своего существования без государственных поддержки. Такое «модернизаторство» развращает и власть, и народ — тем более, что по мере своего бюрократического усложнения власть меняет «доверительный» характер взаимоотношений с подданными на бездушно-приказной. Положение доводится до абсурда тем, что коррумпированное и продажное чиновничество ухитряется в соответствии с архаичным стереотипом разыгрывать роль благодетеля-кормильца [Кондратьева 2006: 68–69]. Вслед за тем ситуацию обостряет своего рода технократический (характерный не только для новейшего времени) соблазн. В известные времена идеология, словно растворяясь в технике, продуцирует технократический взгляд на весь мир, что болезненнее всего затрагивает управляемых [Юнгер 2002: 184–185]. В этом контексте примечательно, что родоначальник «социального инженеризма» А.К. Гастев в своей деятельности вдохновлялся тем, что в отличие от Запада Россия «ленива, или элементарно импульсивна, её население, в общем, даёт мало упорства, трудового упрямства» [Гастев 1921]. Иначе не могло и быть: не только затянувшееся крепостничество, но и появление между властью и народом «бездушного» чиновничьего «средостения», парализующее инициативу низов, порождали именно такое «застойное» состояние.

Всякие имперски-патерналистские структуры (за какой бы политической вывеской они не скрывались) начинают со временем работать только «на себя». Если единственно субъектной в них оказывается личность повелителя, который, однако, теряет возможность говорить с народом на понятном языке (ситуация Николая II характерный тому пример), то он вынужден делать вид, что выступает «от имени народа» в противовес чиновничеству. Такое удаётся далеко не всегда и не всем. «Трепещущая» от неуверенности в настоящем и неясности будущего власть оказывается тем более не в состоянии перевести на «общенародный» язык неизбежность тягот, связанных с геополитическими, модернизационными и прочими масштабными устремлениями.

Любая «сакральная» власть вовсе не безгранична и отнюдь не абсолютна. Всякий диктатор понимает, насколько он зависим от своего окружения, — даже над крайним деспотом

висит дамоклов меч тираномахии, всякого Цезаря поджидает свой Брут. В постсталинскую эпоху Берию казнили за «выход из доверия». Ещё более символичный пример соотношения произвола и «гласа народа» связан с Хрущевым. Этот правитель-самодур, раздаривавший территории и задним числом менявший законы, был устранён вполне нелегитимно (при всей советской размытости этого понятия), но зато при *всеобщем* одобрении. Одна из причин случившегося в том, что вместо *зрелища власти*, народ стал очевидцем персональной клоунады. Примечательно, что, вопреки распространённой версии, никакого заговора не было — Хрущев прекрасно знал, что его сместят. На почве «советской демократии» Хрущев вольно или невольно попытался воссоздать «безоговорочную» власть, которая стала саморазвиваться до достижения точки абсурда.

В России как действие по букве закона, так и игнорирование последнего для массы подданных не имеет никакого *правового* значения — важно *правое* (справедливое) или *неправое* наполнение деяния. Народ допускает возможность подзаконной импровизации со стороны правителя, соратники, со своей стороны, оставляют за ним известную свободу рук. Выходки Хрущева те и другие терпели бы до бесконечности, приноси они приемлемые результаты. Однако его действия превратились в демонстрацию нелепости фигуры правителя. Жульничество власти стало слишком заметным. Поэтому Хрущев был устранён неуловимыми «революционерами поневоле».

Впрочем, устойчивость власти в России все же связана не столько с деяниями и личностью правителя, сколько с качеством управленцев. Пресловутое закрепощение сословий было лишь элементом процесса создания мощного *служилого* слоя. Более того, можно говорить (и некоторые современные западные россиеведы так или иначе это делают), что исторической власти в России помогали выжить своего рода революции служилых классов. В принципе, они были столь же обычным явлением, как, к примеру, дворцовые перевороты в Китае, осуществляемые евнухами.

Власть всегда лишь *владела* Россией, *правили* же варяги, баскаки, опричники, думные дьяки, бюрократы-масоны, номенклатурщики… (теперь — *гос*олигархи и *бюро*коррупционеры). Характерно, что со времён «призвания варягов» управленцы представляли (или представлялись) этнически чуждым элементом — бироновщина и последующие волны «немецкого засилья» вовсе не были случайностью в российской истории, как неслучайны были периодические бунты против «чужаков». Власть постоянно использовала своего рода наёмников — естественной спайки с населением применительно к задачам управления не складывалось. Казалось бы, в этом нет ничего необычного. Спектр приёмов, с помощью которых императоры не допускали формирования вблизи тронов относительно независимых кланов, весьма широк — от евнухов в Китае до мамлюков на Востоке и швейцарских гвардейцев в Европе. Дело, однако, в том, что с развитием *mass media* такое явление начинает смотреться противоестественно. «Вневременная» российская власть подобную модернизацию законов управления улавливает с непростительным запозданием.

Примечательно, что в предреволюционной России взаимоотношения между крупным бизнесом и государством носили знакомый по нашим дням «порученческий» характер — правда, до раздачи губернаторских постов и назначения олигархов дело не доходило. Как бы то ни было, «единая» государственность была разделена на *власть–театр* и *власть–аппарат*. В прошлом их нестыковки порождали «революции управляющих», призванных более эффективно обслуживать все то же «вотчинно-гарнизонное» государство. Общества не было — для этого требуется слой независимых от власти людей. Ю.С. Пивоваров как-то заметил, что будущие фигуранты русской революции — власть и общество — принадлежали к единой субкультуре европеизированных Петром I верхов [Пивоваров: 41]. Это справедливо лишь наполовину: само «общество» существовало лишь постольку, поскольку составляло

часть декоративной европеизации. А дореволюционная «демократическая» многопартийность была лишь фиговым листком, прикрывающий срам разложения власти.

Политики со времён Наполеона пытались использовать в своих целях «энергию воспоминаний» [Дебор 2000: 66–67]. Но монархический расчёт на инерцию прошлого будил неподвластных им демонов истории, способных перевернуть действительность по совершенно неведомым, казалось бы, законам. В реальной жизни под покровом знакомых образов и привычных понятий скрываются как хорошо забытые, так и вовсе неведомые смыслы. Это усугубляется тем, что политики порой руководствуются настолько примитивными целями и устремлениями, что человек толпы просто не решается в это поверить. Легко согласиться, что политика — это точка жизни, наиболее удалённая от вечности и потому наиболее приближенная к дуракам. Но трудно вообразить в роли перманентно одурачиваемого самого себя. По мнению Ю.М. Лотмана, система подобная российской, провоцировала к воплощению в жизнь заведомо неосуществимого идеала, что привлекало максималистские слои общества поэзией построения «новой земли и нового неба» [Лотман 1992: 258]. В общем, российская власть выстраивалась под людей беспомощных в силу своего аксиологического *легковерия*.

Если в пореформенное время стало формироваться некое реальное подобие общества, то в советские (и нынешние) времена *видимость общества* имитировалась «общественниками», назначаемыми власти из «полезных» государству и «популярных» у населения людей (будь это мать-героиня или эстрадный певец). Коммунистическую власть отличала вездесущая идеократичность, нынешняя власть уникальна своей «виртуальностью». Но та и другая является властью *без общества*. Именно потому правителям приходится столь отчаянно цепляться за свое кресло: свалишься — тут же затопчут. Существование настоящего общества для современной власти опасно. Поэтому всякая попытка общественной самодеятельности легко находит свое логическое завершение на тюремной параше.

В России до бесконечности повторяется одно и то же: власть жаждет стабильности и потому вольно или невольно организует застой. А в стоячем болоте непременно появятся и бациллы разложения, выдаваемые за «нечистую силу».

Характерно, что и нынешняя власть пытается идеологизироваться и даже указывать на аксиологические ориентиры. Это не просто декларации и декорации, это — непременные спутники ее выживания. Однако лучшей подпоркой всякой патерналистской власти был и остаётся образ врага. Характерно при этом, что в истории России «внутренний враг» то и дело представал силой более коварной и опасной, чем враг внешний.

У нас стыдливо замалчивается тот несомненный факт, что внутренняя психопатология российского бытия то и дело оборачивается наплывами общественной паранойи. Без них не обходился ни один системный кризис. «Виной» всему — «долготерпение» народа. Оно тоже взрывоопасно.

4. Империя и ее подданные

Империя остаётся таким же неписаным правилом всемирной истории, как силовое наполнение человеческого общежития. И того и другого обычно стараются не замечать в силу стремления всякого обывателя к правовой защищенности. Но, конечно, отношение к империи было и остаётся глубоко амбивалентным.

В прошлом россияне могли бы прокормиться без власти, поддерживая производственно-потребительский (природно-экологический) баланс. Тем не менее, власть, точнее, ее образ упорно произрастал снизу — как гарант от превратностей природных и прочих катаклизмов. Как ни парадоксально, на первый взгляд, россиянин производил и воспроизводил собственную иллюзию власти. Настроенность крестьян на поддержание «природного»

производственно-потребительского баланса, заведомая неэффективность товарообмена в силу необъятности пространств, настроенность государства на поддержание внутриимперской стабильности привело к тому, что русские оказались невосприимчивы к западной модели меркантилизма (Ю. Крижанич). Сказывалась и надежда на защиту от внешних напастей (война, голод, набеги кочевников). Сыграла свою роль и патерналистско-пространственная онтология — потребность «царя в голове». Именно особая форма сакрализации власти порождала спонтанные (демонстративно-бунтарские) поведенческие реакции низов на ненадёжность и/или нестабильность власти в критических обстоятельствах.

В Древней Руси ограниченный размер совокупного прибавочного продукта общества делал нереальным создание сколько-нибудь сложной многоступенчатой феодальной иерархии в качестве ассоциации, направленной против производящего класса [Милов: 480]. Историческим эквивалентом этому стал путь консолидации верхов посредством обслуживания центральной власти.

Но крепостное право не просто навязывалось сверху. «…В условиях суровой природы с коротким земледельческим сезоном работ (вдвое меньше, чем в Западной Европе) весь быт, весь уклад жизни великорусского населения Европейской России носил чётко выраженный «мобилизационно-кризисный» характер» [Милов: 209, 379]. Поэтому крепостничество сыграло важную роль в коррекции ментальных последствий влияния природно-климатического фактора, который требовал громадных нервно-психологических затрат, порождавших не только «экстенсивный» и «импульсивный» тип трудолюбия, но и особого рода качества. В частности отсутствие чёткой взаимосвязи между мерой трудовых затрат и получаемого урожая не могло не выработать чувства своего рода бытийственного скепсиса и «покорности судьбе» [Милов: 430]. Последняя могла выразиться не иначе как в форме покорности государству — можно сказать, что российское население попросту не ведала о таких понятиях средневековой европейской морали, как честь и достоинство — необходимого компонента общественного самосознания. С другой стороны, защитные механизмы крестьянской общины были столь сильны, что преодолеть его можно было только с помощью крепостного права. Неизбежность существования общины, обусловленная ее производственно-социальными функциями, в конечном счёте, вызвала к жизни наиболее жестокие и грубые механизмы изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объёме [Милов: 481, 556]. Так формировалась система «закрепощения сословий», наложившая печать не только на социокультурный облик, но и систему «особых» российских ценностей.

Говоря об отношении российских подданных к власти, хотелось бы обратить внимание на этимологический аспект проблемы. Кажется, только в русском языке возможно словосочетание «жить в государстве» — не в обществе, не в стране, не в империи. Казалось, в государстве, то есть внутри аппарата, механизма, машины, невозможно жить даже чиновнику. Однако россияне ухитряются «жить в государстве», поскольку общества, в котором полагается жить, попросту не существовало. Происхождение революционной смуты может быть представлено совершенно элементарно: резкое психологическое отторжение от государства, в которой уже невозможно разглядеть образ «своего». Другое дело, что в такое состояние поколения «революционеров» трудно поверить, потому их потомками оно на позитивистском уровне не улавливается.

Понимание государственности невозможно без осознания той роли, которую играют во всех цивилизациях людские страхи. Строго говоря, природа человека такова, что он обречён бояться всего «чужого», а потому он, как существо, генетически лишённое инстинктивной программы поведения, непременно будет искать ему тот или иной социальный симулякр, компенсатор и/или онтологический образец, используя подручные средства — начиная от табу и тотема и кончая «истинной» верой и «универсалистской» государственностью. Строго

говоря, ничто так не помогает преодолеть страх перед неизвестным, как империя — ее внутренний патерналистский образ находит свое подкрепление в символике постоянный побед над врагами. «Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войне всех против всех» (Т. Гоббс).

Но российская власть вовсе не стремится заставить подданных просто трепетать от страха. Приёмов примитивных деспотов для нее мало. Она стремится привить *чувство вины* «несмышлёныша» перед «великими» замыслами. Отсюда феномен тотального доносительства — подданные «страхуют» себя от репрессивности власти, отдавая на заклание «чужого» [Королев 1996]. Подчас политика просто подменяется геополитикой, на которую всегда падок беспомощный данник власти. И здесь помогают вездесущие «враги». Так или иначе, империя создаёт внутреннее психическое напряжение или просто вырабатывает у своих подданных ощущение перманентного покушения на свое «величие». Без этого она, в сущности, не может существовать.

Имперско-патерналистские чувства не случайно всегда глубоко амбивалентны. Что такое государственный строй: «подражание самой прекрасной и наилучшей жизни» (Платон) или среда, порождающая «холодное чудовище» (Ф. Ницше)? Совершенно очевидно, что в связи с усложнением функций государства негативные представления о нем могут прогрессировать. Но до какого предела? «Государство есть мудрая организация для взаимной защиты личностей; если чрезмерно усовершенствовать его, то, в конце концов, личность будет им ослаблена и даже уничтожена — т. е. будет в корне разрушена первоначальная роль государства», — констатировал тот же Ницше. В наибольшей степени идея демонтажа ослабленных империй касалась малых, подвластных ей народов. Но они же готовы прославлять мощную империю, как залог собственной безопасности. Между тем, полицейско-бюрократическое государство словно специально создано для того, чтобы лишить человека подобных иллюзий, ибо оно живёт только в настоящем, административно обозримом будущем, исключая возможность качественного изменения существующего порядка.

Несомненно, империя остаётся правилом всемирной истории, ещё и потому, что преодоления страхов в ее лоне закрепляется определённой культурной парадигмой. В сущности, империя это, прежде всего культура, а уже затем подчинение себе более слабых (на данный момент) культур. Однако в России этот принцип был развит недостаточно: власть пребывала в состоянии перманентного культурогенеза, а периферийное культурное пространство оказывалось слишком отдаленным.

Нередко для объяснения природы власти в России используют (особенно к этому склонны бывшие представители номенклатуры) «домашнюю модель»: народ навязывает государственности те формы господства, которые апробированы им на бытовом уровне. Этот фактор, действительно, играл и играет значительную роль. Однако, согласно этой логике, в России должна была бы сложиться предельно устойчивая форма власти-подчинения. Куда более убедительной выглядит точка зрения, основывающаяся на внутреннем *противостоянии* «домашней модели» и «рациональной» (в конечно счёте бездушно-бюрократической) государственности. Именно на этой почве само государство, всякий раз перетягивая одеяло на себя, провоцирует взрывоопасное отчуждение народа от власти.

Строго говоря, подобное взаимодействие власти и народа является *всеобщим*. Другое дело, что в одном случае существующие политические институты не допускают разрастания конфликта, локализуя и переводя его в конструктивное русло, а в другом — напротив, обнажают и обостряют его. Вся современная российская политика может рассматриваться именно под этим последним углом зрения, то есть с точки зрения институциональной деструктивности власти. На эмоционально-психологическом уровне это выглядит как обоюдное лукавство

правителей и подданных, финалом которого становится моральное выжигание социального пространства. И не стоит обольщаться относительно особого упорства русского народа в поисках «высшей правды» бытия. За этим стоит не только и не столько жажда «нравственно-рационального» мироустройства, сколько желание подданных «своего» Левиафана снять с себя бремя ответственности за принятие решений [Филипова 2001: 183]. В общем «поиски правы» соответствует человеческой природе, но в патерналистских системах они могут принять характер консервативных самообольщений.

Россиянин действительно навязывал государству *свои* образы власти, государство притворялось, что воплощает их в жизнь. Отсюда снежный ком взаимной комплиментарности. Наиболее издевательскими над реалиями выглядят навязываемые властью представления об «особом коллективизме» россиянина — природного «общинника». На деле предреволюционный общинник — яростный антиколлективист уже потому, что общине (в прошлом свободному трудовому сообществу) были навязаны государственно-фискальные функции, с другой стороны, она оказалась перенасыщена «мироедским» насилием. Он коллективист лишь в той мере, в какой вынужден использовать общину для сопротивления государственности, а артель — для внеобщинной трудовой деятельности. Нормальный коллективизм существует лишь в обществе, а не создаётся по почину государства. Поэтому россиянин склонен бунтовать — «мироедов», чиновников и даже государства — *во имя воображаемой власти*. Во имя несбыточного идеала он готов отвергнуть все несовершенное. И это происходит с поразительной лёгкостью в силу того, что общества, как такового, в российской истории не было, как нет до сих пор. Государство «нарезало» социальное пространство в видах собственных мобилизационно-управленческих удобств, что превращало основные производительные страты в своего рода депрессивные социумы. Их могли соответственно стимулировать диссипативные элементы и вести за собой разрастающиеся маргинальные группы.

Но если известные институты в российском пространстве оказываются деструктивными, то что именно может играть конструктивную роль? «…Господство массы действенно лишь постольку, поскольку отдельный индивид поясняет ей чего она хочет, и выступает в своих действиях от ее имени» [Ясперс 1991: 333]. Если исходить из этого принципа, то для России пригодны те институты, которые моментально доносят волю народа до правителя, и с той же быстротой импульсы обратной связи преобразуются в государственные решения, причём вовсе не обязательно понятные низам. Таким образом, дело даже не в институтах, а в их психоментальном *наполнении* и способности к «магическим» реакциям на «волю народа». Россия не случайно столь легко расправилась с демократией, оказавшейся слишком неповоротливой. Строго говоря, демократия — это лишь идеал, который скрывает общественное сопротивление госмонополии на насилие, которое, в свою очередь, непрерывно стремиться концентрации. Хочется напомнить высказывание М. Волошина, относящееся к 1906 г.: «В демократии народ подчинён своей собственной воле, а это очень тяжёлый вид рабства». Это конкретное рабство очень хочется разменять на некое «идеальное» — практически безответственное — на деле *квази*рабское состояние. Внутри него и произрастает вера в «космическую» власть (или историю), которая рано или поздно обратит свои взоры на «безгрешный» народ, живущий на «святой» Руси. Это и составляет Русскую идею — по сути своей довольно примитивную нравственную метаполитизацию и неуёмную эстетизацию Власти.

«Она взошла к звёздам величеством своим, / Мы крепостью Ея от сопостат покрыты / И в бедствия волнах спешим к ней для защиты…» — такой представала М. Ломоносову Елизавета I. И это был не дежурный поэтический подхалимаж времён Сталина. Власть, вопреки своему хтоническому происхождению, должна была подняться «до звёзд».

Разумеется, от «чрезмерного» образа власти ее подданные попросту устают. И тогда ее начинают поносить — увы, поначалу для ее витализации, а позднее — в порядке восстанов-

ления «идеала». Если перепуганный подданный больной империи «теряет себя» вместе с ней, то обрести утраченное ему удастся, только повторив на своем уровне опыт былого самоутверждения империи. А он включает в себя и кровавое упоение местью по отношению к «чужим», и первобытное насыщение уравнительной справедливостью, и рабское смирение перед повелителем, устлавшего свой путь наверх трупами соратников.

«Огромная, превратившаяся в самодовлеющую силу, русская государственность боялась самодеятельности и активности русского народа, она слагала с русского человека бремя ответственности за судьбу России…, — считал Н. Бердяев. — Он должен, наконец, освободиться от власти пространств и сам овладеть пространствами… Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господином его» [Бердяев 1990: 62, 66]. Увы, подобные пожелания бесконечно запаздывали. Уже во времена Петра I Россия представляла собой сожительство целого ряда сообществ (и этносов) с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта, причём основным источников изъятия этого продукта был *русский* народ [Милов: 553]. Россия была изначально чревата революцией (смутой), ибо власть пыталась двигаться вперёд, самонадеянно сжигая за собой мосты народной поддержки. Она постоянно рисковала остаться один на один с хаосом «непонятливых» по причине этатистского идеализма людских душ.

5. Интеллигенты и их иллюзии

Интеллигенцию принято считать детищем (то ли законным, то ли побочным) Петра Великого. С не меньшим основанием ее можно считать и порождением эпохи Просвещения, занесённым в Россию в результате вольтерьянских «чудачеств» Екатерины II и наполеоновской эпопеи. Интеллигенция вовсе не оппонент всякой власти. Она оппонент «нерациональности» ее «аморальных» действий.

«Наше все» — Пушкин безусловно боготворил *имперскую* власть (в ее идеальном исполнении). Он же вылил немало едких чернил на «недостойных» правителей. В память народа он врезался, однако, как сочинитель сказок типа «О попе и работнике его Балде», а в сознание интеллигенции — как «свободы сеятель пустынный». Народ уважает рассудительное могущество, интеллигенция помимо обожествления рациональной силы (власти) всегда готова боготворить (жалеть) самое себя — этому и помог (и до сих пор помогает) Александр Сергеевич. При этом интеллигенции кажется, что применительно к вопросам «обустройства России» она существует *наедине* с властью (в этом был замечен и сам Пушкин).

Несомненно, одним из главных деструктивных факторов всей российской истории следует считать размытость граней между реальным, воображаемым и символичным. Он чрезвычайно усилился с появлением интеллигенции, с характерной для нее радикальной «логоцентричностью». Однако русская интеллигенция — это вовсе не западный буржуа, а нечто ему противоположное, вопреки тому, что и тот и другой устремлён к прогрессу. Человек, привыкший к «книжному» насилию, с куда большей лёгкостью согласиться на то, чтобы признать его не просто повивальной бабкой прогресса, а его непосредственным и необходимым «двигателем». Буржуа, скорее, прагматик, а интеллигент — (невольный) революционер. Более того, в сознании последнего насилие способно переместиться в «анастезирующую» карнавальную плоскость, где боль других и даже своя собственная перестаёт ощущаться. Отсюда и потребность в эстетизации хаоса, вызванного утопиями и подменой их упорядоченным насилием [Cramer 1993: 79–102]. Очевидно, что в ответ первозданная природа бытия начнёт мстить за забвение ее законов.

«Уникальные» российские интеллигенты — это самые заблудшие (из-за чрезмерно развитой склонности к рефлексии) овцы бесконечного (не только своего, но и мирового) пространства. Российская интеллигенция «случайный», а потому наиболее отчуждённый от реалий элемент российской социальной среды. Отсюда пресловутое «хождение в народ» — истероидная попытка воссоздания общественной ткани *вопреки* власти. Сходное происхождение имеет либеральная критика «бюрократической» государственности.

Интеллигенция живёт идеологией — этой вульгаризованной формой веры и знания (К. Юнгер). Этому не стоит удивляться: люди, живущие мечтой, непременно окажутся в плену подражания «чужим». Интеллигенция в России, если согласиться с Г. Федотовым (а это едва ли не единственное, в чем с ним стоит согласиться), всегда объединялась «идейностью своих задач и беспочвенностью своих идей». Впрочем, подражательность — это естественный двигатель прогресса, навязывающего определённые культурно-политические императивы всему миру. Известно, например, что английские либеральные представления о прошлом явно и подспудно, прямо и опосредовано осуществляли свой историко-идеологический диктат на протяжении нескольких столетий [Butterfield 1975].

Появление интеллигенции — это начальный этап становления *личности*, который в империи не может не быть болезненным. Личность не желает быть управляемой ни массой (разумеется, исключая случаи фашистоидных истерик), ни самодержцем. Указ о вольности дворянству породил не только Радищева и декабристов, но и эмигрантов-протестантов вроде Петра Долгорукова, оставившего ядовитейшее описание власти и ее холуёв. В адрес последних стоит заметить, что российская властная аура порождает не просто холуёв-исполнителей, а холуёв-романтиков, не просто идеологических наёмников, а помощников власти «по воле сердца». Характерно, что происходит это не сразу: российская интеллигенция начинала с игры в карты (по Ю. Лотману это универсальная форма борьбы с неизвестными факторами) и «говорильней» в клубах [Розенталь 2007:44].

Интеллигенция — это в известном смысле «праобщество», которое стремится стать собственно обществом. Но, будучи в действительности маргинальным *со*обществом, она повышенно эмоциональна, «обидчива» — вот почему она столь болезненно реагирует на все «деперсонализованные», «механические» (не согласованные с ней) решения и действия власти. Отсюда, с другой стороны, стремление интеллигенции идентифицировать себя с народом, доходящее до отчаянных попыток «хождения в народ». Ситуация *квази*патернализм — *псевдо*общество сама по себе не только взрывоопасна, но и труднопредсказуема — лавинообразный (революционный) рост «малых возмущений» может начаться в любой момент. При этом она обладает самопожирающим качеством: тот же Петр Долгоруков не просто обгадил людей своего же круга, но и, скорее всего, явился косвенным виновником гибели Пушкина. Все это более чем символично.

Русский интеллигент — это не столько человек эпохи Просвещения, не реальный модернизатор, а скорее пародия на него. Эпоху Просвещения порой называют эпохой всеобщего Ослепления [Макаренко 2013: 593–594], но в России до сих пор в это не могут поверить. Не удивительно, что сегодня в России умиляются Романовыми и ностальгически вздыхают о былом имперском величии, измеряемом длиной казённых железных дорог (второй в мире!).

Интеллигенция «вечна» пока нет общества. Как ни парадоксально, в России она периодически продлевала свое существование, осуществляя челночные движения в служилое сословие и обратно. До поры до времени (пока сильная власть способна их содержать) штатные идеологи служат не на страх, а на совесть. Когда же возникает известное состояние, именуемое «рыба гниёт с головы», они на крысиный манер перебегают в лоно интеллигенции (символично, что в советское время власть пыталась отождествить «интеллигенцию» и «служащих»). Политика в России — это настоящая «русская рулетка», подсунутая интеллигенции

самой историей. Не понимая этого, она упорно продолжает бесконечную игру, ни на секунду не задумываясь над тем, что рано или поздно раздастся самоубийственный выстрел.

Интеллигенцию в России поносили и поносят. Охотно участвуют в этом и сами — вечно кающиеся — интеллигенты. Но чем бы оставалась Россия без интеллигенции?

Несомненно, кризисы власти в России (в широком смысле кризисы веры во власть) имеют общеонтологическую природу: «…Человек… жаждет завершённости и потому отдаётся в объятия тоталитаризмов, которые являются искажением надежды» [Рикёр 2002: 518]. Соответственно культурно-антропологическому наполнению свободы выстраиваются и государственно-исторические системы тотальности. К этому остаётся только добавить, что человек периодически «убегает» от им же создаваемых тотальностей самыми различными способами, причём русский человек делает это не путём сопротивления власти, а бегства *от нее* самой. Но эта кризисность обычно оборачивается кризисами служилого сословия (назначенной государством «элиты») во имя более совершенной власти. Массовое насаждение поместной формы землевладения при Иване Грозном со временем подогрело политические амбиции казачьей прослойки общества — отсюда своего рода «гражданская война», известная как Смута. Вместе с тем важнейший результат Смуты — создание жёсткого механизма извлечения совокупного прибавочного продукта [Милов: 560]. И в этом смысле Октябрьская революция больше напоминает Смуту, нежели Великую французскую революцию. И этому не приходится удивляться. Революция — это ещё и реанимация архаичных смыслов. Исследователи отмечают, что Октябрьская революция реактуализировала лексику (включая церковнославянскую), восходящую к XV — XVII вв. [Успенский 1994: 187].

Увы, нынешняя интеллигенция идёт по тому же пути. Можно частично согласиться с утверждением, что «современный российский индивидуализм по своей природе не буржуазный, а варварский: он не сопрягается ни с трудовой этикой, ни с социальной ответственностью» [Пелипенко 2014: 217]. Конечно, это не «варварский» индивидуализм, а скорее индивидуализм анти-патерналистский, порождённый бегством от впавшего в маразм «барина».

В какой степени интеллигенция ответственна за российскую кризисность? Если последняя связана с восхождением к неведомому идеалу, то главный виновник — неуёмный мечтатель. Однако видовая особенность человека в том, что он не может существовать без мечты. В сущности, она и обеспечивает прогресс.

6. Когда прогремит гром?

Проблема поиска точки бифуркации, за которой удержание системы в равновесии становится невозможным, кажется интригующей. Между тем, это бесполезное занятие — все зависит от фактора непредсказуемости. Последний связан не просто с крайним обострением неверия во власть со стороны низов, а с неверием власти в самое себя, парализующем ее управленческие возможности.

В системном кризисе империи можно условно выделить уровни или стадии его протекания: этический, идеологический, политический, организационный, социальный, охлократический, рекреационный [Булдаков: 343]. Соответствующие им компоненты действуют на всех стадия его развития, но с различной интенсивностью. Это связано как с уровнем пассионарности тех или иных социумов, так и с тем, что механизм раскрутки и течения кризиса сопровождается характерными изменениями массового сознания и психологии. В любом случае преобладает не рациональная, а эмоциональная мотивация того или иного выбора.

6.1. Этический компонент кризиса наиболее трудноуловим социологически. Но не стоит преуменьшать его значения. Смута в умах и душах подданных невозможна без видимого грехопадения власти.

Предпосылки Смутного времени уместно искать в неистовствах Ивана Грозного. Ощущение, что династия выродилась [Столярова 2014: 6–11, 18–19] (превратилась в свою инфернальную противоположность), вероятно, могло оказать ошеломляющее воздействие на умы. Династический надлом мог быть воспринят как грядущее «воздаяние за грехи». Разумеется, для погружения в пучину хаоса этого было недостаточно, хотя несомненными знаками этического отторжения от системы становились возрождаемые средневековые образы «благородного разбойника», социального «отщепенца», «хищника» и «изгоя» [Лотман, Успенский 1982]. Героические черты может обрести даже горьковский босяк и «невинно» пострадавший уголовник.

Нравственные коллизии, предшествовавшие российским революционным взрывам начала XX в., в значительной степени были производным от столкновения глобальных этико-мыслительных парадигм — традиционно-патерналистских представлений о власти и идеологии Просвещения. На фоне рационалистичной декартовской струи в общественном сознании «отеческое правление» могло предстать синонимом иррационального застоя, противного естественному движению прогресса. Впрочем, для А.Н. Радищева самодержавие стало, в первую очередь, вместилищем вселенского греха и воплощением абсолютного зла для народа.

Моральную проповедь подхватила русская литература, подспудно усвоившая революционную эсхатологию. Началась подготовка бунтарей, взявшихся освобождать страну от любой скверны, причём одержимых жаждой справедливости экстремистов оправдывали либералы. В конечном счёте, сознание российского образованного слоя оказалось сконцентрировано на «моноидее»: для революционеров ее воплощение связывалось со справедливым и рациональным «народным» мироустройством, для либералов — ещё и с прозападными представительными институтами, для бюрократов — с «совершенной» манерой управления. Строго говоря, в исторической ретроспективе все это не столь оригинально — достаточно вспомнить о богомильских и анабаптистских проектах прошлого.

Впрочем, никакие утопии не пробили бы себе дорогу, не будь разложения *официальной* идеологии. Перед падением Романовых Русская православная церковь оказалась в состоянии ступора: часть ее иереев скомпрометировала себя связью с Распутиным, налицо было ее организационно-управленческое бессилие, священники- депутаты Государственной думы требовали реформ. В литературе даже высказывается мнение, что так называемая церковная революция «опередила» отречение своего главы — Николая II [Фриз 2015: 103–112]. «Погубленные таланты и развращение нравов могут разбудить в человеке палача», — предупреждал в свое время Ф.М. Достоевский.

В советское время этический компонент кризиса был связан преимущественно с крахом хрущевской авантюры построения коммунизма. В патерналистской системе эмоциональная реакция на невыполнение обещанного не могла не быть всеобъемлющей. А поскольку советская нравственность была замешана на служении коммунистической идее, громадную роль сыграло «разоблачение» так называемого сталинского террора. Не случайно появление квизи-Радищева — А.И. Солженицына, человека доктринёрского склада, призвавшего «жить не во лжи». Глубину разложения советского общества символизировало положение искусственно создаваемых «элит»: образованные люди были лишены возможности естественного самовыражения. Информационные связи стали работать на разрушение системы: дело дошло до того, что антисоветские анекдоты пересказывались генсекам. Верхи потеряли ориентацию: вместо внятной концепции общественного развития с уст последнего генсека слетали стереотипные заклинания о «социалистических ценностях» и «идеалах Октября», вызывавшие всеобщую аллергию.

Подобная ситуация в патерналистской системе может повторяться до бесконечности. Власть вольно или невольно обрубает корневую систему, ее питающую.

6.2. Идеологическая составляющая кризиса связана с оформлением альтернативы существующей форме правления — путь скорее умозрительной, нежели реальной.

Иногда зарождение «конституционной альтернативы» связывают с посланиями А. Курбского Ивану Грозному. На деле никакой альтернативы Курбский не предлагал, а лишь клеймил царя, который, якобы «дьяволом послан на род христианский» [Переписка… 1981: 119, 121]. Между тем, свои жестокости царь считал делом естественными: «Даже во времена благочестивейших царей можно встретить много случаев жесточайших наказаний», — полагал царь, — так они спасали свои царства «от всяческой смуты и отразили злодеяния и умыслы злобесных людей». А, в общем, имея власть от Бога, русские государи «ни перед кем не отчитывались, но вольны были жаловать и казнить своих подданных, а не судились с ними не перед кем…» [Переписка… 1981: 128, 129, 144]. Вполне аналогичная ситуация возникла в СССР с той лишь разницей, что на месте Бога оказался идол «самого совершенного общественного строя».

С точки зрения тогдашних российских представлений о власти Грозный был прав. Тем не менее, риторика Курбского со временем должна была взять верх — протестанты в эпоху общественных нестроений размножаются в геометрической прогрессии, тогда как деспоты единичны по определению.

Семена последующего кризиса идеологии были заложены ещё во времена Петра. «Люди, командированные правительством для усвоения надобных ему знаний, привозили с собой образ мыслей, совсем ему не нужный и даже опасный… — писал по этому поводу В.О. Ключевский. — …Против правительства, борющегося со своей страной, стал просвещённый на правительственный кошт патриот, не верящий ни в силу просвещения, ни в будущее своего отечества» [Ключевский: 316]. Это, в сущности, так было создано первое поколение интеллигентов. Строго говоря, само столь демонстративное подновление фасада империи было чревато растущим противоречием между ожидаемым и действительным ***внутри*** ее тела.

В конце XIX и, особенно, в XX веке идеологическая составляющая в жизни всех народов приобрела качество былых религиозных «эпидемий». В том время, как идеология Просвещения опиралась на становление *творческой* личности, колоссальный рост народонаселения и урбанизация привели к повсеместному возрождению стадных инстинктов. В сущности, именно этот фактор предопределил всю судьбу XX в. А.Л. Чижевский считал, что при определённых внутренних условиях общество становится беззащитным интеллектуальным вирусом, вызывающим инфекцию той или иной идеи, которая «приводит в движение огромные человеческие массы, помыкая ими» [Чижевский 1995: 352]. Но это вовсе не предполагает материализацию одного лишь «призрака коммунизма» — всякий вирус в новой среде претерпевает настолько сложные мутации, что подчас невозможно распознать его истинное лицо.

Характерно, что движение декабристов — ***за*** империю, а не против нее — менее чем за сто лет увенчалось оформлением партийно-политической системы, ставшей тотальным отрицанием самодержавия. В основе российских партий, чисто символически представлявших классы или сословия наборами соответствующих идей, лежала не политика, как таковая, а социально-нравственные максимы и/или утопии. Революционный взрыв это всего лишь соединение традиции и утопии на пике людского отчаяния — и ничего более. Подобные эмоции и обеспечивают и углубление системного кризиса до стадной архаизации социального пространства.

Несомненно, марксизм, как идеология, адресованная массам, носил в себе элементы и доисторических поверий, и мессианских надежд, и эсхатологически-хилиастических ожида-

ний. Безусловно, он соответствовал структуре перевозбуждённого синкретического сознания. Но поставить магическое на службу бюрократии вряд ли возможно. Тем не менее, откат от мифического социализма носил характер новой волны доктринального неистовства — бывают времена, когда, по словам Умберто Эко, даже «глубоко знающие люди, с тончайшим интеллектом», с лёгкостью отдаются «ночным химерам».

Более примечательно, что новейшие доктринёры не оставили традиционно российских упований на власть: не случайно их заведомо ложным символом стал Петр I — неуёмный недоросль, поднявший Россию на дыбы отнюдь не ради западнической демократии (Д.С. Мережковский то ли в шутку, то ли всерьёз назвал его первым русским интеллигентом). Как бы то ни было, по вневременной шкале интеллигентских оценок петровские метания и бесчинства оказывается нельзя назвать иначе, как реформами [Стародубовская, Мау 2001]. Ностальгия подменяет идеологию [Макаренко: 623–624]. Очевидно, что в действительности нормальным реформам должно предшествовать их широкое обсуждение в обществе. Между тем, в России до сих пор преобладало именно этатистское понимание реформ. Люди, придерживающиеся столь странных установок, должны либо переродиться, либо сойти со сцены.

6.3. Политическая составляющая кризиса в минимальной степени отвечает классическим понятиям *политии*. Применительно к Смутному времени ее проще назвать боярскими «разборками». В 1917 г. политика странным образом синхронизировалась с поэзией [Булдаков 2013: 367–393]. И если нынешняя политическая ситуация напоминает картину тех времён, то это не случайно.

Российская политика связана исключительно с сопротивлением слабеющей власти, которое крайне поздно приобрело организационное оформление. Скорее это ритористичная и ригористичная «*прото*политика». «У нас выработалась низшая форма государства, вотчина, — писал в свое время В.О. Ключевский. — Это собственно не форма, а суррогат государства» [Ключевский 1968: 377]. С критики *такого* государства и начинали, причём политическая культура образованного меньшинства резко отличалась от этатистских представлений низов. Ситуация сохранилась до нашего времени.

По большому счёту, российская политика — это производное от слабости авторитарных начал. Она не случайно напоминает о себе в предреволюционное время активизацией молодого поколения. По сути дела это бунт «детей» против «отцов» за делёж власти. Чисто внешне это может походить на борьбу за парламентскую систему.

Партийно-политическая система 1905–1917 гг. стала не средством диалога народа и власти, а орудием нагнетания управленческого хаоса. В ее рамках даже неумеренное верноподданничество (в лице пресловутых черносотенцев) усугубляло положение власти. А поскольку со временем хаос предстояло обуздать тем же революционерам, для Сталина главным пугалом стал не Милюков, а Троцкий. Да и сам «вождь народов» был вовсе не «консервативным революционером» [Mayer 2000: 116], а ограниченным отщепенцем, которому русская смута предоставила шанс сыграть сперва роль «благородного разбойника», затем — «многомудрого патриарха».

Примечательно, что такого рода многопартийность упорно отвергалась традиционной российской политической культурой. В свою очередь в среде «прогрессивной части» номенклатуры оказывалось немало скрытых полудиссидентов, легко менявшей ориентиры в соответствии с «велениями времени». В любом случае уместнее говорить о так называемых циркуляциях внутри служилого класса (а не собственно элит) — такова визитная карточка всех русских смут. При этом слишком многое зависело от стихии людских эмоций.

«Людей, замышляющих общественный переворот, следует разделять на таких, которые хотят достигнуть этим чего-либо для себя, и на таких, которые имеют при этом в виду своих детей и внуков, — писал в свое время Ф. Ницше. — Последние опаснее всего: ибо им прису-

ща вера и спокойная совесть бескорыстных людей». Революционные «бессребреники» пока пребывали в спячке. Возможно, именно по этой причине «испуг неожиданности» породил у них поистине безграничные иллюзии, заставляющие в свою очередь потакать столь же нетерпеливым толпам.

Поистине роковое значение для судеб революции имело то, что все тогдашние политические элиты мыслили и, соответственно, пытались действовать в рамках прогрессистско-просветительской парадигмы. Всякая возможность попятных народных движений, воспринималась ими как «реакция», спровоцированная «тёмными силами». Подлинной природы происходящего они не могли понять.

Строго говоря, начиналась та специфически российская форма социальной революции, когда массы охотно впитывают заманчивые новые слова, полагая, что участвуют в некоем действе, в сакральном контексте которого любые их поступки становятся заведомо оправданными. Политикам же приходится делать вид, что именно они управляют событиями.

Поистине решающим событием 1917 г. стал «мятеж» генерала Корнилова. Совершенно очевидно, что он действовал в угоду укрепления власти, но результат оказался противоположным. Корниловское выступление оказалось одним из тех политически невнятных событий революции, которые подхлестнули народную стихию. Точно также переломным моментом революции 1917 г. стал так называемый мятеж ГКЧП — событие поразительно узнаваемое [Лозо 2011].

Как бы то ни было, вялотекущая революция 1991 г. произошла без революционеров, но зато при избытке квазиреволюционеров и псевдореволюционеров. Есть даже опыт классификации тех и других: «догматики», «любители», «реформаторы», «паяцы», «болтуны» [Тарасов 2005: 5–6]. Лично я не вижу особого смысла в таких дефинициях — и тех и других было в избытке и в годы застоя. Другое дело, что в наши дни почти не нашлось людей, готовых жертвовать жизнями за свои убеждения и заблуждения.

Нынешняя российская — легко управляемая — многопартийность превращается в средство имитации демократии. Конечно, в критические моменты истории настоящая демократия достойна самое себя лишь в связи со способностью к самоограничению: европейская политическая мысль — от Франсуа Гизо до Карла Шмитта — не случайно возвращалась к идее «демократического» единства правителей и управляемых. (Которая могла в лучшем случае обернуться авторитаризмом, в худшем — фашизмом!). Не столько давно кремлёвские эпигоны пытались ввести в оборот понятие «суверенной демократии», но она способна обеспечить лишь такую же управленческую «эффективность», как некогда «советская демократия». Если не хуже того.

Вообще термин суверенитет может служить одним из наглядных примеров того, какие метаморфозы происходят с иностранными заимствованиями на русской почве. Суверенитет буквально означает верховную власть, *независимую* от кого бы то ни было. В распадающемся СССР этот термин поначалу служил эвфемизмом, призванным декларировать *независимость от центра*, а со временем стал прикрывать *стремление центра быть независимым* в своих действиях от кого бы то ни было. Круг замкнулся — современная российская власть приблизилась к идеалам Ивана Грозного.

6.4. Организационный компонент кризиса связан с растущей неэффективностью, а затем и распадом управленческих структур, включая вновь возникающие. Империю можно представить как систему исторически функциональных иерархий, которые должны поддерживаться в состоянии динамического равновесия. В самодержавной империи это происходило не столько в результате их взаимной притирки и конвенционального сотрудничества, как с помощью управленческих импульсов, исходящими из центра. В известной степени власть получала сигналы-подсказки снизу — чаще в форме «слезниц» и доносов. В принципе импер-

ские иерархии культуры должны не механически подстраиваться друг под друга, а *сосуществовать* для решения общих задач — в целом это *устойчиво неравновесная система*.

По большому счёту нарушение равновесия было обусловлено тем, что быстрая и неупорядоченная модернизация наталкивалась не обыкновенное людское непонимание: Основная масса населения оказалась настроена на пассивное (поначалу) сопротивление любым изменением. Известно, что тяга к архаизации нарастает прямо пропорционально «непонятности» происходящего. Человек склонен сомневаться в справедливости любой «чрезмерной» упорядоченности [Яковенко: 59–69]; в начале XX в. и, особенно, в его конце люди начали остро страдать и от обилия законов, и от бытового (псевдо/капиталистического) «беззакония».

Кроме того, острота организационного кризиса оказалась связанной с непредсказуемыми внешними воздействиями (неумением реагировать на изменившиеся обстоятельства) и внутренними управленческими сбоями, порождёнными неумением реагировать на них. Все это вновь отразилось на людских эмоциях. Теперь люди усматривают в законе «не обдуманную необходимость, а не допускающую рассуждений угрозу» [Ключевский 2000: 331]. Организационный развал не случайно чреват территориальным распадом державы.

Конечно, наиболее причудливые параметры организационный кризис приобрел во времена Смуты — он перестал корректироваться Властью и Верой. Решающую роль сыграла неспособность правительства накормить народ во время голода. Поражает также обилие всевозможных самозванцев. Однако, приказной аппарат работал относительно независимо от них — он был более органично связан с местами, чем с правителями и претендентами на их место [Лисейцев 2009].

Как известно, к началу XIX в. Россия обладала уже совершенно иной — иноэтничной и космополитичной управленческой элитой. В принципе, масонствующие управленцы могли бы выстроить в России «регулярную» государственность, столь необходимую для преодоления пережитков удельно-приказной системы. Но это было возможно только при синхронизации управленческих инноваций с процессом формирования гражданского общества. Вот об этом последнем не задумывались, хотя феномен декабризма давал на этот счёт недвусмысленный намёк.

Как ни парадоксально, империя окончательно вступила на роковой путь, когда ее аппарат стал модернизироваться для более эффективного изымания податей с косного и малограмотного населения. Для любой власти нет ничего худшего, чем непонимание со стороны низов. «Эпоха империализма» требовала принципиально иного типа консолидации общества, нежели во времена Минина и Пожарского. Теперь культурные верхи стали казаться низам совершенно чужими, «немецкими», враждебными в своей основе.

Теоретически, ощущение всеобщей угрозы способно сплотить население в рамках общегражданских чувств. На деле, власть и народ все меньше понимали друг друга. В значительной степени это было связано с тем, что в России «прогресс» изначально приобрел анклавно-индустриалистский, «западнический» по духу характер. Не будучи подкреплён соответствующими подвижками в сознании масс, этот фактор мог резко дестабилизировать внутриимперский баланс в критических ситуациях. К этому стоит добавить, что та часть традиционных средних слоёв города (без которой, между прочим, невозможно смягчение превратностей капиталистического развития), была настолько патерналистски зависимой, что оказывалась неспособна внести в общественную мораль необходимую долю прагматизма. В любом случае «модернизирующие» элементы не только заштатных и уездных, но даже губернских городов тонули в мещанском болоте.

Примечательно, что в самом начале Первой мировой войны известный народнический автор А.В. Пешехонов предостерегал, что российская «государственная и общественная организация совершенно не приспособлена для выражения и реализация общей мысли, общего

чувства, общей воли» [Русское богатство 1914]. Он оказался прав: коммуникативные связи, деформированные полицейским патернализмом, работали не на формирование национального единства, а на взаимную подозрительность. Особенно заметно это сказалось на отношении к «внутреннему врагу» — «пособнику кайзера» в лице то этнических немцев, то большевиков. Российский патриотизм» оказался пронизан иррациональной ненавистью и всеобщими подозрениями

Казалось бы, военные возможности России определялись быстрым ростом индустриализма. На деле положение было сложнее. Буржуазия в России дробилась на купечество и собственно предпринимателей новой формации, соединения «капитала ума и капитала денег» не получалось. Протекционистские формы государственного индустриализма развращали и учёных, и предпринимателей. И хотя идея «американизации» предпринимательства получила распространение, у нее были серьёзные противники [Аньич: 107].

При этом важнейшую роль в падении самодержавия сыграл «межрегиональный конфликт», вызванный его неспособностью вовлечь земские и городские учреждения в органическое сотрудничество в условиях тотальной войны [Земский феномен… 2001: 197–198]. Он был подготовлен разделением сферы управления на военную и гражданскую. 17 октября 1914 г. министр внутренних дел Н.М. Маклаков заявил о пагубности разделения губерний на обычные и прифронтовые: «Два правительства — дом сумасшедших» [Совет министров… 1999: 85]. В конфликт «общества и власти» втянулись частные предприниматели, использовавшие аргументы либералов для нейтрализации обвинений в провале снабжения армии. Казалось, между действиями правительства и устремлениями народа возникла стена. Развал власти провоцировался и изнутри ее самой — отражением этого процесса стала пресловутая «министерская чехарда».

Объективно перед русской имперской культурой (учитывая тотальный характер войны) встала вполне практическая задача: победить в себе «русскую бабу» (Н.А. Бердяев). Практически это предполагало ориентацию на рационалистически-мобилизационный («немецкий») тип культуры. Однако, напротив, в русской мысли демонстративно обозначилось славянофильски-соборное начало, причём эмоциональная взвинченность порой придавала ему почти карикатурные формы. Как результат последовал настоящий *культурно*-организационный коллапс. Исследователи справедливо отмечают, что «межсистемное неустойчивое равновесие России начала XX в. разбилось о войну» [Дьячков, Протасов 1999: 66].

Современный организационный коллапс связан с крахом «распределительной экономики», чудовищно деформированной и отягощённой военно-промышленным комплексом. При этом советское государство было призвано удерживать общество в перманентно *мобилизационном* состоянии [Макаренко: 246]. Только так СССР мог существовать с «веком наравне». Однако со временем ни комбюрократия, ни ее подданные психологически не выдержали мобилизационного напряжения.

Сказывалось и растущее противоречие между доктринальным и реальным, проще говоря, — между обещанным и «выдаваемым». Распад СССР был подготовлен не действиями всевозможных сепаратистов, а неспособностью центра накормить регионы — в них стало складываться представление, что если бы он не изымал сельскохозяйственную продукцию, то они «жили бы при коммунизме». Именно это обусловило устойчивое развитие центробежных тенденций, которые на деле имеют мало общего с феноменом «колониальной неблагодарности». В основе феномена «внутреннего колониализма», в отличие от колониализма внешнего, лежит трудноуловимый фактор «доверия».

Последующее развитие организационного кризиса оказалось связано с неспособностью реформаторов (вновь, как и в 1860 – 70-е годы) учитывать реакции на свои преобразования [Леонтьева 200: 78–79]. Символично, что М.С. Горбачев, подобно Николаю II, превращался в

«жертву» им же введённого «сухого закона». Сами новейшие демократы признавали, что «отношение к народу, как к быдлу, сыграло роковую роль» в их падении [Старовойтова 1995]. Но основная причина неудач была заложена изнутри: «Советское воспитание и крестьянская ментальность не различала предпринимателя и халявщика» [Яковенко: 144]. На фоне «модернизационной» риторики в обществе преобладала «застойная» (при этом злая!) психология. Модернизация, помимо всего, требует роста общественного взаимодоверия. Напротив, тогдашние этноконсолидационные процессы, которые затем сменил «парад суверенитетов», явились реакцией на дегуманизацию социального пространства, исходящую *сверху*.

Конечно, трудно подсчитать, до какой степени чиновничья косность и цинизм, а равно и представления о том и другом, создают общественно деструктивный эффект. В начале XX в. по отзывам современников (безусловно преувеличенным) в верхах сконцентрировалась «вся гамма российских бездарностей, слабоумцев, истериков и разбойников» [Берберова 1983: 91–92]. К концу XX в. в обществе заговорили о принципе «негативной селекции», с помощью которой формируется правящий коммунистический слой. Управленческий кризис «развитого социализма» отражал неспособность комбюрократии и «красных директоров» обслуживать утопию иначе, как с помощью приписок, с одной стороны, под прессом внеэкономического принуждения — с другой. Это было закономерно: власть лишь распоряжалось собственностью, которая принадлежала… *никому*. Обращаться с советским «условным владением» приходилось «виртуально». Противоестественность такого положения рано или поздно должна была вылиться в глубокий — психологический, прежде всего, — кризис.

С другой стороны, советская экономика поддерживала свое существование за счёт неформально-распределительных связей региональных управленцев с центром. При этом усиливавшаяся «виртуальность» распределительной экономики развращала всех и вся. На ее почве складывалось сообщество «неформалов» — именно из их среды (а не из разгромленных диссидентов) составилась оппозиция времён Горбачева. Первоначально их деятельность ограничивалась организацией всевозможных клубов и «круглых столов», затем последовали митинги: только в феврале 1989 г. их было проведено свыше 2 тыс. [Журавлев 1994: 295–297, 315–316] — так в глазах общества происходила легитимизация новой элиты.

Организационно-управленческая нестабильность пронизывала все время президентства Ельцина. Тон задан был экономистами гайдаровской школы, доктринальная решительность которых напоминала о временах военного коммунизма. Но важнее отметить другое: стремление перевести нерентабельные отрасли народного хозяйства на режим самовыживания обернулось реанимацией моноэкспортной экономики [Breslauer 2001: 53]. А хозяйственная «однобокость» всегда уязвима — ситуация сравнима с ролью зернового производства в экономике царской России. С другой стороны, спекуляция советских времён выросла до банковского ростовщичества («рентабельность» здесь оказалась намного выше, чем в секторе реальной экономики [Болдырев 2003: 175]). В путинские времена эта тенденция, похоже, окончательно закрепилась. Возникает вопрос: какое хозяйственно-организационное будущее ожидает Россию при господстве монопольно-рентных и государственно-ростовщических форм извлечения прибыли?

Может показаться, что анализ развала империи можно ограничить ее организационно-экономическим аспектом. Это было бы возможно, если бы бациллы разложения порождались только управленческой средой. Но в том-то и дело, что этот процесс развивался и в иных сферах. Если во Франции Старый порядок определялся триадой «Юстиция, полиция, финансы», то российский государственный порядок начала XIX в. намеревался утвердиться, опираясь на «православие, самодержавие, народность».

Современные исследователи обычно избегают вопроса о моральном состоянии Русской православной церкви в эпоху кризисов. И здесь кризисные явления не ограничивались выро-

ждением синодальной системы управления. «Идеологи» режима — священники — подчас сами задавали тон общественному разврату [Булдаков 2014: 107–110]. Нечто подобное стало происходить и внутри «руководящей и направляющей силы» советского общества.

Всякая эффективная организация должна задавать тон общественной нравственности. В противном случае всякие «модернизационные» усилия рано или поздно обернутся организационным кризисом. Людские сообщества консолидируются не только и не столько насилием, как общими целями и ценностями.

6.5. Социальной составляющей кризиса была связана с попыткой переструктурирования системы снизу: отдельные социумы пытались выжить за счёт всех других. Каждый из них вёл «единственно справедливую» войну.

Маргинализация сословной структуры приняла поистине ужасающий характер во времена Смуты — тяглые люди «перебегали» в другие сословия, служилые убегали со службы, шло тотальное разложение социальной ткани. Но процесс не приобрел необратимого характера: модернизации хозяйства не производилось, подгонять распад социальной среды было некому.

Социальный кризис начала XX в., напротив, предполагал решительную перетряску верхов и низов. В 1917 г. в конфликт втянулись буквально все «трудящиеся» на основе ложной идентификации: служащие возомнили себя «пролетариями пера», порой даже полицейские отождествляли себя со всем народом [Леонов 2003: 136]. Социальные эксцессы психологически стимулировались ненавистью к «эксплуататорам-кровопийцам» — налицо был спонтанный вброс архаических представлений в «классовую» среду. В конечном счёте, это обернулось растаскиванием общественного богатства под видом экспроприации «чуждых» классов, «враждебных» этносов и отдельных лиц.

В сущности, все новейшие беды России связаны только с тем, что ее социокультурное распадение на «город» и «деревню» стало к началу XX в. болезненно заметным на бытовом уровне, а война усилила персональную остроту этого ощущения. Все формирующиеся гражданские, полугражданские и протогражданские общества оказались бессильны отвести катастрофу, хуже того, они приблизили ее. Галопирующая маргинализация (выпадение из без того разрушающихся сословных границ традиционных социумов) довершила дело. Теоретически можно предположить, что в результате общенародного подъёма, сопровождающегося встречными движениями со стороны власти, движение к гражданскому обществу — единственное, что могло обновить, то есть «спасти» империю, — могло стать необратимым. Однако, на деле, архаичная сословная структура России лишь пополнилась олигархическим компонентом и гигантской массой маргиналов.

Социальные страхи перед неведомым вызывали к жизни феномен этноконсолидации и этноизоляции. Это явление, разумеется, получило ложное — сепаратистское — истолкование. Так называемые национальные движения начала XX в. были связаны, главным образом, со сложностями социального выживания. Примечательно, что большевики, поддерживавшие «национально-освободительные» движения внутри империи до Октября и вне ее в последующее время, всячески отмежёвывались от «буржуазных националистов». Между тем, как отмечают современные авторы, «любой национальный конфликт развивается не только как некая последовательность развития событий, но и как столкновение их интерпретаций. То, что говорится, порой не менее убийственно, чем действия боевиков и погромщиков» [Абашин 2007: 73]. Прошлое никогда не уходит.

После роспуска Советского Союза неслучайно получили развитие сходные процессы — попытки селективной приватизации и производственного самоуправления (на манер фабзавкомов 1917 г.) скрывали стихию очередного передела собственности, которая сопровождалась всеобщей растащиловкой. При этом следует иметь в виду, что в советское время общество

фактически было деструктурировано в связи с ещё большим возобладанием пассивно-потребительских интенций над производительными. Как результат, самостоятельные хозяйствующие субъекты вымывались из социального пространства. Труженики города и деревни не желали, чтобы их дети были втянуты в промышленное, или, тем более, в сельскохозяйственное производство, а поголовно стремились направить их в сферу обслуживания или управления.

При этом социальный кризис носил более управляемый, нежели в прошлом, характер. Хотя рабочие, как и в 1917 г. поначалу выдвигали требования без трезвой оглядки на реальность, их движение оказалось куда более аполитичным. Говорить о том, что они распаляли себя образом классового врага, не приходится. В целом социальная составляющая кризиса оказалась довольно слабой, а итоги конфликтов неутешительными для трудящихся.

Примечательно, что основные производительные страты — рабочие и колхозники — в конце XX в. утратили свои былые статусные позиции. Напротив, социальный престиж работников сферы обслуживания неоправданно возрос. Произошла также катастрофическая девальвация образования. Что касается науки, то целые ее отрасли оказались попросту ненужными.

Конечно, люди воспитанные в категориях марксистской политэкономии будут искать «принципиальные» различия между кризисами в отношениях собственности. Но не стоит обманываться: в 1917 г. в условиях нехватки жизненно необходимого люди решили, что справедливость в ликвидации богатых; в 1991 г. в обстановке тотального дефицита они «дозрели» до довольно своеобразного понимания необходимости избавления от бедных — методом шокового их «лечения». Социальная справедливость, между тем, может быть построена на основе *труда*, а не *распределения* его продуктов государством. В значительной степени это оказало свое воздействие на идеологию национальных движений: стоит вспомнить рассуждения о «региональном хозрасчёте» перестроечных времён. Возможно, такие аналогии составляют самые главные уроки российской истории.

6.6. Охлократическую составляющую кризиса не следует отождествлять с анархией. Она связана с выдвижением на первый план маргинальных и диссипативных элементов, которые исходят из воинственно-захватнических установок. В этот период правят бал толпы, или соответствующие поведенческие стереотипы.

Толпы легко находят своих вождей. Имеются в виду не просто личности диссипативного склада (свободные радикалы), а феномене интеллигенции. Если слой образованных людей не находит применения своему естественному призванию к лидерству и управлению, то рано или поздно из него сложится антисистемное сообщество, руководствующееся постулатами, изначально противными оттолкнувшей их государственности. И поскольку подобный слой изначально отрицает язык патерналистской власти, то рано или поздно его доктринальные установки начнут резонировать с народными утопиями и предрассудками.

Всякое потрясение имперской системы — особенно неожиданное — меняет структуру и «дух» ее коммуникативных связей. Меняется и людская психология, причём отнюдь не в ожидаемом политическими деятелями смысле. Непредсказуемый переворот делает людей «другими», представив их друг другу с совершенно неожиданной стороны. Люди перестают адекватно реагировать друг на друга, соответственно, растут взаимные страхи.

Революционные массы не понимают «сложностей» переструктурирования системы, особенно, если инициативы реформаторства исходят от культурно чуждых элит по заведомо запоздалым или чуждым низам сценариям. Зато радикалы охотно пользуются плодами неудач новых верхов. В таких условиях толпы легко находят своих «настоящих» вождей среди тех, кто нацелен на «углубление революции». Для последних наступает поистине звёздный час восторженной популярности. В 1917 г. многие латентные этнофобы и боязливые ксенофобы, распаляя себя, старались придать своей ненависти некое классовое содержание. Такое вну-

треннее перерождение революции было неизбежно. Только соединив радикальную доктрину со старыми, как мир, племенными страстями можно было победить в гражданской войне — таков естественный источник революционного вождизма.

Охлократия проявляет себя в условиях, когда коллективная психика регрессирует до архаичных модальных отношений, а инфантильные эмоции доминируют на всех уровнях общественной организации [Гроф 1993: 420]. Особенно это заметно в точках бифуркации — вожаки охлоса, сами того не сознавая, задают и навязывают цели, установки и образ действия всему обществу (а затем и революционной власти). Поскольку охлократия практикует вызывающие формы самопрезентации, связь лидер-масса приобретает упрощённый «вождистский» характер. На этой основе возникает ощущение внутрисоциумной спайки, способной противостоять враждебному миру.

Во времена Смуты охлократия означала господства вооруженных разбойников, грабящих всех подряд. Порой атаманы претендовали на роль самозванцев; неудачливые претенденты на престол, напротив, опускались до роли предводителей банд. Поражает жестокость расправ, становящихся основным средством властеутверждения. Даже после воцарения Михаила Романова Москва страна оставалась в развалинах, «повсюду бродили шайки под названием казаков, грабили, сжигали жилища, убивали и мучили жителей» [Костомаров 1991: 2].

В 1917 г. охлократия означала господство толпы и самосудных расправ на улице параллельно слабым действиям официальных органов власти (согласно Э. Дюркгейму генезис «цивилизованного» наказания начинается с регламентации процедуры самосуда). Уже в Февральской революции обнаружилось, что «уличные революционеры» действуют независимо от партийно-политических деятелей. Революция в целом произошла совсем не в тех формах, на которые рассчитывали политики, и эта тенденция усиливалась. Начиная с 1918 г. целые регионы оказывались во власти «революционных» банд неопределённой (или перманентно изменчивой) идейно-политической ориентации.

Революция произошла под знаком нетерпимости к «чужим», которые, как подозревали, притаились на самом верху власти. Её эйфорическое «интернациональное» единство некоторое время удерживалось ненавистью к старому строю. Избавление от «главного» врага само по себе не могло разрядить накопившегося раздражения. Более того, в силу неясности перспектив развития событий и по мере новых социальных лишений пространство «враждебных сил» стало неуклонно расширяться. Несомненно, решающую роль в этом сыграло уплотнение информационного пространства (начавшаяся череда всевозможных съездов) и растущая охлотизация социальной среды (самоорганизационные потенции масс явно уступали деструктивным процессам). В этих условиях слухи о росте местных «сепаратизмов», а равно и неуверенность власти по отношению к ним сыграли поистине подстрекательскую роль: под подозрением толп оказывались буквально все инородцы. Восторжествовала примордиалистская схема взаимоотношений между людьми [Булдаков 2014: 11–22].

Наиболее вызывающий характер охлократия приобретает в области культуры. Некоторое время старая и новая культуры существуют параллельно, затем положение меняется. Охлос отождествляет свое былое — реальное или мнимое — с господством старой культурной матрицы. Поэтому толпы утверждают свое господство демонстративным поношением и разгромом старой культуры [Buldakov 2014: 25–52].

Охлос кардинально меняет систему зависимостей между информационным пространством и социальной энергетикой. При слабости последней охлократия может приобрести замещённый характер, воздействуя через СМИ. Не случайно, что в конце XX в. в них произошло вторжение «низких» и уличных жанров — всего того, что в 1917 г. творилось на площадях. Однако говорить о том, что обществу искусственно навязываются насильственно-оргаистические формы поведения, вряд ли вполне справедливо — *mass media* резонируют с

импульсами массового подсознания. Отсюда «попсовый» характер публичной политики, явственно обнаружившийся у Ельцина. Оказалось также, что средства донесения информации могут сделать «попсовость» единственным источником политического успеха — с этим связан феномен Жириновского. Оказалось, что в новейшее время охлос требует от лидера «балаганных» действий — эпатаж рождает весьма устойчивую *псевдо*харизму.

Этому способствуют и людские страхи — в 1990-е годы они многократно усиливались с помощью тех же *mass media*. Пик охлократических психозов пришелся на 1992 — 1993 гг., когда в условиях гиперинфляции, обнищания народа и пароксизме всеобщей подозрительности разнородные антиправительственные силы, казалось, составили реальную альтернативу существующей власти. Позднее развернулся процесс охлократического «проседания» культуры. В СМИ фактически легализовалась «культура дна» — этот феномен мог бы свести с ума самого Норберта Элиаса.

Но дело даже не в бесновании видимой части охлоса, а в тотальном откате культуры в прошлое. Между прочим, современные либералы справедливо отмечая модернизаторские шаги 1990-х годов (а они действительно были!) не учитывают ни силу нараставшего сопротивления им, ни противодействия *sui generis* охлоса всякому прогрессу [44]. Увы, наивный прогрессизм никак не может признать «глупый» традиционализм реальным фактором истории.

В условиях охлократии номинальная власть может лишь имитировать свое присутствие — иногда это помогает ей выжить. Однако и развал СССР, и уход Горбачева носили, в сущности, характер охлократического, а не «заговорщического», переворота. В любом случае охлократия провоцирует диктатуру, выставляя законную власть в роли усталого надоевшего клоуна.

6.7. Рекреационный компонент кризиса трудноуловим. Законы «самоорганизующегося хаоса» в социальной среде действуют неявно, ибо опираются на самое зыбкое в этом мире — смесь потаённых страхов, надежд и утопий. Именно их непредсказуемые комбинации способны заставить социальные силы, работавшие на разрушение системы, содействовать ее воссозданию. В значительной степени это обеспечивается взаимоуничтожением и/или энергетическим истощением диссипативных и пассионарных элементов. Сказывается и парадокс позиционирования — любой субъект изнутри определённой культуры невольно воспроизводит заложенные в ней стереотипы. Возможно рекреационный процесс стадиален. Сначала преобладает самоаннигиляция, затем начинается поглощение диссипантов самой системой. Так или иначе он управляется эмоциями: «для ума все в будущем, для сердца в прошлом» (А. Платонов).

В Смутное время историческая (но не династическая!) власть была спасена низами. В те времена вопроса об изменении системы правления не существовало. Примечательно, что в ходе утверждения самодержавия возникали всевозможные соборные представительные органы, которые затем сходили на нет — привычная система властвования воссоздавалась вкрадчиво. Но уже «тишайший» Алексей Михайлович внушал «не сыновнее чувство, не сознание законности, а более всего рабский страх…» [Костомаров 103].

Революционеры XX в. пребывали в уверенности, что создают не просто справедливое, но и качественно новое общество. Массы, потеряв идентификационную (сословную, конфессиональную и т. п.) защитную оболочку, начинают им верить. Впрочем, ими движет поначалу не столько утопия, сколько ненависть. Лишь по мере ее истощения активизируется психологический механизм «бегства от свободы» и традиция смирения перед властью. Итогом становится утверждение «деспотической демократии». Государственность, таким образом, возрождается с помощью «перебесившейся» традиции. Удивительную «выживаемость» большевизма невозможно понять, исходя из так называемых объективных показателей, ибо его кор-

ни лежат не в социологии, а в психологии. Большевики использовали психологию толпы, воодушевляемой не только ненавистью и местью, но и надеждой. Строго говоря, большевизм представлял именно ту разновидность «политики», которая состояла на службе у людских страстей. А они всегда изменчивы. Наиболее символично это произошло во времена НЭПа, само название которого — нелепость (большевики, не создавая ничего нового, просто перестали мешать «старой» экономике). Аналогичным образом ельцинская власть укрепилась, даровав людям «право на анархию» в обмен на лояльность режиму [Федотова 2000: 38–39].

В глазах обескураженных толп большевики выступали одновременно в роли воинов и жрецов. А это, так или иначе, рано или поздно начинало притягивать. Организация — это всегда деспотическая форма идеи (Константин Леонтьев). Именно это позволяет преодолеть хаос.

Рекреационный процесс получает преобладание тогда, когда «человек толпы» вновь соглашается на роль существа, ведомого государством — не важно, каким. Большевики облегчили ему выбор, предложив квазирелигию построения «социализма в одной стране». В конце XX в. «бегству от свободы» помогали некоторые публицисты, убеждавшие представить кризис величиной иллюзорной, для избавления от которой достаточно внедрить оптимистичный рефлексивный дискурс [Минченко 2002]. И хотя это напоминало практику изгнания дьявола, очевидно, что преодоление кризиса действительно необходим отказ от мазохистского самобичевания.

Конечно, рекреационный процесс корректируется и стимулируется стандартными приёмами самопрезентации власти. Исследователи отмечают, что в конце XX — начале XIX в. на региональном уровне имиджмейкеры стали создавать образы гиперактивных и вездесущих губернаторов, наделённых ко всему некими «чудодейственными» возможностями в решении личных проблем граждан [Малякин 2000: 18–119]. Этот способ оказался вполне эффективным.

В ходе описания российских кризисов встаёт «смущающий» вопрос: можно проводить аналогии, игнорируя «принципиальное» несходство переживаемых эпох?

Некоторые исследователи приходят к выводу, что синхронная историческая реконструкция функционирования власти в XVI, XVII и XX вв. способна выявить «реактуализацию некоторых элементов традиционного общества, которые обычно считаются поглощёнными последовательными волнами модернизации». Оказывается, этому лучше всего помогают традиции пресловутых кормлений [Кондратьева 2006: 156, 158] и «раздаточной экономики» [Бессонова 1997]. С этим трудно не согласиться. «Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными», — заметил некогда Н.В. Гоголь.

В разные исторические эпохи был «закинут» один и тот же бесправный, а потому «хитро-наивный» *Homo rossicus*. Он и сейчас не может разобраться, в каком историческом времени живёт. А потому о «несходстве эпох» лучше забыть — они относятся к числу обычных предрассудков новейшего времени, бесповоротно уверовавшего в собственную прогрессивность.

«Я сидел дома и по обыкновению не знал, что с собой делать. Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать» [Салтыков-Щедрин 1906: 611], — иронизировал в свое М.Е. Салтыков-Щедрин. Многое ли изменилось с тех пор? И кто примирит столкновение подобных «капризов», если не «отеческая» власть?

Рекреационный процесс не тождественен ни «возрождению», ни торжествующему «движению вперёд». К тому же он протекает поэтапно: не случайно после Смуты страна долго содрогалась от внутренних и внешних неурядиц, бунтов, войн, за которыми последовало крепостничество. Это означало не просто прикрепление производителя к владельцу, а пред-

полагало локализацию, а затем и специализацию производства в угоду государству. Наиболее дееспособная часть населения была лишена возможности освоения новых земель, овладения прибавочным продуктом и навыками рыночного производства. Вместе с бунтарством был подавлен творческий потенциал народа. Не приходится удивляться, что за «крепостнической демографией» последовали «оскудение центра» (истощение имперского ядра) и переселенческая политика (культурно-энтропийный процесс). Анализируя кризисы разных эпох, не стоит путать облегчение с избавлением — обычно получается, что хроническая болезнь оборачивается новым кризисом.

Нечто подобное произошло в советской России. Но здесь постреволюционная ситуация обострялась тем, что диспропорция между реальным, воображаемым и символичным, унаследованная элитами с петровских времён, поразила теперь «косные» низы. Слова расходились со смыслами, идеи превращались в магические заклинания. Вновь можно было ожидать «безумных» вывертов сознания не только от элит, но и масс.

Самообольщение утопией, якобы способной к самореализации в условиях «диктатуры пролетариата», возможно, представляло самый жуткий феномен новейшей человеческой истории, хотя его эсхатологические истоки хорошо различимы. Постреволюционное время всегда отмечено блужданием «коммуникативного разума» (Ю. Хабермас), пытающегося обрести некое «коллективное тело», наделённое «инстинктом истины» и призванное повергнуть «врага». Пролонгированность идентификационного процесса в России была обусловлена «неуловимостью» противника и/или многообразием «врагов». В конечном счете, с помощью идеологических подсказок сверху, накладывавшихся на совокупность поверхностных суждений и эмоций низов, стала формироваться эксплицитная иерархия «чужих», противостоящих «своей» власти. И поскольку «коммуникативный разум» формировался на крайне архаичной «магической» основе, новому правителю осталось лишь демонстративно занять «пустующий» трон.

Архаизованные социальные системы, возглавляемые «вождём», имеют определённые «модернизационные» преимущества: всякое практическое действие эксплицитно и имплицитно обретает статус стимулирующего коллективного ритуала. И такие практики завораживают. Но как только «общее дело» десакрализуется и обессмыслится в связи с аксиологическим истощением социального пространства и/или слабостью «направляющей руки», система становится беспомощной. Собственно, так и случилось: подтвердилась конфуцианская мудрость, гласящая, что когда слова теряют смысл, люди теряют свободу.

Нынешние рекреационные потенции социумов *вновь* стреножены государством [Пастухов 2012]. Время большого «хапка» прошло, власть возвращает «потерянное» в наиболее удобной ей государственно-олигархической форме, возводя всевозможные «потемкинские деревни». Ощущение уверенности в своей судьбе слабеет в связи с непредсказуемостью ее деяний, человек погружается в атмосферу перманентного ожидания неблагоприятных известий. И никакой официальный оптимизм не рассеет общественных страхов, которые всегда становились на пути прогресса.

7. Культурный антропологизм и историческая цикличность

О повторяемости событий «по свойству человеческой природы» было известно со времён Фукидида. В сущности, на этой основе строились не только прогнозы, но и пророчества, наиболее известные из которых связаны с именем Нострадамуса. Эпоха Модерна перечеркнула антропологическое измерение истории, отдав приоритет материальному прогрессу. Постмодерн с его разочарованием в идеалах Просвещения, напротив, готов поспешно уступить место идее цикличности.

Некогда империя считалась идеалом государственного устройства. Ее совершенство определялось гармоничным сочетанием трех развитых форм государственной власти: монархии, аристократии и демократии, соответственно представленных императором, Сенатом и народными собраниями. Считалось, что империя удерживает эти формы от стандартной формы разложения, когда монархия оборачивается тиранией, аристократия — олигархией, демократия — охлократией. Формально, современность довольно близка к античной модели (президент, элиты, электорат), но злоупотреблять сравнениями, особенно применительно к современной России, не стоит. Старые формы могут быть наполнены качественно новым культурно антропологическим содержанием, равно как новые оболочки могут скрывать господство традиционного начала. В частности, внешнее сходство позволяет автократичным системам дурачить современникам, скрывая свое истинное лицо за демократическим фасадом.

В сущности, исследователям модернизации стоило бы разобраться в одном единственном вопросе: что преобладает в человеческой природе — «ген модернизации» (потребность в творчестве) или «ген архаизации» (производное от страха перед неизвестным)? И, конечно, как они взаимодействуют в тех или иных исторических обстоятельствах? Вытекает отсюда и задача эпистемологического характера: способности человеческого разума к самообольщению и готовности его житейской «плоти» к самообману и самоудовлетворению.

Если желаемое недостижимо, то человек готов довольствоваться его имитацией. Верить в маячащий прогресс проще, нежели признать логику исторической неизбежности, вытекающую из нас самих. Было бы легко признать ущербность цикличного восприятия истории и современности, если бы построенные на этой основе прогнозы не реализовывались в современной российской истории с пугающей быстротой. Люди привыкли жить иллюзиями. Особенно трудно сохранять трезвый взгляд на жизнь на фоне великой утопии. Бывают времена, когда только она и помогает человеку сохранить надежду. Но жить одними иллюзиями невозможно. Поэтому выбора нет [Булдаков 2013]: либо человек научиться управлять своей судьбой, либо останется заложником всевозможных шарлатанов. Готовы мы сегодня к этому или нет, но иного пути самопознания, кроме переосмысления всей истории России не остаётся. Не стоит надеяться на лёгкое решение этой задачи.

Удивительно, насколько основательно запутались отечественные аналитики в происходящем в 1990-е гг. [Игрицкий 1998]. Но совсем не удивительно, что в 2000-е гг. общественное сознание стало неуклонно сползать в конспирологию.

Как и встарь, человек остаётся жертвой химер своего воображения. Человечество едино, но короткий людской век не позволяет мыслить подобающими этой простой истине категориями. Образы и понятия «отечество», «родина, «власть», «империя» слишком легко перетекают друг в друга, не говоря уже о том, что национализм всегда прячется под маской патриотизма — особенно в условиях господства «гнилой лояльности» по отношению к «своей» государственности. Напротив, насилие над «чужими» легко поддаётся «сакрализации», а деспоту и тирану «защитившему» от них свой народ, заранее уготовано место в пантеоне национальных героев. Не приходится напоминать о несметном количестве шарлатанов, паразитирующих на «единственно верном» истолковании природы этнической конфликтности.

Совершенно очевидно, что единственным противовесом кризисности социального пространства является гражданское общество. Однако в России его как не было, так и нет — в сущности, само это словосочетание в русском языке играет роль симулякра, призванного заполнить вакуум правосознания. На протяжении столетий государство само раскраивало социальное пространство себе на потребу; в кризисные времена все искусственно им созданное начинало рушиться, оборачиваясь войной всех против всех. Преодоление кризиса завершалось переформатированием социального пространства в угоду новой государственности.

Из этого следует, что Россия все ещё пребывает в состоянии кризисного движения в пространстве и времени. А исследователю остаётся только прикидывать, когда вновь «прогремит гром».

Абашин С. 2007. *Национализмы в Средней Азии. В поисках идентичности*. — СПб.

Ананьич Б.В. Российская буржуазия на пути к «культурному капитализму». — *Россия и Первая мировая война*.

Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. 2005. *История России: конец или новое начало*? — М.

Берберова Н.Н. 1983. Курсив мой. Автобиография. Т. 1. — New York. — С. 91–92.

Бердяев Н. 1990. О власти пространств над русской душой. —*Судьба России*. — М.

Бессонова О.Э. 1997. *Институты раздаточной экономики России: Ретроспективный анализ*. — Новосибирск.

Болдырев Ю.Ю. 2003. *О бочках мёда и ложках дёгтя*. — М.

Булдаков В.П. 2014. Пир во время чумы? Деморализация российского общества в предреволюционную эпоху: причины и следствия (1914–1916 годы). — *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология*. — Т. 13. — Вып 8: История.

Булдаков В.П. 2007. *Quo vadis. Кризисы в России: пути переосмысления*. — М., 2007;

Булдаков В.П. 2013. Историк и миф. Перверсии современного исторического воображения. — *Вопросы философии*. — № 8.

Булдаков В.П. 1997 (2010). *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия*. — М.

Булдаков В.П. 2013. Поэтические завихрения «Красной смуты», 1917–1920. — *Историк и Художник. Сборник воспоминаний и статей памяти профессора Сергея Сергеевича Секиринского*. — М.

Булдаков В.П. 2001. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии. — *Россия и современный мир*. — № 2(31)

Булдаков В.П. 2005. Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 годов. — *Acta Slavica Japonica*. — No. 22

Булдаков В.П. 2009. Революция как проблема российской истории. — *Вопросы философии*. — № 1.

Булдаков В.П. 2014. Россия, 1914 — 1918 гг.: война, эмоции, революция. — *Россия в годы Первой мировой войне, 1914–1918*. — М.

Вишневский А.Г. 1998. *Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР*. — М.

Власть и оппозиция… 1994. *Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия*. Под ред. В.В. Журавлева. — М.

Гастев А. 1921. Наши задачи. Наша практическая методология. — *Организация труда*. — № 1.

Громыко А. 2007. Каток истории. — *Литературная газета*. — 15–25 сентября.

Гроф С. 1993. *За пределами мозга*. — М.

Дебор Г. 2000. *Общество спектакля*. — М.

Дьячков В.Л., Протасов Л.Г. 1999. Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия. — *Россия и Первая мировая война*. — СПб.

Земский феномен… 2001. *Земский феномен. Политологический подход*. — Саппоро.

Игрицкий Ю.И. 1998. Меняющаяся Россия как предмет концептуального анализа. — *Отечественная история*. — № 1.

Исаев И.А. 2007. *Топос и номос: пространства правопорядков*. — М.

Ключевский В.О. 1968. *Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории*. — М.

Кондратьева Т. 2006. *Кормить и править: О власти в России XVI–XX вв*. — М.

Королев С.А. 1996. *Донос в России. Социально-философские очерки*. — М.

Костомаров Н.И. 1991. *Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. II*. — М.

Леонов С.В. 2003. «Разруха в головах»: к характеристике российского массового сознания в революционную эпоху (1901–1917 гг.). — *Ментальность в эпохи потрясений и преобразований*. — М.

Леонтьева Т.Г. 2002. *Вера и прогресс: Православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв*. — М.

Леонтьева Т.Г. 2004. Российское реформаторство: генетический изъян? — *Россия и современный мир*. — № 4 (45).

Лозо И. 2014. *Августовский путч 1991 года. Как это было*. — М.

Лотман Ю., Успенский Б. 1982. «Изгой» и «изгойничество» как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода. — *Труды по знаковым системам. Типология культуры. Взаимное воздействие культур*. — Тарту. — Вып. 15.

Лотман Ю.М. 1992. *Культура и взрыв*. — М.

Малякин И. 2000. Российская региональная мифология: три возраста. — *Pro et Contra*. — Т. 5. — № 1.

Милов Л.В. 1998. *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. — М.

Минченко А.А. 2002. *Великая постсоветская депрессия: осознание, определение, преодоление*. — М.

Никифоров А.А. 2007. Революция как субъект теоретического осмысления: достижения и дилеммы субдисциплины. — *Полис*. — № 5.

Павлюченков С.А. 2008. *«Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929 гг*. — М.

Пастухов В.Б. 2012. *Реставрация вместо реформации. Двадцать лет, которые потрясли Россию*. — М.

Пелипенко А.А. 2014. *Глобальный кризис и судьбы Запада*. — М.

Переписка… 1981. *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским*. — М.

Пивоваров Ю. 2007. Истоки и смысл русской революции. — *Полис*. — № 5.

Понимая «девяностые»… 2013. *Понимая «девяностые»*. — М.

Рикёр П. 2002. Виновность, этика и религия. — Рикёр П. *Конфликт интерпретаций*. — М.

Русское богатство… 1914. *Русское богатство*. — № 9.

Салтыков-Щедрин М.Е. 1906. *Полн. собр. соч. Т. 4. Культурные люди*. — СПб.

Свечин А.А. 2000. *Постижение военного искусства*. — М.

Совет министров… 1999. *Совет министров Российской империи Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка)*. — СПб.

Соловей В.Д. 2005. *Русская история: новое прочтение*. — М.

Соловей В.Д. 2007. *Смысл, логика и форма русских революций*. — М.

Соловей В.Д. 2008. *Кровь и почва русской истории*. — М.

Соловьев В.С. 1989. *Соч. в 2-х тт. Т. 1. Философская публицистика*. — М.

Старовойтова Г. 1995. Лидеров в политике надо менять так же часто, как детские пеленки. И по той же причине. — *Вечерняя Москва*. — 5 мая.

Стародубровская И.В., Мау В.А. 2001. *Великие революции от Кромвеля до Путина*. — М.

Столярова Л.В., Белоусов П.В. 2014. Смерть царевича Дмитрия в Угличе 15 мая 1591 г.: новая версия. — *Петербургский исторический журнал*. — № 1.

Тарасов А.Н. 2005. *Революция не всерьёз: Штудии по теории и истории квазиреволюционных движений*. — Екатеринбург.

Успенский Б.А. 1994. *Краткий очерк русского литературного языка. XI–XIX вв*. — М.

Федотова В. 2000. Криминализация России. — *Свободная мысль*. — № 2.

Филиппова Т.А. 2001. В царстве «Белого Царя». Методы стабилизации поздней империи. — *Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей*. — М.

Флоровский Г.В. 1998. О народах не-исторических. — Флоровский Г.В. *Из прошлого русской мысли*. — М.

Фриз Г. 2015. Война и реформа: Российская православная церковь в годы Первой мировой войны, 1914–1917 годы. — *Вестник Тверского государственного университета. Серия: История*. — № 1.

Фроянов И. 2007. Революция для России. — *Литературная газета*. — 29 августа – 4 сентября

Фурсов А. 2012. Крестьянство в социальных системах. — *Обозреватель–Observer*. — № 6. — Доступно: http://users4496447.socionet.ru/files/furs3.pdf. — Проверено: 27.05.2015 г.

Чижевский А.Л. 1995. *Космический пульс жизни. Т. 2*. — М.

Шевырин В.М. 2007. *Власть и общественные организации России (1914–1917)*. — М.

Шепелева В.Б. 2005. *Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России (По материалам отечественной и зарубежной историографии). Учебное пособие*. — Омск.

Юнг К.-Г. 1994. *О современных мифах*. — М.

Юнгер Ф. 2002. *Совершенство техники. Машина и собственность*. — СПб.

Яковенко И.Г. 2002. Переходные эпохи и эсхатологические аспекты традиционной ментальности. — *Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах*. — М.

Яковенко И.Г. 2014. *Россия и модернизация в 1990-е и последующий период: Социально-культурное измерение*. — М.

Ясперс К. 1991. Духовная ситуация нашего времени. — Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. — М.

Breslauer G.W. 2001. Personalism versus Procedualism: Boris Yeltsin and the Institutional Fragility of the Russian System. — *Russia in the New Century: Stability or Disorder*. Ed. by V.E. Bonnel and G.W. Breslauer. — Boulder (Colo).

Buldakov V.P. 2014. Mass Culture and Culture of the Masses in Russia, 1914–22. — *Cultural History of Russia in the Great War and Revolution, 1914–22. Book 1: Popular Culture, the Arts, and Institutions*. Ed. by M. Frame, B. Kolonitskii, S.G. Marks, and M. Stockdale. — Bloomington (IN).

Butterfield H. 1975. *The Whig Interpretation of History*. — NY.

Clay E. 1997. Literary Imiges of the Russian “Flageliants”, 1861–1905. — *Russian History*. — Vol. 24. — No. 4.

Engelstein L. 1996. Rebels of the Souls: Peasants Self-Fashioning in a Religious Keys. — *Russian History*. — Vol. 22. — Nos.1–4.

Engelstein L. 1998. Paradigms, Pathologies and other Clues to Russian Spiritual Culture: Some Post-Soviet Thoughts. — *Slavic Review*. — Vol. 57. — No 4.

Cramer F. 1993. Schonheit als dynamisches Grenzphanomen zwischen Chaos und Ordnung — ein neuer Laokoon. — *Selbstorganisation*. — Bd. 47. Asthetik und Selbstorganisation. — Berlin.

Freeze G.L.1996. Subversive Piety: Religion and the Political Crisis in the Late Imperial Russia. — *The Journal of Modern History*. — Vol. 68. — No. 2. — June.

Levin E. 1993. Dvoeverie and Popular Religion. — *Seeking God: The Recovery of Religious Identity in Orthodox Russia, Ukraine and Georgia*. Ed. by S.K. Batalden. — DeKalb.

A. 2000. *The Furies: Violence and Terror in the French and Russian Revolution*. — Princeton.

О «СОВЕТСКОМ» И ПУТЯХ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ[1]

Ю.С. Пивоваров
Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Аннотация: *В фокусе внимания автора — исторический генезис советского в российской социально-политической практике. Анализ природы процессов переустройства российского общества позволяет автору подвергнуть сомнению представлений о реформаторстве применительно ко многим так называемым «российским реформам». Автор предлагает альтернативный подход к пониманию российской социально-политической жизни: взгляд на нее сквозь призму формирования-разложения опрично-земских моделей организации власти и социума. Автор даёт ответ на ряд взаимосвязанных вопросов: какова природа сложившегося в России в постсоветский период политического режима? каковы причины сохранения и возрождения в этот период «советской субстанции»? каково соотношение русского и советского? какие средства и стратегии позволят излечить российское общество? В статье формулируются основные задачи нынешнего этапа политической трансформации России.*

Ключевые слова: *Россия, государство, реформы, революция, советское, Академия наук, свобода, опричнина-земство, власть, коррупция, десталинизация, новый руссвкий либерализм, конституция.*

«Граждане, Отечество в опасности!»
А. Галич

Советское über alles

* * *

Все время в голове крутится любимое с юности, галичевское: «Ты ж советский, ты же чистый, как кристалл! / Начал дело — так уж делай, чтоб не встал!». И ещё из этой футбольной песенки: «Я ему по-русски, рыжему: / «Как ни цельсь, — выше, ниже ли, — / Ты ударишь, я, б**, выживу! / Я ударю — ты, б**, выживи!». О чем это мы? — Да, об операции по фактическому уничтожению Российской академии наук. Когда, в самом конце июня тринадцатого года («вероломно, без объявления войны») власть напала на РАН, возмущению, обиде, непониманию не было предела. Началось общественное, в том числе и академическое, со-

[1] С любезного разрешения Ю.С. Пивоварова и С.В. Чугрова перепечатываются статьи Ю.С. Пивоварова, опубликованные в журнале «Полис» (См.: Пивоваров Ю.С. О «советском» и путях его преодоления. Статья 1–2. — Полис. — 2014. — № 1–2).

противление. В который раз за последние, с Болотной, годы страна показала: **у нас есть гражданское общество**. Последовали переговоры, первое лицо государства — насколько это известно — согласилось отменить наиболее одиозные и разрушительные для отечественной науки предложения анонимных авторов законопроекта. В какой-то момент показалось: пусть и с потерями, с пробоинами, но корабль Академии продолжит свой ход (ведь не за морями уже ее трехсотлетие; старейший российский светский институт!). — А затем между 11 и 17 сентября власть молниеносно разыгрывает комбинацию по «окончательному решению» академического вопроса. Все было сделано столь виртуозно, что от удивления и невозможности поверить во все это онемели уста и перехватило дыхание. Действительно, как-то сразу перестало хватать воздуха и глотку забило унижением. Опять грохнул Галич: «Ты, б**, думаешь — напал на дикаря?! А я сделаю культурно, втихаря: / Я, б**, врежу, как в парадной кирпичом!.. / Этот с дудкой не заметит нипочем!».

Напомню, Александр Аркадьевич писал о футболе, «с дудкой», понятно, судья. В нашем случае «с дудкой», наверное, всякие там думы-советы-суды. Честно говоря, с младых ногтей не испытывал такого бессильного унижения. Помню, как нас мальцов-первоклашек старшие переворачивали головою вниз и держа за ноги вытряхивали копейки, которые родители давали на чай и пирожки. Обидно было до слез, да и сдачи этим верзилам не дашь…

Впрочем, хватит всей этой «лирики». Что же произошло? — Отвечу прямо: очередной, бандитский наезд на русское гражданское общество, осуществленный в особо циничных, издевательских формах. Мне возразят: да что вы, собственно, защищаете? У вас там, в Академии сплошное воровство начальства, остались беспомощные старики, неспособные на новые открытия, индекс Хирша чуть ли не отрицательный, да и вообще нигде и никогда в мире не было такой организации… Ну, да… А вот Петр Леонидович Капица утверждал, что во всякой стране должен быть институт, обладающий высшим моральным авторитетом. Так сказать, главный судия по социальным делам. В США — Верховный суд, в Англии — Палата лордов, у нас — Академия наук. А к кому обращался Александр Александрович Блок, прощаясь с Россией, свободой, жизнью? Кому в феврале 21-го, за несколько месяцев до смерти и уже охваченный страшной болезнью, кланялся на Сенатской площади? Пушкинскому дому Академии наук. «Вот зачем такой знакомый / И родной для сердца звук — / Имя Пушкинского Дома / В Академии наук». И у него связалось воедино: Пушкин, тайная свобода, Россия, Академия наук. — Или в советские годы: не Академия ли была оплотом мысли и свободомыслия, знания и просвещения?! Не из нее ли, в большей своей части, вышел цвет нации: инакомыслящие, правозащитники, диссиденты?! В 90-е же и нулевые (тощие, «голодные» для нее годы) не Академия ли разумно и сдержанно (т. е. ответственно) оппонировала нередко социально опасным действиям властей?!

Не важно под какими предлогами и под какими знамёнами идёт добивание Академии. Знаменателен сам факт: это подрыв традиционного фундамента русского гражданского общества, культуры, науки, вообще социальности. Вне всякого сомнения, для страны это — суицидальная акция. Но зачем? Почему? Где причины, корни всего этого непотребства?

Несколько лет назад я писал в нашем журнале, что главной характеристикой современной России является ее **советскость**. И пытался, вынужденно кратко, описать этот феномен (разумеется, не претендуя на полноту, всеохватность etc.). Так что не буду повторяться. Однако академический разгром побуждает меня обратиться к поиску корней **советского**, его генезису. Не скрою: часть этой работы писалась до **этих** событий, но в их свете, их контексте содержание становится яснее, определённее и — как бы это сказать точнее? — неотвратимее(?).

Вместе с тем мне, скорее историку чем политологу, всегда грозит опасность «впасть в ересь» объяснения современного через призму исторических «предопределенностей». И ко мне, наверное, можно обратить строки поэта Юрия Кублановского (хотя он-то имел в виду великого Бродского): «Друг, я спрошу тебя самое главное: / ежели прежнее все — неисправ-

ное, / что же нас ждет впереди?». Замечу: дело здесь не в том, что прежнее — неисправное. Важнее другое — нынешнее неизбежно вырастает из прошлого. **Но это не так!** — Скажу трюизм: история процесс открытый, ее формирует свободная воля людей. Разумеется, наличествует коридор возможностей, рамки ограничений. Меня и интересует это последнее — возможности, ограничения. Их я в русском случае называю **советским, советскостью**. Забегая вперед, выскажу предположение — это (советское) уходит своими корнями в далёкое историческое прошлое.

О природе реформ и земско-опричном устройстве Отечества

Поскольку, повторю, содержание этой статьи постановлено в контекст того, что власть — вегетариански — назвала «реформой РАН», а на деле оказалось ее удушением, и начнём с выяснения того, что есть реформа и что не есть реформа, хотя полагается (властью, социальными группами) и «прикидывается» именно таковой.

Не все то, что делается по переустройству общества, можно квалифицировать как реформы. Реформой, видимо, следует считать такие действия, которые заключаются в решении вопросов, стоящих перед обществом, на путях расширения зоны свободы прежде всего индивидуальной, — и, соответственно, личной ответственности.

Смысл реформ-эмансипации заключается ещё и в следующем. Настоящая реформа не крушит наличный мир, а преобразовывает его, совершенствует. По своей природе она нацелена не на уничтожение каких-то, казалось бы, устарелых форм, а на развязывание возможностей для становления тех сил, что зреют в рамках этого мира. Иными словами, настоящая реформа создаёт институты и процедуры, в которых актуализируется скрытое в старых формах новое, потенциальное. Реформа — это упорядочивание новых возможностей, нового баланса сил и проч. Но именно здесь и таится опасность: широко раскрывая окно возможностей, реформаторы, вне зависимости от того, хотят они этого или нет, создают основу для новых конфликтов, новых противоречий, новых вопросов. И в этом смысле всякая реформа, всякая эмансипация — всегда и увеличение социальных рисков. Перефразируя известные слова Ленина, можно сказать: реформа порождает новые конфликты. То есть период свободы требует новой, более высокой цены за социальный порядок. Поэтому для проведения реформ необходимы социальное мужество и социальная ответственность…

При таком подходе деяния Петра Великого, к примеру, не подпадают под эту характеристику. Все те громадные новации, которые внёс в русскую жизнь этот человек, имели своим главным результатом дальнейшее закабаление населения России. И даже если признать за Петром — а мы признаем — заслугу в деле русского просвещения, то и это не отменяет главного результата его действий. Более того, трагическое несоответствие просвещения и крепостничества и стало основным взрывным элементом русской революции и гражданской войны. Причём социальная опасность одновременности просвещения и закрепощения не была преодолена даже Великими реформами.

Реформа — это всегда конфликт; повторим: настоящая реформа не уничтожает его. Но создаёт легитимные и эффективные процедуры протекания. Реформа — это политика осознанного принятия социальной конфликтности как фундамента для нормального, здорового развития общества. Реформа — это отказ от единственной и тотальной идеологии; отказ от принципа «кто не с нами — тот против нас»; отказ от понимания другого/иного как врага. Реформа — это то, что сегодня американский политолог Джозеф Най называет «soft power». Он говорит, что смысл soft power в том, что в ходе ее применения увеличивается количество друзей и уменьшается количество врагов. «Hard power» действует наоборот. Реформы — это также то, что Най квалифицирует как «smart power». Смысл этого последнего заключается в том, что настоящий реформатор всегда принимает во внимание позиции в обществе различных

социально ответственных сил, включая и противостоящие ему, способствует их усилению [Nye 2011].

Одним из заблуждений русского сознания является уверенность в том, что реформы может проводить власть и только власть. Нет, исторический опыт показывает: реформирование практически всегда есть дело рук и власти, и общества. Там, где общества нет — в том смысле, что оно еще не готово взять на себя часть бремени социальной ответственности, — реформы, даже блестяще задуманные и продуманные, не удаются. Пример: Михаил Сперанский. Его гениальный проект преобразований оказался не по плечу тогдашней России. И Александр I мгновенно и безболезненно свернул робкие начинания и громкие обещания. Оказалось, что Сперанский предложил России план «на вырост». А когда русское общество подросло, тогда оно в тесном союзе с властью и одновременно в жёстком противостоянии с ней реализовало план Михаила Михайловича.

Говоря сегодня о реформах как об эмансипации, мы не можем не затронуть вопроса о том, что является прямой противоположностью реформы, но в массовом сознании именно это противоположное нередко полагается высшим достижением русской цивилизации. Мы хотим сказать о трех персонажах, несомненно, любимых, нередко даже и бессознательно, многими русскими людьми. Это Иван Грозный, Петр Великий и Иосиф Сталин. Их обычно противопоставляют «гнилым и неудачливым» либералам-интеллигентам. Так вот, в нашем обществе усиливается убеждение, что высшие русские успехи — это всегда жёсткая, не щадящая никого, «варварская» модернизация. Причём варварство оправдывается одними потому, что «так было всегда и у всех», другими потому, что «с русскими по-иному нельзя». Главное — в том, что одержаны великие победы, создана великая страна.

Мы не будем полемизировать с ними. И для нас неважно даже то, что сразу после физического исчезновения этих людей все их великое почему-то рушилось. Нам эти люди и их действия важны, повторим, тем, что они суть не реформаторы и реформы, а нечто им противоположное, и что в результате этих действий трижды в нашей истории возникала по существу одинаковая и по существу тупиковая ситуация. При всем естественном различии исторических эпох, в которые действовали эти персонажи, они приходили к одной и той же социальной конфигурации. Мы бы ее назвали так: **опричнина-земство**.

Отказавшись от экспериментов Избранной Рады, поскольку они не обеспечивали усиления собственной власти, а, напротив, «демократизировали» социальный порядок (мы понимаем всю условность используемой терминологии), Иван IV придумал следующий механизм. Бóльшая — в количественном отношении — часть страны живёт, вроде бы, как и жила: в рамках привычных, традиционных форм. А рядом создаётся новое общество, которое освобождено от этих форм и которому «все позволено». Таким образом, перед нами феномен расколотого социума, где одним велено изображать жизнь в старых ее формах, а другим дозволено делать с этой земщиной все, что захочется и что прикажут. По-своему такая расстановка сил выгодна, как это ни парадоксально, обеим сторонам. Она, на самом деле, воспроизводит властно-социальную диспозицию, к которой Русь привыкла, адаптировалась за два примерно с половиной столетия монгольского ига. То есть это **ордынский порядок, где в роли опричнины Орда, а земщины — Русь**. И когда мы сказали, что и земщине выгоден такой порядок, мы имели в виду то, что другой был и непредставим, и неизвестен.

Почему же он провалился? Иван Грозный не сделал главного шага — того, который удался его наследнику Петру. Он не придал этому сконструированному им расколу культурно-мировоззренского антагонизма, который, кстати, предполагала классическая ордынская модель. С одной стороны, кочевая, языческая, затем мусульманская, по преимуществу тюркская Орда, с другой — земледельческая, христианская, славянская Русь. К концу же XVII столетия у Петра Алексеевича на руках уже были все козыри, полный инструментарий для конструирования этого самого культурно-мировоззренческого антагонизма. Причём, как и в случае с Иваном Грозным, новый ордынизации России предшествовал период «демокра-

тических» экспериментов другой Избранной Рады — «правительств» Федора-Софьи-Голицына. И потому этому будущему мореплавателю, академику и плотнику уже не надо было проводить самому «демократические» опыты, которые, ясное дело, вели всю систему к бóльшей социальной плюрализации и расширению зоны свободы.

Два десятилетия Петр создавал новую опричнину, говорящую по-немецки, и новую земщину, которая, вроде бы, живёт по-старому — ведь никто не отменял Соборного Уложения его папы. Повторим: Петр учёл историческую недоработку Ивана Грозного. Он ведь хорошо помнил, как земщина разгулялась в начале XVII в. и, несмотря на усилия прадеда, деда и отца, в общем, для русских условий довольно вольготно гуляла до конца столетия. Петровская европеизированная опричнина хорошо знала и эффективно делала свое дело. Это было связано ещё и с тем, что и здесь Петр пошёл дальше своего великого предшественника (Ивана IV). Иван Васильевич, расколов правящий слой, не довёл до логического конца начатое. То есть не истребил поголовно не принятых в опричнину крупных, мелких и средних «феодалов», которые, как мы знаем, и учинили на развалинах грозненского орднунга «лихие нулевые». А Петр сделал все правильно. Сначала, в качестве социального предупреждения, он порубил головы «оппозиционерам», и, тем самым запугав и усмирив правящее сословие, превратил его скопом в новых опричников. То есть заставил отречься от своего феодальства и от своей земской русскости (заставил их считать себя немцами).

Дело Петра простояло дольше, но в целом недолго. Не случайно русская история после смерти Петра называется постпетровской. Но для нас эта неслучайность другая, нежели общепринятая. Сразу после его смерти начался, по сути, хотя это и не было так заметно, другой период. Оказалось, что и петровская опричнина не столь крепка и, как ему хотелось, эффективна. Внутри ее мгновенно разгорелась свара, она раскололась на враждебные группировки и имела дерзость менять людей на троне. В конечном счёте доигралась до того, что получила свободу. И это было мщением Петру…

Схожим образом действовал Иосиф Виссарионович. Его опричниной, как мы понимаем, была верхушка советского общества, составленная из партийных, чекистских, хозяйственных номенклатурщиков. Им тоже было все позволено по отношению к той части общества, которая в нее не вошла. Никаких ограничений не существовало. Советской же земщине дали все, чтобы она считала себя самой счастливой: и лучшую в мире конституцию, и лучшее образование, и самую справедливую систему социальной защиты, и бесплатное жилье, и поразительно комфортное оптимистическое мироощущение. Разумеется, поскольку в этот раз земщина была так щедро облагодетельствована, сталинская опричнина — орда — для того, чтобы ей самой существовать и дальше (заметим, в русской истории земщина всегда могла существовать без опричнины, а наоборот — никогда), — была вынуждена ввести некоторые ограничения/изъяны. Так, табуизировалось любое кроме утверждённого на сегодня мировоззрение (здесь очень важно «на сегодня»: верность тому, что было «на вчера», квалифицировалась как смертное преступление). Временно, до момента окончательной победы коммунизма, отменялись все права человека. И даже те, которыми ему разрешали пользоваться, он мог пользоваться только по разрешению. Навсегда отменялись выборы. Но здесь иного и быть не могло: ведь в социалистическом обществе не было антагонистических противоречий — значит, не было и конфликта интересов. Впрочем, мы не будем дальше перечислять те небольшие ограничения, которые, повторим, была вынуждена ввести сталинская орда-опричнина. Удивляет лишь одно: что этот творец нового, небывалого так много восстановил в русской жизни старого, привычного. В первую очередь, конечно, крепостное право для крестьян. А во вторую, для горожан.

Приметой сталинского орднунга было то, что он, подобно Петру, который учёл недостатки эксперимента Грозного, учёл недостатки эксперимента Петра. А у Медного всадника они были существенными. Он ведь, в лице своих опричников, ввёл Россию в Европу, а опричники — они тоже ведь люди — подверглись тлетворному влиянию Запада, что привело

к тому, что они стали как-то остывать к своему основному предназначению и все больше увлекаться идейками, стишками, — в общем, всей этой разлагающей русского опричника «материей». Сталин, хотя и говорят, что у него одна рука была повреждена, быстро и властно самолично опустил железный занавес. И, надо признать, сталинские и даже большинство послесталинских опричников оказались вне сферы тлетворного влияния Запада.

Далее. Сталин понимал, что настоящим, подлинно боевым и соответствующим эпохе модернети опричником нельзя быть в нескольких поколениях. Сомнителен уже сын опричника — тем более, внук. Почему-то инерционно не удерживается главное предназначение опричника — бороться с врагами России (сталинского СССР). А вот Петр этого не знал и однажды, создав касту опричников, дал ей социально-физиологическое право плодить опричников во многих поколениях. Конечно, этот петровский недосмотр не мог ни привести к вырождению опричного начала. Но Сталин понимал, что даже один человек в течение всей своей жизни не мог быть всегда опричником — несколько лет мог, а потом нет. И он ввёл практику постоянного уничтожения опричных кадров с целью обновления и усиления опричного потенциала (знаменитое кагановичевское: «мы снимаем людей слоями»). И надо сказать, этот новаторский для мировой истории приём принёс небывалые плоды. Режим сталинской опричнины доказал свою полнейшую эффективность в решении тех задач, которые ему ставились, прежде всего в отношении земщины.

Однако Сталин пошёл ещё дальше. Он многократно сообщал земщине, и следовал этому сообщению, что кадры будущей опричнины рекрутируются из земщины, а не из рядов нынешних опричников. Тем самым он сделал свою опричнину общенародной. Теперь каждый советский человек в принципе мог стать опричником. К сожалению, он не учёл двух обстоятельств (но в оправдание скажем, что их и невозможно было учесть). Первым обстоятельством стала война, в условиях которой непрекращающийся и прогрессивный по своей исторической сущности процесс обновления опричничества стал невозможен. Сталин, как трезвый государственный стратег (это А.И. Солженицын о нем; не верите? да вот ссылка [Солженицын 1998: 137]), отказался на время войны, в отличие от Гитлера, вести войну на два фронта — с фашизмом и своим народом. Он сосредоточил все силы на борьбе с фашизмом и в этой войне победил. И начал проигрывать в борьбе со своей же опричниной, а поскольку каждый советский человек являлся потенциальным опричником, — то и со всем советским народом.

Второе обстоятельство — это его смерть, которая до конца обнажила антагонистическое противоречие сталинской конструкции опричнины. Соотношение «Сталин-опричник» было таковым: вечный Сталин и опричник на краткий исторический миг. Но оно было заморожено, пока он жил. Когда он умер, началась оттепель. Опричники решили тоже стать вечными. И всё — сталинская система была обречена.

Подведём итоги. Все три опричные системы обязательно гибнут после смерти своих демиургов. Но какой-то исторический период они существуют в более мягких, размытых формах. Выход из этих исторических тупиков бывает различным: через Смуту и искания XVII в. — к возвращению к опрично-земской модели; через Великие реформы и трагедию революции — к новой опрично-земской модели и вот ныне — то, что перед нашими глазами — процессы, соучастниками которых мы являемся. Чем это закончится, неизвестно.

Есть ещё три вещи, о которых необходимо сказать. Опрично-земская система в России не случайность, но историческая традиция. Опрично-земская система недолговечна и заканчивается либо крахом, либо попыткой перейти к какой-то иной модели. Возвращение к опрично-земской системе в условиях современного мира представляется маловероятным. Если же попытки будут предприняты, то, по всей видимости, они закончатся небывалым историческим поражением, поскольку принципы этой системы полностью несовместимы с вектором мирового социального развития. Кроме того, эти попытки столкнутся с фундаменталь-

ным сопротивлением в самом русском обществе, которое, как представляется, переросло это конструкцию и вполне готово к социальному творчеству и реформам.

А теперь немного истории…

В скобках: буквально несколько слов о генезисе русско-опричного орднунга

Как же происходило его формирование? — Об этом весьма убедительно пишет современный отечественный историк Н.С. Борисов. «Со времён Ивана Калиты московский князь играл роль общерусского «сельского старосты». Орда возложила на Даниловичей обязанности по сбору дани, поддержанию повседневного порядка и организации разного рода «общественных работ», главным образом, военного характера» [Борисов 2011: 8]. Вообще-то должность общерусского сельского старосты была многотрудной, но в то же время исторически благодарной. Поскольку был приобретён бесценный опыт. «Великий князь Владимирский отвечал перед ханом за все, что происходило в «русском улусе». Он имел множество недоброжелателей, завистников и клеветников. Остерегаясь козней врагов, он должен был быть всегда начеку, иметь надёжную охрану и не жалеть средств на разведку. (Представляю, с **каким пониманием** прочли бы эти строки позднейшие русские правители. — *Ю.П.*) Однако всякий труд предполагает вознаграждение. Даниловичи уже в силу своего первенствующего положения получили ряд преимуществ перед другими князьями. Через их столицу шли «финансовые потоки» — дань в Орду со всей Северо-Восточной Руси. Они имели исключительное право на аудиенцию у хана и, пользуясь этим, могли устранять своих соперников руками татар. Эти две привилегии великие князья охраняли как зеницу ока» [Борисов 2011: 9]. Автор подчёркивает: «В роли «общерусского старосты», назначенного Ордой, московские князья… накопили большой организаторский опыт, научились добиваться неуклонного исполнения своих требований, наладили обширные личные и династические связи. Весь этот сложный механизм до поры до времени работал в интересах и на благо Орды [Борисов 2011: 9].

Но вот пришли иные времена. «Ослабление Орды, начавшееся после кончины хана Джанибека (1357), поставило московских князей перед нелёгким выбором. «Приказчик» вдруг остался без «барина». Собирать дань уже было незачем. Москве приходилось выходить из ордынской тени и начинать свою собственную игру» [Борисов 2011: 10]. И далее: «Московские князья могли либо смиренно «отказаться от должности» и вернуться на положение рядовых членов княжеского сообщества, либо использовать находившийся в их руках отлаженный татарами механизм великокняжеской власти для собственных целей?» [Борисов 2011: 10]. — Как мы знаем, был избран второй путь. Приказчик сам стал барином. Ханская ставка была перенесена в Кремль (Г.В. Федотов). С этого момента (рубеж XV–XVI в.) отлаженный татарами механизм великокняжеской власти заработал на нового хозяина, т. е. на самое себя. Соответственно, потребовалось и создание новой орды, уже русской, православной. Ведь «барина» без орды не бывает. Вопрос теперь стоял только в формах реализации барина-орды. Как только очередной вариант ослабевал, начинался кризис (смута). В результате разрешения которого **всегда** являлось на свет новое издание орды (барина).

…И буквально несколько слов о понимании опричнины.

Ода в прозе Александру Зимину

Лучший русский историк второй половины XX столетия А.А. Зимин в своей замечательной книге «Опричнина» ищет и находит истоки этой самой опричнины. Их три: добить удельщину князя Андрея Старицкого, полностью подчинить Новгород и, говоря современным языком, окончательно этатизировать церковь. Ивану IV (по Зимину) это удаётся. Но последняя фраза исследования звучит так: «Россия стояла в преддверии грандиозной крестьян-

ской войны…» [Зимин 2001: 286]. Получается как раз обратное: Ивану Грозному ничего не удалось. В начале XVII столетия налицо была не удельщина, а полный развал Руси. Не отличный от Москвы Новгород, а Новгород, ушедший добровольно под шведов. Не церковь под государством, а церковь в лице Гермогена как единственно русский голос. Тиран-преобразователь потерпел полное поражение…

Да нет, конечно, он победил. А.А. Зимин был единственным легитимным — и в научном, и в моральном смысле — наследником русской историографической традиции. Однако ни он, ни его учителя не учли в русской истории главного. Причём традиция была ещё «молода» и ничего не «знала» про русскую революцию, а Зимин, видимо (это предположение), по каким-то неизвестным для меня причинам экзистенциально не пережил второго в XX в. великого русского исторического события, — войны. Ее смысл для русских был не в победах или в поражениях («но пораженья от побед ты сам не должен отличать»), а в реставрации, т. е. в восстановлении русской жизни.

Во Франции реставрация победила революцию после окончательного поражения Наполеона. Поскольку Наполеон, а не Робеспьер, был настоящей революцией. **В России реставрации не произошло, но в ходе великой войны мы приступили к изживанию революции.** Настоящей революцией в России явился Сталин, а не Ленин. Ленин, подобно Робеспьеру, был отброшен историей. Как говорил Троцкий, на свалку истории.

Вот этого, как мне кажется, не учёл великий русский историк А.А. Зимин. Он пытался понять XVI век, преодолевая «феодализм», «классовую борьбу», «централизацию» и, как сказали бы сегодня, формирование территориальных политий. Но историю нельзя понимать, как ее понимают профессиональные историки. Ее просто невозможно понять так, как ее понимают профессиональные историки. По одной простой причине. И эту причину назвал не историк, а стихотворец: «История не в том, что мы носили, а в том, как нас пускали нагишом».

А.А. Зимин — единственный, кто прочёл русскую историю глазами свободного русского, оставшись в рамках тоталитарного советского. Величие его именно в этом, поскольку ему это удалось. Только ему, одному ему. Те из его современников, кто вышел за рамки советского, были вынуждены оказаться за пределами науки. Так вот, А.А. Зимин положил всю свою вдохновенную жизнь на попытку понять первую половину фразы Б. Пастернака. Он, увы, как мы уже сказали, не имея экзистенциального опыта реставрации (в отличие от Шатобриана и Бенжамена Констана, породивших две основные ветви современного мышления — консервативное и либеральное), отдал свой гений выяснению отношений с Беляевым, Чичериным, Ключевским, Платоновым, Покровским, Лешковым, Тихомировым, Скрынниковым и т. д. Подобно им, он думал, что найдёт корни и объяснения опричнины в тщательнейшем прочтении грамот и прочих документов той эпохи. Он был, конечно, громадный талант — и советский человек. Изучение ростовских князей не привело его к пониманию эссенции русской истории, экзистенциальному ее осмыслению.

Здесь мы скажем прямо и грубо. У нас, русских, есть потребность только в этом. Если археологические, архивные, историографические «революции» не ведут к этому, не являются поводом для этого, то все их содержание сводится к… А.А. Зимин — ещё раз скажу, — лучший советский историк — ничего об этом не знал. Он поразительным образом дышал воздухом архивов, а не истории.

Так чего же не учёл А.А. Зимин? Главного: опричнина не была против Новгорода, против уделов и даже против церкви. Опричнина не была против боярства, против государственных измен, против примитивного западного влияния. Она вообще не была против; она была за. За что? Она была не способом формирования русского централизованного государства; она была великим реставрационным зачином воссоздания ордынского орднунга в моей и А.А. Зимина стране. В ходе этой реставрации сформировалось не централизованное русское государство, а безотказно-безответственная технология по эксплуатации населения и природы нашей страны. Никакого иного смысла опричнина не имела. Новгород, Андрей Стариц-

кий и даже церковь — это «мелочёвка». Их можно было задушить с помощью технологий дедушки — Ивана III. Здесь игра шла по самому высокому счёту. На кон была поставлена, говоря выспренно, судьба России. И, к чести России, она сказала И.В. Грозному: «Нет!».

Смута, которую прокляли все мыслящие русские люди, стала великим опытом противостояния реставрации ордынско-грозненского ига на Руси. Смута — это подвиг русских в борьбе за свое христианское, арийское бытие. Арийское только в одном смысле: мы — европейцы. Мы не между Европой и Азией, Европой и Евразией. Мы — европейский народ. Как это связано со Смутой? Да прямо. Если мы сами способны были только на ордынскую власть, — пусть придут европейцы, шведы и поляки. Смута — это по негативу наш европейский выбор. Именно поэтому она так ненавидима адептами «централизованного государства».

Но А.А. Зимин не мог этого знать. У него не было этого, повторю, экзистенциального опыта, содержание которого в следующем. Русские в очередной раз (по крупному — во второй) победили европейцев. И что же? Русский ум, русская энтелехия поняли это, как всегда, по-своему. Мы одолели «немца», который со времён Петра правил нами триста лет. Так значит мы не хуже немцев. И после этого начал разлагаться советский панмонголизм и формироваться русский европеизм.

Итак, Иван Грозный полностью уничтожил то, что сделал его дедушка. Вернее, то, что приписывается его дедушке. Собственно говоря, между дедом и внуком такое же историческое соотношение, как между Лениным и Сталиным. Это неожиданное даже для меня самого сравнение не столь необязательно, как это может показаться на первый взгляд. Я усилю: Иван Грозный — настоящий генсек в «правительстве» предсовнаркома Ивана III. То, что у дедушки было интенцией, у внучка стало главным. Как говорил ленинградский поэт Бродский — «рэзать». А ленинградский кэгэбэшник Путин — «мочить».

Чтобы понять опричнину Грозного, А.А. Зимину надо было понять опричнину Сталина. Но и мы не поймём того режима, который складывается сегодня, если повторим опыт великого советского историка А.А. Зимина. И этот опыт говорит нам только одно: хотите понять современную Россию, вспомните сталинизм, петрограндизм (выражение Герцена) и грозненский орднунг.

«…И тех же эр сопоставленье»

Ну, коли мы для понимания советского забрались в такую историческую глубину, предлагаю ещё поисториософствовать. Напомню: это любимое, наряду с морализированием, русское занятие.

И хотя, вроде, полностью разоблачено строгой и трезвой наукой XX столетия и для современного ума относится скорее к алхимии, чем химии (вспоминается: Эрнст Юнгер, блистательный и безответственный немецкий гений, пронзительно заметил, что, чем крупнее химик, тем больше его тянет в алхимию), мне кажется, что ещё не все резервы исчерпаны. Для — «understanding Russia».Уж, больно, странная и загадочная, необъяснимая (привычным рациональным знанием) и противоречивая (не в смысле традиционной диалектики) судьба нашего племени (иронизируй над тютчевским приговором, не иронизируй…).

К примеру, ведь согласны же мы (профессиональные исследователи) с основополагающим выводом социальной науки: история не повторяется, история не ходит по кругу, история — это развитие. А посмотришь на русскую и ахнешь от недоумения…

Поразительным образом история Советской России повторила — типологически, ритмически — историю России дореволюционной, Московско-Петербургской — от начала XVI в. до начала XX в. Как родилась Россия на рубеже XV–XVI столетий? Путём освобождения от двух зависимостей: белого монгольского царя и константинопольской патриархии (здесь, в этом контексте, несколько десятилетий несовпадения не очень-то и важны). Так же

родилась и Советская Русь: путём эмансипации от белого немецкого царя (это, кстати, не игра в слова; в международном обиходе правящая династия именовалась «Голштейн-Готторп-Романовы»; причём двойная немецкая составляющая была впереди русской), а также двух «духовных» зависимостей — петербургско-протестантского Синода и мирового интеллектуального мейнстрима (включая марксистский).

Как созидалась Московия и Петербургская империя? — Для решения своих задач власть формирует сословно-профессиональные группы и по очерёдности формирования закрепощает их. Эта очерёдность была следующая: дворянство, крестьянство, посадские люди; по сути было закрепощено и духовное сословие. Такой порядок нашёл свое полное и законченное выражение (оформление) в Конституции 1649 г. Фактически эта Конституция действовала до эпохи реформ Александра II. Петр (и т. д.) и Сперанский, независимо от их личных стремлений-побуждений, лишь несколько модернизировали ее. Правда, существенным изъятием из первой романовской конституции был указ Петра III, того самого Голштейн-Готторпа, о вольности дворянства 17.02.1762. (Видимо, в порядке благодарности эти самые дворяне и прикончили его через несколько месяцев. Так сказать, провели обряд инициации. Это типологически похоже на то, что Русская История сделала с лишними людьми: каталог прав, за которые они боролись и которые полностью обрели к марту Семнадцатого, был зафиксирован в советской Конституции 1918 г. как список законодательно закреплённых поражений в правах.)

Теперь от Московии-Петербургии перейдём к Совдепии-Московии. Группа Ленина, в той или иной степени контролируя Петроград, Москву, ряд губернских городов и индустриальных центров, подпитываясь энергией разложения традиционных институтов и воюющей армии, заявив о своих глобальных претензиях, начала созидать РКП (б) — ВКП (б) и его дочерние предприятия за рубежом (Коминтерн). Подчеркну: не РСДРП (б) и не КПСС, а именно РКП (б) — ВКП (б). И это новое верхнее сословие новая власть закрепощает первым. Они обязывались служить всю свою жизнь и только служба давала им привилегии. Причём главной привилегией было распоряжение жизнью других. Взамен власть брала на себя распоряжение их жизнью. Было создано принципиально новое в мировой истории правящее массовое меньшинство, которое получило важнейшее из всех на земле прав, тут же, естественно, ставшее обязанностью — распоряжение человеческой биологией. Имею право (обязан) съесть тебя, а могу (пока) и не есть. Большевики густо взбили свою биолого-политэкономократократическую сметану. В этом смысле нацисты — близкие им люди. Но большевики последовательнее и шире. Ведь арийские головорезы загодя заявили, кого будут есть. Большевики же оставили этот вопрос открытым: съесть могут всех. Вот это право-обязанность «съесть» и было дано взамен обладания собственностью. Первое в русской истории верхнее сословие бессобственников стало также первым сословием людоедов. Бартер, так сказать. Исторический компромисс, как учили Ленин и итальянские еврокоммунисты.

После кончины тов. Сталина его наследники отказались от права (обязанности) распоряжения жизнью правящего крепостного сословия и, разумеется, лишили и его этой право-обязанности. Мыкита отменил крепостное право номенклатуры и она отблагодарила его традиционным способом — (политически, слава Богу политически, а не как Петра III физически) убила его. И тут же власть и верховное сословие перешли от преимущественно внеэкономического управления (потребления, распоряжения) страной к экономическому. Причём готовились и власть, и верхние к этому давно. Ещё хозяин жив был, а они уже — в предвкушении — переименовали себя в КПСС. И, кстати, реализовали впоследствии предвидение своих классиков о двух фазах социализма-коммунизма. В послесталинский, хрущевско-брежневский период они осуществили «низовой» принцип — «от каждого по способностям, каждому по труду». т. е. они (не «мы», «нас» здесь вообще не стояло), каждый как мог, отдавали себя Системе и получали от нее по тому, как она это оценивала. Иначе говоря, Власть-Система различными способами регулировала меру потребления (разграбления, воровства). Вто-

рой период — это коммунизм номенклатуры; он наступил в результате и в ходе горбачевско-ельцинской перетряски. Был, наконец, осуществлён великий принцип — «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Экс-номенклатура в союзе с комсомольско-бандитской молодёжью получили (получают) по потребностям. Последние, как известно, границ не имеют. При этом опять же в соответствии с надеждой их классиков, произошло отмирание государства. Коммунизм же! И уже никто (Власть-Система) не регулирует меру потребления (разграбления, воровства). Могут мне возразить: так было при пьющем Борисе Николаевиче, но при трезвом Владимире Владимировиче Власть-Система вернула себе субъектность. Пожалуй, соглашусь. Субъектность нынешней Власти-Системы напоминает мне субъектность ГАИ в идеально-отлаженном автомобильном движении российских крупных городов. И не только субъектность, но и эффективность, мотивированность и авторитет.

…А то, что коммунистический принцип осуществился для немногих, не должно нас депримировать[2]. Ведь и Запад в середине века отказался от руссоистского понимания демократии как прав и возможностей для всех. На смену пришла элитистская демократия [Шумпетер 1942]. Она трактует всякие там разборки и сотрудничество «элит». Нас же с вами объявляет «аполитичной глиной» (Р. Даль).

…Но вернёмся к верхнему советскому слою. Большевики поняли (скорее не умом, а инстинктом) недостаток прежнего московско-петербургского устройства. Он заключался в разделённости функций управления и духовного окормления, в разделённости дворянства и церкви (и даже некоторой их антагонистичности). РКП (б) — ВКП (б) явилась своеобразным «снятием» этого противоречия. Новое сословие получило в полное владение тела, умы и души наличного населения.

Соответственно традиции после РКП (б) — ВКП (б) последовало создание — закрепощение крестьянства (1929–1933 гг.). Народ все понял правильно, когда расшифровал ВКП (б) — Второе Крепостное Право (большевиков). За колхозниками пошли горожане (ранее — посадские). Режим обязательной прописки и обязательного проживания по адресу прописки был дополнен в предвоенный период рядом нормативных актов, закрепощавших жителей города предприятиям, на которых они работали, и лишавших их права перехода на другие (не правда ли узнаваемый исторический «дизайн»?)

Римейком же Конституции 1649 года была Конституция 1936 года. У этих «основных законов» один и тот же внутренний стержень и esprit (или, по крайней мере, близкий). С одной стороны, Уложение 1649 г. всех закрепощает, а, с другой, делает равными. Все равны, но не перед законом, как это со временем устроилось в Европе, — перед властью. И равны в своем бесправии. Когда-то С.Ф. Платонов, крупнейший русский историк начала XX столетия, припечатал петровский режим — «равенство всеобщего бесправия». Это же в полной мере относится и к тому, что сотворил папа Петра, Алексей Михайлович. И вот на основе этого эгалитарного бесправия власть даёт гарантии — обратим на это внимание — неравного жизненного минимума. Не в прямую, конечно. Однако подразумевалось: соблюдение установленных наверху правил обеспечит какое-никакое выживание. Нарушение их смертельно опасно. — В этом была слабость московско-петербургской системы: равенство в бесправии, но неравенство в потреблении. Здесь надо подчеркнуть: «равенство в бесправии» перед властью, а не в отношениях между сословиями; там равенства, понятно, не было. Это важная, однако иная тема. Мы ещё коснёмся ее. — Эта слабость исторически простительна (русской власти). Она отражала всеобщую бедность. Ресурсов на всех не хватало. Потом власть всегда думала так, как говорил ее поздний speaker Виктор Степанович: «Кто сказал, что давать надо всем»[3].

[2] От нем. — deprimieren; я бы вольно перевёл этот глагол так: «опускать».

[3] 24 августа 2009 года слышал по телевизору ответ русского народа В.С. Черномырдину. Он прозвучал из уст какого-то хитроватого зауряд-чиновника (разбойного, впрочем, вида): «У нас нет не дающих, у нас есть плохо просящие». И это тоже «правда-матка» русской истории. Разумеется, она не «отменяет» общей бедности, не-

Большевизм стал попыткой преодоления этих самых недостатков, противоречий, слабостей московско-петербургской системы. Во второй раз (не сомневаюсь, в последний) русский народ решил устроить свою судьбу на тех же, но идеально выправленных, основаниях. Это — **сознательный** отказ от движения в сторону свободы и права, т. е. отказ от исторической субъектности, и **сознательный** выбор рабства в обмен на более или менее равный минимум потребления (за это последнее соглашались даже — в принципе — жертвовать жизнью; лучше, конечно, чужой, но обернулось для миллионов своей). Да, это было во многом обусловлено бедностью природных условий (не устану повторять это; все разговоры о нашем **потенциальном** богатстве — сплошной разврат; русская история проходит в суровых климатических и т. п. данностях).

Итак, повторим, РКП (б) — ВКП (б) играла роль дворянства и церкви. т. е. реализовывала две важнейшие социальные функции — управленческую и сотереологическую (разумеется, в секулярном варианте). Колхозное крестьянство по сути вновь прошло путь своих предков — крепостных общинников. Иными оказались судьба, роль и функции горожан. Хотя возникновение и предназначение городов и в московско-петербургской, и в советской системах было очень похожим. В первом случае города строились как военные форпосты, крепости, а также инструменты и опорные пункты колонизации завоёвываемых пространств. Во втором — как военно-индустриальные центры и опорные пункты уже завоёванного пространства.

Разница же заключалась в том, что советская система, независимо от того, хотели этого ее творцы или нет, оказалась для России способом перехода от крестьянской цивилизации к урбанистической. И потому роль горожан (городского «сословия») была здесь гораздо важнее, чем в предшествующей системе.

Что касается Конституции-36, то в ней большевики действительно преодолели противоречие Конституции-49: было достигнуто полное (насколько это вообще возможно) равенство в бесправии. — Хотелось бы обратить внимание на то, что это равенство в бесправии носило как положительный, так и отрицательный характер. Например, для всех отменялось право выбора (речь, конечно, идёт не об институте сталинских выборов, а о выборе как основе свободной социальной жизни). Но для некоторых групп населения это равенство носило и положительный характер. Так, была ликвидирована категория «лишенцев» — одна из важнейших составляющих советского общества первых двух десятилетий. Представители бывших «эксплуататорских классов» уравнивались в правах (в бесправии) с представителями новых советских «классов». Или, говоря политологически, «опущенных» (бывших) подняли до «честных фраеров» (новых).

И одновременно законодательно декларировалось равенство в потреблении. Конечно, это равенство носило зачаточный характер — принцип «каждому по труду», но объявлялось переходным к ситуации полного равенства — «по потребностям».

Подобно московско-петербургской системе советская, достигнув высшей точки крепостничества и бесправного равенства, начинает двигаться в другую сторону. В тот момент, когда РКП (б) — ВКП (б) переименовывает себя в КПСС, начинается эмансипация этого сословия. И в этом смысле Маленкова можно сравнить с Петром III, а Хрущева — с Екатериной II. Кратковременные правители запускают этот процесс, а их «долгоиграющие» сменщики реализуют его содержание. В эпоху между Петром III и Николаем I (1762–1825 гг.) происходит становление дворянского сословия как особого культурно-исторического типа. И одновременно социально-культурной основы для будущих эмансипационных процессов. В хрущевско-брежневский период (1953–1982) формируется номенклатурное сословие также как

хватки ресурсов. Просто надо уметь попросить и — дадут. Ведь наша власть (и мы с ней) не только папа и Лютер в одном лице (по известному выражению), она (и мы с ней), как говаривал по другому «поводу» любимый герой русского народа И.В. Сталин, «полумонашенка-полублудница».

особый культурно-исторический тип, в недрах которого начнутся новые эмансипационные процессы.

Схожим образом решались и крестьянские вопросы. В 1861 г. крестьян освободили, но оставили в рамках общины; в целом они так не обрели правосубъектности; выход из общины был существенно затруднён. После первой русской революции и в ходе столыпинских реформ крестьяне получили и право на выход, и правосубъектность, и паспорта с фамилиями. Маленковская реформа 1953–1954 гг. освободила крестьян от крепостничества, но оставила в колхозах; фактически отсутствовало право выхода, была ограничена правосубъектность, не было паспортов. Брежневско-косыгинские реформы второй половины 60-х годов принесли крестьянам право выхода, полную правосубъектность, паспорта (правда, только в 1974 г.).

Совершенно другая участь ждала советских посадских. В хрущевско-брежневский период это была количественно превалирующая социальная группа и от ее судьбы зависела судьба всей системы. Точнее, ее будущее или то, что будет после этой системы. Поскольку именно те процессы, которые шли в этой среде: а) сгубили эту систему, б) не дали возможность восстановить ее. Следовательно, эволюция сословия советских посадских является ключом к пониманию того, что случилось в России в последние десятилетия XX в.

Поначалу все было не так плохо (для Системы). Пришедшие в город миллионные массы (что-то схожее с овладением Рима варварами; кто только не упражнялся на эту тему, а для А. Тойнби — она одна из важнейших; и тем не менее ещё раз скажем: варвары вошли в Рим; «скифский праздник на берегах Невы» — припечатал революцию сразу все понявший О. Мандельштам) принесли с собой традиции и стереотипы поведения первичной для них передельно-общинной формы существования. Но и сверху, «хозяева», «РКП (б) — ВКП (б)», так же во многом представители этого жизненного уклада, начали обустраивать новое городское существование по привычным лекалам. Жизнь в многолюдных коммуналках и бараках (о них почему-то вспоминают меньше ностальгирующие по всему этому пожилые индивиды; а ведь бараки стояли повсюду, даже в центре Москвы; у меня был дядя, участник войны, израненный и измученный к сорока своим годам, который с семьёй (двое детей) вольготно помещался в восьмиметровой комнате вместе с семьёй сестры жены (тоже двое детей); от коридора их комната отделялась тончайшей стенкой, каждый шорох был отлично слышен, во дворе колонка с водой и удобства деревенского типа; барак находился в двухсот метрах от только что выстроенной гостиницы «Украина»; большая часть людей, проживавших в бараке, были из одной деревни и работали на фабрике «Сакко и Ванцетти»; далеко за околофабричные окрестности, как правило, они не выходили; Москву не знали совсем, к городской жизни по сути отношения не имели; их локальный крестьянский мир был перенесён в Москву и лишь их дети, рождённые в 50-х в каком-то смысле стали горожанами), работа в многолюдных, «массовидных», как сказал бы Ильич, коллективах (заводы, фабрики etc.), обязательное участие в массовых акциях (демонстрации, митинги, физкультура, детсадовско-пионер-комсомольское начало) — сформировало нового человека русской истории, основу «советского народа — новой исторической общности» (Леонид Ильич; а скорее кто-то из его либерал-коммунистических холуёв — по англ. «спичрайтеров»): **парохиально-массового человека**. Который пришёл на смену парохиально-локальному человеку.

«Массовый» означает принадлежность к «массовому обществу», урбанистическому типу социума XX столетия. Большое или массовое общество, Gesellschaft, пришло на смену локальному, Gemeinschaft, общине. Массовый человек Запада имеет подданнически-активистский характер[4], «наш» сумел сохранить парохиальный. Еще раз: «мы» в результате советских преобразований получили массово-парохиального человека. И если бы этот тип не эволюционировал, не менялся бы, стоять бы и стоять СССР в веках. Никакие бы внешние

[4] Это термин Г. Алмонда. «Подданнический» (от англ. subject) — значит принадлежность к авторитарному обществу (и политической культуре); «активистский» — к современному либеральному, «открытому» обществу.

(США, НАТО, жидомасоны) и внутренние (диссиденты, стиляги, жидомасоны) враги ничего бы с ним не поделали…

Все начало ломаться в прекрасных (после 1953-го) пятидесятых. А в шестидесятых-семидесятых пошло-поехало. Массовое жилищное строительство с отдельными квартирами, довольно широкая возможность получить за городом клочок земли и построить незамысловатую дачу, чуть позже индивидуальный («диким путём», образом, как тогда говорили) отдых, включая туризм в маленьких, своих, тесных компаниях, постоянно — несмотря ни на что — увеличивающаяся покупка личных автомобилей и проч., и проч. привели к своеобразному советскому privacy. Возник новый личностно-приватный мир, включающий в себя элементы выбора, свободы, повышенных стандартов потребления (причём не только материального характера). Появление миллионов и миллионов подобных людей означало смертельный приговор Русской Системе в ее коммунистическом изводе.

Демографический взрыв в русской деревне во второй половине XIX — начала XX в. снёс царский режим. Не успели, не сумели справиться с его негативными влияниями и последствиями. Хотя усилия предпринимались героические и весьма эффективные. Коммунизм снесли «демографический взрыв» в городе (здесь взрыв был в основном обеспечен, повторим, переселением из деревни) и формирование массового приватного русского в новых русских городах. И на этот раз власть пыталась остановить, купировать опасные для нее тенденции, но оказалась вновь неспособной.

К счастью для русской истории, массовый городской приватный человек на руинах коммунистического порядка начал не «войну всех против всех», а довольно рутинную новую жизнь, скорее похожую на элементарное социобиологическое выживание, чем на бессмысленный и беспощадный бунт. **В этом главный наш шанс** (профессиональных патриотов прошу не обижаться; шанс, и весьма неплохой, у нас есть)…

Вдогонку поговорим немного о сходстве верхних сословий в московско-петербургской и советской системах. Ю.М. Лотман писал: «Дворянство Московской Руси представляло собой «служилый класс», то есть состояло из профессиональных слуг государства. Их… труд оплачивался тем, что за службу их «помещали» на землю, иначе — «верстали» деревнями и крестьянами. Но ни то, ни другое не было их личной и наследственной собственностью. Переставая служить, дворянин должен был вернуть пожалованные ему земли в казну» [Лотман 1994: 18]. — Разве это не схоже с судьбой номенклатуры? Разве не условно было все их обладание привилегиями, которые также не были их «личной и наследственной» собственностью. «Переставая служить», и номенклатура теряла львиную долю «пожалованного» ей на время.

И также как в определённый исторический момент дворянство получило земли и крестьян в наследственное владение, так и номенклатура в свой час обрела себе в собственность то, чем она ранее лишь временно пользовалась и распоряжалась. Для московско-петербургской системы это была эпоха Петра III — Екатерины II, для советской — эпоха самого ее конца и начала постсоветской. т. е. если в первом случае пришлось пожертвовать всеобщей гармонией службы, что было raison d'étre системы, и, тем самым, обрекло ее на эволюцию-эмансипацию с параллельными усилиями по консервации, то во втором — пришлось пожертвовать самой системой.

И ещё одно соображение Ю.М. Лотмана. «Культурный парадокс сложившейся в России ситуации состоял в том, что права господствующего сословия формулировались именно в тех терминах, которыми философы Просвещения описывали идеал прав человека» [Лотман 1994: 40]. Но и горбачевско-ельцинская номенклатурная революция шла под лозунгами прав человека, правового государства, права частной собственности и т. д. И в том, и в другом случае верхние слои эгоистически узурпировали права всех и права для всех.

А вот умные и глубокие наблюдения Шейлы Фицпатрик. «Главное свое значение в советском обществе классы имели для государственной системы классификации, определяю-

щей права и обязанности различных групп граждан. Вот ещё один парадокс: всячески подчёркивая идею классовой принадлежности, новый строй умудрился de facto вернуться к прежней, столь презираемой сословной системе, при которой твои права и привилегии зависят от того, кем ты официально считаешься — дворянином, купцом, представителем духовенства или крестьянином. В советских условиях «класс» (социальное положение) является атрибутом, определяющим отношение человека к государству…» [Фицпатрик 2001: 20]. — Действительно, все по сути совпадает в Московo-Пербургии и Московo-Совдепии.

Американская исследовательница точно отмечает и то, что «отношения между классами в сталинском обществе имели сравнительно небольшое значение. Главными были отношения с государством…» [Фицпатрик 2001: 21]. Да, и в первом, и во втором случае сословия ориентировались на власть, а не друг на друга. Сословия различались по взаимодействию с властью, но не между собой. Далее Ш. Фициатрик объясняет, п о ч е м у отношения с государством были для сословий главными. Поскольку именно оно являлось «распорядителем товаров в системе экономики хронического дефицита. Согласно марксистской теории, главная классовая черта — это отношение к средствам производства… В СССР собственность на средства производства принадлежала государству. В зависимости от интерпретации это могло означать либо то, что все стали собственниками, либо то, что все превратились в пролетариат, эксплуатируемый собственником-государством. Но, так или иначе, производство больше не служило базисом классовой структуры в советском… обществе. В действительности значимые социальные иерархии в СССР… основывались не на производстве, а на потреблении. «Классовый» статус в реальной жизни был связан с большим или меньшим доступом к жизненным благам, что, в свою очередь, зависело от степени обладания привилегиями, даруемыми государством» [Фицпатрик 2001: 22].

В этом пассаже крайне важна мысль, что-либо все собственники, либо все пролетариат. Как будто есть основания для прямо противоположных выводов. Но это вполне соответствует идее властепопуляции: все — власть, все — никто. То есть все и собственники, и пролетарии. Все вверху и внизу. Так по-русски «снимаются» краеугольные социальные противоречия и решаются фундаментальные социальные вопросы. Что же касается темы потребления (доступа к ним, привилегиям), то это, естественно, центральная тема для общества передельного типа. Бесконечная и высочайшая активность по поводу потребления и есть советская форма передельного социума.

О бюргерском и черносотенном

Теперь же совершим небольшой экскурс не только в русскую, но и европейскую историю. И сколь «экзотичным» он бы ни показался, не сомневаюсь в его значении для нашей темы — советское, его исторические корни, содержание.

Итак, повторю, поговорим о — внешне — совершенно неожиданном и — казалось бы — отдалённом от «мейнстрима» статьи.

…Раскол западной церкви произошёл в начале великого перехода от традиционного общества к современному; более того, он был одним из важнейших (если не важнейшим) первых актов этого перехода. Далее раскол вылился в кровопролитную войну, а затем завершился компромиссом. «Север» и «Восток» Европы склонились к протестантизму, ушли в «раскол». «Юг» и «Запад» остались верны католической конфессии. Югу не нужна была Реформация, первоначальный импульс которой — возвращение к аутентичному первохристианству. У «южан» (латинян) было свое возвращение — Ренессанс. Так, актуализируя прошлое, Европа двинулась вперёд.

Протестантизм — это и есть изменение вперёд, это — самоограничение ради самореализации, это психологизация, т. е. индивидуализация веры, поведения, это — индивидуализированная полисубъектность. Короче, это новый человек, порождающий новый мир. «Вы-

двинув положение о том, что человек не нуждается в посредничестве для общения с Богом, он (Лютер. — *Ю.П.*) заложил основы европейской демократии, ибо тезис «Каждый сам себе священник» — это и есть демократия» [Манн 1961: 311]. Каждый сам себе священник — это приватизация сакрального. Человек создаёт **свой потусторонний мир**.

В 1516 году (чуть-чуть раньше Лютера) выступает Томас Мор (вот кому всегда были отданы моя любовь и восхищение) со своей «Утопией». Происходит переход из пространства в U.Topos (место без, вне пространства). Развязывается связность «места» и «порядка». Согласно К. Шмитту, эта связность и была основой феодализма, на ней он покоился (ср.: А. Токвиль «Старый порядок»). Происходит снятие сакрально-властной локальности (это и есть феодализм; Средние века), раскрепощение пространства и выход из него. Отныне социальная жизнь человека не связана с локальным пространством. Ему принадлежит весь мир. В нем пространство психологизировано, т. е. индивидуализировано. Индивид обретает возможность выбора в пространстве. **Человек создаёт свой посюсторонний мир.**

В эти годы Макиавелли (1513–1520 гг. — расцвет его творчества) движется в том же направлении, что Лютер и Мор. Но опыты флорентийца касаются не веры и пространства, а власти. В «Рассуждениях» он говорит: «Судьба всегда на той стороне, где лучшая армия». А «лучшая армия» у того нового типа власти, который возникал тогда в некоторых южных и западных частях Европы. Макиавелли даёт ему название — «stato» (вот она триада раннего Нового времени: «sola fide», «Utopia», «stato»). Это — динамический компромисс борющихся «начал» (различных социальных сил) и одновременно деуниверсализация властного, его, так сказать, конкретизация. А также психологизация, т. е. индивидуализация власти.

Но эпоха Лютера-Мора-Макиавелли этим не исчерпывается (мы намеренно ничего не говорим о живописи, архитектуре, скульптуре: это увело бы нас далеко…). В 1510 году в Нюрнберге созданы первые карманные часы со стальной пружиной (на мой взгляд, по силе социального и психологического воздействия это не менее значимо, чем Лютерово открытие). В 1522 г. завершено первое кругосветное путешествие (ср. с открытием Мора). В 1525 году в битве при Павии испанцы разгромили французов (пленение Франциска I). Это была первая победа ручного огнестрельного оружия (фитильные мушкеты)[5] над холодным. Начиналась новая эра — эффективных убийств, «лучших армий», современных государств (Макиавелли).

Вернёмся к Лютеру. И отметим — нам это понадобится впоследствии, — что протестанты, отколовшись от Рима и его вселенской власти, нашли опору в местных властях, формирующихся «stati». Раскольники оказались в рамках союза трона и алтаря…

А что у нас на Руси о те же времена? Русский раскол произошёл на самых последних, завершающих стадиях Великой самодержавно-крепостнической революции. Соответственно, он не мог повлиять на становление нового порядка (другое дело, что нанёс смертельный удар по Московской Руси и «породил» Петра I). Правда, в лютеровы примерно годы у нас тоже был раскол (хотя эти события никто так не квалифицирует). Речь идёт о знаменитой пре между иосифлянами и нестяжателями. Конечно, он был иным, чем в конце XVII века. Однако в нем проглянули черты будущего. В иосифлянах не трудно обнаружить прообраз никониан, а нестяжатели — это, безусловно, порыв к автономии личности, выявлению индивидуальности, выход из-под тотального контроля формирующейся Власти. Но раскол рубежа XV–XVI вв. закончился победой сторонников привластной церкви (как, впрочем, и раскол-2); к тому же настоящего раскола как результата этой дискуссии удалось избежать. Арбитром выступила власть. Победил тот, кого она поддержала.

[5] Интересно: как быстро в те вроде бы небыстрые времена оружие распространялось по миру. Уже в 1552 г. при взятии Казани отличились стрельцы с фитильными пищалями и мастера минного дела (тоже now how). Последними командовал Иван Выродков (во фамилица!; это когда въезжаешь из Латвии в Ленинградскую область, первая железнодорожная станция — «Пыталово»; так сказать, «Добро пожаловать!»). А через семь лет (1559) фитильные ружья стали производить в Японии…

И здесь явился Филофей. Если его идеи поставить в контекст тогдашней Европы, мы узнаем в нем анти-Лютера, анти-Мора и анти-Макиавелли. Перефразируем Т. Манна: когда Филофей сказал, что царь есть главный священник, тогда началось самодержавие. Москва последняя (другой не будет) хранительница истинной веры, а на Москве — царь. Рождается сакральный моносубъектный мир. Москва — единственный в мире сакральный топос, все остальные земли «нечестивые». То есть и пространство сводится в сингуляр, в монотопос, монолокус. И Власть не предполагает никаких компромиссов соперничающих «начал», социальных сил. Она их искореняет.

Кстати, и у нас в начале XVI в. возникает своя триада: «Мнение есть падение» (Иосиф Волоцкий), «Москва — Третий Рим» (Четвертому не бывать), «Царь-Священник».

Через некоторое время приходит Иоанн IV. В известном смысле мечта Филофея. Таким должен был быть чаямый им царь-священник. Важна и фигура Ивана Пересветова. Его властно-социальный идеал Н.Н. Алексеев, выдающийся политический и правовой теоретик 20-х–50-х годов ушедшего века, называл «своеобразным московским фашизмом», «восточным фашизмом». Сам же Пересветов, как мы знаем, ориентировался на находящуюся тогда в расцвете и экспансии Османскую империю, ее порядки. **Он хотел строить в России социальную народную монархию**. Все это было прямо противоположно тому, что с лёгкой руки Макиавелли (и других, скажем, Бодена) делалось в Европе.

Повторим и усилим: в XVI в. Европа освобождает индивида от крепостной зависимости локусу («закрепощённое пространство», «закрепощённый пространству») и крепостной зависимости Вечности (через Римскую церковь). Отныне путь европейца — социальная темпоральность и завоевание нелокализированного мирового пространства. В России идёт процесс освобождения власти из-под Земства и Традиции (народ-в-пространстве), т. е. становления Власти (Орды). Ключевую роль здесь играет опричнина. Итак, в Европе рождается Человек, здесь Власть. Эпоха Гуманизма и Кратизма. Там действует инквизиция, казнят «еретиков» — за веру. Идут кровавые религиозные войны — за веру. Здесь казнят «еретиков», отпавших от Самовластия. Там за желание быть Человеком (за религиозный выбор), здесь — не быть на сто процентов под Властью.

Важным этапом нашего созревания была Смута (мы уже говорили об этом, но — повторим…), которая обычно сводится к бессмысленно-беспощадному бунту, войне всех против всех и т. п. Но наряду с этим у Смуты была и своя «правда». Это ведь был бунт и против Самодержавия, и крепостного порядка, а также движение к ограничению власти и т. п. Однако это эмансипационное начало в конечном счёте было задавлено. Дорога к установлению полного, завершённого крепостнического самодержавия оказалась открытой.

Церковный раскол, с определённой точки зрения, был продолжением этой тенденции. Русь как бы «очищалась» от тех, кто не вполне соглашался с установлением такого порядка. Старообрядцев, людей твёрдых, страстных, мужественных, столь же и узких, фанатичных, нередко экзальтированных, но не «стандартных», вышибли из русской истории на двести с лишним лет. Конечно, безо всяких натяжек мы найдём общее как в этике протестантизма, так и в этике старообрядчества. Не случайно запоздавший русский капитализм во многом вышел из старообрядческих общин и во многом был ими оплачен. Тем не менее двести лет в «резервациях», на обочине исторической жизни — не лучший вариант для рождения «человека открытого», человека-современного.

Никониане, взяв верх в церкви, нашли полную опору в государстве, а затем и вовсе были этатизированы. Они же обладали монополией на истину. А «истина» в конце XVII в. уже предполагала «прогресс», «новое». Петр, будучи «следствием» результатов раскола, сделал то, что должны были — по европейской логике — русские протестанты-старообрядцы. Но победи они, мирское ещё больше подпало бы под сакрально-бытовое. — А первому императору Русь была не нужна, он строил Россию-Империю, ее же и секуляризировал. А ту, московскую, посконную, черносотенную задвинул в рабство.

Мы ещё забыли сказать про «Домострой», который во многом вылепил русского человека. Он его и дисциплинировал, и ограничил, и закабалил, и воспитал. Это было обуздание варвара и решительный шаг в деле превращения русского в раба. Это был апофеоз обязанностей, без каких-либо прав. И здесь прочитывается нечто протестантское, но превалирует все-таки esprit крепостническо-самодержавного порядка.

Что же получилось в Европе? Т. Манн полагал определяющим **бюргерскую культуру**. Культуру свободного городского человека. Кстати, великий писатель явился и ее глубочайшим критиком; ей он выставлял счёт за нацизм и многие другие германские уродства. Конечно, Европа больше и сложнее Германии, но в целом ситуация была схожей.

В России в XX в. историческим наследником и того, о чем мы уже сказали, и того, о чем будет сказано дальше, стала **черносотенная культура**. Подчеркну: одноимённые радикально-погромные организации начала XX столетия лишь небольшой «раздел» этой культуры. Черносотенство есть социальный мейнстрим русского общества при переходе его из традиционалистско-сельского к современно-городскому. Это культура масс, рвущих со своим прошлым, чуждых идей и ценностей «Hochkultur» и духа модерности. Это социальный феномен, как бы застрявший (если смотреть с европейской точки зрения) между традиционализмом и современностью. Но это европейский взгляд. У нас это именно мейнстрим. Черносотенец принадлежит не деревне и не городу (советские деревни и советские города не деревни и не города ни в каком, в том числе и в русском смысле). Советизм есть воплощённое черносотенство. Революция в России окончилась победой черносотенцев. Причём возобладал красный, а не белый вариант (впервые это различение дано П.Б. Струве в ещё дореволюционные годы).

Итак, наше черносотенство есть органический продукт русского месторазвития. Оно и победило как середина (западный средний класс XX столетия помните?) отечественной социальности, победило на руинах двух субкультур, вобрав в себя соки обеих. Но не только… П.Б. Струве писал: «Сущность и белого, и красного черносотенства заключается в том, что образованное (культурное) меньшинство народа противополагается народу, как враждебная сила, которая была, есть и должна быть культурно чужда ему. Подобно тому, как марксизм есть учение о классовой борьбе в обществах, — черносотенство обоих цветов есть своего рода учение о борьбе культурной» [Струве 1911: 16].

Итак: вот что здесь главное — «культурная борьба». Между Россией (с XVIII в.), стремившейся быть современной по-европейски, и Россией, обреченной на сохранение «своей», не-современной, «старомосковской» идентичности. То есть черносотенство это социально-культурная реакция на насильственную модернизацию — вестернизацию страны. Это — и следствие раскола на две «России», и выражение инстинктов и интересов «старомосковской» субкультуры.

Впервые же на исторической сцене черносотенство появилось в годы Смуты начала XVII столетия. Появилось и спасло Русь — от интервентов, тушинцев, болотниковых и т. п. И вместе с тем от первых «западников», желавших ограничить самодержавие (и при Василии Шуйском на четыре года это удалось; удалось и с королевичем Владиславом — правда, в Москву его не пустили) и несколько озападнить нашу жизнь. Это был героический, легендарный, «мифопоэтический» период вызревания черносотенства. Но оно так бы и не дозрело, если бы не революция Петра. Так бы и осталось нормальной, здоровой, узкой, кондовой, «физиологической» силой самосохранения русского этноса. В совсем не плохом смысле слова консервативной, даже, пусть реакционной функцией народного организма. Подобное «черносотенство» имеется в любой национальной культуре.

У нас же — после Петра — «черносотенство» было обречено не на жизнь и борьбу «в рамках» и по принципу «и-и», и не на, в конечном счёте, компромисс с modernity и сосуществование в условиях консенсусного полисубъектного социума, «смешанного правления», политии. Но — на перманентную тотальную войну с другой, «петербургской», субкультурой.

«Или-или». Хотя поначалу эта война была малозаметна. Поскольку протекала не просто в «холодной» форме. Она была замороженной, подмороженной, загнанной в подполье — жесточайшим крепостным режимом. Когда же в эпоху «великих реформ» этот режим ушёл в небытие, война стала обретать иные формы. К началу XX в. — вполне горячие.

Обычно под «черносотенством» полагают известные организации и настроения, оппонировавшие эмансипационному процессу между 1905–1917 гг. (мы уже вскользь упомянули это). Это то, что П.Б. Струве квалифицирует как «белое черносотенство» («Союз русского народа» etc.). Его идеология представляла собой комбинацию антикосмополитических, антиурбанистических (при том, что движение развивалось в крупных и средних городах), антибюрократических, антикапиталистических, антилиберальных, антисемитских взглядов, сдобренных традиционным и очень поверхностно-вульгарно трактуемым «позитивом» — «православие, самодержавие, народность».

П.Б. Струве указал на существование другого черносотенства — красного. Это, по его словам, «народнический» социализм эсеров и большевиков. «…Наш народнический социализм перекрещивается с черносотенством, образуя с ним некоторое внутреннее духовное единство» [Струве 1911: 11]. То есть он настаивает на одноприродности, единых корнях и того и другого черносотенства. — При этом красное, подобно белому, порождено расколом русской цивилизации, культуры. Но в отличие от белого, оно в конце-концов отлилось в псевдосовременные формы. Оно упаковало себя в европейское платье. Научилось говорить на немецко-французском социалистическом языке. Предложило «старомосковской субкультуре» способ выживания в современном (modern) мире. Более того, сумело — в течение семи с лишним десятилетий — выдавать эту субкультуру за современность. Ловко, жёстко и молниеносно (по историческим меркам), загримировав её, придав ей черты чуть ли не «будущего» («будущего» — в смысле прогрессистского миропонимания).

Вдогонку буквально два слова о «месторазвитии». Как известно, этот термин введён в науку евразийцем П.Н. Савицким. В нем объединены исторический, пространственно-географический и природно-климатические измерения социальной эволюции. Другими словами, — **то** и **где это** происходит.

Европа всегда жила в геоисторической ниши Римской империи. Каролинги, Священная Римская империя германской нации — это все римейки Первого Рима. Но внутри этой открыто-закрытой целостности шла работа по обустройству этно-национальных сообществ. Процесс привёл к двум результатам. С одной стороны, постоянная тяга и работа над интеграцией, с другой — nation-state-building. Но имелось ещё одно измерение европейских геоисторических дел. Крестовые походы орденов, сужение католического европейского ареала и «уравновешивание» этого распространением римской веры по всему свету (португальцы, испанцы). А затем и колониальные инвазии. Кстати, у кого не было материальных сил распространяться по земного шару, те, в первую очередь немцы, углублялись в метафизические пространства ума, души, сердца (философия, музыка, поэзия). Так называемая феодальная раздробленность и ее дальние последствия в виде федерализма позволили европейцам объюютить и очеловечить свои микроместоразвития.

А у нас? — Киевский вождеплеменной союз во главе с прибывшими из Скандинавии викингами-германцами в середине XIII в. с помощью татар развалился на три части. Западная ушла в Литовскую Русь, была отчасти европеизирована[6]. Эта часть Руси в общем не была под монголами. Северо-Запад создал уникальное народовластие (Новгород, Псков, Вятка) с разными идентичностями — своей собственной, русско-татарской, ганзейской. Восток Руси на 250 лет стал прочной частью Золотой Орды. После ее разложения этот самый Восток во главе и в лице Москвы начал возрождение Монгольской империи. Это как раз и есть русский

[6] В Киеве стоит памятник Магдебургскому праву, а вот в Москве — Лобное место, где столетиями казнили людей. Задумайтесь об этом возлюбленные современники! Ведь сегодня в центре нашей Родины лежит убийца в окружении своих учеников-негодяев, а чуть поодаль от них «вечная память» смертному месту.

Ренессанс (я не шучу, а предлагаю вдуматься в смысл этой метафоры). За всем этим не хватало и не хватило сил на обустройство именно своего месторазвития. Однако кто точно назовёт его — наше месторазвитие?

* * *

Итак, «инспирированные», казалось бы малообъяснимыми — и по сути и по форме, — действиями властей в отношении Академии наук, выдвинув предположение об укоренённости всего этого в советском, советизме, мы, во многом неожиданно даже для самих себя, прочно обосновались в историческом — порою и «далёком» — пространстве. Сказать, что ответ найден, — преждевременно. Хотелось бы не спешить с окончательными выводами и полагать представленный текст лишь первой частью «политологического расследования». Надеюсь, что вторая (и заключительная) не заставит себя ждать.

Что делать?

* * *

Второе «академическое дело» (первое, напомню, состоялось в славные годы подъема сталинской диктатуры), поведение власти летом-осенью тринадцатого по отношению к РАН заставляют нас вновь и вновь искать причины случившегося. Ведь с любой рациональной точки зрения **то, что было сделано и как это было сделано** необъяснимо. Зачем вообще и зачем так?

В предыдущей статье мы предложили обратиться к природе советского, советизма. Именно в этом, и прежде всего в сохранении этого явления, доминировании его в русской социальной жизни, усматриваются корни происходящего. То есть это никакая не случайность, не малопонятная трезвому уму девиантность, скорее, нормативность этой все еще «цветущей несложности» (пусть новоявленные поклонники Константина Леонтьева не обольщаются по поводу природы своего кратоса). Когда-то бог-отец большевизма, только что вернувшись в страну после почти двадцатилетнего отсутствия, в работе «О двоевластии» сформулировал впоследствии знаменитый тезис: «Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве». Мы же вслед за большевицким вождём скажем: коренной вопрос русской социальной эволюции есть вопрос о власти. Ильичу же заметим: коренной вопрос всякой революции есть вопрос: а **что** после нее. Эта «штука» (**что** после нее) посильнее темы «власть». Здесь Ильич проявил свое «тактическое» нутро и, как всегда, стратегическую бездарность…

Загадка СССР

Итак — советизм.

Как же он стал возможен? Неужели это результат (или следствие) русской истории? Казалось бы, ничего похожего в прошлом не было. Смута начала XVII в.? Ну, какие-то черты схожести просматриваются. Однако не более того. Так может это реакция на вхождение России в современный мир? Если это так, почему же в такой страшной форме?

Предреволюционная Россия была вполне успешной. Росло благосостояние народа, эффективно развивалась экономика, преодолевался аграрный кризис, демократизировалась политическая система, культура и наука переживали расцвет. Война? На фронте ничего выходящего за рамки войны не произошло. И дело шло к победе, и количество жертв было сопоставимо с жертвами главных участников всемирной бойни. Разумеется, имелась масса проблем, все они требовали решения. Но ничего, ничего фатального, предопределённого, не было и в помине. Однако грохнуло.

Через семьдесят четыре года также внезапно коммунизм-советизм развалился. «Моё основное наблюдение сводилось к тому, что Советский Союз был отменен из-за отсутствия интереса к его существованию. И никто не хотел выступить в его защиту», — говорил Джеймс Коллинз (в 1991 г. — первый зам. посла США Джека Мэтлока, в 1997–2001 гг. посол США в России) [Коллинз 2011].

«Таинственное» появление, «таинственное» исчезновение. Между ними — нигде никогда небывалый строй. Который оценивается в диапазоне: суицид русского народа — величайший в истории подъем России.

В начале 80-х годов Эдгар Морен писал: «СССР — САМЫЙ БОЛЬШОЙ ЭКСПЕРИМЕНТ (так у автора. — *Ю.П.*) и главный вопрос для современного Человечества» [Морен 1995: 15]. Наверное, в этих словах содержится определённое преувеличение, но то, что СССР один из самых больших экспериментов и вопросов — точно. Во всяком случае, для русской науки нет вопроса важнее. Скажу больше: настоящее и будущее (обозримое) России зависит от того, как мы ответим на все эти вопрошания.

Но неужели ответы ещё не найдены? Ведь советскому коммунизму посвящены тома и тома работ. Скоро уж столетие Октября, а это означает, что ровно столько же этот феномен анализируется. Чего же нам неизвестно? — Да всё. И только с этой позиции исследователь должен начинать. Конечно, изучить тонны ранее написанных трудов. И после этого — с чистого листа.

Вот, скажем, тема: революция. То, с чего все началось. Казалось бы, Великая Французская задала норму. Отныне и навсегда все революции меряются по ее стандарту. А этого решительно делать нельзя. Там революция поднялась ради частной собственности для всех, а у нас ради отмены частной собственности для всех. Там революция вдохновлялась идеями мыслителей Просвещения, mainstream-ом интеллектуальной культуры, у нас — большевицко-марксистским «дайджестом», который никогда не входил в русский мейнстрим, был периферийным продуктом. Между Наполеоном и Сталиным тоже ничего общего… Там революция позволила утвердиться новому порядку, формировавшемуся в недрах старого. У нас революция раздавила этот новый порядок и ревитализировала многое из того, что, вроде бы, уже уходило.

Маркс назвал революции локомотивами истории. Для Европы это, может быть, и верно. Они тащили это самое новое в настоящее и будущее. А вот для нас и нашей революции звучит двусмысленно. Ведь если и она локомотив истории, то, побивая современное, новое, она влетала в прошлое, традицию и беспощадно давила их своими колесами. Этот «локомотив» лишал нас не только настоящего, но и прошлого. Только наивные простаки полагали, что он мчит нас в будущее. — Мы-то оказывались у разбитого корыта… И эта футуристическая мания («будущее!», «все для будущего!», в «будущем будем жить счастливо!») была, конечно, — платой за разбитые прошлое и настоящее. Большевики как будто убегали от ими же устроенных развалин. Поэтому они и кричали: «догнать», «перегнать». Гонщики!..

И вдруг, другими словами мы уже говорили это, гонка оборвалась. Исчез СССР, как и родился, тоже совершенно по своему. Поэтому наряду с «революцией» тема отечественной науки — «почему погиб советский режим?». Попробуем сказать об этом. Итак…

Почему погиб советский режим (краткий эссе-памфлет)

Почему погиб советский режим? — Он не мог нормально существовать в условиях спокойствия. Советская система была создана (сконструирована) для функционирования в чрезвычайных условиях: для того, чтобы обрушивать террор, вести тотальные войны, постоянно взнуздывать население (через беспощадные мобилизации). Но никакой социальный порядок в истории человечества долго этого выдержать не может. Устаёт.

Металлические конструкции нередко рушатся внезапно, без, казалось бы, видимых на то причин. Специалисты говорят: усталость металла. Ее, насколько мне известно, практически невозможно вовремя диагностировать. Это же произошло с советской системой. В. Маяковский мечтал: «гвозди бы делать из этих людей». — Сделали. Но гвозди устали. Сломались.

Советская система представляется мне прямой противоположностью городу Венеции. Венеция стоит на лиственничных сваях, которые со временем не гниют, а, наоборот, приобретают устойчивость, сравнимую с камнем. Здесь же металл устал, — постройка рухнула. Но режим был далеко не так «глуп», как полагали многие, в том числе и автор этой работы. Даже в период расслабления, когда, вроде бы, его руководство отбросило курс на безжалостное достижение непонятного и неведомого коммунизма и погрузилось в банно-охотничью dolce vita, он вдруг пускался на совершенно авантюрные, безумные действия. Но это лишь казалось, что они таковы. Ярчайший пример — афганская война. Или сверхзатратная поддержка уголовного режима братьев Кастро. Или африканские затеи. И т. д.

На самом деле система пыталась взбодрить себя, вновь окунуться в атмосферу «и вечный бой, покой нам только снится». Это как ушедший на «пенсию» спортсмен пытается вернуть себе былую форму. С одной стороны, мы знаем, что спортсмен, прекративший тренировки, снизивший нагрузки на организм, особенно уязвим для всякого рода болезней. С другой, — если он переусердствует, исход может быть гибельным.

Видимо, что-то подобное происходило и с нашим режимом. Это доказывает: социальные порядки подобного типа не реформируемы — они против природы человека.

Между прочим, и предшественники советской системы (опричнина грозненская и петровско-крепостническая) проделали тот же путь. Правда, грозненская рухнула сразу же после кончины ее творца. И в России началась война всех против всех. Она стала возможной не только как естественная реакция различных общественных групп на ужас опричного строя, но ещё и потому, что сами эти группы были ещё недостаточно закрепощены, не «научились» ещё безмолвствовать.

А вот после смерти Петра смута (в традиционных формах и смысле) не началась. Всё уже было под замком (это Герцен говорил, что предшественники Петра, особенно папа его, заковывали народ в цепи. А замкнул их замком немецкой работы Петр Алексеевич). Бунтовала только гвардия (а не всё дворянство, — оно тоже бóльшей частью своей было превращено в рабское сословие). То есть право на бунт оставили у совершенно незначительной части населения. И это было единственным из прав человека в тогдашней России.

С советской системой оказалось сложнее. Сами ее начальники начали постепенный демонтаж. Главным (основным) проявлением этой политики стало относительное раскрепощение населения. Тем самым они отсрочили обвальное падение системы и одновременно заложили мину в ее фундамент. Смута все-таки пришла. Но уставшие за 70 лет люди в основном занялись не взаимным убийством, а приватизацией.

Кстати, **эта** приватизация была **подлинной**, т. е. не той, которую связывают с министром Чубайсом. **Эта** приватизация стала всеобщей: в ней участвовало все население. То есть она имела характер общенародный — и не случайно. Идеологи советской системы настаивали на общенародном характере своей системы. И в этом смысле народ имел полное право, когда она рухнула, взять себе все. В таком контексте приватизация по Чубайсу выглядит как контрприватизация, как узурпация общенародного кучкой проходимцев. В этом главное содержание смуты конца XX — начала XXI в. И хотя по видимости победили чубайсы, на самом деле и народная приватизация достигла громадных успехов.

Обратим внимание: мы ничего не сказали о событиях революции, гражданской войны и первых лет становления системы. А ведь по видимости они схожи с постгрозненской и постсоветской смутами. Но именно по видимости, а не по сути. Октябрь и последовавший за ним исторический период — это не реакция на гибель, не разложение насильнической системы.

Напротив, это реакция на появление в России открытого общества. Это отказ от замаячившей свободы. Солидарный протест тех социальных групп и тех модальных типов личности, для которых свобода — что-то типа морской болезни. И они предпочитают сжечь корабли, чтобы не искушать судьбу. К сожалению, тогда такие группы и личности составляли большинство.

Конечно, советская система намного сложнее, чем грозненская и петровская. Поэтому и история ее тоже богаче. Материальной метафорой этой системы являются тракторные заводы. Эти заводы хоть и строились как тракторные, но подлинной целью было создание танков. Объявлялось: в сельском хозяйстве переход к социализму будет осуществлён (помимо прочего) посредством его (сельского хозяйства) коренной технической модернизации. В реальности же готовились к войне. Поэтому и для настоящих нужд сельского хозяйства создавались тракторы, так сказать, с танковой основой. То есть неэффективные, мало пригодные для сельского хозяйства. С помощью этих танков-тракторов режим вёл постоянную битву за урожай. Благодаря такой политике система, хоть и с трудом, но выиграла войну, однако проиграла битву за урожай.

Особенность советской системы также и в следующем: в 1956 г. ее руководство решилось на самоубийственный шаг. Оно провело свой Нюрнбергский процесс. Я настаиваю на том, что XX съезд был СОВЕТСКИМ Нюрнбергом. И потому никакого другого Нюрнберга в России уже не будет. При всей внешней (с нынешней точки зрения) скромности и робкости саморазоблачения это было именно саморазоблачение. Замечу в скобках, что это одно из самых морально достойных событий в русской истории за все ее тысячелетие. Даже, вероятно, при том, что оно стало возможным в результате острой внутрипартийной борьбы. То есть такая цель — саморазоблачение — не ставилась. После этого Нюрнберга система была обречена. Начался процесс эмансипации.

И потому в Смуте конца XX — начала XXI в. наряду с прогрессивной общенародной приватизацией началось контрэмансипационное реакционное движение. Парадокс истории заключался в том, что его вождём стал человек, добивший советскую системы, — Б. Ельцин. Кому русские поставили памятник как человеку, прекратившему смуту начала XVII в.? — Козьме Минину. Кого сегодняшняя власть начинает облекать в памятники? — Бориса Ельцина. Козьма Минин спас русскую систему в момент ее становления. Борис Ельцин — в годину ее, казалось бы, умирания. Это он отдал то, что принадлежало всему народу, на разграбление кучке бандитов. При этом нанёс удар и по традиционалистско-советским силам, которые в своей наивности и невежестве надеялись на реставрацию советизма. Он освободил историческую сцену России от массовки, претендовавшей на свою долю в переделе. И от непрогнозируемых экстремистов старого и нового образца. И совершенно не случайно, что он передал власть единственной пока ещё в русской истории не разлагавшейся (не в моральном, а в социально-организационном смысле) корпорации спецслужбистов.

Парадоксальным образом Б. Ельцин является одновременно и героем русской свободы, и героем русской несвободы.

Далее: о спецслужбе и наиболее употребительном в русском языке наряду с «правдой» слове — «коррупция».

О роли коррупции и КГБ в новейшей русской истории

У Алена Безансона есть сборник статей «Советское настоящее и русское прошлое». Все тексты написаны до перестройки. По-русски эта книга вышла в 1998 г. И казалось, что ее содержание имеет, так сказать, ретроспективное значение… Прошло пятнадцать лет, и совершенно очевидно, что анализ Безансона по-прежнему актуален. Правда, при одном условии: необходимо поменять угол зрения. Сегодня это выглядит так — «Русское настоящее и советское прошлое». Иначе говоря: в каком соотношении находятся ушедшее советское и насту-

пившее русское? И действительно ли советское кануло в Лету? Или современное русское есть инобытие советского?

Итак, в начале 70-х годов Безансон писал: «…Токвиль отметил, что революция завершила государственную эволюцию старого режима. В префекте он видел очевидного наследника интенданта. Но вряд ли он мог обнаружить прямую связь между интендантом и Карьером, который топил подвластных ему граждан, или Фуше, который их расстреливал. Для того чтобы связь не прервалась, необходим отказ от утопических целей. Только реставрация (наполеоновская или монархическая) позволяет восстановить историческую преемственность, включить в нее революцию. Однако до сих пор ни одна большевицкая революция не закончилась реставрацией» [Безансон 1998: 76]. «Ни одна» — значит не только русская, но и, к примеру, китайская и другие. Не будем обсуждать тему «не только русская», напротив, сосредоточимся на самих себе.

Французский исследователь прав: в рамках советского коммунизма реставрации[7] не произошло. В отличие от хода событий на его родине и в Англии, где историческая преемственность была восстановлена. А что же у нас? Безансон (мы не входим сейчас в разбор его концепции; важны выводы) отвечает: «…Советское государство… превращается в революцию абсолютную» [Безансон 1998: 75]. Вместе с тем оно «карикатурно имитирует исторические формы русского деспотизма» [Безансон 1998: 75][8]. Да, большевицкая революция была абсолютной. И в смысле того, что полностью, «до основания» разрушила дооктябрьскую русскую эссенцию (прежде всего основы христианской культуры, традиционные социальные группы, находившееся на несомненном подъёме гражданское общество), и в смысле того, что никак не могла закончиться, остановиться (правда, в хрущевскую «оттепель» и брежневский «застой» она потеряла свою зверскую интенсивность, перешла в более щадящую человека фазу). Что касается имитации, то это хоть и близкая, но все же иная тема. Оставим ее для последующего рассмотрения.

Однако реставрация произошла… На наших глазах. Антикоммунистическая и антисоветская революция конца 80-х — начала 90-х годов «диссоциировалась» в реставрационном режиме Владимира Путина. Причём это восстановление коснулось всех сфер жизнедеятельности общества: властной, хозяйственной, гражданской, интеллектуальной, символической и т. д. — Подчеркнём: речь не идёт о тотальном возвращении в, скажем, 70-е годы. Такого никогда ни у кого не было. И у нас. Имеется в виду следующее: советская субстанция, советское per se сумело не просто сохраниться и вновь развернуться. Случилось как раз то, о чем говорил Токвиль: «…Революция завершила… эволюцию старого режима». — Таким образом, ленинско-сталинская революция была полным сломом anciene regime, а горбачевско-ельцинская завершила эволюцию советизма.

Этот вывод для меня очевиден (да об этом пишет всяк кому не лень…). Но его необходимо не то чтобы доказать — объяснить. Почему, к примеру, русская революция не прошла фазу реставрации? Почему хрущевско-брежневская система, было разрушенная Горбачевым-Ельциным, ренессансировалась в путинскую эпоху? А ведь это ключевой вопрос не только научного познания, но и политики. Одно дело, когда мы констатируем очередную неудачу России на путях к свободе, другое, когда описываем «удачу» в восстановлении эссенциально-советского. При этом сама революция конца XX в. понимается как необходимое действие для перехода в новое, более современное и боевое состояние и становится воплощением того,

[7] Реставрация в **этом** смысле не состоялась. Но реставрация как возвращение к некоторым фундаментальным, а потому **нормальным** ценностям человеческого существования началось в ходе Войны. Об этом мы писали в первой статье.

[8] Этот имитационный характер позднесталинского режима неплохо зафиксирован в строчках Георгия Иванова: «…Двухсотмиллионная Россия, — / «Рай пролетарского труда», / Благоухает борода / У патриарха Алексия. / Погоны светятся, как встарь, / На каждом красном командире, / И на кремлёвском троне «царь» / В коммунистическом мундире».

против чего она вроде и была направлена… И почему, когда ушло коммунистическое (которое совершенно не равно советскому; мы поговорим ещё об этом) не вернулось русское? И в каком соотношении находятся русское и советское?

Впрочем, давайте не торопиться. Начнём не то чтобы издалека, но не с главного. И пусть Ален Безансон по-прежнему остаётся нашим чичероне в странствиях вокруг советского. Когда-то в середине 70-х он написал работу, которая широко известна в России, весьма часто цитируется (в том числе и мною). Правда, только теперь становится понятна феноменальная глубина этого текста. Он называется: «Похвальное слово коррупции в Советском Союзе» [Безансон 1998: 177–200]. Примечательно, что это — предисловие к французскому изданию книги И. Земцова «Коррупция в Советском Союзе». Илья Земцов был зав. Отделом информации ЦК КП Азербайджана, профессором научного коммунизма в одном из вузов Баку, социологом, связанным с КГБ (по собственному признанию). В конце 1973 г. он эмигрировал в Израиль. Впоследствии написал несколько книг о советской политике и советских вождях. Его очень ценят в современной России. Живёт он в США, в 2011 г. избран иностранным членом РАН. То есть его признали те, которых он разоблачал, которыми он возмущался…

В общем перед нами безансоновский аналитический комментарий к земцовской фактуре (богатой, важной, интересной). — «Коррупция есть болезнь коммунизма, и потому в рамках противопоставления между «ними» и «нами», между партией и обществом коррупция для последнего есть признак здоровья. Она есть не что иное, как проявление жизни, жизни патологической, но которая все же лучше, чем смерть. В ней проявляется возрождение частной жизни, ибо сама фигура есть победа личности, индивидуальности. Отношения между людьми вместо того, чтобы выливаться в искусственные формы идеологии, возвращаются на твёрдую почву реальности: личной выгоды, спора о том, что положено мне, что — тебе, сделки, заключаемой в результате соглашения между сторонами, пользующимися определённой автономией. Фальшивые ценности, существующие лишь на словах, и чьё принудительное хождение обязано лишь непрочной магии идеологии, быстро оказывается погруженным в «ледяную воду» эгоистического расцвета… Это возрождение общества, идущее окольным путём коррупции, может быть охарактеризовано в терминах экономики как возрождение рынка» [Безансон 1998: 186–187].

Конечно, этот гимн коррупции как возрождению общества, по крайней мере, странен. Ведь мы знаем: это болезнь общества. Кстати, Безансон этого не отрицает. Но болезнь коммунизма, настаивает он, есть, пусть и идущее «окольным путём», выздоровление общества. Что же, не будем (пока) оспаривать эту «негативную диалектику». Тем более сам автор мгновенно снижает пафос гимна «животворящей» коррупции: «Однако это возрождение принимает столь разнузданные формы, что у нас возникает искушение позаимствовать у Маркса не только его громоподобные нападки на подобную систему, но даже его методы анализа. То, что процветает в Азербайджане (как мы знаем, и во всем СССР. — *Ю.П.*) под застывшей коркой социализма, — разве это не капитализм эпохи молодого Маркса, «дикий» капитализм? Ни во времена Гизо, ни Пальмерстона рыночная экономика не охватывала такого количества различных секторов, которые даже в годы наивысшего разгула свободной конкуренции и свободы торговли в XIX в. находились в ведении публичного права, под надзором государства, и развитие которых определялось соображениями общественной пользы. Система государственных учреждений (в СССР. — *Ю.П.*), призванных удовлетворять потребности всего общества, стала пленницей озверелого взятничества и практики купли-продажи должностей» [Безансон 1998: 188].

Далее А. Безансон говорит, что все это напоминает начальный процесс формирования капитализма — марксистское «первоначальное накопление». «В самом деле, учёный автор „Капитала“ не преминул бы подметить докапиталистический и даже „феодальный“ характер советской экономики. Разумеется, существует также и целая система хитроумного бухгалтерского учёта, „проведения“ денег по другой статье, фиктивных счетов и накладных, которая,

как иногда может показаться, сближает эти операции с „современными методами“ уклонения от уплаты крупных налогов и подпольным бизнесом американской мафии. Однако в советской системе доминируют архаические черты, и главная из них — это то, что Маркс назвал „феодальными поборами“. Действительно, согласно марксистской доктрине, капитал должен возникать по перераспределению в результате „свободной игры“ факторов рынка, а не за счёт изъятий в процессе внеэкономического принуждения. Однако азербайджанский (т. е. советский. — *Ю.П.*) капитализм существует за счёт собственного паразита — партии, которая взимает с него феодальную дань на всех уровнях» [Безансон 1998: 188].

И потому, подчёркивает французский исследователь, «торговцы (или, если угодно, спекулянты) не смогут оформиться в самостоятельный класс. Партия бдительно следит за тем, чтобы их деятельность оставалась противозаконной, и пользуется ее противозаконным характером, чтобы безжалостно грабить их же спекулянтов… Более того, для партии было бы весьма заманчиво взять эту подпольную экономику под свое начало. Однако по мере того, как она проникает вглубь этого рынка, рынок проникает в нее. Партийная иерархия, вместо того, чтобы подчиняться своим собственным принципам, начинает подчиняться законам, управляющим системой купли-продажи должностей. Теперь уже не только технические должности (ректор университета, председатель колхоза) или должности, связанные с аппаратом власти (в системе судопроизводства и в милиции), оказываются включёнными в эту систему — рыночную стоимость приобретают внутренние посты в самой партии (секретарь обкома, райкома и т. д.). Нравы внутри партии заражаются стилем экономического «подполья» и в результате смягчаются и цивилизуются. Между партийными товарищами устанавливается нечто вроде солидарности и неписаные корпоративные законы преступного мира, подобные тем, которые управляют поведением американских «мафиози»… Возникает острая политическая проблема.

Действительно, партия не может раствориться в формирующемся классе частных предпринимателей без того, чтобы изменить свою природу и исчезнуть. Она это прекрасно понимает, и потому замешанные в коррупции работники ее аппарата… тщательно скрывают свои богатства …с удвоенным рвением демонстрируют свою лицемерную приверженность идеологии. Они не чувствуют себя в безопасности и они правы, ибо они ставят под угрозу власть, безопасность всей партии…» [Безансон 1998: 189].

Кстати, коммунисты столкнулись в 70-е — начале 80-х годов с подобной ситуацией не впервые. Так уже было, по мнению Безансона, в 1929 г. (после НЭПа) и в 1945 г. (после великой освободительной победы народа). И «…партия… сумела найти средства для нанесения ответного удара» [Безансон 1998: 192]. То есть была «восстановлена непреодолимая пропасть между партией и обществом, реставрирована идеология в качестве абсолютной нормы… Чтобы проделать это, потребовалось провести радикальную чистку в партии. И поставить общество на отведённое ему место, систематически уничтожая те структуры, в которое оно оформлялось, и разрушая недозволенные узы солидарности. Это оказалось возможным лишь ценой огромных опустошений» [Безансон 1998: 189].

Собственно говоря, в этом и есть суть той системы, которую создал Сталин и которую я называю Коммунистическим режимом-1 (КР-1). Но «после смерти Сталина обществу были сделаны определённые уступки, и оно бурно восстанавливается под прикрытием длительного нэпа, хотя и в патологических формах. Оно окружает партию со всех сторон, заставляет ее понемногу войти в свою сферу и начинает поглощать ее и переваривать» [Безансон 1998: 189]. А это, по моей классификации, — Коммунистический режим-2 (КР-2).

А. Безансон усиливает: «Теперь можно себе представить, перед лицом какой угрозы оказывается сама суть партии, если она начинает углубляться в общество, если она вступает с ним в контакт на равных, на уровне общих интересов. Однако именно это она и делает, участвуя, будь то в качестве вымогателя или надсмотрщика, в жизни экономического общества, которое создано не ею, которое выросло за ее спиной, естественно и органично, помимо

ее контроля» [Безансон 1998: 191–192]. — Несколько забегая вперёд, хочу напомнить мою гипотезу о земско-опричном устройстве русского социума. Классический вариант этой диспозиции — взаимоотношения Орды (опричнины) и Руси (земщины). Здесь все построено на дистанционном принципе: нельзя сближаться, причём в прямом, физическом смысле. Иначе опричнина начинает терять свои главные качества. Вот это-то и имеет в виду Безансон, но, разумеется, на языке и в рамках своей концепции…

Что же делать? Что делать коммунистам в такой ситуации? По А. Безансону, вроде бы два пути. Первый — новое издание сталинщины, возвращение в КР-1; второй — пусть все идёт своим чередом, и постепенно в России возродится более или менее приличный, нормальный, «как везде и всегда», порядок. То есть страна со временем (не скоро) вылечится от худших язв коммунизма.

Однако советские лидеры выбрали третий путь. «Земцов позволяет нам проследить за политической линией, которой партия следует в действительности, на примере подробно описываемой им карьеры Алиева (Гейдар Алиевич Алиев, председатель КГБ Азербайджана, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Азербайджана, первый зампред Совмина СССР; впоследствии президент Республики Азербайджан. — *Ю.П.*). Его взлёт, начавшийся в 1969 г., до сих пор не исчерпал всех скрытых в нем возможностей (напомним: этот текст писался в 1976 г. — *Ю.П.*). На последнем съезде КПСС в 1976 г. Алиев поднялся ещё на одну ступень партийной иерархии. Эксперимент был местного значения, но накопленный опыт годится не только для Азербайджана. Это старый метод российской администрации, существовавший ещё в царское время …затем перенятый большевиками: проводить испытания какой-либо новой политики в локальном масштабе, перед тем как распространить ее на всю Империю. Таким образом, карьера Алиева знаменует собой начало того, что автор называет „бесшумной революцией“, уже осуществлённой во многих местах на периферии, хотя она ещё не одержала победу в центре. Как ее описать? Она стремится избежать как опасностей жёсткого курса, так и опасностей линии попустительства, невмешательства в ход событий, и исходит из чисто прагматических соображений. Сторонники этой линии констатируют, что в партии царит коррупция, и хотят ей положить конец. Для этого нужно найти в партии внутренние резервы, „людей с чистыми руками“, элиту неподкупных, способных восстановить порядок и утвердить law and order. Этот лозунг американской демократии напрашивается сам собой, но в советском случае неподкупных требуется отыскать внутри самой мафии» [Безансон 1998: 197].

А. Безансон вопрошает: «Где же взять этих „железных рыцарей с чистыми руками“»? [Безансон 1998: 197]. И ответ молниеносно приходит сам собой: «конечно же, это наши славные чекисты. В КГБ существуют, и в достаточно большом количестве, прекрасные экземпляры „нового человека“, которого партия сумела создать за шестьдесят лет. Строгий отбор, незаурядный корпоративный дух, безупречное коммунистическое воспитание, полученное в специальных школах, наконец (и прежде всего) материально обеспеченная, интеллектуально интересная и морально престижная карьера, — все это делает КГБ подходящей для этой цели организацией, состоящей не только из преданных коммунизму людей, но ещё и способных его **любить**» [Безансон 1998: 197–198].

Ну, на счёт «любить», конечно, преувеличение. Теперь мы это знаем. Но главное не в этом. Добились ли они, «наши славные чекисты», успеха? Нет, им не удалось спасти СССР и коммунистический режим. Однако они сумели спасти «советское», «советизм» (об этом ещё поговорим). То есть алиевщина, а в рамках всей страны это явление, видимо, правильно было бы назвать андроповщиной, была инструментом, с помощью которого коммунисты попробовали сохранить и обновить свою систему. Оказалось же: у Истории на чекистов свои планы.

Кстати, а что за программа была у Г.А. Алиева (Ю.В. Андропова)? Весьма простая, говорит А. Безансон: «Доверить максимальное число постов работникам КГБ, провести чистку наиболее скомпрометировавших себя сотрудников аппарата, а остальных пропустить через

курсы повышения квалификации в школах того же КГБ» [Безансон 1998: 198]. Безусловно, все это было обречено на неудачу. Нельзя опричнине сближаться с земщиной. Дистанция и ещё раз дистанция! И «рыцари с чистыми руками» оставались справными опричниками, «покуда пребывали в асептической и находящейся под неустанным надзором среде государственной полиции. Подвергнувшись вредоносным испарениям жизни общества, они не замедлили сами включиться в механизм коррупции» [Безансон 1998: 198]. К тому же, в их среде начали устанавливаться «компромиссные» отношения, вытеснявшие привычные: «человек человеку волк», «если враг не сдаётся…»; в общем нормальный ленинско-сталинский комплекс взаимного человеконенавистничества, основанный на единственно верном учении и его «этике», постепенно размягчался, дряхлел.

«Но пораженья от победы ты сам не должен отличать». Вскорости окажется, что чекистская неудача на самом деле есть захват плацдарма для скорой победоносной операции. Так сказать, социального блицкрига.

Однако оставим пока Алена Безансона, оставим с громадной благодарностью, ведь он немало и славно потрудился для того, чтобы мы с вами лучше понимали самих себя (при этом попутно: далеко не все у этого блистательного исследователя равноценно, не все его подходы и выводы приемлемы). Обратимся к отечественному специалисту (кстати, он с большим уважением относится к А. Безансону и в значительной степени продолжает и развивает его) — Льву Михайловичу Тимофееву. В 2000 г. в издательстве РГГУ был издан сборник его работ «Институциональная коррупция: Очерки теории». И тогда эта книга, безусловно, привлекла к себе внимание. Но сегодня, спустя более чем десятилетие, с «сюрреалистической» очевидностью ясно какой мощной объяснительной силой обладают его идеи. И особенно в контексте концепции А. Безансона, созданной чуть ранее теоретического прорыва Л. Тимофеева. Однако в историю науки они, наверное, пойдут дуэтом — Безансон-Тимофеев.

В статье «Зачем приходил Горбачев» [Тимофеев 2000: 223–235] Лев Михайлович пишет: «Не экономические проблемы тревожили коммунистов, но их политическая подоплёка. В этом смысле партийная стратегия не изменилась со сталинских времён. Сталин в своих речах и выступлениях никогда не говорил об экономике, но о власти над экономикой. И в начале восьмидесятых его партийные наследники озаботились не кризисом экономики, но КРИЗИСОМ ВЛАСТИ: за явлениями нараставшего экономического спада коммунисты — после шестидесяти пяти лет безраздельного правления в России — явно различили мощную и все нараставшую оппозицию своему режиму» [Тимофеев 2000: 223].

Говоря об «оппозиции», Л. Тимофеев, конечно, имеет в виду и явный подъем коррупционного комплекса, и широкое распространение инакомыслия (пусть, и в пассивной форме, т. е. не в противостоянии), и практически общее неверие и недоверие коммунистической системе, и т. п. Началась перестройка, обернувшаяся «катастройкой» (выражение А.А. Зиновьева) советского коммунизма. И вот на рубеже веков автор подводит итоги ельцинским 90-м. «…Вспомним, реформы Горбачева начались ради сохранения власти над человеком, над работником. И власть сохранили. В политике, в экономике распоряжаются те же люди и те же структуры. Но теперь в их руках не столько вожжи политической или административной власти над личностью работника, сколько кнут власти экономической — через монопольно контролируемую систему банков, бирж, ключевых отраслей крупной промышленности. Вполне определилась власть крупного капитала над мелким, экономическая власть крупного капитала над собственником рабочей силы — человеком, работником.

Конфликт между властью и обществом обрёл черты хоть и новые для России, но в общем-то традиционные для рыночной экономики: если общество — как потребитель — заинтересовано в свободной игре конкурирующих производителей, то монопольный владелец крупного капитала заинтересован в полном контроле над экономикой. Потребитель заинтересован в изобилии товаров и услуг, в стихийном развитии производства под напором общественного спроса… но тому, кто монопольно владеет крупным капиталом, вовсе не нужна

неуправляемая экономическая стихия, ему нужно как можно более строго упорядоченное, плотно контролируемое производство и распределение. Конфликт этот имеет отражение и в политических категориях — как конфликт между демократией и авторитарным или даже тоталитарным режимом.

В обществах западного типа обострению подобных конфликтов препятствует мощный, гибкий, замечательно жизнеспособный «средний класс». Этот слой общества — с его неиссякаемыми предпринимательскими амбициями — истинный мотор рыночной конкуренции и основа политической демократии. В сегодняшней России «среднего класса» нет. Планомерно и целенаправленно его уничтожают всюду, где он мог бы появиться: в виде ли крупного фермерства, или в лице новых предпринимателей в промышленности, строительстве, торговле. Для убийства все средства оказываются хороши: и бандитская налоговая политика правительства, и круговая порука взяточников-чиновников, и социальная демагогия радетелей о судьбах народа» [Тимофеев 2000: 233].

Прокомментируем сказанное Л. Тимофеевым. Да, антикоммунистическая номенклатурная революция (наряду с другими я не раз писал об этом) победила. И бывшие функционеры-бессобственники («пролетарии») захватили «общенародное» имущество СССР в собственность (на разграбление, на самом деле). Ещё в девяностые Г.А. Явлинский поставил точный диагноз: «Ключевой вопрос 1992 года заключался в том, какой путь избрать: освободить старые советские монополии или освободить общество от старых советских монополий? Надо ли полностью освободить коммунистическую номенклатуру от всякого контроля, сказать директорам-коммунистам и коммунистической номенклатуре: вы свободны, делайте, что хотите?» [цит. по: Хлебников 2004: 82].

Теперь о «среднем классе». Сколько ожиданий, надежд, стенаний! И ничего. Не получилось. А ведь, как мы знаем, вернее, ещё много лет назад узнали от таких людей, как Ральф Дарендорф (всемирно-известный британо-германский социолог второй половины XX в.), средний класс есть основа «социальной плазмы». — В свое время Р. Дарендорф, создавая теорию социального конфликта (во многом дискутируя с марксизмом), утверждал, что внимание следует концентрировать не на причинах, а на формах конфликта. Ни в коем случае вообще нельзя посягать на причины конфликтов, так как они суть одна из форм существования общества. Конфликты должны сохраняться. Но поскольку они все же опасны для стабильности и устойчивости общества, их необходимо поместить в некую среду, которая не поглотит их окончательно, но минимизирует разрушительную силу. Конфликты локализуются и перестанут носить интенсивный характер. — Основной элемент этой среды, или «социальной плазмы», и есть, напомню, обширный средний класс. Главные характеристики — сохранение определённого общественного неравенства, наличие различных интересов и воззрений. Важнейшие организационные принципы — институты и процедуры по регулированию конфликтов, внятные правила игры для всех.

А что же у нас?

В известном смысле, современная Россия столкнулась со схожими проблемами (т. е. **такими**, которые вызывают необходимость «социальной инженерии» дарендорфовского типа). Если коммунистический режим был ориентирован на уничтожение причин конфликта (хотя на последней стадии своей эволюции был вынужден смириться с фактом их неизбывности), то нынешний уже не может и не хочет бороться с конфликтами **как таковыми**. Он вынужден существовать в условиях острых общественных противоречий. И потому стремится их минимизировать.

Путинские новации первого десятилетия наступившего века (партия власти, властная вертикаль, сокращение полномочий субъектов федерации, создание президентских округов, административная реформа, изменения в избирательном законодательстве и т. д.) и есть создание русской **плазмы**, в которой конфликты будут протекать, но не разрушать общество. Только если на Западе эта плазма — социальная, то здесь — **властная**. «Властная плазма»

есть принятие конфликта «в себя». Там: его внутреннее сгорание и одновременно — энергетическая подпитка.

При этом, если «социальная плазма» функционирует, как уже отмечалось, с помощью чётких процедур и обязательных для всех правил игры, то «властная плазма» строится на основе коррупции. Именно коррупционный механизм, механизм передела финансовых и материальных средств является важнейшим измерением «властной плазмы». В известном смысле коррупция и есть плазма, в которой протекают конфликты — переделы. Коррупция — это среда, в которой развёртывает себя в пространстве и времени «государство». По всей видимости, сегодня мы проживаем эпоху перманентной коррупции (она пришла на смену эпохе «перманентной революции»), которая не есть девиантность, но норма нашего бытования…

Однако вернёмся к Л.М. Тимофееву. Послушаем его: «В России нет сегодня социальной основы для демократии. Намеренно и расчётливо ей не дают возникнуть. Ее подавляют как раз те силы — явные и тайные, — которые так ловко сумели расстаться с мёртвой коммунистической доктриной, но сохранили право безраздельно распоряжаться всеми богатствами страны. Теперь они хотят не только контролировать экономику, но и в прежних объёмах восстановить свой контроль над обществом. И, видимо, это им удастся. Они многому научились. Они дадут возможность мелким собственникам накормить страну. Они прекрасно понимают, что сегодня прямо и грубо отвергать интересы общества нельзя. Но хотя «человеческий фактор» по-прежнему нельзя изъять из политических расчётов, оказывается, сегодня им проще манипулировать.

Вновь зазвучало: «Отечество в опасности!». Но если прежде опасность была мнимой, то теперь она вполне реальна: развал прежнего Союза, конфликты межнациональные и межгосударственные создают угрозу и самой российской государственности… Экономический кризис грозит непредсказуемыми социальными столкновениями и беспорядками — это ли не реальная опасность для Отечества? Добавим, что национальная «русская идея», пребывающая прежде как бы в состоянии некоей политической дремы, теперь получает священную силу охранительного знамения…

Все! Перестройка успешно завершилась. Цели, ради которых властные структуры начала восьмидесятых годов решились на реформы, теперь достигнуты: экономические и политические связи и структуры, возникшие и укрепившиеся в условиях чёрного рынка, все чаще узакониваются открыто. Искажённые отношения собственности выправляются в процессе приватизации… Какой же режим в ближайшем будущем установят в России… те силы, которые сохранили в своих руках основные структуры государственной власти, сохранили монополию распоряжаться экономикой и контроль над социальными процессами? Судите сами. Можно было бы сказать, что это будет фашизм или что-то похожее на фашизм… Но в истории рискованно давать названия, оперируя опытом прошлого. Если и фашизм, то «нашенский», российский, ещё не виданный в истории человечества, ещё не названный, — фашизм, выросший в процессе легализации всеобъемлющей системы чёрного рынка.

«Человеческий фактор» — это мы с вами. Мы и будем фашистами. Мы и будем до последнего дыхания противостоять фашизму, как некогда противостояли коммунистической доктрине. Каковы будут формы этого противостояния, покажет время» [Тимофеев 2000: 233–235].

Подведём итоги. Когда-то А. Безансон открыл нам: коррупция хотя и болезнь, но через нее, пусть и окольным путём, идёт выздоровление коммунистического общества. Продолжатель его дела Л. Тимофеев показал, что ныне коррупция гробит наш социум, нас с вами. К тому же она может завести страну в ловушку «русского фашизма».

И ещё одно соображение. И при советском режиме, и при нынешнем, постсоветском для их спасения призываются чекисты. Причём по тем же примерно соображениям. Именно они должны восстанавливать порядок, эффективность, справедливость, честность и чистоту, наконец. Поэтому мы с полным правом можем назвать их наиболее эффективным морально-

хозяйствующим субъектом России конца XX — начала XXI столетия. И если коммунистический эксперимент у нас оказался неудачным, то гебешно-фээсбешный проект реализовался на славу (нам и на страх врагам…).

В этой точке нашего «повествования» резко обострим тему. И зададимся вопросом: как же все это преодолеть? Как повергнуть советизм? Отвечу прямо: нанести удар в его сердцевину. Имя её — «Сталин», сталинизм. Иными словами десоветизация это по сути десталинизация. И хватить обманывать самих себя: «Сталин» действительно **пока ещё** не остался в прошлом, но — растворился в будущем. Помните какую «массовидную» ненависть вызвала робкая попытка десталинизации в годы медведевского президентства?

Русский XX век в историко-культурном контексте
Зачем десталинизация?

Действительно, зачем? Сталин, его сатрапы, его жертвы, его современники давным-давно умерли. И, как справедливо указывают авторы газеты «Завтра», не Сталин виноват в безобразиях русской жизни последних двух десятилетий. Виноваты, конечно, мы сами.

И всё-таки десталинизация нужна. Если пользоваться большевицко-советскими штампами, то сталинизм есть высшая стадия ленинизма — как империализм капитализма или коммунизм социализма. Высшая стадия в том смысле, что именно в ней в совершенном виде реализуется то, что в первоначальных формах находилось в зародыше, интенции, лишь складывалось.

Что же такое аккумулировал в себе сталинизм (попутно замечу, десталинизация — это, в первую очередь, против сталинизма, а не против Сталина, поскольку он не исчерпывает собою феномена сталинизма)?

1. **Ненависть**, или, как политкорректно говорят сегодня, протестный потенциал. Кого? — Да всех — всех народов, населявших Российскую империю, всех социальных сословий и групп, всех конфессий и т. д. Примеры: ненависть крестьянина к барину, еврея-иудея к статус-кво, рабочего — к фабриканту, буржуазии — к царской бюрократии, староверов — к синодальному православию, культурных черносотенцев — к высоким формам культуры и т. д.

2. **Утопический тип сознания**. Имеются в виду очень прочные в сознании как верхушечных культурных слоёв, так и многомиллионных масс простонародья представления о возможности невозможного. Были бедными — станем богатыми, были в рабстве деспотизма — станем свободными, были в мировой системе отсталыми — станем первыми, старый мир разрушим до основания — и тут же на его руинах построим новый прекрасный, всех умерших воскресим (физически).

3. **Отказ от *всех* фундаментальных ценностей человеческой истории**, мировой цивилизации — религии, права, собственности, семьи, государства и т. д.

4. **Альтернативное христианскому понимание природы и назначения человека.** Отсюда новая мораль, снимающая с человека личную ответственность за содеянное и предполагающая обязательную презумпцию виновности другого (индивида, социального класса, этноса).

5. **Понимание истории и социальных отношений как исключительно борьбы —** неважно даже каких сил. Борьба — отец всего, — любят цитировать Гераклита сторонники сталинизма. Это означает доведение всякого конфликта, всякого противоречия до конца. Иначе говоря, господство принципа «или-или». И в этом смысле отказ от культуры как «изобретения» человечества для осуществления принципа «и-и» и улаживания конфликтов и противоречий на основе компромисса и в морально-правовых рамках.

6. **Элементаризация или упрощение культурно-социальной действительности**, что предполагает выбор в пользу наиболее примитивных форм решения конфликтов и кризисов, наиболее примитивных ответов на вызовы, которые предлагает современность.

7. …

8. … (пусть дополнят другие авторы)

Все это, повторим, соединилось и воплотилось в феномене, который получил название «сталинизм». Можно сказать несколько иначе: это российский вариант агрегации всех этих «элементов». Разумеется, сталинизм в реальных исторических условиях переживал различные фазы своего бытования. То есть он не был в каждый данный момент равным самому себе на все 100%. Но по сути своей он был именно таковым. Сталинизм стал формой превращения сложной и весьма внутренне противоречивой структуры дореволюционного российского общества в общество нового образца.

Основной трагедией русского культурно-исторического типа в XX столетии явилось то, что сталинизм перекрыл все иные альтернативные возможности перехода России к массовому обществу. В начале XX в. Россия состояла из нескольких принципиально разных субкультур, которые особым образом и с неодинаковой скоростью искали пути и формы приспособления к этому типу социума (в социально ключевых регионах мира он уже существовал). Сталинизм навязал себя России как способ перехода к массовому обществу.

Можно сформулировать по-другому: в России был избран этот путь в современность. Я не случайно говорю «в России», а не «Россией», поскольку не вся Россия и не все в России поддержали этот выбор. Соответственно, в ходе сталинизации России был сформирован новый тип человека, которому был присущ весь набор элементов, составивших феномен сталинизма.

Сталинизм в своем пределе и есть создание такого человека. Именно такой тип культуры, социальности и человека Россия представила миру в середине XX столетия. Именно они существуют и сегодня и являются доминантными. И как всегда в России, в отличие от Европы, где форма есть реализация содержания, у нас — операция по его прикрытию. И формы адекватны содержанию именно в этом смысле.

Что это означает на практике? Для того, чтобы войти в современный мир и занять в нем свое достойное место, Россия должна начать процесс постепенного, неуклонного, безотлагательного освобождения от ядовитых эссенций сталинизма. Необходимо отказаться от сталинской псевдомодернизации и найти в себе силы, доступные формы для подлинной модернизации, а на самом деле — нравственно-культурного восстановления (не в смысле реставрации) нормальных ценностных основ, процедур, институтов. Нормальных — в смысле органичных ее истории, апробированных развитием других стран. Возможно, и созиданию новых, ранее не бывших.

Но для этого необходимо, чтобы общество и прежде всего его мыслящие и ответственные группы осознали экзистенциальную необходимость освобождения от сталинизма и экзистенциальную же опасность его удерживания. Задача сложная, но решаемая. В 1941–1942 гг. русский народ спас Россию, в 1956 г. — прекратил сталинизм в его наиболее оголтелой форме, в 1960–1970-е годы в рамках советчины создал основы гражданского общества, в конце 1980-х — начале 1990-х нашёл в себе мужество и умение отказаться от многих краеугольных устоев сталинизма и т. д.

Вместе с тем не следует недооценивать объективную сложность изживания сталинизма. У человечества пока нет опыта **внутреннего** преодоления тоталитаризма (есть, конечно, пример стран Центрально-Восточной Европы, но там тоталитарный строй был насильственно насажен СССР, а освобождение совпало с «возвращением» в Европу, вступлением в ЕС и НАТО). Наша самоэмансипация хоть и является предметом гордости, но таит в себе ряд весьма опасных «субстанций». Так, XX съезд КПСС («русский Нюрнберг») покончил с массовым террором, однако сохранил тоталитарные институты и процедуры. Революция конца 80-х —

начала 90-х смела институты, но дух коммунистического порядка не испарился. Он пронизывает ткань общества, он в нашем поведении, инстинктах, повадках. Ведь декоммунизации, десоветизации так и не случилось…

О новом русском либерализме (а также о консерватизме и о том, в чём особенно нуждается наша страна)

Некий российский политический аналитик недавно заметил: в нашем обществе есть две темы, которые, коснись их, мгновенно вызывают взрыв страстей. Это — Сталин и либерализм (либералы). Видимо, в двух этих словах зашифрован современный русский выбор. Мы вновь на перепутье. И дороги, судя по всему, — две. А не три, как в детских сказках; помните: направо пойдёшь, налево пойдёшь, прямо пойдёшь… (как-то в 85-м гулял с годовалым сыном в Ботаническом саду, прибрели к большому камню, на нем три стрелки в разные стороны, под каждой надпись: «Ленин — жил», «Ленин — жив», «Ленин будет жить»; и, соответственно, три расходящиеся дорожки. Согласимся, сегодняшний выбор побогаче. Хотя путей два). Думаю, между «Сталин» и «либерализм» не проскочить. Третий, «центристский», курс России начала XXI в. заказан. А вот ровно столетие назад был возможен. Тогда было «три России» — черносотенная, леворадикальная и новая (современная, русско-европейская, просвещённая, созидательная и созидающая, трезвая, реформистски-энергичная etc.). Это о ней спустя десятилетия мечтал и сожалел А.И. Солженицын. Нам же в удел досталось «две» России. И в этом главная историческая заслуга «чудесного грузина» (Ильич о Кобе). Ему удалось совершенно органично соединить в непротиворечивое целое безумие и безответственность левых радикалов с самодовольно-тупым «мочиловым» погромщиков. Сделать это было непросто, но «горийский орел» (Б. Окуджава) понял главное, конститутивное в этих ранее враждовавших боевых отрядах: ненависть, насилие, ксенофобия, примитивизация социального, самовлюбленность и т. п.

И потому, — по крайней мере, сегодня, — мы лишены нормального «троичного» выбора. Это — прошу обратить внимание — один из наиболее печальных и негативных результатов большевицкого эксперимента. Структурно мы вернулись к эпохе раскола русской культуры на две враждебных субкультуры (после Петра I). В ходе социальной эволюции, особенно вследствие «великих реформ» Александра II, мы получили троичную систему. К сожалению, в Феврале семнадцатого новая Россия, рожденная в ходе преодоления культурного раскола, внезапно, неожиданно и, по моему мнению, немотивированно покончила жизнь самоубийством (в этой работе эта тема обсуждаться не будет).

Итак, Сталин и(или) либерализм. «Сталин — сегодня» — это современное красно-белое черносотенство, это сплав советизма, русского национал-социализма, мифологически-утопического сознания, геополитических и конспирологических патологий, дуального типа мышления («мы-они»), абсолютного отказа от религиозного восприятия мира (зло в других, но не во мне) с переходом на позиции «сверх человека-мессии» и русской «сверхцивилизации-мессии» (здесь встречаются отечественный «космизм», евразийство и вселенский большевицкий проект). Ну и многое другое, о чем говорить не станем, поскольку и эта тема не есть главная забота нашего текста.

В центре моего внимания либерализм, точнее — новый русский либерализм. И как социальное мировоззрение, и как общественное движение. Но почему «новый» и почему «русский»? — Вот и давайте поговорим — «почему». …Да, но мы ведь ещё ничего не сказали о либерализме. И действительно ли он единственная альтернатива «Сталину», и что такое он сам по себе? Предлагаю не делать этого здесь; либерализм «раскроется» в ходе обсуждения.

Сейчас же хочу обратить внимание на ситуацию, относительно недавно возникшую в интеллектуальных дискуссиях и перекочевавшую в средства массовой информации. Суть ее в следующем: осуществляется злобное ругательство либерализма и либералов и одновремен-

но — наглая операция по присвоению себе титула «русских консерваторов-патриотов». В целом это одно действо одних и тех же людей. Сторонники «Сталина» в мировоззренческой дискуссии (которую они хотят превратить в бойню) настаивают на принципиальном, коренном различии либерализма и консерватизма. И если первый для них «продажная девка» Запада и символ национальной измены, более того — метафизическое зло, то второй — безусловное добро, на все времена имманентное русской психее.

Но это **абсолютно** не так. Либерализм и консерватизм выросли из одного корня. Это не антиподы, а суть две разные стратегии, направленные к одной цели — устроению человека и общества. Подчеркнём и повторим (это центральный тезис): две разные возможности реализации одной задачи. Поэтому ни исторического, ни субстанциального права на наследие русского консерватизма современные погромно-националистические силы не имеют. (Как в свое время нацистские идеологи не обладали преемственностью по отношению, скажем, к Фихте и романтикам. Апелляция к ним была наглой фальшивкой.) По сути наши новые «консерваторы» прикрывают свою злобную агрессивность и человеконенавистничество плащом классического русского консерватизма. И потому этот плащ следует с них сорвать.

Ещё одно: нынешние сталинопоклонники эксплуатируют важнейшую «интуицию» традиционного консерватизма — пессимистическое видение природы человека. Но у него, как это хорошо известно, оно шло от христианской антропологии, от учения о «первородном грехе» (врожденной греховности человека; либерализм, напротив, гораздо более оптимистичен в этом ключевом вопросе). Как бы мы по-разному ни относились к центральному для христианства положению, оно, если угодно, преодолевается, снимается (в смысле: aufheben) фигурой самого Христа и следованием за ним (die Nachfolge). У современных русских квазиконсерваторов не «пессимизм» по отношению к человеку, но — ненависть, питаемая дымом Аушвитца и льдом Воркуты. Мы должны **это** иметь в виду. Сегодня тема «русский либерализм — русский консерватизм» — это тема ближайшей судьбы нашей родины.

…А теперь снизим уровень пафосности (увы, без нее было трудно обойтись в зачине раздела). Поговорим — вынужденно коротко — о русском либерализме-консерватизме, его особенностях, достоинствах, слабостях, о его возможностях в наши дни.

* * *

С очевидностью мы видим либерализм и консерватизм во Франции начала XIX в. Эти слова впервые произносят, соответственно, Б. Констан и Ф. Шатобриан (тогда же появляется социализм — Сен-Симон, Фурье). Конечно, это «ответы» на политическую революцию во Франции (включая «наполеонство») и промышленную в Англии. Они изменили мир. С них начинается Modernity. Правда, ещё в XVIII в. в соперничестве вигов и тори мы можем обнаружить начатки либерального и консервативного миросозерцаний. Или в философии эпохи Просвещения, или в учении Канта — основы либеральной **идеологии** (кстати, это — идеологии; **идеология** появляется тогда же; все это слом старого христианского мира и мифа; на Западе ранее спорили в рамках христианства или с ним, теперь **вне его**; хотя оно и «включается» в эти споры как одна из сторон). Или у Локка и Бёрка — основы консервативно-либерального подхода.

Россия узнает о либерализме и консерватизме (и о социализме) где-то в 30-е годы XIX в. Здесь следует иметь в виду следующее. Русская политическая мысль практически во всех ее изводах, направлениях формировалась после «инъекции» различных западных влияний. Сначала влияние-заимствование-освоение, затем переработка и, как результат, нечто свое, оригинальное, во многом несхожее с европейским «оригиналом».

К тому же, скажем ещё раз, мы должны помнить: какой-то «абсолютной» разделительной линии между либерализмом и консерватизмом нет. Пример: в блестящей «Истории русского либерализма» В. Леонтовича нашлось место и М.М. Сперанскому, и Н.М. Карамзину. Хотя у последнего репутация отца-основателя русского консерватизма. А в нем было и то, и

другое, что порождало неповторимый склад мысли. Или П.Б. Струве, которого Н.А. Бердяев называл (я полностью согласен) лучшим политическим мыслителем России начала XX в., а о. С. Булгаков при отпевании в храме Св. блгв. кн. Александра Невского на рю Дарю в Париже — «крестоносцем русской свободы», кто он? Либерал, консерватор? И то, и другое. Плюс марксист, просвещённый националист, «государственник» и т. д. Или один из отцов-основателей русского либерализма К.Д. Кавелин? Казалось бы, классический либерал, гуманист 40-х годов, а в конце жизни создал концепцию самодержавной республики, во главе которой стоит неограниченный монарх, опирающийся на систему крестьянских общин и узаконивший запрет частной собственности. С отказом от парламентаризма, конституционализма, «партийности».

Поверхностно и мнение, что либералы были оппозиционерами, а консерваторы защитниками статус-кво. Вновь пример Сперанского и Карамзина. Михаил Михайлович свои либеральные реформы пытался делать руками императора, будучи его «первым министром». А Николай Михайлович критиковал «либеральную» политику Александра I с консервативных позиций. То есть наличное «либеральное» самодержавие отвергалось во имя и от имени аутентичного, идеального, «нелиберального». Иначе говоря, Карамзин находился в оппозиции. Причём сетовал Сперанскому на то, что его реформы могут разрушить исторически складывавшееся «гражданское общество». Хотя известно, что защита «civil society» есть прерогатива либералов. Сперанский же при Николае I составил Свод законов империи. И у него прочная репутация законника, что тоже имманентное «качество» либерализма. Но этот его Свод «заморозил» Россию в законах самодержавно-крепостнического порядка. А принадлежащий перу Михаила Михайловича проект конституции — это дальний предок нынешней с ее «самодержавным президентством».

Схожая «история» со славянофилами и западниками. Первые-де тянули в старину (азиатчину, татарщину), были ретроградами, а вторые — европейцы, борцы с деспотическим абсолютизмом. Нет, в славянофильстве мы можем обнаружить сильное либеральное начало, последовательную по отношению к постпетровскому самодержавию «гражданскую» («земля») оппозицию, вообще отрицание романовской полицейщины. Напротив, западники (не все, конечно, и не далеко не во всем) нередко тянули к «государственничеству», апологии сильной власти и оправданию «объективности» наличного деспотического порядка.

Говоря о «либерализме-консерватизме», следует помнить об уникальной природе и исторической роли русской власти — о самодержавии. Оно, как известно, не без успеха, не без основания претендовало на то, чтобы быть **всем** (Павел: в России только тот что-то значит, с кем я разговариваю и пока я разговариваю; через 200 лет Путин скажет: я здесь отвечаю за всё), **субстанцией**; остальное и остальные — функции. А коли так, то оно было и консервативным, и либеральным (и репрессивным, и эмансипирующим, и крепостническим, и вольнодумническим, и революционным, и реакционным). Папа и Лютер в одном лице, единственный европеец и единственный (восточный, деспотичный) «азиат» и т. п. Самодержавие проявляло эти свои качества по мере необходимости (т. е. выгодности для себя). Причем и либеральные, и консервативные (и прочие) акции оно проводило с опорой на определенные силы в обществе. Власть всегда находила в нем единомышленников и подельников. Заметим также, что государство на Руси являлось и крупным мыслителем. Не случайно ведь теоретиками почти всех серьёзных преобразований выступали чиновники.

Эта русская особость приводила к следующему. Поскольку власть была **всем**, то не существовало публичной политики как пространства, в котором развёртывается конкуренция и сотрудничество различных **общественных** сил. В результате либералы и консерваторы сталкивались **внутри** государства. Все помнят слова В.О. Ключевского: в России нет борьбы партий, но есть борьба учреждений. Так, известный конфликт либерального Минфина и консервативного МВД (вторая половина XIX в.) прочитывался как аналог соперничества британских вигов и тори. Но в том-то и дело, что у них шла пря за власть, а у нас внутри нее.

И ещё одно: ни либералы, ни консерваторы (как, впрочем, ни революционеры, ни реакционеры и т. п.) не поняли эту **синтетическую** природу отечественного кратоса. Как правило, они видели в нем лишь одну сторону; здесь не очень-то и важно, **какую**. Поэтому они или уповали на власть, или объявляли ей смертный бой. Безусловно, в этом была коренная слабость русского «либерализма-консерватизма».

Продолжая эту тему, укажем и на органические, так сказать, естественные «недостатки» классического либерализма и консерватизма XIX — начала XX в. Причём речь идёт не только о наших изводах, но и о западных. Либерал, стремясь к большей свободе, открытости, умножению возможностей человека, уводя от старых болезней, предрассудков, противоречий, ввергал его в круг новых проблем, неопределённостей, столкновений. Реформа решает одни проблемы и порождает другие (прав Ленин: реформа 1861 г. подготовила революцию 1905 г.). Консерватор, имея в виду эту «негативную диалектику», стремился не допустить новых, возможно, ещё более острых конфликтов, сохранял статус-кво, загоняя наличные противоречия в тупик. И тем самым готовил революционный взрыв. — Вот почему в XX столетии западные либерализм и консерватизм существенно изменились, во многом преодолев эти свои врождённые свойства.

Разумеется, трагедией русского либерализма стала Февральская революция. Поведение П.Н. Милюкова в конце 1916 г. (выступление в Думе), операция с отречением и составлением право-нерелевантного Манифеста об отречении (В.Д. Набоков, барон Б.Э. Нольде; в эмиграции они посыпали голову пеплом, но было поздно; кстати, все это прекрасно проанализировано П.Н. Новгородцевым), постепенный уход от власти; разочарование в содеянном (когда в середине 1917 г. Струве был задан вопрос, чему он так радовался в начале марте, тот сказал: «дурак был»). А ведь это было лучшее и практически наиболее подготовленное поколение русской либеральной интеллигенции. Травма оказалась крайне болезненной. Русское сознание ещё не излечилось от нее. «Либерализм» в русском языке имеет скорее негативные, чем какие-либо иные коннотации.

Безусловно, для нас бесценен опыт эмигрантской России. Там продолжалась работа по формированию нового русского миросозерцания. На повестке дня стояла задача синтеза либерального, консервативного, социалистического и христианско-демократического начал. Такой социальной лабораторией стал журнал «Современные записки» (Париж, 1920–1940, 70 выпусков). Историческая ситуация (в России и на Западе) требовала от авторов быть либералами — против тоталитаризма, консерваторами — против тоталитаризма, социал-демократами-социалистами — против извращённых тоталитарных социализмов, христианами — против богоборческих тоталитаризмов и т. д. Струве называл все это философией «середины», новым аристотелианством.

Другой бесценный опыт — внутрисоветский. Это позиция правозащитников. Впервые в русской истории главными стали вопросы **правовые** и защиты прав человека. Так, право из ценности функциональной, операционной превращалось в ценность бытийственную, онтологическую. Произошла «революция сознания». Не идеи справедливости и равенства, а значимость права как единственного и обязательного регулятора жизни стала в центре русской мысли. Можно сказать, что русское сознание окончательно вступило в Modernity.

Но что для нас сегодняшних исторические русские либерализм и консерватизм? Можем ли мы воспользоваться наработанным ими? — Думаю: лишь в **общекультурном смысле**. Впрочем, это касается не только нас, и в других странах так же. Мир стал иным. К тому же классический русский либерализм-консерватизм не знал в полной мере советского коммунизма и двадцатилетнего периода без него. Смысл же этого феномена (либерально-консервативного) в том, что он свидетельствует: русская культура — это очень сложный, «высококачественный продукт», мы не «третьесортная» интеллектуальная сила, мы — «можем». Одновременно его история это и некое нам послание, предупреждение. Старый русский либерализм-консерватизм, как это ни горько признавать, несёт определённую долю вины за то, что

мы провалились в XX века. Речь идёт и о политической ответственности, и об **опасностях утопического сознания**, и о недостаточном знании собственной страны, и о вредности механистической рецепции чужих идей, и о высокомерном отказе от общечеловеческого опыта. Увы, все это было присуще этим замечательным людям.

Теперь мы должны сами выработать синтез современных либеральных, консервативных и социал-демократических идей. Для того, чтобы Россия вновь не разбилась в пух и прах. Б.Н. Чичерин различал три вида (типа) либерализмов — «уличный», «оппозиционный» и «охранительный». Первый он отождествлял с активными действиями «на улице», второй — с радикальным политическим поведением и критикой «правительства», третий — тот самый, «искомый», «спокойный», сочетающий движение вперёд с мудрой ответственностью, с «консервацией» основ гражданского общества (синтез свободы и порядка). С лёгкой руки Бориса Николаевича приемлемым, желаемым признается только либерализм охранительный. — Но сегодня либерализм должен быть всех трех видов. Ему необходимо освоить улицу — **мирные** манифестации, митинги, другие формы «уличной» политики. Улицу нельзя отдавать радикалам, националистам, всяким «буйным». Либерализму необходимо быть массовым и «физически» заметным. Это пространство должно остаться за ним. Одновременно он обязан быть и оппозиционным. В том смысле, что он и есть оппозиция, ему следует занять и это пространство. Власть осознает силу либерализма только тогда, когда он станет синонимом слова «оппозиция». Охранительство современного русского либерализма в том, что он постарается не дать ни самой власти, ни националистически-погромным силам ввергнуть страну в новую кровь; именно на нем лежит обязанность сохранения (с определенным изменением) конституционно-правового порядка. Именно в этом и проявится его консервативная сущность. Больше «консервировать» нечего. Здесь синтез либерального и консервативного.

Мы нуждаемся в либерально-консервативной и одновременно социал-демократической программе. Она должна быть создана. И на ее основе широкое гражданское движение. Подчёркиваю: речь идёт о программе, но не о новой «идеологии» или некоей «идее» (либерально-консервативной, наподобие «русской»). Программа — это ясный, понятный, компактный документ, задача которого сплотить различные социальные группы с отличающимися ценностями, целями и т. д. Но все это люди **современной** (в смысле Modernity) России.

И здесь несколько слов о русской оппозиции. О «системной» мы, конечно, не говорим. С ней всем всё ясно. Хотя отдельные ее представители могут — примеры налицо — меняться. Мы и не о «внесистемной», а просто об оппозиции (правда, сегодня в России «вне» и «просто» практически совпадают). С одной стороны, она у нас, безусловно, имеется. Доказательств в последнее время представлено достаточно. С другой — все говорят (и справедливо) о ее слабой структурированности, отсутствии «настоящих» лидеров, не вполне ясной и чёткой программе и т. п. — Что же может дать нам чаямую оппозицию, как структурировать ее, как точнее артикулировать требования, оформленные в понятную и актуальную программу?

Убеждён: некая ключевая тема. Так всегда было в истории. У первых инакомыслящих — «соблюдайте свою конституцию» (советскую, другой тогда не «стояло»), у более поздних — права человека (правозащитники), у диссидентов-почвенников — вернуть Россию на пути органического развития, у инакомыслящих-социалистов — подлинный (с человеческим лицом и/или ленинский) социализм и т. д. Кстати, и у русского освободительного движения конца XIX — начала XX вв. была тема, скреплявшая все остальные: долой самодержавие. И Февральская революция стала осуществлением этого долгожданного и выстраданного поколениями «долой» (как это ни покажется парадоксальным — сама историческая русская власть тоже поработала над этим «долой»; об этом читайте у Н.М. Коркунова: самодержавие само самоограничивалось и «конституционализировалось»).

Ну, так какую тему мы можем предложить в качестве главной? — **Изменение конституции.** Всего-то, скажут мне. Во-первых, все эти конституционные и вообще правовые штучки для русских не имеют существенного значения. Мы-де нация не правовая и т. п. Во-вто-

рых, она и так имеется в программе оппозиции. Да разве власть пойдёт на это, а у нас пока ещё сил недостаточно.

Однако речь не об этом. Кто же станет спорить с этими возражениями. — Но на что «натыкаются» призывы к честным, нефальсифицируемым выборам, к изменению социальной политики государства, к отказу от все более репрессивной политической практики и «бассманного» правосудия? — На власть — полицейски-агрессивную, жёсткую, претендующую на регулирование чуть ли не всех сфер жизни человека и общества. В общем — на власть **самодержавную**. — Что ж, тогда: долой самодержавие? Как и встарь (да, ведь и слышно уже это).

В том-то и дело, что: **нет**. Призыв к свержению (в жёсткой или мягкой форме) царского самовластия имел хоть какой-то raison d'etre, поскольку эта власть до 1906 г. была сомнительной правовой природы, а в период 1906–1917 гг., хоть и обрела ее, но в полной мере ни царизм, ни общество не осознали этого (если бы «догадались», катастрофы не произошло бы). — Сегодняшнее самодержавие — президентское — на 100% имеет конституционную, т. е. правовую природу. Однако ведёт себя по преимуществу как вотчинный царёк пятисотлетней давности. Правда, используя современные политические, информационные и прочие технологии. — И тем не менее это — власть, повторим, конституционно-правовая. Потому — не «долой».

Тема правового изменения, конституционной трансформации должно быть поставлена в центр оппозиционной программы, быть ее «гвоздём». Власть необходимо «укротить», лишить ее тотальных потенциалов. Россия, чтобы вновь не опрокинуться навзничь, нуждается в переходе от монархической системы к полиархической (кстати, одним из вариантов является конституционная монархия, но нам ещё до такой модели расти и расти). В этом историческое содержание современного русского «транзита».

Вторая тема: права человека. Это, напомню, наследие правозащитников, высочайшее достижение русского ума и мужества 60–70-х годов XX в. (разумеется, она связана с первой, более того, первична по отношению к ней, но с точки зрения политической рациональности и логики должно идти вторым номером). **Третья** тема: правдивый анализ прошлого. В ФРГ на нем была построена вся денацификация (в широком смысле слова, не только правовая). Почему это так важно? Даже неотвратимо? Современный режим, безусловно, имеет опору в широких массах (здесь не важно, что поддержки разных социальных групп, слоёв разные — и по силе, и по мотивации). Важнейшей составляющей частью этой опоры является неадекватное представление о прошлом, которое с помощью СМИ внедряется (с успехом) в общественное сознание. Более того, режим находит свою легитимацию именно в этих представлениях. Следовательно, необходимо неправде противопоставить правду. Нужен убедительный, ясный, мужественный мессидж обществу. Практически это должно сопровождаться активной просвещенчески-воспитательной работой. Скажем, создание по всей стране сети центров, семинаров и пр. **Четвёртая** тема: ясное самоопределение России в мире. Это внешнеполитическая тема, но и не только. У П.Б. Струве есть работа 1908 г. («Великая Россия»), в которой он весьма убедительно показывает, **как** внешняя политика государства определяет его внутреннюю политику. Это была, понятно, неожиданная позиция, вразрез с общепринятой. Но, конечно, Струве прав (это не отменяет правильности и общепринятой). — Заметим, как меняется наша внутренняя политика **вслед** за внешней. Так вот мы должны определённо заявить: каков внешне-политический вектор России. С какими цивилизациями нас объединяют ценностные основы, с кем нам стратегически выгодно союзничать? Думаю, ни у кого сомнений нет: при всех наших сложностях и особенностях это евроатлантическая ориентация. Пора заканчивать всякие игры с «восточничествами». Такой подход не отменяет элементов «Realpolitik», не настраивает нас против Китая, исламского мира и т. д. — Не менее существенной частью нашей ориентации является позиция по наследию СССР, СНГ и т. д. Что мы здесь хотим и можем? Главное — Украина.

В этой программе также должно быть сказано, что именно необходимо преодолеть. — П.Б. Струве гениально заметил: на Западе идея социализма — регулирование в условиях перепроизводства и совершенно несправедливой, по сути разрушающей основы общества системы распределения-потребления. На историческую сцену является социал-демократия, профсоюзы и кейнсианство. Они упорядочивают рынок, минимизируют его издержки, делают государство социальным, профсоюзы важнейшим субъектом политики etc. В то же время «недостатки» социализма купируются господством частной собственности, рыночной конкуренции, политической и экономической мощью капиталистического класса. Национализация и приватизация становятся двумя разными сторонами одной медали. Но не социальной альтернативой.

В Россию, говорил Струве, социализм пришёл регулировать народное хозяйство в условиях дефицита. Это, кстати, весьма обычный для русской истории способ. Понятно, что черносотенец Сталин годился для этого дела больше, чем международные авантюристы Ленин, Троцкий, Зиновьев. Вообще для Русской Системы дефицит — норма, а не «слабость». Она может функционировать в условиях вынужденной «диеты». Накопление потребительского жирка усложняет жизнь Системы, поскольку за этим следуют: а) рост ожиданий (потребительских запросов), и как бы эти запросы ни удовлетворялись (хуже, лучше), они всегда превышают получаемое; аппетит приходит во время еды, тогда и начинают говорить о дефиците; при Пахане помалкивали, там на кону была жизнь, а не живот; в **этом** смысле проще было; здесь корни сталинолюбия нынешней Популяции; б) усложнение всех сфер и отношений социальной жизни, появление новых общественных сил, интересов; запрос на информацию, изящные искусства, спорт, туризм, самодеятельность и самостоятельность; отсюда рукой подать до инакомыслия и инакоповедения; а по пятам за всем этим крадётся «разврат»; недаром и Замятин, и Оруэлл «разлагали» тоталитаризм с помощью эротизма.

Гайдар-чубайсовский капитализм 90-х — это отказ от регулирования в условиях дефицита. Пусть само **все** образуется. На деле это оказалась «прикрытием», за которым последовало молниеносное обогащение кучки властителей и проходимцев. При этом на «дуван» кинулись не только «жадною толпой стоящие у трона», но и многомиллионные массы (не все конечно) бывшей «новой исторической общности». Им, правда, досталось немного, либо вообще ничего. Однако здесь важна сама интенция — «сарынь на кичку».

Когда передел — в общих чертах — достиг определённого насыщения (заметим: русский социально-хозяйственный передел никогда не останавливается; это к нему удивительно подходит: «движение всё, конечная цель ничто»; если когда-нибудь «конечная цель» станет реальностью, то закончится русская общественная реальность; останутся одни «реальные пацаны», а это, при всей их завораживающей брутальности-витальности, маловато для социальной жизни), явился В.В. Путин. На смену толстому мальчику Тимуру (Егору) и его команде пришёл ленинградский паренёк с рабочей окраины («за фабричной заставой, где закаты в дыму, жил парнишка…») с отрядом чекистов-международников. Советская власть выучила и дала все, что могла, этим детям рабочих. И они остановили совершенно безответственный грабёж родины. Они приступили к делу ответственно. Путинская система — это комбинация регулирования и рынка в условиях дефицитарно-бездефицитарной экономики. То, что имеется в наличии (включая и наличку), подлежит регулированию. В смысле перераспределения в пользу регулировщиков. То, чего в наличии нет и что «составляет» дефицит, оставлено, как и в 90-е, «рыночной стихии». Там ему место.

В высшей школе моё (и не только моё) поколение учили: социализм придёт вслед капитализму, как его отрицание. И это так. Свидетельствую: я жил в обществе, которое отвергло капиталистический (демократически-рыночный) уклад в пользу социалистического гибрида тюрьмы, казармы и санатория. Но затем произошло неслыханное. Советский социализм породил в качестве высшей своей фазы не коммунизм (здесь Энгельс и Суслов ошиблись), а капитализм. Который вырос из социализма — психологически, нравственно, структурно, ор-

ганизационно etc. Более того, этот новый русский капитализм не утратил и своей социалистической субстанции. Ещё более того, путинский капитализм-социализм, подобно западному устройству, — медаль с двумя сторонами. И никакой социальной альтернативы капитализм и социализм в России начала XXI в. собой не представляют.

Одно отличие от Запада: там социал-демократический капитализм работает на бóльшую часть общества (средний класс, «социальная плазма», по Р. Дарендорфу), здесь социалистический капитализм — на меньшую (верхи и их прислужников, «властная плазма», по моей терминологии). — Должен сказать: путинская модель устойчива и непротиворечива. — В свое время русская история нашла свою формулу в самодержавно-крепостническом — общинно-передельном режиме. Самодержавный царизм закабалил население России, поместил его в формат общины, где шёл перманентный передел земли. Это был эффективный способ процветания верхушки за счёт народа, который стал своим, привычным, органическим делом — кормить дворян и отправлять передел. — Сегодня в России сложилось типологически сопоставимое. Самодержавное президентство «поместило» население в формат перманентного «рыночного» передела небольшой материальной субстанции в условиях денежного дефицита. Население вновь занято привычным делом. Та же его часть (все не нужны), которая необходима для обеспечения процветания «властной плазмы», мобилизуется ею и сносно оплачивается. Мы вернулись к знакомой диспозиции: самодержавие (бесконтрольная власть), опирающееся на передел. Или иначе: передел как основной социальный процесс и инстинкт, «обеспечиваемый» самодержавием. Подобно христианской Троице они единосущны, но не слиянны.

Таковы итоги русской политэкономии в начале десятых годов XXI в.

И это-то мы должны преодолеть… Но как?

О конституционных противоречиях

В общем волей-неволей мы пришли к вопросу о конституции. После ее принятия в 1993 г. я постоянно (письменно и устно) утверждал, что этот продукт нашей политико-юридической мысли вполне органичен для русского исторического развития и одновременно адекватен нынешнему состоянию общества и институтов власти. Действительно, эта Конституция 1993 г., в значительной мере, есть продолжение проекта М.М. Сперанского, «Основных государственных законов Российской империи…» 23 апреля 1906 г. и проекта российской конституции, которые готовили юристы Временного правительства к Учредительному собранию. Адекватность же этого продукта заключалась в том, что предложенная правовая конструкция позволяла уйти от «вечного проклятия» русской политики — двоевластия. Это самое двоевластие неоднократно в русской истории, особенно в ее переломные моменты, угрожало самим основам общества. И ситуация 1992–1993 гг. наглядно это подтверждала.

Кроме того, я полагал, что сверхпрезидентская система правления (президент, поставленный над системой разделения власти) хотя и является, с европейской точки зрения, нонсенсом, у нас вполне честно и точно фиксирует реальное положение дел. И это «грубая» и «наглая» правда казалась мне честнее псевдодемократической псевдопарламентской лжи системы двоевластия, которая сложилась у нас в первые два послесоветских года.

Но вот прошло двадцать лет с момента принятия Основного закона. Россия находится в тяжелейшем политическом кризисе, который, разумеется, есть «отражение» и кризиса общесоциального, и экономического, и ментального и т. д. «Отражение» в том смысле и потому в кавычках, что, собственно говоря, Россия переживает просто общий кризис, а не какой-нибудь частичный. Но наиболее ярко и отчётливо проявляется он в политико-правовой сфере. И вот почему.

Конституция Сперанского и «Основные законы» 1906 г., скроенные по лекалам Михаила Михайловича, вполне подходили для России XIX столетия. Однако уже в начале XX в.,

конструкция Сперанского отчасти устарела. В этом, кстати, одна из причин катастрофы 1917 г. Но сейчас мы не о прошлом — о настоящем. Хотя, по-видимому, анализ сегодняшней ситуации поможет нам лучше понимать и события почти столетней давности.

Итак, Конституция 1993 г. есть «римейк», в основном и в целом, конституционных идей и практики дореволюционной России. В особенности это касается организации функционирования власти. Главное сходство конституций 1906 и 1993 гг. (и в то же время главное отличие от основных законов европейских стран) заключается в поставленной над системой разделения властей фигуре императора — президента. Но между двумя русскими конституционными текстами XX в. существует и громадное (метафорически, можно сказать, бесконечное) различие, которое, должен признать, я совершенно не принимал во внимание. Хотя все это лежит на поверхности.

В Конституции 1906 г. суверенитет принадлежит императору: Он есть источник всей и всякой власти, всех и всяких законов в стране. В Конституции 1993 г. суверенитет принадлежит народу, т. е. не президент, как ранее император, а народ является источником власти и законов. Таким образом, внешне, формально схожая конструкция власти на поверку оказывается «лишь» прикрытием совершенно отличных друг от друга сущностей.

Не удержимся и все-таки скажем несколько слов о «лжи» Конституции 1906 г. В ней, как мы помним, появляется законодательное учреждение — Дума, которая, хоть и в ограниченных объёмах, но управляла страной через процесс законодательствования. Ко всему прочему Дума избиралась — пусть и не на основе всеобщего и равного права, но избиралась. А это означало, что она имела современно-демократическую легитимность. Следовательно, в политико-правовую конструкцию России 1906–1917 гг. были «втиснуты» два прямо противоположных друг другу института и принципа.

Первый — императорская власть, обладавшая суверенитетом, т. е., повторим, монопольно владевшая источником всех властей и законов, иначе говоря, сама и бывшая этим источником. Имевшая также все мыслимые виды легитимностей: сакральной (от Бога), «демократической» (Романовы избраны на царство Учредительным Земским Собором 1613 г.), исторически- преемственной (правили страной более 300 лет) и формально-юридической (закон о престолонаследии Павла I). Основные законы 1906 г. закрепляют все эти типы легитимности в конституционном тексте современного образца. Тем самым придают ей ещё один вид легитимности — конституционно-правовой.

Второй — Дума, имевшая демократическую легитимность, т. е. по избранию, конституционно-правовую (по Основным законам) и издающая общеобязательные для всех без исключения россиян законы. Если к этому добавить, что в рамках тогдашнего законодательства Российской империи Судебный Сенат — высшая судебная (кассационная) инстанция — обладал правом принимать решения, которые никем, включая императора, не могли быть обжалованы, то получается, что Дума плюс Сенат составляли вместе систему власти, потенциально альтернативную императорской. И хотя юридически в рамках Основных законов 1906 г. императорская власть была сильнее, чем «законодательно-судебная», социальный расклад, т. е. ситуация в обществе, менялась явно в пользу новой системы власти. Это сознавали и представители традиционной императорской власти, и сторонники новой, парламентско-судебной.

Недаром В.А. Маклаков в своих воспоминаниях [Маклаков 2006] назовет Конституцию 1906 г. историческим компромиссом между короной и обществом. Так оно и было. Но сама Конституция явилась не только юридическим воплощением этого компромисса, но и одновременно возможным потенциальным источником нового взрыва. То есть февраль 17-го был юридически заложен в Конституции 1906 г. Другое дело, что можно было этим источником и не воспользоваться. Но для нас главное не это — не выяснение причин Февраля, а то, что Февраль был «запрограммирован» творцами Конституции 1906 г. И именно Временный комитет IV Государственной думы уничтожил императорскую власть.

Этот краткий исторический экскурс предельно важен для понимания сегодняшнего положения дел. В Конституции 1993 г. «запрограммирована» ситуации сегодняшнего дня. Мы должны это отчётливо представлять себе. «Мы» — это и сторонники власти, и ее оппоненты. — Но что же произошло с нашей нынешней Конституцией в течение двух десятилетий ее существования? Отвечая на этот вопрос, уместно вспомнить мысль классика политической и конституционной мысли XX в. М. Дюверже: в рамках всякой конституции заложены потенциальные возможности для существования различных политических режимов. Это означает, что нормальная современная конституция (российская в целом является таковой) предполагает вариативность политического развития. Вместе с тем и ограничивает его неким коридором возможностей. В силу различных, но совершенно реальных социальных и прочих причин все три российских президента (Ельцин, Путин, Медведев) — разумеется, с разной интенсивностью и последовательностью — резко ограничили, так сказать, демократические, либеральные возможности Конституции и усилили властно-авторитарные. При этом, используя свои практически неограниченные полномочия (по той же Конституции), они произвели ряд принципиально недемократических и даже отчасти антиконституционных (по духу) нововведений, естественно, закрепив их юридически.

К чему же это привело? К крайне резкому обострению конфликта между принципом суверенитета народа и почти неограниченной властью президента, к превращению законодательных, исполнительных и судебных органов власти в некие комиссии при президенте. При этом мы лично не виним никого из трех российских президентов. Это совершенно разные люди (разных биографий, возрастов и т. д.). Объединяет их лишь одно (включая даже молодого Медведева) — это советские люди. Советский же человек органически, экзистенциально воспринимает власть как насилие (в жёсткой или мягкой форме — это неважно), социальное согласие (консенсус) — как то, что все согласны со мной, объективный социальный конфликт — как заговор «тёмных сил» против меня и олицетворяемой мною правды, наличие чужого мнения — как проявление крамолы. Надо сказать, что этими качествами отмечены в той или иной степени не только наши высшие должностные лица, но и практически все мы с вами. В этом ещё одно фундаментальное противоречие современного отечественного социума — между демократической политико-правовой системой и недемократическими «акторами» (это касается и оппозиции).

Вернёмся к конституции. Основой всякой демократии являются выборы. Именно в выборном процессе и реализуется народный суверенитет. Практически уничтоженные выборы не дают народу реализовать это свое главное социальное право. Следовательно, наличная политическая система, выросшая из авторитарных потенциалов конституции (и отказавшаяся от ее демократических потенциалов), не оставляет места для оппозиции. Всякое, в том числе российское общество основано на конфликте интересов. Это признак любого живого социума. И всякое общество, чтобы не саморазрушиться, создаёт институты и процедуры, в рамках которых происходит конкуренция и согласование этих конфликтных интересов. В первую очередь имеются в виду, конечно, представительные учреждения. К сожалению, нынешняя российская политическая система не оставляет ни единой возможности для реализации иных, не господствующих интересов.

Ещё раз об оппозиции. В современном русском политическом языке существуют два ее определения — системная и несистемная. Что касается «системной», то она олицетворяется партиями, допущенными в Думу. Именно «допущенными», поскольку их судьба зависит от Власти. Это касается и коммунистов, с их довольно широкой социальной базой и хорошей организацией. Но если бы Власть по какой-либо причине решила элиминировать КПРФ из властного пространства, несомненно, это задача была бы — так или иначе — выполнена. Это означает, что КПРФ, СР и ЛДПР имеют по преимуществу властную легитимность. Другими словами, они «в системе» по разрешению начальства. Хотя, конечно, реальная жизнь сложнее моделей, «идеальных типов». И совокупная легитимность «допущенных» — конечно, в раз-

личных пропорциях — включает в себе и легитимность «от народа». Но определяющей, господствующей является, вне всякого сомнения, властная.

Тогда можно ли полагать «системную оппозицию» оппозицией по своей сути. Нет, нельзя. Дело в том, что оппозиция не может быть назначена. Право на этот «титул» завоёвывается в борьбе за голоса избирателей, а не за «разрешение» властителя. Далее оппозиция противостоит в парламенте не Власти, а другой партии (партиям). В последних трех Думах доминирует «Единая Россия». Это не партия, а думский псевдоним Власти, приводной ремень Власти, порученец Власти и т. п. И «системная оппозиция» допущена оппозиционировать этому властному порученцу. Все они — ЕР, КПРФ, ЛДПР, СР — поют по одной партитуре, написанной в одном месте. В общем и целом наша партийно-политическая система, наш парламент суть подделки. Но — абсолютно необходимые для Власти. — Тогда почему? И зачем ей эта «палёная» политика?

Советская власть, а наша, безусловно, советская по своей природе, инстинктам, повадкам, разводкам, отбросила коммунистическое обличье, требуху, прикид, однако осталась властью-моносубъектом, властью-насилием, властью-полицейским, властью-«отцом-родным», властью-«строгим учителем» и проч. Так вот эта самая советская власть, если вспомнить ее историю, всегда имела оппозицию. Сама ее конструировала, «назначала», а затем и поедала. Оппозиция была тем, что поедается в ходе жертвоприношения. Иным языком: внутренним источником питания. — Ныне советская власть тоже нуждается в оппозиции. Но не для жертвоприношения и постоянной подпитки витальностью. Изменились «очередные задачи» советской власти. Она нашла себе иные жизнетворящие источники, отказалась от всех этих людоедских жертвоприношений. Стала более современной, «цивильной», гедонистичной. Однако без оппозиции все же не может. «Системная» призвана быть «операцией прикрытия». Ну, как миролюбивая внешняя политика бывает прикрытием наглых, авантюристичных империалистических замыслов.

Фальшак системной оппозиции в том, что она никогда не сможет стать властью. Не предусмотрено. Место занято. — И в этом смысле нынешняя русская политическая система есть закрытый клуб, куда не допускают несистемных (не взращённых или прощёных властью) и где все функционирует по мановению палочки дирижера-председателя.

Что же, спрашивается, делать остальным, нам? — Тем, которые всерьёз полагают, что всякая власть от народа, что народный суверенитет основа жизнедеятельности русского общества. Что Конституция (и система права) единственный регулятор политики, экономики, всего общества. Что мы правовое государство, а не посткоммунистические расконвоированные зеки в полицейско-авторитарном посёлке-поселении. Что нам нет места в наличной властно-политической системе.

Возможны два варианта развития событий. Либо общество и власть договорятся об изменении Конституции и приведении ее в соответствие с принципом народного суверенитета, либо в России в той или иной форме начнётся гражданская война. Значит, остаётся единственный путь — изменение Конституции. При этом надо иметь в виду, что если в поисках нового, более совершенного и адекватного политико-правового устройства хотя бы потенциально будет возрождена конструкция двоевластия, мы вновь заложим мину замедленного действия. Ревизия действующей Конституции не есть только перераспределение власти в пользу законодательных и судебных органов, не только «вписывание» института президента в систему разделения властей. Это сложная и тонкая работа по созданию очень дифференцированного, извиняюсь за тавтологию, очень сложного механизма сдержек и противовесов. Но перед нами богатейший мировой опыт, богатейший опыт наших собственных успехов и провалов.

* * *

Не убеждён, что мы — впрямую и окольными путями — сумели найти объяснение действиям властей в отношении Академии наук. Непостижимо, нерационально, опасно. Действительно: «…A raddle wrapped in a mystery inside an enigma» (У Черчилль о России)… Но думается, кое-что все-таки стало яснее. Главное же — советское **должно** быть преодолено. Пусть этот процесс и окажется долговременным. Предупреждал ведь А.И. Солженицын: «Все народы Советского Союза нуждаются в долгом выздоровлении после коммунистической порчи, а русскому народу, по которому удар был самый истребительный и затяжной, нужно 150–200 лет выздоровления, мирной национальной России» [Солженицын 1981: 323]. Добавлю только: удар мы нанесли сами по себе. И ещё одно важнейшее соображение Александра Исаевича необходимо намотать нам на ус. «Соотношение между ними («русским» и «советским» — *Ю.П.*) такое, как между человеком и его болезнью» (Солженицын 1981: 306). Это его послание тем — а голоса их всё громче, — кто в той или иной форме, с теми или иными целями стремится «оправдать» советское (так сказать, все действительное разумно).

В заключение — «надеюсь, что написал без предрассудков, но не претендую на беспристрастность» (А. Токвиль).

Безансон А. 1998. *Советское настоящее и русское прошлое*. — М.

Борисов Н.С. 2011. *Возвышение Москвы*. — М.

Зимин А.А. 2001. *Опричнина*. — М.

Коллинз Дж. «Мы обменивались информацией с Ельциным, но не помню, чтобы предлагали укрыть его в американском посольстве» (Интервью). — *Совершено секретно*. — М., 2011. — Август, № 8/267.

Лотман Ю.М. 1994. *Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века)*. — СПб.

Маклаков В.А. 2006. *Воспоминания: Лидер московских кадетов о русской политике 1880–1917*. — М.

Манн Т. 1961. *Собр. соч. Т. 10*. — М.

Морен Э. 1995. *О природе СССР: Тоталитарный комплекс и новая империя*. — М.

Солженицын А.И. 1981. *Публицистика: Статьи и речи*. — Париж.

Солженицын А.И. 1998. *Россия в обвале*. — М.: Русский путь.

Струве П.Б. 1911. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм*. — СПб.

Тимофеев Л.М. 2000. *Институциональная коррупция: Очерки теории*. — М.

Фицпатрик Ш. 2001. *Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: Город*. — М.

Хлебников П. 2004. *Крестный отец Кремля: Борис Березовский, или История разграбления России*. — М.

Шумпетер Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. — М.: Экономика.

Nye Y. 2011. *The Future of Power*. N.Y.

Общие проблемы политической концептологии

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ИНФОРМАЦИЯ И ПРОСВЕЩЕНИЕ ИЛИ МАНИПУЛЯЦИЯ?

К.М. Цвынар
Жешувский университет (Польша)

Аннотация: *В статье автор формулирует тезис: в современном мире утеряна роль журналистики как средства передачи информации о событиях, популяризации знания и формирования позитивных культурных ценностей. Это случилось из-за того, что мы отошли от культуры ценностей. Современные СМИ формируют культуру потребительства, которая сводится к краткосрочным интересам и банальностям жизни. Она создаёт условия для манипуляции общественностью ради интересов разных групп влияния. Условием для преодоления этого неблагоприятного для общества хода вещей является возрождение идеалов Просвещения и культуры ценностей.*

Ключевые слова: *средства массовой информации, манипуляция, культура, ценности, интересы.*

1. Вступительное слово. Формулировка проблемы

Считается, что средства массовой информации[1] в централизованных, авторитарных или тоталитарных политических системах по определению подчинены политической деятельности. Представители СМИ, если они разделяют точку зрения правящего политического режима, в своих сообщениях выражают его интересы. В своих публикациях они ссылаются не только на факты и мнения, которые представляют в соответствии с текущими интересами руководства, но и на политическую аксиологию, которая следует из принятой идеологии. Функцию идеологии в конкретных случаях исполняет философия, например, марксизм, либерализм, глобализм и т. п., или же мировоззрение, например, национализм, космополитизм, прогрессизм, атеизм, агностицизм и т. п., или же религия или моральность. В такого рода системах сообщения в СМИ в своей интенциональности направлены на формирование определённого политического сознания граждан в соответствии с признанной аксиологией. Это значит, что индивидуальность отдельных личностей формируется для целей государства и принятой

[1]Другими словами масс-медиа. Это понятие в широком смысле охватывает как прессу, радио, телевидение, интернет, так и кино, фильмы, плакаты, рекламу, монументальную живопись и т. п.

политической системы. Политическим (государственным, т. е. относящимся к государству и представленным государственным аппаратом согласно его интересам) становится не только публичное и общественное, но в определённом масштабе и личностное, частное. В результате наступает политизация жизни личности и общества во всех его возможных публичных сферах. Это касается также ограничения свободы и отсутствия возможностей провозглашать независимые взгляды. Если они и существуют, то в форме публикаций нелегальных СМИ (например, самиздат).

Можно ли утверждать, что в отличие от недемократических систем, СМИ в демократическом обществе, в том числе и либеральном, освещают события непредвзято? Не подвержены ли они давлению групп политического или экономического влияния? Вопрос также и в том, не используются ли СМИ в демократических системах как инструмент манипуляции? Этот вопрос тем более принципиальный, потому что принято считать, что раз в тоталитарном обществе масс-медиа используются для пропаганды и манипуляции, то в демократическом обществе они сосредоточены на передаче неискаженной информации. В данном тексте я предпринимаю попытку проанализировать обоснованность этой тезы, прежде всего сосредотачиваясь на ее возможной ограниченности.

Ссылаясь хотя бы на обычное наблюдение общественной жизни, можно допустить с большой вероятностью, что либеральная демократия, в которой свобода как ценность признается главным условием ее функционирования, никоим образом автоматически не исключает возможности манипуляции, а в действительности, идеологической обработки с помощью СМИ не только человека, но и целого общества. Более того, будучи системой апеллирующей к либерализму и тем самым предполагающей плюрализм интересов личной и общественной жизни (в том числе политических, экономических, религиозных и других интересов), она способствует созданию условий разнообразного влияния, если сама их не создаёт, на отдельные личности и социальные группы. На самом деле, возможно управлять обществом так, чтобы оно реализовывало цели, которые следуют вовсе не из потребностей членов общества и ради их пользы, а которые отвечают интересам управляющих средствами. В таких случаях СМИ исполняют роль инструментов манипуляции. При этом манипулирование публичным мнением осуществляют не только политические центры, но и разного рода группы экономических, военных, религиозных и мировоззренческих влияний.

При этом следует подчеркнуть, что СМИ, независимо от вида политической системы, не только выступают как инструмент манипулирования обществом, но и непосредственно обуславливают функционирование современного общества как в политическом, экономическом, так и культурном смысле. Поскольку они являются средством культурной коммуникации в широком смысле. Сложно представить себе функционирование современного общества без таких средств массовой коммуникации как радио, телевидение или Интернет. Они не только необходимы в общественной жизни, но и непосредственно определяют ее идентичность. Поэтому вопрос о масс-медиа не сводится к их необходимости, а к тому, чему они служат и чему они должны служить. В завершающей формулировке можно было бы выразить это как вопрос о том, должны ли они вообще служить другим целям, кроме беспристрастной передачи информации? Если обратить внимание на независимость/свободу как одно из условий беспристрастной информации, надо было бы спросить также о том, насколько вообще возможна свобода СМИ, а если и возможна, то в чем она должна выражаться и в чем ее обоснованность. Другими словами, вопрос сводится к проблеме границ свободы СМИ в так называемых демократических (неолиберальных) системах. Однако, отмечу при этом, что ответ на этот вопрос осложняется ввиду отношений между свободой СМИ и беспристрастностью информации. С одной стороны свобода (СМИ) является условием беспристрастности информа-

ции (СМИ), зато с другой стороны она может беспристрастность не только ограничивать, но и исключать.

Это происходит в том случае, когда следуя принципу свободы высказывания (свободы слова), информация искажается и фальсифицируется ради интереса тех же собственников СМИ. Ведь при капитализме (либерализме)[2] со свободным рынком свобода как ценность сводится к свободе торговли. В этой системе СМИ выступают как ее неотъемлемый элемент. Таким образом, они подчиняются всем тем требованиями, что и субъекты экономики и политики свободного рынка. Более того, надо добавить, что масс-медиа в свободном рынке конкуренции информации играют в некотором смысле двойную роль. Поскольку в какой-то мере они являются производителями информации, творцами, и в то же время выступают в соответствии со значением понятия «медиа» как «средства» распространения информации. И независимо от этого различения в обоих случаях они подвержены влиянию так называемого свободного рынка, взаимной конкуренции и игры интересов. Можно было бы считать, что обусловленность свободной конкуренцией должна позитивно влиять на качество самых СМИ и их содержание. Но проблема состоит в том, что сама конкуренция существенно ограничена, а в случае монополизации СМИ так называемыми медиальными концернами, свобода и вовсе представляется иллюзорной. С другой стороны, конкуренция свободного рынка поощряет «моделирование» сообщения, хотя бы ради того, чтобы сделать его более привлекательным и поэтому «легко продаваемым», а также эффективно воздействующим в случае надобности. Такое положение вещей рождает вопрос о роли журналистики, а точнее журналистов в СМИ. Это вопрос в том, возможна ли независимая, свободная журналистика и идея беспристрастного СМИ?

2. Средства массовой информации: ценности и интересы

Начало журналистики следует искать в новейшей истории. Способствовало созданию этого нового вида общественной связи изобретение Иоганном Гутенбергом в XV веке в Европе печати. Напечатанные информационные брошюры, одинаковые механически размноженные экземпляры постепенно заместили бюллетени, переписанные вручную. Тем не менее вначале они не носили характера постоянных издательств. Первые периодические издательства в странах Западной Европы начали печататься намного позже, только в XVII веке. Считается, что первым был немецкий „Relation aller Fürnemmen und gedenckwürdigen Historien” (1605). Следующими прототипами информационных газет были голландский „Courante uyt Italien, Duytslandt, &c.” (1618), английский „Corante, or weekely newes from Italy, Germany, Hungary, Poland, Bohemia, France and the Low Countreys” (1621), французский „La Gazette” (1631), а также итальянский „Gazzetta di Mantova” (1664). В Польше первым систематическим изданием, целью которого было распространение информации, был „Merkuryusz Polski: dzieie wszytkiego świata w sobie zamykaiący dla informacyey pospolitey”, который издавался в 1661 году[3].

Газетно-издательской деятельностью тогда в основном занимались печатники и продавцы книг. Журналистика как отдельная профессия образовалась в культуре Запада только в XVIII веке, а точнее, во времена французской революции и войн Наполеона. Это было время выхода из мышления, сформировавшегося в феодальной культуре, пронизанной глубоко религиозным мышлением, то есть мышлением аксиологически насыщенным (ориентирован-

[2]Кроме капитализма свободного рынка (соответственно, либерального), есть ещё понятие общественного или социального капитализма, который включает в себя постулаты социализма или кооперативизма (одним из примеров может служить хотя бы скандинавский капитализм).

[3]См. что по этому поводу пишет Łojek 1988: 14 и сл.

ным на ценности). Это было мышление, в котором преобладали ценности и идеи, прежде всего ценность знания (просвещения), идеи свободы, равенства, братства, освобождения народов, демократии. В аксиологическом пласте XIX века его усилил этос романтизма. В XVIII и XIX столетиях в культуре преобладала ценность познания, знания, а также вера в технический и общественный прогресс. Это была эпоха доминирования научного мировоззрения и веры в человека. Молодая профессия журналиста в значительной мере прониклась этим аксиологическим способом мышления и практики и чувством призвания распространять новые идеи, а журналисты стали миссионерами новой веры. Это они должны были идти в первых рядах прогресса.

Уже в первой половине XX века культура начала отходить от аксиологии эпохи просвещения и веры в ценность познания, а понятие прогресса заменила понятием немедленной прибыли и влияния. Это выразилось в мировых войнах, которые велись во имя имперских интересов, жажды власти и экономического господства над другими. Продолжением этого способа мышления стал современный неолиберализм и деятельность ради выгоды. Уже в конце XIX века и в начале XX это мышление нашло свою интеллектуальную обоснованность в философии жизни В. Дильтея и Ф. Ницше, а также в новом мышлении М. Хайдеггера. Первый из упомянутых мыслителей культурную реальность свёл к жизни и нашёл обоснование ценностей в инстинктах, влечениях, переживаниях, эмоциях, то есть в биологической структуре человеческого бытия[4]. Ф. Ницше прямо отказывается от ценностей в пользу мышления в категориях полезности[5], а М. Хайдеггер, считая недоразумением мышление согласно ценностям, придерживается мышления из «бытия», то есть из со-бытия, другими словами, из того, что «случается». В результате происходящих изменений в мышлении, а в последствии и в способе бытия, в европейской культуре современность никак нельзя назвать эпохой ценностей и идей, это эпоха прибыли и потребления ради самого потребления, выгоды и сибаритства. Это время мышления и действия тем, что приносит жизнь. Современная журналистика в своей массе является всего лишь функцией эпохи, она такая же, как и вся культура. Если даже и случается иное отношение, то оно скорее как исключение, отличие от главного течения неолиберальной цивилизации, подчинённой понятию прибыль.

Современная культура Запада уже, кажется, не только отходит от новейшей аксиологии этоса знания и теоретической истины, то есть истины ради самой себя, но и погружается в прагматическое, если не в непосредственно практическое, мышление. Эта прагматизация коснулась даже самого теоретического мышления, в том числе и философского, и выражается в отказе и от систематического мышления, и от философии первоначал в пользу прагматизма и так называемого краткого мышления[6]. Мышление отказалось от познавательного вопроса относительно сущности, то есть от вопроса: что это? Более важными стали вопросы: как это делается?, или как это сделано?[7], а прежде всего: чему или кому это служит?, кому это нужно?, как это можно использовать?, каким и чьим интересам? Это положение вещей оказалось особенно выгодным для групп влияния, прежде всего влияния политического и экономического. Одним из существенным критериев реализации такого рода интересов, особенно в сфере формирования благоприятного для них общественного мнения, является СМИ: пресса, радио, телевидение, Интернет, а также кино, театр, шоу и другие в этом роде. СМИ, которые согласно своему первоначальному образу были основаны на мышлении «согласно ценностям» и были призваны исполнять информационную, образовательную, воспитательную

[4]См. что по этому поводу пишет Zachariasz 1983: 34 и сл.

[5]См. что по этому поводу пишет Marquard 1994a: 3 и сл.; Marquard 1994b: 156.

[6]Представители этого течения кроме Odo Marquard: Jacques Derrida, Richard Rorty, Jean-François Lyotard, Michel Foucault, Jean Baudrillard, Gilles Deleuze, Gianni Vattimo.

[7]См. что по этому поводу пишет Zachariasz 2009: 21–22; Zachariasz 2011: 287–292.

функции, приняли роль средства реализации политических и экономических интересов. Информация, которая служит практическим целям, прежде всего оценивается в категориях экономической и утилитарной ценности, и в то же время познавательные и интеллектуальные цели содержания сообщений СМИ отходят на второй план. Это значит подчинение информационной составляющей сообщения требованиям интересов властных структур. В результате это приводит к дезинформации и формированию «невежественного общества». Следует добавить, что это происходит одновременно с пропагандой культурных форм и содержания, которые не только банальные по сути, но и прямо ссылаются на инстинкты и влечения. В результате массовая культура, которую создаёт и распространяет СМИ, в противовес высокой культуре, это культура китча и коммерции, экзистенционального и морального нигилизма, потребления, это культура интеллектуального вакуума. В этой культуре человек является ценностью не потому, что он собой представляет в интеллектуальном или нравственном плане, а потому «каким он есть» (дословно: как выглядит, как одевается, что ест, с кем, где и как часто проводит время, какими материальными средствами располагает). Современные СМИ формируют общество, погруженное в банальности обыденной жизни, в которой единственной формой реакции на проблемы современного мира является пустой смех, а пошлые шутки представителей современности должны свидетельствовать об остроте ума. Чтобы воспитать общество таким образом, были созданы соответствующие организационные структуры и образцы поведения. В публичной деятельности место государственных деятелей заняли политики, а точнее политиканы, чьей единственной целью, независимо от цены и смысла их действий, является «получить власть» или «ее удержать», а сама политическая деятельность сводится к «игре за власть». Место философов заняли маги и экзорцисты, место учёных — предсказатели и так называемые эксперты, место научных, художественных и моральных авторитетов — знаменитости.

Проблема не сводится только к тому, что в рамках такой культуры поведение людей становится практически автоматическим; людей, которые живут себе в своем мирке. Дело в том, что руководители (так называемая либеральная элита), прекрасно осознавая свои цели, создали экономические и структурные механизмы функционирования нового общества по образцу древнего Рима: под видом демократии предоставьте нам власть, а взамен за наш покой мы вам устроим хлеб и зрелища.

3. СМИ и объединённое глобальное сообщество

Глобальная неолиберальная империя[8], действующая через западные политические центры принятия решений, проявляется не только как институты и мероприятия. Ей необходимо также подтверждение и обоснование в пространстве идей, в первую очередь, ради формиро-

[8]Экономическим управлением глобальной либеральной империей под диктовку Соединённых Штатов Америки занимается Всемирная Торговая Организация, Международный Валютный Фонд, Всемирный банк, а в политическом аспекте — НАТО. См. что по этому поводу пишет, например, Amin 2007: 37. См. также Zachariasz 2012: 111–124. Стратегические цели построения глобальной империи определяет всемирное квази-правительство, которое в настоящее время составляет так называемую группу G7 (с марта 2014). В 1975 году возникла так называемая группа G6, в которую вошли США, Франция, Великобритания, Германия, Япония, Италия. В 1976 году присоединилась Канада (G7), а в 1997 Россия (G8). Участие России в G8 было приостановлено 25 марта 2014 года в рамках «санкций за непослушание» по отношению к экспансивной либеральной политике Запада, в настоящее время сферой ее деятельности в Центральной и Восточной Европе является Украина. Поводом стало признание Россией независимости Республики Крым (17 марта 2014 года правительство Автономной Республики Крым провозгласило Крым независимым государством и обратилось к России с просьбой принятие в ее состав) и после подписания договора между Россией и Республикой Крым и городом Севастополем (18 марта 2014 года), включением в состав России как субъектов Крымского Федерального Округа (21 марта 2014 года). Организатором саммита G7 был ЕС (который прошёл в Брюсселе 4 июня 2014 года).

вания благосклонного для нее общественного мнения[9]. Роль формирования этого мнения при современном распределении ролей в глобальном государстве в особой мере принадлежит именно СМИ. При этом, если совершенствующиеся информационные технологии несомненно помогают в практике повседневной жизни (облегчают жизнь), то в то же время они являются совершеннейшим инструментом массовой манипуляции обществом. Особенно, если учесть, что благодаря так называемым новым СМИ использовать знания по манипуляции адресатами можно теперь в глобальных масштабах. Принимая во внимание современные технические и телеинформационные возможности мониторинга[10] отдельных людей, возникает вопрос, к чему может привести дальнейшее развитие информационно-коммуникационных технологий? Станет ли будущее продолжением мира Джорджа Оруелла?

Совершенствующиеся информационно-коммуникационные технологии размывают границы между виртуальным и реальным. Например, виртуальный образ политической или экономической ситуации при использовании так называемых новых СМИ, в восприятии адресата становится фактом не только потому, что появился в новостях, но и потому, что само содержание сообщения (которое не имеет подтверждения в реальности) убеждает в истинности происходящего. В результате реальные события подменяются т. н. фактоидами (газетными утками), событиями или высказываниями, необходимые на данный момент для определённой группы влияния (политической, экономической, нравственной). Самый простой способ подтверждения подлинности содержания такого рода новостей состоит не только в их массовом распространении через так называемые ведущие информационные агентства, но и систематическое воспроизводство различными центрами СМИ (в том числе также государственными и местными радиостанциями, с помощью телевидения, Интернета, прессы). Это позволяет не только зафиксировать новость, но и создать убеждение, что так думают и так действуют все, а выбор, предлагаемый центром принятия решений, в так называемых мировых масс-медиа представляется лучшим из возможных.

Хотя институциональный аспект СМИ во многом зависит от технического прогресса, он, однако, не определяет принципы действий собственников масс-медиа. Не отрицая автономность решений собственников, мы допускаем, что они могут руководствоваться реализацией определённых идей (то есть в рамках мышления в категориях ценностей) или контекстом фактического бытия человека в мире (то есть, отвечая на вопрос, что обуславливает человека в его «повседневном бытии» в том, что «случается»). В обсуждаемом здесь случае нельзя исключать ни одной из этих возможностей. Тем не менее, принимая во внимание цивилизационные изменения западного мира с большой вероятностью, я считаю, можно утверждать, что собственники СМИ в формулировке целей своих действий руководствуются как экономическими (которые сводятся к материальным преимуществам, преумножению капитала, владению ресурсами и т. д.), так и политическими интересами (часто связанными с экономическими интересами). Они обусловлены возможностями эффективного влияния и ожидаемой прибыли, ограничены возможным риском потери предыдущих позиций. Информация стала продуктом с разной коммерческой ценностью[11]. В зависимости от ее «производителя» это продукт политических субъектов, промышленных и торговых концернов, как и тех же ме-

[9]На тему формирования американскими масс-медиа общественного одобрения политического и экономического порядка см. например, Herman, Chomsky 2002 (1988): 394.

[10]Современные технологии дают возможность мониторинга на любом расстоянии и в любое время личной и даже интимной жизни отдельных граждан. Это происходит отчасти с разрешения, часто несознательного, «мониторируемых», так как оно обусловлено пользованием современными телеинформатическими услугами (мобильная связь, интернет, сателлитарная навигация, банковские карты и т. д.).

[11]В связи с этим образовалась профессия так называемого инфоброкера, это человек, который по найму занимается поиском информации.

дийных субъектов. Правила свободного рынка создали условия не только для производства и продажи информации, но и для развития медийного бизнеса[12].

Одним из средств формирования политического социума в соответствии с представлениями приверженцев реализуемых политических идей и экономических решений является достижение всеобщего одобрения с помощью медийных средств. Оно также служит для формирования определённого мировоззренческого и морального состояния общества. В политическом измерении оно представляет собой легитимизацию таких действий как: введение экономических санкций, усиление военизации или военное вмешательство. В этом процессе формирования общественного мнения СМИ все же не являются прямым инструментом. Они, как, впрочем, и указывает понятие, являются лишь средством для цели. Ведь целью всегда становятся отдельные личности, а точнее личности, которые функционируют как некоторая общность. Медийные сообщения формируют не только нужные для достижения определённых целей мнения, но и закрепляют стереотипы и предубеждения. Они укрепляют обоснования враждебности к другим социальным группам и даже к целым народам. С помощью новостей, распространяемых масс-медиа, а точнее надо было бы здесь использовать определение средств массового влияния, в результате власть добивается не только нужного общественного мнения, но и общественного настроения. Часто такие (преднамеренные) действия ведут к общественным возмущениям, протестам, (марионеточным) общественным движениям или непосредственно мятежам, и т. д. В результате это даёт легитимацию властьимущим, например, на военное вмешательство во имя так называемой защиты прав человека. Это происходит в частности в ситуациях, когда ради краткосрочных политических целей, они стремятся воспользоваться религиозными и этническими различиями, которые зиждутся на идеологиях и радикальных движениях, например, исламских фундаменталистов или же националистических образований. Такого рода действия, зарученные поддержкой медийной пропаганды по определению ведут к конфликтам, в том числе и военным, которые неоднократно выходят за рамки локальных.

Эффективность манипулятивных действий зависит не только от интенсивности или профессиональности СМИ, но существенно от интеллектуального и эмоционального состояния самого общества. Состояние общественного сознания определяется готовностью воспринимать знания о мире и о человеке, а также системой ценностей, идеями, критериями оценки, в том числе и эстетическими пристрастиями. В этом случае проблема сводится к вопросу: на сколько СМИ влияют на формирование общественного сознания, отвечающему самым высоким из возможных аксиологическим стандартам культуры, в которой функционирует человек как адресат медийной информации? Обращаясь к этому вопросу, ещё раз подчеркну, что современные масс-медиа вообще не руководствуются ценностями Просвещения, ни ценностями девятнадцатого века. Они не намерены распространять научное знание, ни интеллектуальное содержание европейской культуры или других мировых культур. Эту область своей деятельности они считают маргинальной. Масс-медиа предпочитают и явно пропагандируют в новостях, согласно своему названию, массовую культуру. Эта культура руководствуется принципом, что массовый адресат — он же обычный адресат, а поэтому никакой — обычный человек, не умеющий критически мыслить, настроен воспринимать только несложную для понимания информацию (которая не требует размышления). Несомненно, такой адресат восприимчивый к «готовым мыслям». Примером этого способа передачи информации являются

[12]Позиций так называемого мирового медиа-магната достиг австралиец Руперт Мёрдок, собственник одной из ведущих в мире медиа-корпораций News Corporation, а также итальянский политик Сильвио Берлускони. С помощью собственных масс-медиа ему не только удалось трижды занять пост председателя Совета Министров, но и продвигать свой политический имидж и стимулировать поддержку избирателей в рамках деятельности *public relations*.

радио- и телепередачи, печатный текст, в том числе специальные выпуски журналов, в которых содержатся готовые мнения. Фактором, способствующим манипуляции и взывающим к обычному адресату, также будет и апеллирование к его эмоциям, чувствам и к его религии. Современные журналисты слишком часто используют сенсацию и шок, что способствует специфическому воспитанию общества, чтобы оно реализовывалось в банальности жизни и было в нее полностью погружено. При этом предметом новостей чаще всего являются обыденные, заурядные события. Однако, надо подчеркнуть, что типичным примером воспитания «недумающего» общества, удовлетворённого потребительско-развлекательным стилем жизни, являются сатирические телепередачи, ток-шоу со знаменитостями, сериалы или программы типа *scripted documentaries* (псевдо-документальный фильм), рассчитанные на широкого адресата. Они представляют образец поведения на уровне обыденной жизни, апеллируя часто к низкому интеллектуальному уровню. Пропагандируемую культуру массовой заурядности объясняет лозунг политиков и собственников информации: «глупый народ всё покупают». Такое общество должно стать «забавной» массой интеллектуально бесполезных личностей, как призывают масс-медиа: чем ты глупее, тем ты популярней и «нормальней». В этой ситуации необходимо задать вопрос о масштабах такого рода разорения культуры, и прежде всего о том, насколько уже необратимы процессы, в которых заурядность стала нормой для власти[13]? Политика медиократии несомненно является угрозой для так называемой высокой культуры и ведёт к упадку общества, как в интеллектуальном, так и политическом измерении. При этом надо обратить внимание, что отказ от жизни, основанной на ценностях, значит не только формирование пассивной к управлению общественной массы, но и пассивного общества в целом. Индивидуумы, которые претендуют на роль представителей так называемой элиты и стремятся выделиться из общества (например, благодаря «благородному происхождению», правам собственности, общественным ролям, достижениям и т. д.), часто своим уровнем «бытия» ничем не отличаются от масс, а что ещё хуже, свой низкий уровень навязывают обществу и его репрезентируют.

4. СМИ и политика

Как я уже упоминала, масс-медиа, а с их помощью журналисты как определённая профессия, функционируют в каждой области современного общества: как в области политических, экономических, культурных (т. е. в моде, искусстве, религии, в науке и т. д.) явлений, так и в повседневной жизни человека. В перспективе реализации и значения СМИ, и соответственно журналистики, в обществе, две области из перечисленных (не отрицая значения остальных) представляются особенно важными. Особенность первой из них следует из значения представленных обществу как некоей целостности событий в СМИ, в частности последствий этих событий, а особенность второй — во влиянии СМИ на бытие человека в обществе как индивидуума. Первая — это область политики, то есть передача новостей как о внутренней, так и о внешней (международной) деятельности государства (учитывая юридический, административный и экономический аспекты). Вторая — это область частной жизни относительно общественной (на самом деле не относящейся к общественности, хотя она существенным образом определяет частное), которая сводится к отношениям, а точнее к пропаганде определённого стиля жизни. В наши дни вторая область сводится к потреблению. Материальное благополучие и свобода (выбора между предложенными продуктами[14]), которую

[13]См. что по этому поводу пишет Breczko 2013: 65–71.

[14]«Свободный выбор среди широкого разнообразия товаров и услуг не означает свободы, если они поддерживают формы социального контроля над жизнью, наполненной тягостным трудом и страхом, — т. е. если они поддерживают отчуждение». „Wolny wybór — pisał H. Marcuse — spośród szerokiej różnorodności dóbr i usług nie

пропагандируют масс-медиа, формируют человека «одномерного», потребителя, который стремится к удовлетворению основных потребностей, хотя, как утверждает Г. Маркузе, «фальшивых потребностей»[15]. В системе этих потребностей он становится легко управляемым в своем выборе, особенно, когда мы учтём возможности соответствующих техник и современной технологии мониторинга[16]. В этой действительности гражданин стал на позицию потребителя; он стал клиентом, просителем, адресатом услуг, которые оказывает государство. Правилам потребительского общества подвержены и сами политики. Так как они настроены в основном на реализацию собственных интересов, они воспринимают государство, а в частности участие в управлении, как институт, позволяющий обеспечить им благоустроенную жизнь или просто быстро обогатиться. В игре во власть следуют принципам маркетинга в условиях свободного рынка. Это значит, что избирательные кампании — это всего лишь ничем не застрахованные предложения или прямая коммерческая реклама. В реализацию этих операций, в первую очередь, вовлечены общественные и частные СМИ при активном участии журналистов, пресс-секретарей, так называемых спин-докторов и экспертов в формировании позитивного общественного мнения (пиар-менеджеров). Для реализации плана «очарования» общества на практике используются различные техники манипуляции. Новости, как в своей форме, так и в содержании, нацелены на формирование состояний эмоционального напряжения, например, постоянной угрозы (катаклизма, катастрофы, болезни, аварии, преступления, аферы, экономического кризиса, военного конфликта и т. д.), шока, этнических, расовых и идеологических фобий. Вспыхнувшие эмоции притупляют рациональность мышления. Так называемые медийные кампании организовываются для компрометирования политических оппонентов и закрепления в памяти адресатов нужного содержания. Это делается ради того, чтобы заручиться общественной поддержкой.

Ещё одна техника, которую используют руководители СМИ и которая нацелена на достижение ожидаемых эффектов в пропаганде и политике — это дозирование информации. Результатом такого рода действий должно стать увеличение заинтересованности и усиление общественного напряжения. Дозирование информации, а также так называемый фрейминг, в результате их компиляции, то есть сортирование информации в определённом порядке, должны подтверждать заранее предусмотренный тезис, под который и приготовлена новость. При этом фреймингу подвергаются не только происходящие события, но и некоторые социальные процессы, институты, личности и даже целые страны. Информация (особенно политическая), которая подлежит фреймингу, сопровождается соответствующим нарративом, и как готовый продукт предполагает заранее определённую общественную реакцию (или общественное мнение). Эти техники нацелены не только на то, чтобы вызвать определённые ассоциации, но также чтобы сформировать и закрепить нужные политические стереотипы. Так, например, за Соединёнными Штатами Америки закреплён «фрейм» страны исключительной мощи, свободы и гарантии независимости [Street 2006: 44].

Метод селективного разглашения (дозирования) информации защищает интересы руководства [там же: 94–96]. Это вид цензурирования содержания новостей без официального применения цензуры. В демократических системах ее не применяют официально, потому что согласно доктрине демократии она считается не столько лишней, сколько опасной. Это не значит, однако, что некоторые ее виды не применяются. Следует обратить внимание, что цензура может быть разных видов, иногда намного более эффективных, чем так называемая офи-

---

oznacza wolności, jeżeli te dobra i usługi podtrzymują społeczną kontrolę nad życiem w znoju i strachu — to znaczy, gdy utwierdzają alienację" [Marcuse 1991: 25].

[15]См. что по этому поводу пишет Marcuse 1991: 21–22.

[16]Следствием технологической власти становится тоталитарное общество. См. что по этому поводу пишет Marcuse 1991: 183–212.

циальная цензура. К одному из них следует причислить систему управления информацией. Методом представления и распространения определённого содержания в этом случае являются пресс-конференции при участии журналистов, которым даётся исключительное право на информационный материал. При этом «утечки» в СМИ, как правило, контролируемые лицами, «находящимися у власти» (управленцами), создают впечатление демократичной свободы, свободы и независимости масс-медиа, и при случае, таким образом, подтверждают их профессионализм и заинтересованность в деятельности на пользу общества. Дело в том, что коммерциализированные СМИ, насколько можно судить, заинтересованы не столько в информировании, сколько в информационном господстве, власти над общественным мнением, и не столько в экономической (рынок рекламы), сколько в политической. Не без повода СМИ получили свое название «четвёртой власти». Хотя нельзя исключать журналистов, придерживающихся традиционных стандартов. В основном масс-медиа, особенно в области политики, не информируют, а создают так называемый нарратив. Показательным примером «медийной конструкции» [Kellner 1995: 198] была война в Персидском заливе в 1999 году. Сводки с войны в значительной мере были не столько пересказом событий, сколько «продуктом» правительства Соединённых Штатов Америки. Это был типичный продукт в сфере *public relations*[17]. Они должны были служить, в первую очередь, обоснованием политики американского правительства и военного вмешательства американских войск.

Я считаю, что СМИ существенно потеряли свою социально-идеологическую функцию[18] и все больше превращаются в орудие экономическо-политической деятельности. Кажется, что в этой ситуации не помогает даже плюрализация СМИ в современной медийной действительности, которая выражается в многочисленности и разнообразиции вещателей, многочисленности теле- и радиоканалов, интернет-сайтов, ежедневной прессы, а интернет пользователи имеют даже возможность высказываться на интернет-форумах или в блогах, и т. д. Надо обратить внимание, что такого рода средства дают лишь видимость свободного высказывания. Они существуют, в лучшем случае, по принципу предохранительного клапана и в глобальном измерении не влияют на формирование общественного мнения. В этой ситуации возникает вопрос, является ли термин социальные медиа [См. напр.: Kaczmarek-Śliwińska 2001: 197–199], который означает социальный контроль над медийным содержанием и возможность его создавать всей общественностью (то есть для общественного блага; *pro publico bono*), обоснованным.

5. Возможно ли общество знания? О потребности нового Просвещения[19] (заключительные замечания)

Принимая во внимания предыдущие примечания, трудно обосновать тезис, что масс-

[17] См. что по этому поводу пишет Street 2006: 28.

[18] Я использую этот термин в значении, подчёркивающем этосное измерение журналистской профессии, и в оппозиции к деятельности как идеологической, так и обусловленной интересами.

[19] Просвещение далеко не однозначно воспринимается философами XX века. Свою критику этой эпохи высказали в первую очередь представители франкфуртской школы Т.В. Адорно, М. Хоркхаймер. Они воспринимали Просвещение как время, в котором сформировались принципы так называемого инструментального разума и инструментального знания. Это знание, возникшее в естественных науках, было ориентировано на обеспечение господства человека над природой. В общественных науках его последствием стала власть узкого круга политических элит над обществом, то есть тоталитаризм двадцатого века. Поэтому Адорно и Хоркхаймер негативно оценивали и саму эпоху, и инструментальный разум, который она породила. Это мнение не разделяет Юрген Хабермас. Этот философ преодоление опасностей, которые возникают из инструментального разума, видит в рационализации социальной реальности и так называемых коммуникативных действиях. Их целью было устранение апории и нейтрализация социальных конфликтов. См.: Horkheimer, Adorno 2010: 13 и сл., а также Habermas 1999: 669 и Habermas 2002: 749.

медиа как институт и, представляющие их журналисты как некая профессия, в своей деятельности независимы, руководствуются принципом правды и действуют исключительно ради общественного блага. Как журналисты, так и стоящие за ними институты, действуют ради преумножения прибыли своих работодателей (медиа-собственников) и представляют разные группы влияния[20]. Однако, не следует исключать, что есть и независимые журналисты, для которых главная ценность их работы заключается в передаче объективной информации. В коммерциализированных и политизированных СМИ они представляют собой немногочисленную группу, и весьма вероятно, что лишь маргинальную. Сложно также утверждать, что с ростом количества журналистских школ, в том числе журналистских факультетов и институтов при университетах, происходят изменения к лучшему в способе функционирования массмедиа и образования общества. Сами учителя часто не осознают важность своей роли или не имеют необходимых актуальных знаний. Как в этом систематическом невежестве возможно общество знаний? Следовало бы предположить, что для этого необходимы коренные изменения. Условием этого, в первую очередь, является осознание состояния современной массовой культуры. Следующим условием является создание юридических и институциональных механизмов, обеспечивающих свободу и независимость СМИ. В этом числе, прежде всего, освобождение общественных СМИ от групп политического влияния или игр политических, экономических и религиозных интересов. Несомненно, что необходимо нравственная трансформация преподавателей, которые несут ответственность за моральный облик общества. Ведь дело в том, что игре интересов и мышлению интересами (часто недальновидными), подвержены не только журналисты, но и их учителя. Другими словами, будущее общества будет зависеть от того, найдётся ли общественная сила, которая выступит против деградации мира знаний и ценностей, или же обществу достаточно будет лишь реакции на события. Подводя итог, можно сказать, что чтобы общество знаний и ценностей могло стать уделом современного человека, необходимо новое Просвещение.

Перевод с польского Наталия Игоревна Чаплий

Amin S. 2007. *Wirus liberalizmu*. przekład A. Łukomska. — Warszawa: Instytut Wydawniczy Książka i Prasa.

Breczko J. 2013. Mediokracja. — Szyszkowska M., Rossmanith A. (ред.), Nieprzeciętność. *Dylemat wolności*. — Warszawa.

Habermas J. 1999. *Teoria działania komunikacyjnego, t. I: Racjonalność działania a racjonalność społeczna*, tłum. A.M. Kaniowski. — Warszawa: PWN.

Habermas J. 2002. *Teoria działania komunikacyjnego, t. II: Przyczynek do krytyki rozumu funkcjonalnego*, tłum. A.M. Kaniowski. — Warszawa: PWN.

Herman E.S., Chomsky N. 2002 (I wyd. 1988). — *Manufacturing Consent. The Political Economy of the Mass Media*. —New York: Pantheon Books.

Horkheimer M., Adorno T.W. 2010. *Dialektyka Oświecenia, przeł. M. Łukasiewicz*. — Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej.

Kaczmarek-Śliwińska M. 2001. Media relations w erze social media. — *Media — czwarta władza?*, M. Gołda-Sobczak, W. Machura, J. Sobczak (red.), t. II. — Poznań-Opole.

Kellner D. 1995. *Media Culture. Cultural studies, identity and politics between the modern and the postmodern*. — London & New York: Routledge.

[20]См. что по этому поводу пишет Ziemski 2009: 53–80.

Łojek J. *Prasa dawnej Rzeczypospolitej [w:] Łojek J., Myśliński J., Władyka W. 1988. Dzieje prasy polskiej*. — Warszawa: Wyd. Interpress.

Marcuse H. 1991. *Człowiek jednowymiarowy. Badania nad ideologią rozwiniętego społeczeństwa przemysłowego*, tłum. S. Konopacki, Z. Koenig i in. — Warszawa.

Marquard O. 1994a. *Rozstanie z filozofią pierwszych zasad*, tłum. K. Krzemieniowa. — Warszawa.

Marquard O. 1994b. *Apologia przypadkowości*, tłum. K. Krzemieniowa. — Warszawa.

Street J. 2006. *Mass media, polityka, demokracja*, tłum. T.D. Lubański. — Kraków: Wyd. UJ.

Zachariasz A.L. 1983. *Człowiek a poznanie humanistyczne w filozofii Wilhelma Diltheya*. — Lublin.

Zachariasz A.L. 2009. Teza o końcu filozofii i granice jej zasadności a pytanie o przyszłość filozofii. — *ΣΟΦΙΑ. Журнал Философов Славянских Стран*. — № 9.

Zachariasz A.L. 2011. Refleksje o roli idei w kształtowaniu cywilizacji technicznej. — *ΣΟΦΙΑ. Журнал Философов Славянских Стран*. — № 11.

Zachariasz A.L. 2012. Globalizm jako formuła realizacji imperium neoliberalnego. — *ΣΟΦΙΑ. Журнал Философов Славянских Стран*. — № 12.

Ziemski A. 2009. Demokracja medialna. — Szyszkowska M. (ред.). *Demokracja w XXI wieku*. — Warszawa.

ДРАМАТУРГИЯ КОНЦЕПТА НАЦИИ В ПРОГРАММНОМ ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ «ПАРТИИ БЕЗ ВЛАСТИ»

С.И. Бойко
Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье рассматривается драматическое разыгрывание «партией без власти» своих идеологических концептов, чтобы завоевать место под солнцем российского парламентаризма. Драматургический аспект политической фигуры имеет особое значение в случае квази-оппозиционных партий, составляющих российскую «партию без власти».*

Ключевые слова: *Самозванец, Шут, Изгой, концепт, партии без власти, русский вопрос, русская власть, политическая фигура.*

Цель статьи — типологически описать семантические игры вокруг концепта нации в дискурсе российских партий, играющих роль «партии без власти» в системе имитационной партийности, характерной для постсоветского варианта «русской власти».

В отличие от автореферентного дискурса партии власти как партии-начальника, определяющего свои понятия, прежде всего, из прагматических соображений бюрократической вертикали власти, «партия без власти» нуждается в драматическом разыгрывании своих идеологических концептов, чтобы завоевать себе место под солнцем российского парламентаризма. Драматургический аспект политической фигуры имеет, поэтому, принципиально большее значение в случае квази-оппозиционных партий, входящих в российскую «партию без власти».

Начнём с политической фигуры *Самозванца* и покажем, насколько она может быть полезной при идентификации концепта нации в программном дискурсе *Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ)*.

Мы рассматриваем фигуру Самозванца не только как метафору, но также как концепт, относящийся к реальному феномену самозванчества, рассмотренному в широком культурно-идеологическом контексте. Российский учёный К.В. Чистов видел в самозванчестве выражение легенды о «возвращающихся избавителях» [Чистяков 1967: 24]. Б. Успенский связывал самозванчество с восприятием в русской культуре царской власти как власти сакральной. Здесь важны две взаимосвязанные идеи: отличие подлинного царя и неподлинного, а также представление о богоизбранности, божественном предназначении истинной царской власти как главном критерии ее «подлинности».

В идеально-типические характеристики политической фигуры Самозванца входит отсутствие чётких формально-правовых критериев легитимности высшей власти в государстве. Такая ситуация — признак любого «смутного времени». В этой ситуации трудно отличить подлинного царя-властителя от неподлинного, поэтому в дело вступают мистические, сугубо идеологические критерии. Б. Успенский указывает в этой связи, что наиболее яркие самозванцы вроде Лжедмитрия появляются в период нарушения естественного (родового) порядка престолонаследия. И с точки зрения этого порядка даже тот, кто «демократически» *избирается* на царство, может рассматриваться как самозванец. Получается, что «наличие одного самозванца (в данном случае — самозванца на троне) провоцирует появление других: происходит как бы конкурс самозванцев, каждый из которых претендует на свою отмеченность (избранность)» [Успенский 1994: 81].

Феномен самозванчества предполагает ситуации двоевластия, а также «перевертышей» как тип людей, которые цинично меняют политические лагеря (подлинного и неподлинного царя) в силу сугубо личных интересов[1]. Аналогичная ситуация складывается и в России в начале 90-х годов прошлого века. С точки зрения адептов советско-коммунистической идеологии даже демократически выбранный президент постсоветской России рассматривался как нелегитимный правитель, как «неподлинный царь», как «пародия на Генсека».

В кризисе и утрате идентичности видит источник самозванчества и отечественный философ Г.Л. Тульчинский. По его словам, этот специфически русский феномен теряет свое отличие от обычного (известного и за рубежом) явления узурпаторства, если не учитывается, что на Руси «главным оправданием занятия престола являются не личные качества претендента, а его принадлежность единому роду, некоей общности, своим именем дающей право на высшую власть» [Тульчинский 2010]. И не важно, как называется эта общность — «дом Романовых» или «ЦК КПСС». Эта мысль согласуется с понятием русской власти, на которое мы опираемся в данном исследовании.

Разумеется, в политической фигуре самозванца заключён не только этот возвышенно-культурологический смысл, но прежде всего — смысл сугубо практический, связанный с борьбой за власть. Венгерский историк Д. Свак указывает в этой связи на важную роль казачества в почти серийном производстве самозванцев на московский трон в период 17 века. Мотивы у казаков были сугубо прозаические — присутствие в их рядах ряженного «царского отпрыска» облегчало грабёж купеческих караванов. Поэтому самозванство было для казаков «не столько утончённой идеологической конструкцией, сколько продуктом грубого, склоняющегося к цинизму прагматизма» [Свак 2010: 51–52]. Но верно и то, что в иной социальной среде, для русских крестьян, например, при восприятии самозванцев работали и сугубо религиозные мотивы. Грубый обман на одной стороне был круто замешан со страстной верой в подлинного царя, на другой. Эту связку политического мошенничества с верой в сакрализованного царя-избавителя можно, по-видимому, отнести к характеристикам идеально-типической фигуры Самозванца.

В ритуально-риторических фигурах КПРФ о социализме и коммунизме, в подчёркнуто-неизменной, как бы «забальзамированной» эстетике советских партсъездов и партконференций тоже есть немалая доля политического мошенничества. Благодаря этой эстетике избирателю внушается идейно-политическая преемственность с советским периодом, которая по сути отсутствует; возвышенные речи о коммунизме прикрывают рутину политического торга с «капиталистической» властью; «творческое развитие» марксизма-ленинизма, которым КПРФ, согласно ее программе, «руководствуется», обнаруживает на деле его полное обессмысливание и т. д.

[1]Ярким примером такого двоевластия и двурушничества может служить ситуация, сложившаяся в России с подходом к Москве Лжедмитрия II («тушинского вора»). Тогда в стране появилось два царя и царских двора, два патриарха и даже две боярских думы. Аналогичная картина наблюдалась и в России 90-х годов прошлого века, в период противостояния президента Б. Ельцина и Верховного Совета.

Для нас также важно, что благодаря этой вере в царя-избавителя «самозванческая легенда не нуждается в доказательствах» [Там же: 54]. В чем суть этой легенды? Её узловыми точками является набор нескольких событий. Прежде всего, это псевдоисторический прецедент: прерывание законного, санкционированного высшими силами, наследования (преемничества) власти. Власть узурпируется изменниками, преступниками, дьявольскими силами. Однако жертва этого преступления чудесным образом избегает смерти (воскрешается, перевоплощается и т. п.) и теперь предстаёт перед людьми во всей своей красе, с полным правом на власть и расчётом на поддержку в деле праведного мщения и восстановления справедливости.

Парадокс этой легенды в том, что в ней перевёртывается реальная картина властных отношений, легитимная и нелегитимная власти: законный правитель объявляется самозванцем-узурпатором, а фактический самозванец предстаёт как подлинный самодержец. При этом к образу законного властителя как изменника-узурпатора-предателя часто примешивается мотив связи с вражеской заграницей, неправославной верой и даже нечистой силой. Такая история хорошо ложилась на распространённые в народе легенды о «возвращающихся царях-избавителях» и «подменённых» царях-мучителях [Рогожин 2010: 90]. Этим, помимо прочего, объясняет стабильность электората нынешней КПРФ, при всем эксцентричном архаизме ее идеологической риторики.

Эта риторика во многом воспроизводит самозванческую легенду. КПРФ считает себя партией, «прирождённой» к власти, поскольку она «ведёт свою родословную от РСДРП — РСДРП(б) — РКП(б) — ВКП(б) — КПСС — КП РСФСР» и, «продолжая дело КПСС и КП РСФСР, является их правопреемницей на территории Российской Федерации» [Программа Коммунистической Партии Российской Федерации 2008]. Тем самым маркируется та историческая общность, именем которой КПРФ оправдывает свое право на высшую власть в стране, причём независимо от любых формально-правовых процедур. Псевдоисторический прецедент преступного нарушения законного наследования власти также присутствует в программе нынешних российских коммунистов. События горбачевской «перестройки», привёдшие к распаду СССР, там описываются в терминах «предательства» и «измены» [Там же][2]. В программе 1995 года «партия власти» квалифицировалась как «партия национальной измены» [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 1995]. Правда, актуальная редакция партийной программы коммунистов обнаруживает сдвиг акцента в характеристике виновных в развале СССР: теперь это скорее внешний, чем внутренний враг. Утверждается, что «вдохновителем антисоветских сил в нашей стране были США и их союзники, западные спецслужбы. Под их покровительством в стране была создана „пятая колонна“. При её ведущем участии произошло завершение контрреволюционного переворота» [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 2008]. Примечательно, что в Программе КПРФ от 1995 года такого сюжета о «спецслужбах» нет.

В типичном (для самозванческого дискурса) духе программа коммунистов рассказывает о «перерожденцах», которые «в августе-декабре 1991 года осуществили контрреволюционный переворот и запретили деятельность партии коммунистов» [Там же]. Хотя одним из решающих событий, подготовивших этот «контрреволюционный переворот», было принятие парадоксальной Декларации о государственном суверенитете РСФСР в июне 1990 г., за которую проголосовали практически все члены КП РСФСР из числа участников I Съезда народных депутатов РСФСР. Но в программных документах русских неокоммунистов все выглядит прямо наоборот — как и в любой идеологической «камере обскура». Здесь рассказывается не только легенда о злых изменниках коммунизма, но также о чудесных его спасителях в лице

[2]Стремление обновить социализм «было *обманным* путём использовано *предателями* социализма»; «*перерожденцы* в августе-декабре 1991 года осуществили контрреволюционный *переворот*»; «беловежский *сговор* пришедших к власти откровенных *предателей* нашего Отечества» в «*преступно* расчленённом Советском Союзе» послужил прологом к созданию «режима национальной *измены*» и «криминально-*компрадорского* капитала .

КПРФ. «Вопреки всем гонениям и запретам мы возродили партию и продолжаем ее работу» — «для защиты тех, кто кормит себя трудом своим» [Предвыборная платформа Коммунистической партии Российский Федерации 1995].

Таким образом, в роли национального Спасителя КПРФ предъявляет свои «исторические права» на власть. Неподлинность (неприродность) нынешней власти КПРФ оценивает не по критериям ее демократической (не-)легитимности, но как раз наоборот: сам факт ее избранности рассматривается как показатель ее неподлинности. Играет также роль мотив ее нерусскости, неправославности, её связи с иностранными государствами, с «мировой закулисой».

Следствием фигуры Самозванца как паттерна дискурсивного поведения КПРФ является развиваемый в ее программных документах перенниалистский концепт нации. По своему смыслу этот концепт относится к политической архаике, он обращён в прошлое, а не в будущее. В этом смысле он кардинально отличается от концепта нации в классическом марксизме и большевизме. «У пролетариата нет отечества» — говорится в «Манифесте Коммунистической партии», и коммунисты могут поддерживать национальные лозунги только в том случае, если они служат средством борьбы против реакционных феодальных или буржуазных режимов, а не средством их легитимации. Из этих соображений Маркс и Энгельс поддерживали польских националистов, борющихся с русским царизмом, тогда как официальный национализм европейских империй они отвергали. Критически относились классики марксизма и к национализму малых народов, усматривая в нем средство реакционной (мелко-)буржуазной политики. Одновременно они видели прогрессивный характер больших европейских наций-государств как результата и предпосылки капиталистической модернизации.

Для правильной оценки концепта нации в партии российских неокоммунистов важно дифференцированно подходить к закономерностям обращения левых партий к национальной идее. Переход КПРФ от принципа пролетарского интернационализма к позиции русского национал-коммунизма есть нечто иное, чем национализация рабочих партий в контексте национально-освободительных движений. Мысль французского философа Режи Дебре о том, что своим основным победам «левые» обязаны своей способности выражать не интересы рабочего класса, а национальный (народный) дух [Балакришнан 2002: 266] — эта мысль не про КПРФ. Ведь та по сути своей есть партия не прогрессистская и демократическая, а консервативная и авторитарная. В своем понимании нации она развивает перенниалистский гибрид цивилизационного и геополитического подходов. Кстати, следы цивилизационного подхода видны и в актуальной редакции программы КПРФ, где в первом разделе место концепта «этнонациональных конфликтов» (из редакции 1995 года) занимает «война цивилизаций» как якобы навязываемая «международному противостоянию труда и капитала» [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 2008].

Современную Россию лидер КПРФ Зюганов мыслит как носительницу и наследницу «славянского культурно-исторического типа», «геополитическим преемником» Российской империи и Советского Союза, как «стержень и опору» евразийского блока, вечно соперничающего с блоком евроатлантическим [Зюганов 1994: 162–163]. В рамках такого подхода Зюганов, во-первых, не проводит существенного различия между понятиями *нации* и *народа*, а также между понятиями *российской* и *русской* нации (народа). Во-вторых, главным отличием национальной общности являются у лидера российских неокоммунистов не столько политические, сколько цивилизационные особенности.

«Цивилизационную специфику» российского народа Г. Зюганов формулирует в духе известной триады графа Уварова, царского министра просвещения: православие, самодержавие, народность [Там же: 32–33]. Кстати, в этой уваровской триаде Б. Андерсон не без основания видел один из первых планов нациостроительства в царской России [Андерсон: 109]. В несколько модифицированной форме уваровский идеологический конструкт перекочёвывает и в партийную программу российских коммунистов образца 1995 года. «Сложное переплете-

ние геополитических, национальных и экономических обстоятельств сделало Россию носителем культурной и нравственной традиции, основополагающими ценностями которой являются общинность, коллективизм (соборность); патриотизм, теснейшая взаимосвязь личности, общества и государства (державность); стремление к воплощению высших идеалов истины, добра и справедливости (духовность); равноправие и равноценность всех граждан независимо от национальных, религиозных и других различий (народность)» [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 1995].

В актуальной редакции программы КПРФ явная преемственность с уваровской триадой исчезает, однако общий консервативный (перенниалистский) смысл понимания российской нации-народа остаётся [Программа коммунистической партии Российской Федерации 2008][3]. Это воспроизводство идеологической формулы царизма в программном документе партии, называющей себя коммунистической, только на первый взгляд кажется парадоксом; как раз с учётом описанной выше самозванческой легенды как одного из феноменов «русской власти» этот идейный зигзаг КПРФ вполне объясним.

Для Зюганова идея национального единства выше по значению идеи классовой борьбы. Его идеал — «межклассовое согласие и державная мощь» как результат соединения «красного идеала социальной справедливости» и «белого идеала национально осмысленной государственности» [Зюганоа 1994: 124–125]. Коммунисты в смысле КПРФ — безусловные государственники. В программных документах партии часто речь идёт о «национально-государственных интересах» России, истинную реализацию которых они связывают со своим возвращением к власти (в духе самозванческой легенды).

По сути, лидер новых российских коммунистов развивает концепцию национального, или державного коммунизма с ее основным тезисом: «в своей сущности „русская идея“ есть идея глубоко социалистическая» [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 1995]. Этот тезис не вошёл, правда, в редакцию программы КПРФ 2008 года, однако и в ней русская культура рассматривается как «основа духовного единства многонациональной России», а также утверждается тождество «задач решения русского вопроса и борьбы за социализм» [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 2008].

Уже в программе 1995 года заметен уклон в сторону *русского* прочтения российских и советских понятий. К примеру, сохранение государственной целостности России, воссоздание обновленного союза советских народов и обеспечение национального единства русского народа формулируются здесь как некая триединая и в себе непротиворечивая задача [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 1995]. И если в версии партийной программы от 1995 года речь шла о «*национально-освободительной* борьбе *российского* народа» (что внушает гражданское понимание нации), то в варианте программы от 2008 года уклон сделан в сторону «*русского* вопроса», что ассоциируется с этническим концептом нации. «Крайнюю остроту в годы реставрации капитализма приобрел русский вопрос. Сегодня русские стали самым крупным разделённым народом на планете. Идёт откровенный геноцид великой нации…. Задачи решения русского вопроса и борьбы за социализм по своей сути совпадают» [Программа Коммунистической партии Российской Федерации 2008].

Тем самым в рамках общего перенниалистского концепта нации, отвечающего архаической сути самозванческой легенды КПРФ, обнаруживается любопытная эволюция от официального (державного, имперского) национализма в сторону национализма этнического, русского.

Поворот к «русскому вопросу» явственно проявился в программных документах партии уже с начала 2000-х годов. Так, в Предвыборной программе КПРФ от 2003 года к общей негативной характеристике правящего постсоветского режима добавляется обвинение в «русофобии», а желание возродить Советский Союз как «сильную Державу» дополняется стремлени-

[3]Теперь в качестве основополагающих ценностей российского общества называются «общинность, коллективизм и патриотизм, теснейшая взаимосвязь личности, общества и государства».

ем «воссоединить разделённый русский народ» [Предвыборная программа КПРФ 2003]. Основным адресатом программного месседжа для КПРФ становится «русский человек, сегодня униженный и оклеветанный» [Там же][4]. Ещё более отчётливо главная роль «русского вопроса» в программе КПРФ обнаруживается в Политическом отчёте ЦК КПРФ, с которым Г. Зюганов выступил на X съезде партии в июле 2004 года.

В последующих программных документах КПРФ происходит ещё более ярко выраженная «русификация» коммунизма. «Русская идея» представляется как единство «научного социализма» и «русского патриотизма». Социализм есть по природе своей русская идея. Поэтому партия ставит задачу «освоить новое идеологическое пространство народного, пока ещё стихийного „русского социализма“» [Зюганов 2004] .

Зюганов развивает завершенный мифический концепт русского народа как исторического Мессии Евразии. «Задачей русского народа на протяжении тысячелетий было создание грандиозного государства между трех океанов. Великую мировую державу — вот что создал русский народ за свое царствование» [Там же]. Несмотря на интернациональную риторику, КПРФ обращается к религиозному мифу об исключительности русского народа: «самобытный, космический народ, тысячи лет предлагавший миру уникальные варианты истории» [Там же].

Мессианский образ русского народа сменяется драматическим концептом его гибели, в которой повинна власть, узурпировавшая у коммунистов их святое право вести этот народ к коммунистическому процветанию: «Мы утверждаем: происходит убийство русского народа — рациональное, сознательное, постоянное. И об этом знает власть. Знает президент Путин. …Мы считаем президента ответственным за величайшую в истории России трагедию — гибель народа» [Там же]. Драматичному образу гибнущего народа в речи Зюганова соответствует — опять же в духе самозванческой легенды — тезис о «спасении русского народа». Это равнозначно «национальному спасению», а национальное спасение равнозначно спасению коммунизма. Так мифоконцепт замыкается на самом себе. Но Зюганов не ограничивается формулировкой самого этого концепта, а привязывает к нему комплекс конкретных политических мер, называя это «программой по русскому вопросу». В числе этих мер — повышение рождаемости, защита русского языка и культуры, «борьба с русофобией» и т. д.

Современные российские коммунисты пытаются утвердить мысль, что история классовой борьбы в России уходит корнями в историю классовой борьбы «русского пролетариата как ведущего класса русской нации» [Белов 2013]. Спасение коммунистической идеологии как альтернативы либерально-демократической парадигме российские коммунисты видят в «спасении русского народа», являющегося основным источником рекрутирования пролетариата в России. В этой связи была предложена программа Коммунистической Партии по «русскому вопросу».

Как указывалось выше, тесная связь сугубо прагматических политических мотивов с верой в царя-избавителя относится к характерным чертам фигуры Самозванца. Политическая риторика лидеров КПРФ по русскому вопросу вполне отвечает этой характеристике, представляя собой попытку спасения основной электоральной базы партии[5]. Избирательный цикл

[4]Эта мифопоэтическая конструкция дополняется сентенцией, апеллирующей к низовым народным суевериям: «Избавим граждан от унизительного присвоения индивидуальных номеров» (намёк на «дьявольский» характер ИНН). Здесь архаическая подоплёка самозванческого менталитета российских неокоммунистов становится особенно очевидной.

[5]Цикл федеральных выборов (2003–2004 г.) в Государственную Думу и выборы президента Российской Федерации, выявили критическое положение КПРФ в регионах. В период выборов в Государственную Думу IV созыва Коммунистическая Партия Российской Федерации смогла набрать лишь 12,61% голосов избирателей по пропорциональной системе выборов. (Для сравнения: на тех же выборах «Единая Россия» получила 37,56% голосов избирателей). Причём большое значение имело то, в каком регионе проходили выборы. Моноэтнические регионы Северного Кавказа — Чеченская республика и Республика Ингушетия показали высокий процент в поддержку «партии власти». Отличительные данные от моноэтнических регионов Северокавказского региона

2003–2004 года продемонстрировал, что влияние на политические симпатии оказывает этнический состав населения. Количество голосов за представителя «власти» в национальных республиках составляет более 90%, от пришедших граждан на избирательные участки, в то время как оппоненты официальной власти получают менее 3% голосов избирателей. По мере уменьшения доминирования автохтонной этнически однородной группы в национальном регионе количество голосов за представителя власти уменьшается, а количество голосов за его оппонента увеличивается. Избирательный цикл 2003–2004 года продемонстрировал, что интернациональная риторика КПРФ является малоэффективной. Население национальных республик склонно к поддержке центральных элит и региональных элит, а не оппозиционных партий. Незначительное количество электоральной базы в регионах с автохтонным населением и преобладание сторонников в регионах с доминированием русскоговорящих избирателей заставило КПРФ в своей политической программе обратиться к «русскому вопросу». В период становления «суверенной демократии» ставка на интернациональную дружбу, на лозунг «пролетарии всех стран, объединяйтесь!» оказался политически невыгодным.

В «Манифесте Коммунистической партии» высказывается идея, что завоевать политическое господство пролетариат сможет лишь в том случае, если сможет «подняться до положения национального класса, конституируется как нация» [Маркс, Энгельс]. По всей видимости, такой вывод классики марксизма сделали из политической истории 19 века, когда европейская буржуазия конституировалась как нация и тем самым смогла завоевать политическое господство в Европе. Далее К. Маркс пишет, что понимание нации пролетариатом отличается от буржуазного понимания нации, однако что такое нация в понимание пролетариата, К. Маркс не указывает.

Отсутствие ясной позиции в определении нации, что такое нация в понимании пролетариата и теоретиков марксизма, для современных российских коммунистов не является теоретической проблемой. Они используют «духовные скрепы» национализма, историю, культуру и цивилизацию для обоснования «обновлённого социализма как национальной идеи» [Зюганов 2013]. При этом наличный в программном дискурсе КПРФ концепт нации вписывается в более обширное идеологическое образование, которое российские исследователи А.М. Верховский и Э.А. Паин называют «цивилизационным национализмом». В нем важное место занимает как раз идея особой русской цивилизации с ее имперской политической организацией, всемирно-исторической миссией и ведущей ролью русского народа [Верховский, Паин: 2013][6].

В любом случае, для российских коммунистов нация — это способ завоевать политическое господство. Но так как основу нации составляет «русский» пролетариат, становятся ясными мотивы российских коммунистов, уделяющих столь большое внимание русскому вопросу. Не меньшее, а даже большее внимание этому вопросу уделяет ещё один старожил постсоветской партийной системы — ЛДПР В. Жириновского.

Тема национальных отношений занимает, в целом, важнейшее место в программных документах ЛДПР. Однако ее трактовка в дискурсе этой партии ставит в тупик исследователя своей крайней противоречивостью. Так, несмотря на название данной партии, и утверждения, что партия придерживается либеральных и демократических ценностей, ЛДПР с момента своего основания использовала ярко выраженный националистический компонент в своей политической риторике. Но в отличие от российских коммунистов, которые используют смесь интернационализма и национализма, представители ЛДПР используют исключительно

демонстрируют моноэтнические регионы центральной части России. По данным переписи населения 2002 года, доля этнических русских в Брянской области составила 96,33%, а в Тамбовской области — 96,47%. Процент отданных голосов избирателей в Брянской области за КПРФ составил 20,07%, «Единая Россия» набрала 34,71%. В Тамбовской области за КПРФ отдали предпочтения 20,59% избирателей, а за «Единую Россию» — 28,97%.

[6]Помимо «красных патриотов» в лице КПРФ, к представителям «цивилизационного национализма» указанные авторы относят черносотенцев, православных фундаменталистов, неоевразийцев и неонацистов.

агрессивную русско-националистическую риторику. С другой стороны, ЛДПР нередко заигрывает и с национализмом нерусских этносов России, особенно в преддверии выборов.

Так, русские националисты часто напоминают Жириновскому эпизод из его политической жизни периода 1993 года, когда он (по сведениям газеты «Московский комсомолец» от 17.09.1993) посетил Чечню по приглашению президента республики Джохара Дудаева для празднования второй годовщины независимости Чеченской республики. Помимо других гостей, на встрече присутствовал грузинский президент-националист Звиад Гамсахурдиа. Отбиваясь от обвинений в поощрении сепаратизма 90-х годов, Жириновский позднее трактовал этот эпизод в сугубо выгодном для себя свете: «Когда западные агенты затевали войну в Чечне, я лично вылетел к Джохару Дудаеву, чтобы мирно решить назревшие проблемы и противоречия, но враги оклеветали меня, а сами начали войну» [Жириновский 2007b].

Эти и схожие эпизоды двусмысленного поведения ЛДПР (и в особенности ее лидера) обнаруживают сходство с поведением Шута или «балаганного деда», о котором российский лингвист А. Плуцер-Сарно замечает, что он «пародировал сильных мира сего, бранился и постоянно издевался надо всеми: и над актёрами, и над зрителями» [Плуцер-Сарно1999: 67].

Шутовской дискурс можно характеризовать как с точки зрения логической связности, так и по выполняемым им социальным функциям. В аспекте логики и семантики речи дискурс шута можно вслед за немецким философом В. Изером назвать «риторикой двусмысленности» [Iser 1984: 348]. Эта двусмысленность выражается обилием метафор, каламбуров, пародий, парадоксов и абсурдов в речи шута. Так, абсурдность — типичная черта программных заявлений ЛДПР, в том числе и по национальному вопросу. Часто наблюдается набор взаимоисключающих положений в рамках одной программы, даже в пространстве одного и того же абзаца программы. Ещё более двусмысленным, чем в дискурсе нынешней партии власти, оказывается в программных документах ЛДПР понимание «русскости». К примеру, утверждается, что лозунг «За русских!» означает: ЛДПР защищает и русских, и татар, и евреев, и чеченцев, и бурятов — всех жителей нашей великой Родины. Но за последние сто лет именно русские оказались под прессом дискриминации [Предвыборная программа ЛДПР 2011]. С одной стороны, заявляется, что «русский народ следует признать становым хребтом государственности»: с другой стороны, подчёркивается, что «ЛДПР против двойных стандартов в отношении любого народа» [Программа политической партии «Либерально-демократическая партия России» 2005].

Однако шутовской дискурс — это не просто стихия двусмысленности, бессвязности, абсурдности; это ещё и карнавал как «своеобразная логика „обратности“ (a l'envers), „наоборот“, „наизнанку» [Бахтин 1965:16]. Кстати, именно в карнавальности дискурса усматривал Б. Успенский закономерную для русской культуры связь между фигурами Самозванца и Шута [Успенский 1994: 84][7]. Примером карнавальной инверсии может служить случай, когда накануне президентских выборов 2004 года кандидатом в президенты от ЛДПР был выдвинут начальник личной охраны вождя партии О. Малышкин. Выдвижение немедийного и малознакомого персонажа В. Жириновский объяснил тем, что в партии существует внутрипартийная демократия, что ЛДПР — партия невождистская и неавторитарная. На самом деле, сделав кандидатом в президенты своего телохранителя, Жириновский выразил презрительное отношение к выборам как к несерьёзному, ненастоящему явлению (к «выборам без выбо-

[7]По словам русского философа, в Древней Руси поведение самозванца предстает как карнавальное поведение. Самозванцы воспринимаются как ряженые и колдуны, как «нечистая сила». Правда, это относилось не столько к самосознанию реальных самозванцев вроде Лжедмитрия, сколько к распространенному в Московской Руси феномену «игры в царя», когда простые люди рядились в царей в ходе масленичных гуляний. Эту игру Успенский считает «разновидностью самозванчества, полностью освобожденную от каких бы то ни было политических притязаний». Но и реальные самозванцы воспринимались в той мере как ряженые, в какой они трактовались как неподлинные, «ненастоящие» цари, наделенные только внешними атрибутами царской власти, но лишенные ее главного свойства — божественного предназначения. [Успенский 1994:84]

ра»). По сути, это была протестно-карнавальная акция политического Шута, имеющего привилегию сказать правду, пусть и в комической форме.

По М. Бахтину, карнавальный мир строится именно как пародия на обычную жизнь, как «мир наизнанку» [Бахтин 1965:16]. Элемент пародии фиксируется и в программных документах ЛДПР. К примеру, в предвыборных лозунгах 2007 года (За все ответите! Зачищу всю страну! Успокою всех!) обнаруживается пародирование дискурса «силовиков» (что отвечает авторитарным импульсам электората, большинство которого выражает в соцопросах ностальгию по «сильной руке»).

Двусмысленность шутовского дискурса объясняется, помимо прочего, тем, что он направлен не на предметное обсуждение проблем, а на дискурсивное подражание. Главное при этом — эффект эмоционального консенсуса, эстетической идентификации с партнёром по общению, что сходно с признанием артиста, а не серьёзного политика. Когда политический шут обращается к разной по своим интересам и социальному составу аудитории, «он не пытается поднять эту аудиторию до каких-то общих понятий, а наоборот, подлаживается к той лексике, на которой данная аудитория или ее часть говорит… Смена аудитории (адресата) ведёт к полной смене идей и лексики» [Алтунян 1999: 129]. Во многом именно так поступает и ЛДПР в своих заявлениях, особенно устами ее лидера В.В. Жириновского. ЛДПР подлаживает свой концепт нации под ту ситуацию, с которой она имеет дело в настоящий момент. В общении с властью, если либерал-демократы желают заискивать перед ней, они выдают себя за поборников государственнического, державного концепта нации, в полемике же с нерусскими национализмами подчёркивает либерально-гражданский концепт нации, а в полемике с либералами, наоборот, ее русский, этнический концепт.

В социальном плане политический Шут выполняет функцию стабилизации и консервации существующей политической системы. По словам М. Глюкмана, в традиционных обществах Шут был фигурой сакрализованной, а потому привилегированной. Он мог смеяться даже над королём и говорить в глаза вельможам самую неприятную правду. И ничего ему за это не грозило, потому что его охранял статус шутовской роли. На сакральность прав «дурацкого колпака в средние века» указывал М. Бахтин [Бахтин 1965: 102]. Совершенно очевидно, — пишет С.П. Поцелуев — что правовой и даже в известном смысле моральный иммунитет политиков вроде Жириновского, с их оскорбительными и экстремистскими заявлениями, драками в прямом эфире и прочим, обнаруживает аналогичную ситуацию: права политического дурацкого колпака священны и в России XXI в.» [Поцелуев 2008: 336].

Концепт нации, развиваемый ЛДПР, может (при ситуативной необходимости) быть очень критическим по отношению к официальному концепту, представленному властями (хотя сегодня это стало редкостью). В этом моменте ЛДПР реализует (в секуляризированной форме) функцию «политического служения юродивых» [Федотов 1985] как традиционного феномена русской политической культуры. В.П. Макаренко также замечает, что природа «русской власти» допускала сопротивление ей только со стороны юродивых. «Юродивые во Христе как социальная фигура канонизировались православной церковью и сыграли роль в становлении русской интеллигенции» [Макаренко 2013: 199].

Блаженным в России, как и придворным шутам в Западной Европе, позволялось критиковать власть. Но такая дерзость, во-первых, имела свои пределы (ибо блаженные и шуты оставались, в конце концов, лишь слугами Государя, даже если они и ценились как особые слуги Божии). С другой стороны, дерзость шутовской речи с лихвой компенсировалась безусловной лояльностью к власти. Карнавальный статус шутов дискурса нисколько не противоречит этой лояльности: «Доверие к шутовской правде, к правде „мира наизнанку“ могло совмещаться с искренней лояльностью» [Бахтин 1965: 109].

Все эти черты шутовского (блаженного) поведения непременно надо учитывать при попытке представить в игровой динамике «национальный» дискурс ЛДПР.

Несмотря на заявление в программе партии, что ЛДПР является либеральной и демократической партией для всех, с начала своего существования ЛДПР позиционирует себя как единственную защитницу именно русского народа. Уже на первом заседании государственной думы 13 января 1994 года В. Жириновский заявлял: «Для вас, демократов, уничтожение русских — это демократия. Когда издеваются над русскими, убивают, — для вас это демократия» [Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания от 13 января 1994]. В контексте полемики с демократами из партии власти вроде ДВР Е. Гайдара «нация» для ЛДПР — это не согражданство, а этническая категория, основанная на культурном и лингвистическом единстве.

В 2001 году ЛДПР в своей Программе вначале заявляла, что она — «центристская, демократическая партия», а потом уже, что «ЛДПР выдвигает идею патриотизма на первый план» [Предвыборная программа ЛДПР 2001]. А в Программе 2005 года, напротив, с порога утверждается, что «ЛДПР — партия патриотов», и только потом всплывает тема «свободы личности» [Программа политической партии «Либерально-демократическая партия России» 2005] как идеологического принципа партии.

В тенденции идеология ЛДПР склоняется к идеологии этнического национализма. В период предвыборной кампании 2003 года в Государственную Думу ЛДПР выдвинула лозунг «За русских!». Идею выдвижения данного лозунга В. Жириновский обосновывал тем, что без провозглашения русского этноса титульной нацией Россия лишится своей этнообразующей основы, а это приведёт к распаду России как государства. «Русские, перед нами — угроза гибели нас как нации, языка и культуры» [Жириновский(a) 2003] данная цитата из книги «Бросок на юг» была опубликована в партийной газете «ЛДПР». Для спасения русского этноса предлагается объединиться вокруг ЛДПР. По заверению В. Жириновского, русский народ, объединённый вокруг ЛДПР, способен к возрождению былого величия русской нации и России.

«Предвыборный манифест» [Жириновский 2003b] опубликованный в ноябрьском номере газеты «ЛДПР» за 2003 год, повторяет известную риторику В. Жириновского в отношении этнического вопроса. Предполагается укрупнение регионов, создание в России 15 субъектов, упразднение национально-государственных территориальных образований. Русский народ для В. Жириновского — это народ-мессия, способный на нравственный подвиг ради спасения России и всего человечества.

Предвыборная программа ЛДПР на президентских выборах 2004 года являла собой продолжение программ на выборах в Государственную Думу 2003 года. Та же националистическая риторика в выступлениях В. Жириновского и представителей ЛДПР. Основной лозунг, выдвинутый в предвыборной кампании, конкурировал с риторикой КПРФ — «Помнить о русских, заботиться о бедных» [Жириновский 2004]. Выборный цикл депутатов государственной думы и президента Российской Федерации 2007–2008 годов продемонстрировал, что националистическая риторика представителей ЛДПР повторяет националистическую риторику избирательного цикла 2003–2004 годов.

Однако необходимо заметить, что накануне выборов в предвыборных статьях В. Жириновского националистическая риторика может временно и ситуативно ослабляться. Тогда её место заменяет риторика гражданственной направленности. Так, в предвыборной статье «Мы с Вами многое можем сделать» [Жириновский 2007a] (в газете «ЛДПР») В. Жириновский призывает «граждан» прийти на выборы и исполнить «свой гражданский долг» [Там же]. К избирателям В. Жириновский обращается «граждане России», а не «русские» [Там же]. Термин «граждане» связывает государство с населением, вне зависимости от принадлежности к определённому этносу. Но такие небольшие отступления от этнонационалистической риторики становятся все более редкими в дискурсе ЛДПР. Практически в каждом экземпляре партийной газеты «ЛДПР» присутствует этнический национализм русских.

«Русская тема» вообще стала в 2000-х годах тесной для партий, желающих сколотить на ней коммуникативно-политический капитал. Именно в это время Зюганов предлагает концепцию «русского национализма» с ее «ключевым русским народом» в Политическом отчёте ЦК КПРФ, с которым он выступил на X съезде партии в июле 2004 года. Начиная с этого времени, КПРФ, вопреки коммунистическому интернационализму, также активно позиционирует себя как партию-защитницу «русского народа».

Ещё более важное место занимает национальная тема в Предвыборной программе ЛДПР 2011 года. Она начинается слоганом «Мы за русских!». Правда этнический признак «русскости» понимается в программном документе либерал-демократов субъективно, через самоидентификацию; русский — «это тот, кто ощущает себя им, считает русский язык родным, любит русскую культуру и русский образ жизни» [Предвыборная программа ЛДПР 2011]. Впрочем, дефиниция русских для ЛДПР принципиального значения не имеет.

В 2011 году ЛДПР, чтобы притянуть к себе перед парламентскими выборами часть праворадикального электората, даже инициировала круглый стол, посвящённый «русскому вопросу», пригласив на него лидеров некоторых фашистских и национал-социалистических организаций — Русского Фронта Освобождения «Память», «Славянской Силы», «Национальной (народной) социалистической инициативы» (НСИ), «Движения против нелегальной иммиграции» (ДПНИ) [Терехов 2011]. Радикализуется тезис ЛДПР 2005 года о русском народе как «становом хребте государственности» [Программа политической партии «Либерально-демократическая партия России 2005]. Теперь в программу партии вписывается положение о необходимости «создания *Русского национального государства*, в котором будет действовать принцип: все для русских, ничего против русских» [Терехов 2005]. Одновременно утверждается о необходимости разработки «идеологии русского воссоединения», а именно, «идеологии возвращения России ее исторических территорий, на которые у русского народа имеется историческое и моральное право» [Практическая программа ЛДПР]. Реализация такой идеологии предполагает не только символические (Акт исторического примирения России Самодержавной, Советской и современной) и юридические (денонсацию геополитически невыгодных для России положений «Беловежского сговора»), но и военно-политические (присоединение новых территорий к РФ) мероприятия.

Концепт нации получает в актуальной редакции программы ЛДПР отчётливо этнический характер. Это видно из формулировок задач партии в разделе «Русский вопрос», с которого начинается Практическая программа ЛДПР[8]. Однако в программе ЛДПР «русский вопрос» получает и теоретическую проработку. Различается прямой и непрямой геноцид русского народа. Прямой геноцид русских, прежде всего, на территории национальных республик бывшего СССР, выражается в этнических чистках по отношению к представителям русского этноса. Под «косвенным геноцидом» русского народа программа ЛДПР подразумевает «неявное, медленное уничтожение русского этноса под прикрытием приобщения к западной цивилизации» [Там же]. Для этого враги русских людей создают им невыносимые условия для жизни, из-за чего у русских возникает демографическая катастрофа. Всё это теоретики ЛДПР называют «этноцидом» русских как «политикой уничтожения национальной идентичности и самосознания народа» [Там же].

Итак, как же соотносятся в дискурсе ЛДПР этническое и гражданское понимание нации? — Несмотря на то, что накануне выборов националистическая риторика уменьшается, а порой и сходит на нет, давая место гражданской терминологии, заголовки партийной прессы

[8]Предполагалось: «Создать в Москве и других городах страны Русские Дома как центры русской культуры; создать Русский национальный телеканал в федеральной сетке вещания, который бы отражал историю и современное состояние русского народа; создать Институт Русского холокоста XX века; отменить антирусскую статью 282 Уголовного кодекса РФ, которая применяется только против русских, когда они защищают свое достоинство как представителей единой русской нации; убрать национальные названия регионов» [Практическая программа ЛДПР].

постоянно демонстрируют этнонационалистическую направленность партии. В ЛДПР (как и в партийном дискурсе КПРФ) проблема образования гражданской российской нации подменяется «русским вопросом». При этом становление российской нации трактуется как производное от сохранения, воссоединения и развития русского этноса как «консолидирующего народа страны» [Программа политической партии «ЛДПР» 2005]. Фактически это значит привилегированное положение русских. И такая идея предполагает концепт государственного (имперского) национализма с его необходимым дополнением в виде национализма этнического (русского национализма и национализма других этносов).

ЛДПР признает наличие общероссийской национальной идентичности (общенациональной перспективы), однако основой ее считает именно «русскую идею». Это включает в себя исключительно «доброе, уважительное и равное отношение русских ко всем иным национальностям», а потому оказывается «идеей всех россиян, не отделяющих свою судьбу от судьбы русского народа» [Там же]. «Русская идея» играет в этом рассуждении примерно такую же роль, какую «немецкая идея» играла в концепте германской «рейхснации» или «английская идея» в официальном национализме Британской империи. В любом случае, такое понимание нации обнаруживает «внутреннюю несовместимость» с понятием империи [Андерсон 2001: 115].

Аналогичный концепт российской нации воспроизводится, как мы видели, в программных документах «Единой России» и КПРФ. Это есть, по сути, перенниалистское понимание нации как особой цивилизации с культурным ядром в виде русского этноса. Оно служит идеологической основой официального национализма современного российского правительства.

Однако нельзя сказать однозначно, что ЛДПР придерживается строго этнического концепта нации, или что она позиционирует себя только как партия русских националистов. Отвечая специфике шутовского поведения, типичной в программных документах ЛДПР является ситуация, когда абзац начинается с гражданского толкования нации, а завершается ее имперским концептом. Так, выступая за преобразование России «из федеративного в унитарное государство без каких-либо национальных республик или национальных округов как субъектов государства», ЛДПР как будто руководствуется либерально-демократическим концептом гражданской нации, чтобы «обеспечить равные права и возможности гражданам любой национальности на всей территории России» [Предвыборная программа ЛДПР 2001]. Но в конце соответствующего пассажа появляется образ губерний этого унитарного государства, которым — уже в имперском духе — отказывается в праве на какие-либо национальные государственные языки, помимо русского. Это противоречит праву гражданина получать образование или располагать медийной информацией на родном ему языке.

Двусмысленной оказывается и провозглашаемая цель ЛДПР — «воссоздание на добровольной основе Российского государства в его естественных границах, и, прежде всего, воссоединение с Белоруссией, Украиной и некоторыми другими составными частями бывшего СССР» [Там же]. Как раз с точки зрения гражданского понимания нации непонятно, какие границы России и какого ее исторического периода следует считать «естественными» ее границами. Прочитывается здесь и предпочтение славянам в таком «восстановлении». Державное (имперское) понимание нации прочитывается и в стремлении ЛДПР «восстановить мощь России как мировой сверхдержавы, что отвечает ее геополитическому и историческому предназначению» [Там же].

Ещё ярче, чем программные документы ЛДПР, шутовское пародирование этнонационалистического концепта «русской нации» обнаруживает дискурсивное поведение ее лидера Жириновского. Так, в 2009 году, в одном из выпусков газеты «ЛДПР» Жириновский призывает решить национальный вопрос в современной России с опорой на опыт Российской империи. Национальные республики он предлагает упразднить, вместо них учредить губернии во главе с русскими губернаторами. О «выходцах с Северного Кавказа» он говорит как о людях, которые «не хотят работать, потому что они никогда не работали. …Автомат для них, как

ручка, как кисть для художника, как подмостки театра для актёра» [Жириновский 2009: 1]. На такие высказывания лидера ЛДПР резко отреагировали руководители северокавказских республик. Они обвинили его в шовинизме и разжигании межнациональной розни. Однако одновременно появились и «понимающие» комментарии, принимавшие эпатажные заявления Жириновского за чисто манипулятивный приём ради схватывания голосов избирателей с «антикавказскими настроениями»[9].

Факт, что ради политической выгоды ЛДПР позиционирует себя как сила, дружественная не только русским и православным, но также нерусским и неправославным народам России. Так, выступая в 2007 году (накануне парламентских выборов) в Исторической мечети в Москве, Жириновский заявлял, что «ЛДПР внимательно и с любовью относится к проблемам ислама в России». Теперь лидер ЛДПР акцентировал не этнический, а сугубо гражданский смысл российской нации, замечая, что «день единения, который прошёл 4 ноября 2007 года, назван праздником в честь освобождения Москвы от польских захватчиков народным ополчением во главе с Мининым и Пожарским. В составе ополчения было более 60 тысяч татар….» [Жириновский 2007 b: 2]. А в период Крымского кризиса (март 2014 г.), в специальном выпуске программы В. Соловьева «Воскресный вечер», Жириновский даже обращается к крымским татарам на турецком языке: «Крымские татары, я к вам обращаюсь: мы должны вечно жить в мире и дружбе!».

ЛДПР иногда понимают как полезный для сохранения демократического правопорядка «утилизатор» праворадикальных настроений. Выступая в роли шутовской пародии на национал-радикализм, ЛДПР отбирает голоса у настоящих правых экстремистов. Хотя сама ЛДПР не против такого толкования своей миссии, более точным представляется чисто коммерческий смысл шутовского имиджа этой партии. Жириновский жонглирует целым набором концептов нации, используя их в зависимости от политической конъюнктуры. То он имперский националист, то националист этнический (русский), то поборник гражданского концепта нации. Во всех этих процедурах сквозит банальный расчёт политического бизнесмена. Но политическая конъюнктура в стране именно такова, что в ней все больше повышается спрос на этнонационализм, в том числе русский национализм.

Но независимо от того, какими концептами нации манипулирует политический шут, само наличие этой фигуры как значимого института в политической жизни страны есть определённый индикатор состояния ее политической культуры. Как и в случае упомянутой выше самозванческой легенды у КПРФ, «кривляющаяся» правда ЛДПР есть признак именно традиционной, а не современной политической культуры. По словам С.П. Поцелуева, «если шутовство становится релевантным в коммуникативной культуре наших дней …, то это верный признак ее „архаизации“» [Поцелуев 2008: 335]. И это создаёт тот общий — весьма традиционный и консервативный — дискурсивный фон, на котором развиваются концепты нации, как у «коммуниста» Зюганова, так и у «либерала» Жириновского.

Именно на этом фоне становится очевидной политическая фигура *Изгоя* в дискурсивном пространстве российской политики.

К выделению фигуры Изгоя нас подтолкнула мысль В.П. Макаренко о месте «грамотных людей» в системе «русской власти» [Пивоваров 2006: 18–24] и «русского бюрократического национализма». По словам российского учёного, такие люди «целиком отчуждались от родного общества. Становились социальными, моральными и политическими *париями*. В своей стране они были более чужими, чем иностранцы. Перед ними существовало только два пути социального продвижения: стать чиновником разветвлённой машины государства; ниспровергнуть существующий порядок вещей» [Макаренко 2000: 363]. Термин «изгой»

[9]Это не единственные экстремистские высказывания лидера ЛДПР. Весной того же 2011 года он шокировал жителей Татарстана и Башкортостана своим предложением «переселить татар и башкир в Монголию, а сами республики ликвидировать и создать на их месте Казанскую область» [Вечорка. Народная газета Забайкал].

несколько лучше, чем термин «пария» подходит для обозначения этой политической фигуры, хотя оба слова близки по своей семантике.

«Изгоем» на Руси традиционно обозначали человека, который по каким-либо причинам выпал из своего социального статуса или привычной социальной среды. В древнерусских источниках в качестве «изгоев» назывались: попов сын, не знающий грамоты; холоп, выкупившийся из холопства; купец, погрязший в долгах; «осиротевший», т. е. лишённый удела князь [Срезневскій 1893: 1052].

В любом изгойстве, таким образом, есть элемент онтологического абсурда, неуместности, неадекватности человека наличным условиям существования. Это хорошо подходит для обозначения статуса российских либералов и европеизированной русской интеллигенции, которые всегда чувствовали себя не в своей тарелке «в этой стране». Так, партия-изгой «Яблоко» — это либералы, созданные (по первоначальному замыслу) для работающей парламентской демократии, но так в ней и не очутившиеся. Изначально не имея членства в *работающем* парламенте, либералы позднее утрачивает свою фракцию даже в российской Думе.

Политическое изгойство российских либералов — это не только результат какой-то их внутренней эволюции, но также эффект целенаправленного воздействия извне — со стороны политической системы, которая активно отторгает эту партию как «чужеродное тело». Как это отторжение может выглядеть, показывает московский случай «православной инквизиции», устроенной «Яблоку» в марте 2013 г. активистами общественного движения «Божья воля»[10].

Статус Изгоя в тенденции усиливает маргинальность партии, что выражается: 1) в появлении идеологии маргинального «стоицизма», оправдывающего статус партии-изгоя в качестве неизбежного и естественного в данной системе и стремящегося сохранить морально-политические идеалы партии вопреки всем превратностям ее политической судьбы (и при всех возможных заимствованиях на программном «пограничье»); 2) в органическом дополнении этого стоицизма политическим мессианством — стремлением «открыть людям глаза» и сохранить для будущего «истинные ценности» демократии, правового государства, социальной справедливости и т. д. 3) в росте эклектичности программных установок как следствие заимствования концептов в пограничном, промежуточном положении на границе разных партийно-политических программ; 4) в особом значении дискурсивных операций инклюзии и эксклюзии концептов как маркеров маргинального поведения.

Теперь, с учётом этой специфики дискурса Изгоя российской «партии без власти», мы зададимся вопросом о месте концепта нации в дискурсе «яблочников». Здесь хорошо видно, что процессы концептной инклюзии и эксклюзии определяются спецификой соответствующей фигуры из «партии без власти», ее драматургической ролью, *а не только* ее чисто идеологической программой, теоретически выраженной доктриной. В этом смысле квалификация «Яблоко» как либеральной партии даёт далеко не всё для понимания развиваемого ею концепта нации. Гораздо важнее понимание ее драматургического поведения как партии-изгоя из «партии без власти».

Партия «Яблоко» — на момент создания блок «Явлинский-Болдырев-Лукин» (ЯБЛоко), — получившая на выборах 1993 года в Госдуму 1-го созыва почти 8 % голосов (лучший результат за всю ее историю), изначально позиционировала себя как партия социального либерализма, выступающая за европейский путь развития Российской Федерации. В рамках этой общей идейной установки Яблоко традиционно придерживается гражданского идеала

[10]«Группа молодых людей ворвалась в офис партии, взяла всю находящуюся в свободном доступе литературу, изданную партией, и сожгла прямо у вестибюля станции «Новокузнецкая». Видеоролик с кадрами «конфискации и сожжения макулатуры партии сатанистов и извращенцев Яблоко» активисты выложили на сайте движения «За Россию, Путина и Народный фронт» [Российская объединённая демократическая партия «Яблоко» 2013].

нации, акцентируя принцип равенства прав гражданина РФ независимо от территории его проживания. В этой связи в «Предвыборной платформе» блока ЯБЛоко (1993) предлагалось отойти от национально-территориального деления России и сформировать более крупные региональные объединения на неэтнической основе [Блок: Явлинский-Болдырев-Лукин. Предвыборная платформа 1993]. В полном соответствии с понятием гражданской нации яблочники кладут в основу «национальной политики» принцип культурной (экстерриториальной) автономии. Это призвано преодолеть территориальную раздробленность народов России, неравенство их политических статусов и тем самым — развитие сепаратистских тенденций.

В дальнейших программных документах «Яблока» гражданский концепт нации не претерпевает существенных изменений, хотя и конкретизируется (или корректируется) в деталях. К примеру, в своей «Политической программе» образца 1998 года партия отказывается от «поспешного передела административно-территориального деления России» и выступает за сохранение национально-территориальных образований на региональном и местном уровнях. Это звучит как явная уступка региональному национализму, который ничуть не колеблется от упоминания о «непременном условии равенства прав» всех проживающих в энационально-территориальных образованиях граждан — независимо от их национальной принадлежности [Политическая программа объединения «Яблоко» 1998]. Ведь очевидно, что в условиях России выставление такого условия может быть не более чем благим пожеланием.

В Программе «Яблоко» 1998 года гражданское понимание нации конкретизируется в отношении к ее этническому концепту. Утверждается, что национально-культурные права личности имеют приоритет по отношению к «претензиям этнократических элит под видом коллективных прав этноса» [Там же]. В партийной программы 2001 года эта установка резюмируется в принципе: «права человека приоритетнее интересов этноса» [Программа Российской Демократической партии «Яблоко» 2001]. Соответственно, создание «титульного» субъекта Федерации для каждого российского этноса не имеет ничего общего с гражданским пониманием российской нации.

В программе 2001 года у «Яблока» впервые обнаруживается не просто формальный, но содержательный концепт российской нации. Самого этого термина нет, но по смыслу он представлен выражением «формирование у граждан всех национальностей чувства „единой Родины“». Иными словами, «Яблоком» ставится задача формирования общероссийской национальной идентичности. И это должна быть именно гражданская идентичность, а не какая-то этническая или имперская, отсюда и озвучиваемые программой средства ее строительства: никаких привилегий никаким этносам, но воспитание чувства «общей Родины» посредством общенациональных программ развития культуры и т. д. Важно также, что формирование общероссийской идентичности яблочники мыслят как функцию развития гражданского общества, противопоставляя последнее государственному патернализму как «тормозу» на пути развития России [Там же]. Это сразу же задаёт в программных документах «Яблока» принципиальное отличие гражданского концепта нации от ее государственно-бюрократического концепта, в который любит рядиться имперский Начальник.

Такой ясный концепт гражданской нации исключает «административно-территориальное деление страны, введённое в целях командного управления ею» [Блок: Явлинский-Болдырев-Лукин. Предвыборная платформа 1993]. Примечательно, что в 1993 году в дискурсе яблочников ещё не было ярко выраженной эксклюзии концепта этнического национализма. Термин «национализм» и близкие ему по смыслу слова (шовинизм, сепаратизм и пр.) вообще не упоминаются в «Предвыборной платформе» 1993 года.

В дальнейших программах «Яблока» объекты концептного исключения конкретизируются и расширяются. Если в упомянутом документе 1993 года исключению подлежала, прежде всего, коммунистическая идеология и практика, то в «Политической декларации» 1995 года к этому добавляются два новых объекта. Во-первых, это «радикальные демократы-

„большевики“» [Политическая декларация объединения «Яблоко» 1995], которые воюют с большевизмом большевистскими же методами. Этот тезис воспроизводится и в предвыборной программе «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999 года. Объектом экскльюзии здесь выступает «радикализм любого толка», включая упомянутых «демократов-„большевиков“». Ещё один объект исключения в Программе 1995 — это «агрессивные национал-популисты, разжигающие этническую рознь в нашей многонациональной стране» [Там же].

В дальнейшем эксклюзия расширяется в программных документах яблочников прежде всего за счёт концептов, характеризующих социальный строй и политический режим современной России. В этом плане исторический вектор программы с прошлого направляется в настоящее. И в нем «Яблоко» видит: «дикий капитализм» образца XIX века; «сверхмонополизированную „мафиозную“ экономику и олигархическое криминально-полицейское государство, равнодушное (а подчас и враждебное) к интересам основной массы населения» [Политическая программа объединения «Яблоко» 1998], характеризующееся «сращиванием дряхлеющего коррумпированного полуавторитарного режима с элементами феодальной раздробленности и разрушения структур государственной власти» [Предвыборная программа «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999].

Далее, в пространство эксклюзии попадает принципиально новые политические субъекты — «экстремисты националистического и левацкого толка», в особенности, агрессивные «этнократические элиты» [Политическая программа объединения «Яблоко» 1998]. В Предвыборной программе «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999 года эти же исключаемые этнонационалисты появляются под именем «агрессивных национал-популистов», которые разжигают этническую рознь в многонациональной России[Предвыборная программа «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999]. А в «Демократическом манифесте» 2003 года концепт национал-популистов радикализуется терминами «националистическое безумие» и «великодержавные мифы» [Демократический манифест — программа Российской Демократической Партии «Яблоко» 2003].

Несмотря на чётко заявленный концепт гражданской нации, в тексте «Предвыборной платформы» 1993 года у «Яблока» отсутствует термин «российская нация», а в употреблении термина «национальный» происходит постепенное смещение акцента с европейского смысла гражданской нации на смыслы советской «национальной политики». В целом, предикат «национальный» употребляется здесь либо как синоним слова «общегосударственный» («национальные интересы России»), либо как обозначение отношений между национальностями (этносами). В последнем случае говорится о «национальном возрождении» малочисленных народов России, о «национальных традициях» компактно проживающих в ней народов и т. п.

В «Политической программе» партии «Яблоко» от 1998 года появляется новый момент — включение в гражданский концепт нации фактора полиэтнического состава российского государства, унаследованного от российской империи и СССР. Появляется термин «многонациональное государство» [Политическая программа объединения «Яблоко» 1998]. С этим связывается актуальность политики, направленной на ослабление политизации этнических проблем, перевод их в культурную плоскость [там же]. Включение советского термина «национальная политика» в смысловое поле гражданского концепта российской нации делает последний двусмысленным, но такая концептная инклюзия неизбежна. Она осуществляется под давлением полемики левых либералов с правыми и консервативными партиями, к тому же в условиях острейших межэтнических конфликтов, которые в советское время традиционно назывались «национальными», а не «этническими» конфликтами. Выяснение отношений с советским наследием в сфере «национальной политики» заставляет либеральный концепт вбирать в себя соответствующие советские термины и смыслы. В противном случае конкуренция за монопольное право определять их смысл вообще оказывается для европеизированных либералов невозможной.

В Программе 1993 года встречаются также выражения «геополитическое положение», «геополитические интересы», «зоны геополитического риска», «национальные интересы» и т. п. [Блок: Явлинский-Болдырев-Лукин. Предвыборная платформа 1993]. Все эти концепты суть инклюзии, сближающие дискурс либералов-яблочников с дискурсом правых и консервативных партий.

Впрочем, уже в «Политической декларации» [Политическая декларация объединения «Яблоко» 1998] 1995 года происходят некоторые изменения в политической риторике «Яблока». Здесь впервые заявлено, что она является не просто либеральной партией, но «партией патриотов». Правда, свое понимание патриотизма яблочники противопоставляют демагогическим речам о «великой России» у «агрессивных национал-популистов [Там же]. «Великая Россия» для политического объединения «Яблоко» — это, прежде всего, благополучие и безопасность граждан. А оно достигается не только мощной армией, но прежде всего — доступными для всех граждан медициной и образованием, эффективной экономикой и реальным федерализмом.

Тема патриотизма делает более многозначным гражданский концепт национальной идентичности, представленный у «Яблока». И эта полисемия есть тоже результат полемики либералов-яблочников с правыми, консервативными партиями.

В Предвыборной программе «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999 года в дискурс партии включается ещё одно важное понятие. Яблочники заявляют, что они — «государственники», а их цель — «создание в России дееспособного государства, способного защитить права граждан, эффективно противостоять коррупции и криминалу» [Предвыборная программа «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999]. Как бы в порядке концептуальной самокритики «Яблоко» подчёркивает теперь, что «никакая самая разумная экономическая политика не принесёт результата в условиях распада государственных структур» [Там же]. Потом, как бы спохватившись, в своем «Демократическом манифесте» от 2003 года яблочники дают гражданскую интерпретацию и своему «государственничеству», рождая при этом, правда, парадоксы. Теперь подчёркивается, что речь идёт именно о тех «государственниках», которые «не ставят государство выше личности». Они — за «сильное государство на службе граждан» [Демократический манифест — программа Российской Демократической Партии «Яблоко» 2003].

«Национальная» тема «Яблока» показывает, как поначалу чисто номинальное включение концептов (собственно то, что мы называем в нашей работе *инклюзией*) позднее подаётся в программном дискурсе партии как «частный случай» ее собственной концептосферы. Это похоже на то, что происходит на чисто теоретическом (если угодно — концепт*уаль*ном, а не концептом[11]) уровне идеологий, когда девиантные концепции конкурирующей идеологии переводятся идеологом в концепты, выведенные из концептуального универсума его собственной идеологии [Бергер, Лукман 1995: 189]. Так, термин «нация» появляется в программе «Яблока» позднее, чем сам *концепт* гражданской нации. В «Политической декларации» 1995 года «нация» упоминается дважды, однако упоминается в контексте не гражданско-либеральной, а державно-патриотической риторики. Национальное сознание, способное «спаять в единую нацию многочисленные народы России» [Политическая декларация объединения «Яблоко» 1995], выступает ориентиром для «великой миссии» России как одной из ведущих стран мира. Впрочем, в «Демократическом манифесте» 2003 года предпринимается не совсем связная попытка обыграть эту инклюзию в пользу европейского концепта нации. Появляется тезис о «европейском пути» России, о вкладе «великой русской (*а не российской* — С.Б.) культуры» в формирование ценностей европейской культуры. И все это трактуется как условие раскрытия «потенциала российской нации». Даже утверждается, что инте-

[11]Некоторые исследователи проводят различие, в частности, между концептным и концептуальным пространством. «В то время как концептное пространство — это среда бытования концептов, концептуальное пространство — среда бытования идей и концепций, формулируемых с опорой на концепты» [Мошняга 2011: 271].

грации с ЕС требуют «интересы нашей национальной безопасности» [Демократический манифест — программа Российской Демократической Партии «Яблоко» 2003].

История появления и толкования концепта нации в либеральной партии «Яблоко» наводит на мысль о том, что постсоветские российские либералы в чем-то склонны повторять один из парадоксов национального развития Германии XIX века, о котором пишет немецкий историк О. Данн. Речь идёт о ситуации, когда гражданственно настроенные немецкие патриоты «как бы назло обстоятельствам горячо ухватились за понятия „кайзер“ и „рейх“» [Данн 2003: 39]. Такое искушение существует и для российских либералов, особенно с учётом их статуса Изгоя российской политической сцены. Отталкиваясь от гражданского концепта нации, они могут включать в его смысловое пространство явно негражданские, державно-государственнические, интенции. Правда, у «Яблока» собственно гражданский смысл нации эрозии не подвержен. К примеру, в «Демократическом манифесте» 2012 года чётко утверждается, что «потенциал *российской нации* может раскрыться только через творческое освоение ценностей европейской цивилизации», а это несовместимо с имперскими и этнонационалистическими мифами [«Демократический манифест» объединения «Яблоко» 2012].

Если проанализировать программные документы яблочников периода 1995–2012 гг., то можно без труда заметить усиление двух отмеченных выше, взаимосвязанных тенденций, характерных для дискурса политического Изгоя. С одной стороны, это увеличение — по мере роста неудач на выборах — стоических и мессианских мотивов в дискурсе «Яблока»; а с другой — метания партии между левыми и правыми акцентами своей программы, а также включение в программные документы идей и концептов других партий (движений).

Если в предвыборной платформе 1993 года нет ни одного упоминания терминов «мораль», «этика» или «нравственность», то в «Политической декларации» 1995 года только эти термины встречаются 9 раз, не говоря уже о близких к ним по смыслу выражениях. Появляется целый раздел «Культура и нравственность», а также формулируется особый «принцип нравственности в политике [Политическая декларация объединения «Яблоко» 1995]. Моральный оттенок получает и появляющийся в этом программном документе термин «нация». Он тематически связывается с «нравственными силами народа», а также с отрицанием «безнравственной» оценки советского периода российской истории как «безвременья». Напротив, Яблоко стремится «сохранить связь времён».

Стоическо-мессианские мотивы, маркером которых выступает морализаторство, ярко представлены и в Предвыборной программе «Яблока» образца 1999 года. Здесь партия «скромно» позиционирует себя в качестве единственной партии, «последовательно выступающей за демократические принципы» и «способной решить исторические задачи, стоящие перед Россией в XXI веке» [Предвыборная программа «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999]. Либеральный приоритет человека толкуется в сентиментально-возвышенном духе как «приоритет важнейших человеческих ценностей — добра, любви и нравственности». Морализаторским пустословием заполнены и другие тезисы программы: ЯБЛОКО — «партия будущего, партия надежды, а не вчерашнего дня»; она — «за честную политику, против корыстного политиканства» и т. д. [Там же]. Заметны элементы политического мессианства и в «Демократическом манифесте» 2012 года. Здесь «Яблоко» позиционирует себя как единственную хранительницу истинно либеральных и демократических ценностей, описывает все остальные политические силы в абсурдистских терминах «тупика», «периферии», «дикости», «паразитизма» [«Демократический манифест» объединения «Яблоко» 2012].

В июне 2007 года вышел программный документ партии под названием «Семь шагов к равенству возможностей» [Семь шагов к равенству возможностей 2007]. Оценка актуального политического режима здесь существенно радикализируется. Он предстаёт как «полицейско-бюрократическое государство», «необольшевистская власть», «кланово-олигархическая система власти» на службе «монополистического капитала». Это нагромождение негативных

эпитетов в адрес действующей власти производит впечатление манихейской картины политического мира, в которой власти отводится полюс абсолютного Зла. Радикализация образа Злой Власти обостряет борьбу за толкование концепта «нация». Негативные концепты (*национализм, ксенофобия, экстремизм)* связываются с Властью, им резко противопоставляется понятие «гармонизации межэтнических и межнациональных отношений» [Там же] в рамках гражданского концепта российской нации. В результате концепт нации оказывается крайне упрощённым, а термин «нация» не упоминается в этой версии партийной программы.

В 2011 году партия «Яблоко» [Предвыборная программа РОДП «ЯБЛОКО» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VI созыва 2011] предложила новую предвыборную программу. В этом документе появляется ещё один момент маргинальности в дискурсе политического Изгоя: отлёт от актуальной политической реальности в область костюмированной истории. Яблочники риторически облачаются в кадетов. Они вдруг требуют — как будто нет более актуальных в стране проблем — «признать на государственном уровне нелегитимность насильственной смены власти в России в 1917 году, восстановить историческую и юридическую преемственность Российского государства, прерванную роспуском в 1918 году Учредительного Собрания» [Там же]. Тем самым образ партии приобретает мифологизированный и несколько комичный вид, исторические эпохи смешиваются, порождая забавные персонажи: яблочники-кадеты ведут бой с большевиками-необольшевиками, и все это представляется как вечное сражение Либерализма и Тоталитаризма, Добра и Зла.

Одновременно с историческим маскарадом, в Программе обнаруживается явный сдвиг либеральной риторики вправо, в сторону защиты бизнеса и частной собственности. Это резко контрастирует с левыми акцентами упомянутых выше «Семи шагов к равенству возможностей» Г. Явлинского периода 2007 года. Но в «Демократическом манифесте» 2012 года мы опять наблюдаем крен влево, теперь уже в сторону «социального либерализма» и «социального рыночного хозяйства» [«Демократический манифест» объединения «Яблоко» 2012]. Эти метания вправо и влево — типичный признак поведения партии-изгоя.

Уход в костюмированную историю сказывается и на представленном в Предвыборной программе 2011 года концепте нации. Тема строительства российской нации здесь вообще не отражена, термин «нация» отсутствует. Проблемы сепаратизма, этнонационализма также не находят отражения. Вместо этого представлены общие либеральные тезисы [Предвыборная программа РОДП «ЯБЛОКО» 2011]. Таким образом, развиваемый «Яблоком» концепт нации, оставаясь по основному своему смыслу гражданским, слабо коррелирует с актуальной этнополитической ситуацией в России.

Резюмируем:

- Политическая фигура Самозванца, описывающая дискурсивное поведение КПРФ как одного из случаев «партии без власти», коррелирует с феноменом самозванчества, присущего, в особенности, «смутным эпохам» русской истории. В идеально-типические характеристики Самозванца входит отсутствие чётких формально-правовых критериев легитимности высшей власти в государстве, а также инверсия понятий легитимной и нелегитимной власти в рамках «самозванческой легенды». Критерием подлинности высшей власти выступает ее сакральный (божественный) статус, проявляющийся в национальной традиции. Основой концепта российской нации в дискурсе КПРФ выступает единство «русской идеи» с идеей социалистической, а также единство «научного социализма» с «русским патриотизмом». Главным отличием национальной общности выступают при этом не столько политические, сколько цивилизационные признаки. Несмотря на свою коммунистическую риторику, КПРФ обращается к религиозному мифу об исключительности русского народа. В своем концепте российской нации КПРФ развивает перенниалистский гибрид цивилизационного и геополитического подходов, в рамках которого не проводится существенного различия между *нацией* как гражданско-политической общностью и *народом* как общностью этно-

культурной. При этом спекуляции вокруг «русского вопроса» и «русского социализма» представляют собой попытку спасения основной электоральной базы партии.

- К идеально-типическим характеристикам Шута относится «риторика двусмысленности» (В. Изер) и карнавальная «логика обратности» (М. Бахтин), призванная не только сказать правду в смеховой форме, но и произвести эмоциональный консенсус, подлаживаясь под дискурс любой аудитории. В социальном плане политический Шут выполняет функцию стабилизации и консервации существующей политической системы. Во многом этим характеризуется и программный дискурс ЛДПР, подлаживая свой концепт нации под ту ситуацию и публику, с которой партия имеет дело в настоящий момент. При случае ЛДПР может даже позиционировать себя как полезный для демократии «утилизатор» праворадикальных настроений. Но сегодня политическая конъюнктура в России именно такова, что в ней все больше повышается спрос на имперский и этнический национализм. Поэтому, при всем шутовстве своего дискурса, в тенденции ЛДПР склоняется к перенниалистскому и этнонационалистическому концепту нации. Как и в партийном дискурсе КПРФ, проблема образования гражданской российской нации подменяется в дискурсе ЛДПР «русским вопросом». При этом становление российской нации трактуется как производное от сохранения, воссоединения и развития русского этноса как «консолидирующего народа страны». В этом же направлении идут программные тезисы ЛДПР о «геноциде русского народа», требовании «русского национального государства» и разработки «идеологии русского воссоединения».
- К идеально-типическим характеристикам Изгоя относится стоическое упорство в отстаивании идейных позиций, а также высокая (мессианская) самооценка. Однако потребность в политическом выживании заставляет партию-изгоя заимствовать идеи и концепты у своих конкурентов. Анализ программных документов «Яблока» периода 1995–2012 гг. обнаруживает, с одной стороны, увеличение — по мере роста неудач на выборах — стоическо-мессианских мотивов, а с другой — метания партийной программы между левыми и правыми акцентами своей идеологии, включение в нее идей и концептов других партий (движений). Традиционно партия «Яблоко» придерживалась гражданской модели нации с ее принципом равенства прав граждан и народов, а также приоритетом прав человека по отношению к интересам этноса. На этой основе Яблоко понимало формирование общероссийской национальной идентичности как результат развития гражданского общества, а не как бюрократический проект имперского официального национализма или проект этнонационалистических элит. Однако заимствование «выгодной» геополитической терминологии и проблематики государственной (национальной) безопасности, традиционно монополизированной имперскими или этнонационалистическими моделями нации, делает свойственный «Яблоку» гражданский концепт российской нации двусмысленным.

Алтунян А.Г. 1999. *От Булгарина до Жириновского. Идейно-стилистический анализ политических текстов*. — М.: РГГУ.

Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. / Пер. с англ. — М.: «КАНОН-Пресс», «Кучково поле».

Балакришнан Г. 2002. Национальное воображение. — *Нации и национализм*. — М.: Праксис.

Бахтин. М. М. 1965. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. — М.: Худож. лит.

Белов Ю. *«Русский вопрос и пролетариат России»*. Правда. — Доступно: http://gazeta-pravda.ru/content/view/15836/34/. — Проверено: 30.10.2013.

Бергер П., Лукман Т. 1995. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. — М.: Асайеггна-Центр, Медиум.

Блок: Явлинский-Болдырев-Лукин. Предвыборная платформа (ноябрь 1993). — Доступно: http://www.yabloko.ru/Union/Program/prog-93.html. — Проверено: 12.03.2013.

Верховский А.М., Паин Э.А. 2013. Цивилизационный национализм. Российская версия «особого пути». — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 4. — Доступно: http://politconcept.sfedu.ru/2013.4/03.pdf. — Проверено: 13.02.2014.

Вечорка. Народная газета Забайкалья. 2013. — № 21 (157). — Доступно: http://gazetavechorka.ru/articles/13/21-3.html. — Проверено: 15.03.2014.

Государственная Дума Российской Федерации. Стенограмма заседания 13 января 1994 г. — Доступно: http://transcript.duma.gov.ru/node/3259/. — Проверено: 22.05.2013.

Данн О. 2003. *Нации и национализм в Германии1770–1990*. — Петербург: Наука.

Демократический манифест — программа Российской Демократической Партии «Яблоко» (2003). — Доступно: http://www.yabloko.ru/Elections/2003/Program_2003/programma_03-05001.html. — Проверено: 24.01.2014.

«Демократический манифест» объединения «Яблоко» (2012). — Доступно: http://www.yabloko.ru/content/programma_demokraticheskij_manifest. — Проверено: 23.03.2013.

Жириновский В.В. 2003a. Русские, давайте спасём себя сами! — *ЛДПР. Издание Либерально-Демократической партии России и фракции ЛДПР в Государственной Думе*. — № 7(157).

Жириновский. В.В. 2003b. К гражданам Росси. Из предвыборного манифеста. — *ЛДПР. Издание Либерально-Демократической партии России и фракции ЛДПР в Государственной Думе*. — № 11(163).

Жириновский В.В. 2007a. Мы с вами многое можем сделать. — *ЛДПР. Издание Либерально-Демократической партии России и фракции ЛДПР в Государственной Думе*. — 22 ноября. — Доступно: http://ldpr.ru/static/uploads/22_november_2007_2.09.24.2010.pdf. — Проверено: 10.11.13.

Жириновский В.В. 2007b. ЛДПР защищает ислам. Выступление Зам. Председателя Госдумы, Председателя ЛДПР В.В. Жириновского в Исторической мечети в Москве. — *ЛДПР. Издание Либерально-Демократической партии России и фракции ЛДПР в Государственной Думе*.

Жириновский В.В. 2009. Весь Кавказ — огромный Черкизовский рынок. — *ЛДПР. Издание Либерально-Демократической партии России и фракции ЛДПР в Государственной Думе*. — № 7.

Зюганов Г.А.1994. *Держава*. — М.: ИТРК РСПП.

Зюганов Г.А. 2013. Национальный вопрос и задачи партии по укреплению дружбы народов. — *Правда*. — № 116. 22–23 октября.

Зюганов Г.А. *Политический отчёт ЦК КПРФ X съезду Коммунистической Партии Российской Федерации (04.07.2004)*. — Доступно: http://www.situation.ru/app/j_art_507.htm. — Проверено: 29.10.2013.

Макаренко В.П. 2000. *Главные идеологии современности*. — Ростов-на-Дону: Феникс.

Макаренко В.П. 2013. *Русская власть и бюрократическое государство. Ч. 1*. — Ростов-на-Дону: «Март».

Маркс К., Энгельс Ф. *Манифест Коммунистической партии*. — Доступно: http://www.marxists.org/russkij/marx/1848/manifesto#ch3 — Проверено: 12.10.2013.

Мошняга Е.В. 2011 Концептное пространство. — *Энциклопедия гуманитарных наук*. — № 1. — С. 271.

Мы за русских! (111 позиций ЛДПР). Предвыборная программа ЛДПР, выборы депутатов 2011 г. — *Предвыборные программы политических партий, кандидатов в депутаты,*

кандидатов в мэры. — Доступно: http://yavibral.ru/?page=3&news_id=13. — Проверено: 12.03.2014.

Пивоваров Ю.С. 2006. Русская власть и публичная политика. — *Полис*. — № 1

Плуцер-Сарно А. 1999. Российская Дума как фольклорный персонаж. — *Логос*. — № 9.

Поцелуев С.П. 2008. *Политические парадиалоги*. — Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ.

Политическая декларация объединения «Яблоко» (1995). — Доступно: http://www.yabloko.ru/Union/Program/decl.html — Проверено: 12.10.2013.

Политическая программа объединения «Яблоко» (1998). — Доступно: http://www.yabloko.ru/Union/Program/pp-1.html#11. — Проверено: 10.10.2013

Практическая программа ЛДПР. — *Либерально-демократическая партия России. Официальный сайт*. — Доступно: http://ldpr.ru/party/Program_LDPR/A_practical_program_for_the_Liberal_Democratic_Party/. — Проверено: 12.03.2014.

Предвыборная платформа Коммунистической партии Российской Федерации (1995). — *Панорама. Информационно-экспертная группа*. — Доступно: http://www.panorama.ru/partie/book6020.shtml. — Проверено: 12.09.2012.

Предвыборная программа ЛДПР 2001 г. — Программа Либерально-демократической партии России (ЛДПР), принята на XIII съезде ЛДПР 13 декабря 2001 г. в г. Москва. — *Предвыборные программы политических партий, кандидатов в депутаты, кандидатов в мэры*.– Доступно: http://yavibral.ru/?page=3&news_id=3. — Проверено: 14.02.2013.

Предвыборная программа КПРФ (2003). — *Предвыборные программы политических партий, кандидатов в депутаты, кандидатов в мэры.* — Доступно: http://yavibral.ru/?page=3&news_id=2. — Проверено: 12.10.2012.

Предвыборная программа «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы 1999 года. — Доступно: http://www.yabloko.ru/Union/Program/prog-99.html#_Toc463249977. — Проверено: 12.04.2013.

Предвыборная программа РОДП «ЯБЛОКО» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VI созыва (2011). — Доступно: http://www.yabloko.ru/programma. — Проверено: 16.03.2013.

Программа Коммунистической партии Российской Федерации. Принята III съездом КП РФ 22 января 1995 года. — *Панорама. Информационно-экспертная группа*. — Доступно: http://www.panorama.ru/partie/book6014.shtml. — Проверено: 16.09.2012.

Программа Коммунистической Партии Российской Федерации (в редакции 2008 г., принятой XIII съездом КПРФ). — *Коммунистическая Партия Российской Федерации. Официальный сайт*. — Доступно: http://kprf.ru/party/program. — Проверено: 14.09.2011.

Программа политической партии «Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР). Принята XVII съездом ЛДПР 13 декабря 2005 года. — *Челябинское региональное отделение политической партии ЛДПР (ЧРО ЛДПР)*. — Доступно: http://www.ldpr74.narod.ru/programma/programma.htm — Проверено: 11.01.2014.

Программа Российской Демократической партии «Яблоко» (2001). — Доступно: http://www.yabloko.ru/Union/Program/ch2.html. — Проверено:15.03.2013.

Рогожин Н. М. 2010. XVII век — столетье выбора. — *Самозванцы и самозванчество в Московии. Материалы международного научного семинара (25 мая 2009 г., Будапешт)*. — Будапешт: Russica Pannonicana.

Свак Д. 2010. Несколько методологических и историографических замечаний о «самозванчестве». — *Самозванцы и самозванчество в Московии. Материалы международного научного семинара (25 мая 2009 г., Будапешт)*. — Будапешт: Russica Pannonicana.

Семь шагов к равенству возможностей. Предложено Г. Явлинским для выборов «Яблока» в 2007–08 годах. — Доступно: http://www.yavlinsky.ru/said/documents/index.phtml?id=3342. — Проверено: 16.11.2013.

Сорок задач ЛДПР. 2004. — *ЛДПР. Издание Либерально-Демократической партии России и фракции ЛДПР в Государственной Думе*. — № 3 (165).

Срезневскій И.И.1893. *Матеріалы для Словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Т. I.* — Санкт-Петербургъ: Типографія Императорской Академіи Наукъ.

Терехов Д. 2011. Жириновский снова оседлал русскую тему. — *Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба*. — Доступно: http://ruskline.ru/analitika/2011/06/04/zhirinovskij_snova_osedlal_russkuyu_temu. — Проверено: 12.03.2014.

Тульчинский Г.В. 2010. Новая антропология (персонология): Самозванство или личность как автопроект? — *Нева*. — № 6. — Доступно: http://magazines.russ.ru/neva/2010/6/tu8.html — Проверено: 14.08.2011.

Успенский Б.А. 1994. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен. — Успенский Б.А. *Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры*. — М.

Федотов Г. Святые Древней Руси. Paris: YMCA-PRESS, 1985. — *Центр Религиоведческих Исследований «Этна» 2004–2012*. — Доступно: http://jurodstvo.upelsinka.com/rus/fedotov.htm. — Проверено: 13.01.2014.

Чистов К.В. 1967. *Русские народные социально-утопические легенды*. — М.

Iser W. 1984. Dramatisierung des Doppelsinns in Shakespeares As you like it. — *Das Gespräch*. — München: Wilhelm Fink.

КОНТЕКСТУАЛИЗМ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Б.А. Камкия
Сочинский институт (филиал)
Российского университета дружбы народов

Аннотация: *В статье автор поставил цель рассмотреть преимущество контекстуального подхода в политической философии. В связи с этим даётся характеристика контекстуализма в сравнении с наиболее известными направлениями в политической философии: идеалистическим и прагматическим. В исследовании данной проблемы автор обращает внимание на эпистемологический потенциал контекстуализма. Автор приходит к выводу о том, что контекстуализм требует сбора деталей ситуации, позволяющих развивать ключевые позиции анализа, рождая «эпистемологическое поле». В этом и проявляется преимущество и главное различие между контекстуальным подходом и идеалистическим, а также прагматическим.*

Ключевые слова: *идеализм, прагматизм, контекстуализм, контекстный подход, политическая философия, политическая теория, справедливость, эпистемологическая проблема, контекст, социальные связи, политический контекст, социальная структура*.

В последнее время появились публикации, посвящённые контекстуализму [Касавин 2005; Лисина 2008; Каримов 2013; Алешин 2014 и др.]. В российской научной литературе пока ещё философскому осмыслению данное направление не подвергалось.

В основе контекстного подхода лежит обязательство решать определённые, конкретные проблемы, которые в настоящее время вызывают напряжение. Руководящая идея для контекстуализма состоит в том, что можно развивать понимание содержания справедливости в процессе рассмотрения проблем, связанных со справедливостью[1]. Другими словами, контекстный анализ не стремится дать полную теорию справедливости, с тем, чтобы применить его к любым возникающим проблемам. Вместо этого контекстный подход исходит из того, что развитие теории возможно как результат рассмотрения и изучения самого контекста проблем. Важно заметить, что составление теории — не цель контекстного подхода. Цель контекстного подхода состоит в том, чтобы способствовать развитию справедливости или уменьшить несправедливость. Развитие политической теории обусловлено тем, что решение проблемы включает, по крайней мере, подтверждение самой теории [Carens 2004: 122]. Здесь есть некоторое сходство с прагматизмом Джона Дьюи, по крайней мере, в методологии. Прагматики,

[1] Термин «справедливость» здесь используется широко, чтобы охватить все соответствующие политические ценности.

особенно Дьюи, рассматривали философию как инструмент для решения проблем. По представлению прагматиков, преодоление задач в ходе жизни формирует саму философию. Соответственно, решение проблемы может привести к далеко идущим философским исследованиям, а возникшая философия к разрешению трудностей, которые стоят перед человечеством.

При первом приближении может показаться, что особенность определения контекстного подхода заключается в том, что он сосредоточен исключительно на прагматических задачах, что он направлен на узкие конкретные, частные проблемы. В действительности возможно применение данного похода и на макроуровне, когда можно анализу подвергнуть всю институциональную структуру страны, или даже мировой порядок в целом, как основной предмет оценки. При этом контекстный подход включает одно или несколько учреждений как предмет обсуждения и возможного изменения. Другие особенности общества, по крайней мере, первоначально, считаются фиксированными. При контекстном подходе может, показаться, что исследование должно быть расширено. Другими словами, явления, в начале представляемые как не оказывающие влияния на особенности социальной системы, могут оказаться неразрывно связанными с поставленной проблемой. Кроме того, в некоторых случаях решение проблемы может привести к изменению всей структуры общества. Одновременно контекстный подход опровергает предположение, что конкретная проблема не может быть решена без радикальных изменений социальной структуры.

Вторая особенность определения контекстного подхода, тесно связанная с первым, заключается в том, что контекстуализм есть минималистский подход [Daskal 2012]. Это означает, что теоретическая проблема о справедливости считается решённой только тогда, когда она способна разрешить конкретный вопрос на практике. Контекстный подход не ставит своей целью нахождение общих принципов, способных снять все вопросы отсутствия справедливости, а состоит в том, чтобы определить те принципы и соответственно решения, которые разрешают отдельный вопрос. Иными словами, контекстный подход не требует построения и развития полной иерархии политических ценностей со всеми компромиссами и отношениями, а также он не требует, чтобы были полностью решены все проблемы. Центральная идея состоит в том, чтобы установить справедливость для отдельной категории учреждений и найти способы сделать эти учреждения более справедливыми. Для этого необходимо сосредоточение на справедливости, относящейся к определённой проблеме.

Третья особенность определения контекстуализма состоит в том, что выводы и заключения, которые следуют из контекстного анализа, нацелены на возрастающие улучшения. При этом предполагается, что контекстная экспертиза, формулируя рекомендации к изменениям, не включает требование к новой политике или к учреждению быть идеально справедливыми. Возможно, что данное улучшение решит все текущие и будущие проблемы несправедливости. Однако, контекстный подход допускает, что улучшение не должно обязательно быть только возрастающим. Потому как невозможно знать, что идеальная справедливость будет достигнута.

Требование контекстуализма состоит в том, чтобы изменения минимизировали бы или устраняли бы отдельную несправедливость в существующей системе. При этом нужно исходить из принципа: установленная лучшая альтернатива не есть абсолютная.

Итак, контекстный подход сосредотачивается на узкой проблеме, которую он исследует минималистским способом, приводя к суждениям о том, как прийти к состоянию все возрастающих улучшений.

Чтобы лучше понять контекстуализм, необходимо его рассмотреть, противопоставив двум широко распространенным подходам, которые доминируют в политической философии и в практической политике: идеалистическому и прагматическому. Каждый из этих подходов характеризуется тем, что основную задачу политической философии видит в том, чтобы быть чем-то большим, чем рассмотрение определённой, конкретной проблемы, возникшей в обществе. Для идеалиста основная цель состоит в том, чтобы развить идеальное государство, то-

гда как для представителя прагматического подхода основная цель состоит в том, чтобы сформулировать весь комплекс принципов справедливости и определить их иерархию.

В чистом виде идеалистический подход при анализе сосредоточен на защите особого видения идеального общества. Вся история политической философии свидетельствует об этом. Республика Платона — это есть великолепный пример реализации идеалистического подхода. В меньшей степени идеалистический подход прослеживается у других представителей данного направления: в Левиафане Гоббса, во Втором трактате Локка и в Общественном договоре Руссо.

В чем же состоит расхождение между идеалистами и контекстуалистами? Особенность теории идеалиста заключается в том, что ее содержание есть общая рекомендация для социальных изменений в целом. В этом случае идея состоит в том, чтобы преобразовать общество стремительно в идеальное государство, описанное идеалистом. При этом важно отметить, что все идеальные проекты, как правило, по содержанию устремлены к модели более простого государства по отношению к существующей реальности. Идея состоит в том, чтобы изменить представления людей. Идеалистическая теория потенциально полезна и ценна, но существенна во времена революции и государственных реформ.

Не умаляя важность этих моментов, отметим, что институциональные и социальные изменения должны происходить постепенно. Так как стремительный переход связан с огромными затратами, часто в форме революций и войн, сопровождающимися радикальными изменениями. С этой точки зрения контекстный подход имеет то преимущество, что позволяет определить пути, чтобы сделать общество более справедливым, и которые могут быть реализованы полностью без реструктуризации общественного порядка.

Однако приверженцы идеалистического подхода могут утверждать, что идеалистическое политическое теоретизирование может также прийти к заключению о том, как сделать общество более справедливым, не требуя радикального изменения. Хотя надо отметить, что такие заключения редко встречаются у идеалистов. В данной теории идеальное и простое государство — это только первый шаг к осуществлению проекта. Как только это сделано, возникает возможность оценивать любые потенциальные изменения социальной структуры, соотнося их с идеалом.

Примечательно, что при идеалистическом подходе любые выводы о том, как сделать фактические учреждения более справедливыми, могут быть сделаны только посредством косвенной оценки. Потому как предложенное изменение считается улучшением, если и только если оно приближает нас к идеалу. Но как точно измерить близость к идеалу? В этом случае есть реальная угроза зацикливания, в которую идеалист не может не впасть, так как из двух возможностей более справедливым станет тот, что ближе к идеально справедливому государству. Согласно идеализму, мы должны всегда ставить вопрос о близости к идеалу для того, чтобы определить, что является более справедливым, соответственно мы не можем делать оценку о близости к идеалу без той справедливости, которая есть в идеале.

Например, стремление общества осуществить идеал демократического правового государства на постсоветском пространстве на практике привело к девальвации таких понятий как право, права человека, свобода, правосудие, демократические выборы и, как следствие, к легитимации авторитаризма, полицейского режима, а в некоторых случаях к архаическим методам правления.

Такая трансформация произошла, в результате идеалистического подхода к радикальному всеобщему реформированию общества, в котором не было направленности на справедливое решение конкретных задач. В результате, это привело к тому, что идеал справедливого государства все отдалялся от реальности, открывая путь к авторитарной легитимации власти. Так, строительство новых школ не привело к образованию класса, в котором социализируется и формируется личность. Различные учреждения не привели к формированию трудовых коллективов, избирательное право оказалось без личности избирателя, институт прав челове-

ка оказался без правосознания, государство без активной позиции гражданина и т. д. Идеалист-практик, даже когда он знает, что ближе с точки зрения идеала, он не может не упускать вопрос о потенциале человека. Как уже отмечалось выше, не всегда может быть так, что близость к идеалу обеспечивает близость к справедливости. Последняя должна подсказать, которая из возможных социальных структур ближе к идеально справедливому государству, чем другие. При этом не обязательно, что именно этот выбор — более справедливая альтернатива, чем иная.

Это расхождение между идеалом и справедливостью есть результат того, что вывод о близости к идеалу осуществляется в процессе выбора в пользу идеала. Таким образом, идеализм не может сам по себе дать нам возможность оценить не идеальные общества.

Прагматический подход, который стал все более распространенным в последние годы, основной задачей политической философии видит в определении полного набора принципов справедливости. Эти принципы могут быть использованы либо для развития модели об идеально справедливом государстве, которое точно их отражает, либо для оценки и критики неидеальных государств.

Этот прагматический подход можно выразить на примере теории справедливости Роулза и утопического монархического государства Нозика. Оба разделяют определённые установки прагматизма, которые явно базируются на философских работах, посвящённых выявлению принципов справедливости и тому, как найти компромиссы между этими принципами с тем, чтобы автоматически разрешалась проблема. Таким образом, прагматический подход основывается на утверждении необходимости идти на компромиссы и найти баланс между конкурирующими политическими ценностями.

Трудность, которая просматривается здесь — это гносеологическая проблема. Очевидно, что некоторые способы отбора конкурирующих политических ценностей или компромиссов между конфликтующими принципами могут быть лучше, чем их отсутствие. Возможно даже, в каждом конкретном конфликтном случае есть один наилучший способ разрешить противоречие. Однако, проблема состоит в том, что наш единственный эпистемологический путь к решению — это путь через рассмотрение, анализ деталей ситуации, в которой происходит конфликт. При возникновении конфликта адекватный ответ (эпистема) может родиться в процессе или в результате «погружения», «включенности», следовательно, участвуя в контекстном исследовании проблемы, а не обращения к какой-то ранее обоснованной схеме или системе компромиссов.

Проблема в том, что нет конкретного способа, чтобы выразить точную формулу для создания компромиссов. Только путём фактического сопоставления проблем, изученных посредством контекстуального подхода, мы можем представить себе возможные пути решения и понять, какого рода компромиссы доступны. Без знания подробностей дела, которые выявляются в контекстуальном анализе, невыполнима задача определения возможных компромиссов, не говоря уже о суждениях, которые являются лучшими.

Таким образом, выступая за контекстный подход, отметим, что он имеет определённые преимущества по сравнению с такими подходами, как идеалистический и прагматический. Идея заключается в том, что, начав с рассмотрения конкретных проблем и постепенно генерируя знания в теоретические идеи в процессе решения этих проблем, контекстуалисты могут не прибегать к суждениям, требующим приближения к идеалистическому подходу, или принципам расчёта интересов и иерархии ценностей, требуемых прагматическим подходом.

В заключение подведём итоги и укажем на то, каким принципам следует контекстуализм. Во-первых, он обращается к совершенно конкретной проблеме, предлагает рекомендации к снижению несправедливости или внедрению правосудия, но делает это, не обращаясь к идеализму или прагматической теории. Теоретический или философский анализ контекстуализма предполагает обращение к проблеме напрямую, как частному случаю общей проблемы, предполагая открытие эпистемологических возможностей, принципа, в соответствии с

которым самые большие изменения — это совершение постепенных улучшающих изменений, иными словами — «великое в малом».

Контекстуализм требует сбора деталей ситуации, позволяющих развивать ключевые позиции анализа, рождая «эпистемологическое поле». Концепция контекстуализма есть «история возможностей». В этом и проявляется преимущество и главное различие между контекстуальным подходом и идеалистическим, а также прагматическим.

Важно отметить, что претворение в жизнь основ теории политики — невероятно сложная задача, в том числе и для теории политики, основанной на контекстном анализе. Если идеализм и прагматизм имеют больший успех в политической практике в силу их популистского содержания, то контекстуализм свое признания находит пока в узких кругах учёных. Единственный способ популяризации контекстуализма — продемонстрировать его успех на практике. Но это уже за пределами наших возможностей, но есть надежда, что этот многообещающий анализ подтолкнёт политосферу к тому, чтобы обратиться к способу решения проблем, предлагаемых контекстным анализом, а это, в свою очередь, обеспечит дальнейшее развитие идеи контекстуального подхода как политической теории.

Алешин Д.А. 2014. Социальная контекстуальность права: социальные вызовы и юридические последствия. — *Вестник РУДН. Серия «Юридические науки»*. — № 4.

Каримов А.Р. 2013. Контекстуализм, скептицизм, прагматика. — *Философские науки*. — № 6 (32).

Касавин И.Т. 2005. Контекстуализм как методологическая программа. — *Эпистемология и философская наука*. — Т. 6. — № 4.

Лисина Ю.А. 2008. О контекстуальности познания в современной англо-американской философии. — *Известия Российского государственного педагогического университета им. Герцена*. — № 86.

Carens J.H. 2004. A Contextual to Political Theory. — *Ethical Theory and Moral Practice*. — № 7 (2).

Daskal S. 2012. *A Contextual Approach to Political Philosophy*. — Доступно: http://www.academia.edu/6683936/A_Contextual_Approach_to_Political_Philosophy. — Проверено: 27.05.2015 г.

Дискуссии и обсуждения

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИНИЗМ: КОНЦЕПТ И ПОСТСОВЕТСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
Материалы Всероссийской научной конференции 27–28 марта 2015 г., г. Ростов-на-Дону

Участники:

Авдулов Н.С., кандидат исторических наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Бокоев О.О., студент (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Гудков Л.Д., доктор философских наук, профессор (Левада-Центр, Москва)
Денисов С.А., кандидат юридических наук, доцент (Гуманитарный университет, Екатеринбург)
Драч Г.В., доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Евченко Н.Н., доктор экономических наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Иванников И.А., доктор философских и юридических наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Камкия Б.А., кандидат философских наук, доцент (Сочинский институт РУДН, Сочи)
Константинов М.С., кандидат политических наук, доцент (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Кравцов Н.А., кандидат юридических наук, доцент (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Лубский А.В., доктор философских наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Макаренко В.П., доктор политических и философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Марченко Т.А., доктор социологических наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Матвеев Г.А., кандидат исторических наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Мининков Н.А., доктор исторических наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Оболонский А.В., доктор юридических наук, профессор (НИУ-ВШЭ, Москва)
Олейник А.Н., доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник (ЦЭМИ РАН, Москва)
Попов В.Ю., младший научный сотрудник (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Поцелуев С.П., доктор политических наук, доцент (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Протасеня Д.Н., аспирант (ЮФУ, Ростов-на-Дону)
Трубина Елена Германовна, доктор философских наук (Уральский федеральный университет им.Б.Н.Ельцина, Екатеринбург)
Шкуратов В.А., доктор философских наук, профессор (ЮФУ, Ростов-на-Дону)

В.П. Макаренко: Добрый день коллеги! Обычно в начале конференции мы презентуем книги. Но сегодня надо прослушать больше докладов. Поэтому разрешите без преамбулы предоставить слово Льву Дмитриевичу Гудкову. От нескольких слов представления не удер-

жусь. Лев Дмитриевич — один из первых авторов, кто начал писать о цинизме в России. В 2005 году он опубликовал статью на «Цинизм непереходного общества».

ОТ ДВОЕМЫСЛИЯ К ЦИНИЗМУ: ОБЩЕСТВЕННАЯ ЦЕНА СТРАТЕГИИ ПОНИЖАЮЩЕЙ АДАПТАЦИИ (по материалам исследований Левада-Центра)

Л.Д. Гудков
Аналитический центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Аннотация: *Автор статьи описывает явление и причины распространения политического цинизма в России. Данное явление связано с негативной мобилизацией масс. Последняя, в свою очередь, обусловлена неудачными попытками реформирования институциональной системы советского общества и создания новых элит, а также массовым разочарованием, социальным бессилием и недоверием к власти. Одним из главных последствий перечисленных процессов является эрозия и разрушение ценностной системы общества и распространение цинизма.*

Ключевые слова: *общественное сознание, социальный контроль, негативная мобилизация, понижающая адаптация, политический цинизм.*

1. Социология цинизма

«Цинизм» я бы определил как высказывание или действие с установкой на намеренное ценностное снижение Другого, в пределе — демонстративный отказ от признания моральных ценностей других людей того же круга, к которому принадлежит и сам циник. Цинизм отличается от дряблого ценностного релятивизма или нигилизма подчёркнуто провоцирующей дисквалификации Другого. Циническим следует называть такое отрицание смысла значимых для других людей вещей, когда оно производится с полным пониманием того, насколько эти обстоятельства чувствительны и значимы для них. Провокационный эффект цинизма возникает только в том случае, когда циническое высказывание или жест бьёт по безусловным, фундаментальным принципам и представлениям, составляющих систему координат для партнёра, подрывает структуру его личностной или социальной идентичности. Цинический акт не имеет силы, если касается лишь частных обстоятельств существования или представлений, он должен задевать самые чувствительные точки моральных представлений людей. По своей семантике снижающая установка или действие, лишающее достоинств и (высоких) человеческих качеств Другого, взывает к «реальности», к «фактического положению дел», к

«голой правде», к деидеализации, то есть «опускание на землю» объекта цинических высказываний или жестов.

Социальный контроль внутри группы или средовой конформизм обычно не допускают индивидуального циничного поведения, расценивая его как бестактность, неприличие, нарушение нормативного порядка в сообществе и подвергают циника мягким санкциям. Однако в публичной сфере отношение к цинизму меняется, становится более терпимым, в некоторых случаях цинизм превращается в предмет рафинированной эстетической игры с границами нормы, а способность к нему — цениться также, как и другие культивируемые социальные свойства — индивидуальная парадоксальность мышления, остроумие, личная независимость. Но если цинизм приобретает публичный характер, то функция его меняется — он превращается в средство социальной борьбы, разрушения ценностных порядков противной стороны и одновременно — актом самоутверждения, претензией циника на превосходство над теми, кто оказывается объектом циничного отношения. Последние могут представать как неумные «оторванные от жизни» «моралисты», фарисеи и резонёры, непрактичные мечтатели и идеалисты, ретрограды с «принципами»[1] и проч.

Распространение цинизма или актуализация его проблематики исследователем должны рассматриваться как симптоматика проявления гетерогенности ценностных порядков разных социальных групп или общностей. При этом одни ценностные порядки начинают восприниматься как утратившие силу и значимость, «уходящие», пустые лицемерные декларации, навязываемые или поддерживаемые консервативным правящим слоем в целях легитимации собственного господства, или, напротив, как моральные основания стабильного общества и государства, традиционные представления, отличающие человеческое сообщество от хаоса «войны всех против всех». Цинизм указывает на эрозию прежних ценностных порядков, разрушение прежних верований и норм, начавшихся глубоких социально-культурных и общественных изменений, конфликта различных ценностей, но сам по себе он не может служить признаком формирования новых институциональных отношений. Он — не вектор изменений и этим цинизм отличается от инновационного прорыва, откровения или изобретения, внесения новых идей и смыслов, моральных представлений, определяющих будущие силовые линии социального или культурного процесса. В лучшем случае позитивная функция цинизма сводится к подрыву расхожих мнений или оппортунизму общественного мнения.

В истории мысли мы знаем несколько замечательных ситуаций, когда возникает циническая культура. Прежде всего, это, конечно, греческие киники, среди которых выделяется выразительная фигура Диогена, радикального последователя основоположника школы — Антисфена, учившего практической этике в противовес Платону и его философии теоретического знания. Киники (производное от слова «собака») проповедовали идеи личной независимости как автаркии, освобождение от искусственных общественных условностей, отказу от общепринятых морали и нравов, семьи, государства и прочих установлений. Эпатажная манера изложения своих взглядов Диогеном осталась в истории мировой культуры как образец демонстративного пренебрежения мнениями и нормами поведения обывателей. Киники сильнейшим образом повлияли на философию стоицизма и на античных сатириков и моралистов. Популярность кинических идей достигла максимума в эпоху позднего эллинизма, когда полисная демократия начала деградировать, а греческие полисы теряли свою независимость. Другим примером цинизма можно считать Макиавелли, одного из первых аналитиков политического прагматизма. Ренессансный гедонизм и новое чувство жизни, рискованные интеллектуальные и практические эксперименты с субъективностью и отрицанием традиционных

[1] Такой конфликт представлен, например, в романе «Отцы и дети» И. Тургенева (оппозиция «нигилиста» и материалиста Базарова и помещика без определённых занятий Павла Николаевича Кирсанова, человека с «принципами»).

нравов были чертой образа жизни многих титанов того времени, элементами формирования новой городской культуры, прообраза модерности.

Но все-таки то были явления, сравнительно редкие и изолированные. Как устойчивое явление цинизм распространяется в Европе с конца 18 века, одновременно с идеями Нового времени, Истории, Культуры или Цивилизации, отмечающими конец эпохи Старого режима. Европейское просвещение, рационализм, французский материализм и либертинаж и т. п. волны культурных и социальных движений, политических и промышленных революций сопутствовали институционализации современного общества и его институтов. Появление идей национальной и гражданской эмансипации, представительской демократии, правового государства, всеобщего избирательного права, эгалитаризма, феминизма и проч. ослабляли этику сословного общества. Процессы трансформации сопровождались разнообразными акциями и символическими манифестациями цинизма (достаточно указать здесь на бодлеровские «Цветы зла», эпоху «декадентства», ницшеанскую идею «гибели богов» и конца Культуры), постепенно мельчавших и становившихся все более тривиальными и пошлыми вплоть до Л.Ф. Селина или нашего В. Сорокина.

Понимание того, как шло утверждение модерности, немыслимо без анализа цинизма как явлений эрозии традиционных нравов, религии, обычаев и политических идеологий. Деньги в достижительском и открытом обществе становятся генерализованным ценностным посредником социальных и индивидуальных отношений, включая и самые сложные и интимные — любовные, познавательные, солидарные отношения, средством измерения социального положения, человеческих достоинств, интеллекта. Именно здесь возникает ощущение совершенно новой эпохи, торжества капитализма, сознания, что чистоган становится мерой всех вещей, свойством атмосферы больших городов с их безличностью, анонимностью, формализмом, иллюзией доступности, массовости и деградации благородства. Возникла целая литература, занятая анализом этих новых явлений. В Германии об этом интереснее других писал Г. Зиммель в своей «Философия денег», анализируя, как происходит разрушение материальных, содержательных ценностей и идеалов под влиянием унифицирующей и нивелирующей формальной рациональности денежных отношений.

В России внимательные наблюдатели, такие, как например, М. Салтыков-Щедрин, отметили подобные тектонические изменения после реформы 1861 года. Вторжение модернизма и модерности осознавалось современниками скорее как «декадентство» (консервативно настроенными современниками), чем как наступление «Серебряного века» (последнее название дано теми, кто ценил в этом, прежде всего, сам процесс внесения новых смыслов и расширение метафизических горизонтов). Чаще о наступлении новых времён говорили именно как об эпохе разложения и разрушения, приближающейся катастрофе.

Современный нам российский цинизм порождён, прежде всего, несостоятельностью попыток демократических изменений общества и государства, абортивным характером модернизации России. Можно указать на несколько источников возникновения массового цинизма.

Первый, лежащий на поверхности — массовое разочарование в реформах и обращение надежд (иллюзий) в агрессию против тех, с кем ранее были связаны возможности их реализации — демократов, либералов, политиков, задавших другой, гораздо более высокий в сравнении с советским временем, потолок аспираций и этических представлений о человеке и его правах. Высокая степень злобы и ненависти к ним, фиксируемые в массовых социологических опросах, говорит о тех фрустрациях и комплексах неполноценности, человеческой несостоятельности, которые снимаются в мстительной дискредитации прежних лидеров и авторитетов, в отказе от самих этих ценностей, их дисквалификации. Следы прежних мечтаний можно ещё обнаружить в утопии «нормальных стран» и понимании, что Россия такой ни-

когда не станет. Подобный рессентимент не является чем-то уникальным, он частый сопутствующий феномен неудачного транзита. Но это лишь самый первый план объяснения распространяющегося цинизма в стране.

Более глубокое объяснение предполагает обращение к анализу специфической антропологии «советского человека», сложившегося в советское время, человека приспособившегося к репрессивному государству и научившегося уживаться с ним ценой снижения запросов, имморализма (этического партикуляризма) и оппортунизма, навыков демонстративной лояльности властям. Среди различных форм российского цинизма можно выделить две основные разновидности — цинизм верхов и цинизм массы, представляющих собой различные реакции социальных групп на инерцию сохранившихся практически без изменений с советских времён институтов насилия и принуждения — суда, политической и муниципальной полиции, прокуратуры, следственного аппарата и т. п.

Если в советское время практики государственного насилия, капиллярного социального контроля и принуждения граждан идеологически оправдывались необходимостью тотальной мобилизации для строительства «нового общества», светлого будущего, аргументами военного времени, установлением хронического режима «чрезвычайного положения», то после краха советской системы система принуждения лишилась какого-либо оправдания. Голый произвол авторитарного режима означал отказ признавать за обычным человеком, обществом в целом какие-либо ценностей, кроме как служить ресурсом для власти. Цинизм порождён самой конституцией или организацией режима, выстроенного вертикально, сверху вниз, когда вышестоящие инстанции подбирают для себя удобных и лояльных исполнителей, а не компетентных и профессионально квалифицированных специалистов. Такой отбор во власть построен на механизмах негативной селекции кадров, кооптировании в структуры управления самых беспринципных, «эластичных», адаптивных образцов человека. Вспоминая выражение Щедрина, можно сказать, что отбор происходит «применительно к подлости», по нижнему пределу человеческой низости и готовности к унижению других. Последствия такого принципа организации власти в современных условиях означает систематически воспроизводимую девальвацию обычной морали (естественно-правовых представлений о морали как границах насилия, повседневных пределах деспотизма, абсолютной власти). Ценностной полнотой в такой картине реальности обладает лишь сама власть и приближенные к ней группы олигархов. Другими словами, принуждение (власть) базируется на унижении, демонстрации своей силы, что в целом даёт очень сильный эффект разрушения ценностей — и моральных, и религиозных, и гражданских. Легитимность подобной власти предполагает порядок, основанный на систематической примитивизации социальной жизни, «опускании других», то есть лишения общества автономности и самостоятельности, а стало быть — подавления социальной дифференциации и сложности.

Лица, причастные к власти (любого уровня) в такой системе, помимо разных бонусов и привилегий, испытывают психологический комфорт благодаря самоутверждению через дисквалификацию другого. Но институциональными последствиями такой организации власти оказывается постоянное ухудшение качества политической системы, депутатского корпуса, управления. Каждые выборы приводят все более худший состав депутатов, лишённых ответственности перед обществом. Их социальный капитал основан на административном ресурсе, связях с высшим руководством. Публичные последствия такой селекции выражаются в ежедневных коррупционных скандалах. Система отбирает худший человеческий материал и с этого начинается, через какое-то время начинается ее саморазрушение.

Однако проблема цинизма власти заключается в том, что продукты цинического мышления или цинического сознания ведут к такой степени интоксикации общества, что с течением времени лишает его способности реагировать на разложение политической системы. Об-

щество в целом, обречённое «терпеть» произвол авторитарного режима, погружается в состояние апатии. Низовой цинизм оказывается с течением времени фактором подавления развития, консервации сложившейся системы.

В длительной перспективе воздействие постсоветского цинизма заключается в том, что такой механизм ценностного снижения развращает и подавляет авторитет самих элитных групп, делая их внутренне стерильными, непродуктивными, неплодотворными. В результате исчезают какие-либо представления о будущем, способность к выбору, к изменениям, внесению новых смыслов или ориентиров развития, целей общественного движения. Их место занимают имитация ценностей, веры, идеологии, как об этом свидетельствует опыт сотрудничества путинского режима и РПЦ, деградация всей системы постсоветской культуры, литературы, искусства и ее носителей. Лукавый человек не может быть авторитетным. Рассмотрим это более детально.

2. Российский цинизм — симптом стагнирующего общества

После первой мировой войны, катастрофы 1917 года, революции, гражданской войны, красного и белого террора, бегства и эмиграции образованных классов, национализаций и экспроприаций разного рода, классовых чисток, коллективизации, нескольких периодов массового голода, сталинских репрессий и т. п. беззакония и произвола коммунистического государства проблематика морали ушла из сознания советского населения. Процессы опустошения и деморализации населения, распространения лагерных нравов, внутреннего одичания во время советского массового террора и последующих десятилетий мало изучены и ещё более слабо осмыслены обществом (сам факт постановки такой проблемы уже был предпосылкой проработки и возможностей изменения положения дел). Какое-то, причём довольно долгое, время (конец 1920-х — начало 1950-х годов) человек был поставлен в такие условия, в которых в принципе нельзя говорить о «морали» — любой выбор в условиях массовых репрессий и атмосфере террора был аморален, поскольку субъективно детерминированное нравственное действие влекло за собой конфликт действующего со своим окружением, а значит — и угрозу репрессий или предательства по отношению к какому-либо из близких. За вольную или невольную нелояльность, тем более внутреннее сопротивление советской системе или выпадения из нее, наказывался не только сам действующий, но и его семья, коллеги, друзья и знакомые, а часто и вообще посторонние люди. Принудительная коллективная ответственность уничтожила проблематику морали (как целой области культуры и определяемой ею социальной организации), что, соответственно, имело следствие разрушение структуры личности сложного типа и ее последующее исчезновение как социального феномена (хотя, разумеется, уникальные примеры человеческой порядочности всегда можно привести).

К настоящему времени она вообще потеряла какой-либо смысл, поскольку российское население не понимает, что за этим стоит, хотя смутное ощущение неблагополучия в этой сфере время от времени проступает в данных массовых опросов. Дело в подавлении самой этой проблематики в массовом сознании, ее отсутствие, стерилизации запроса на нее. Символические дефициты такого плана, ощущаемые немногими людьми ещё в советское время компенсировались (в поздние брежневские годы с мумификацией выморочной коммунистической идеологии) суррогатами православного неофитства, оккультизмом, йогой, восточной философией, сыроедением и т. п. После краха СССР и снятия идеологических запретов обрядоверие и магия, суеверия банализировались и стали всеобщим маскультурным явлением (от раннего Кашпировского до назойливых нынешних ТВ-передач о экстрасенсах, ясновидящих и т. п.), а агрессивная или демонстративная религиозная идентификация — наиболее характерным способом нравственного самоутверждения и самоудовлетворения. Роль религии

здесь очень важна, но вовсе не в том плане, в каком об этом рассуждают церковники, утверждая, что именно религия является источником морали.

Дискредитированная большевиками и практикой террора советской власти («…морально то, что соответствует классовым интересам пролетариата», то есть самой власти), эта тематика всерьёз не обсуждалась ни советской интеллигенцией[2], ни постсоветской публикой, довольствующейся глянцевым гламуром и формульной литературой. Она и не могла обсуждаться, поскольку даже «продвинутая» часть российского общества не дотягивалась до того уровня, когда эти проблемы могли быть осознаны[3].

Отсутствие морали теснейшим образом обусловлено сознанием невозможности защитить и отстоять свои права, а без их институциональных гарантий не возникает чувство собственного достоинства, даже — понятие чести. Нельзя быть преисполненным чувства собственного достоинства и жить в условиях хронического состояния зависимости от государственной власти[4] (что не означает полного отсутствия чувства собственного достоинства в очень узком кругу людей, ограниченных нормами высококвалифицированных профессии, специальностей и т. п., но такое не распространяется за пределы социального фрагмента, зоны «игры» социально близких людей в левадовском смысле). Государственный патернализм — основа нынешнего социального порядка в России, не предполагает и не допускает каких-либо конвенций («общественного договора») населения и власти. Следы прежнего крепостного сознания проступают сегодня в отчуждении от политики или нежелании участвовать в ней, брать на себя соответствующие обязательства. Идея «общественного договора» в российских условиях никогда не существовала как реальная программа или основа для социального порядка, консенсуса, это — иллюзия или благодушный самообман либералов и технократических консультантов власти. Поэтому критика коррупции или неприличной нуворишевской роскоши высшего руководства страны или его приближенных) практически не затрагивает массового отношения к тем или иным персонам во власти[5].

[2] Опять-таки, сама проблематика этого рода стала вновь появляться лишь с первыми признаками идеологического разложения советской системы. Не случаен поэтому и столь длительный успех «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, в котором так явно — для советского сознания — поставлен вопрос о предательстве (разрешаемый лишь в условном плане). Справедливости ради, здесь следует упомянуть также и усилия немногих писателей и кинематографистов (В. Тендрякова, В. Быкова, Ю. Трифонова, А. Тарковского, Ю. Казакова, В. Шукшина и других), пытавшихся диагностировать саму ситуацию этической антиномии, хотя и без особого успеха быть услышанными. Подступающему кризису советской системы, «перестройке», предшествовало появление целого ряда произведений, в которых обозначался диссонанс частной морали (личной ответственности) и системы государственного заложничества и конформизма, по выражению Салтыкова-Щедрина — «круговой поруке снисходительности» (например, в фильме «Остановился поезд» В. Абдрашитова и А. Миндадзе). В постсоветское время это свелось к суррогатному обрядоверию и моральной карикатуре (представленной, например, фильмом «Остров» П. Лунгина). Сегодня эту проблематику вновь пытается поднять С. Алексиевич (см. её интервью «Почему мы такие?», данное «Новой газете»: Алексиевич 2013).

[3] Современное российское искусство (литература, кинематограф) смутно ощущает утрату способности к моральному измерению социального и частного существования (см. фильм А. Балабанова «Груз-2000», повесть П. Санаева «Похороните меня за плинтусом» и множество менее ярких однотипных сочинений), но даже не пытается осмыслить сам этот феномен или дать какие-то свои диагнозы проблемы. Ещё раньше, но в менее выраженном виде это почувствовало советское кино («Афоня», «Полёты во сне и наяву»). Появилась литература, которая на свой лад даже паразитирует на коллективной травме неспособности к морали (В. Сорокин или В. Пелевин, например).

[4] От 75 до 80% россиян на протяжении почти 20 лет раз за разом заявляют, что «большинство людей в России не сможет прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства» — ОМ, 2012, с.40, табл. 3.6.26. И тем не менее, живут, как утверждают две трети опрошенных, «полагаясь лишь на самих себя» — там же, с. 37, табл. 3.6.18. В данном случае мы имеем характерное разделение нормативного представления и фактической констатации положения вещей.

[5] Непробиваемое равнодушие не только к фактам массового диссертационного плагиата высших лиц или к сведениям о сомнительной по происхождению собственности, к всеобщему казнокрадству и т. п. и т. д., говорит

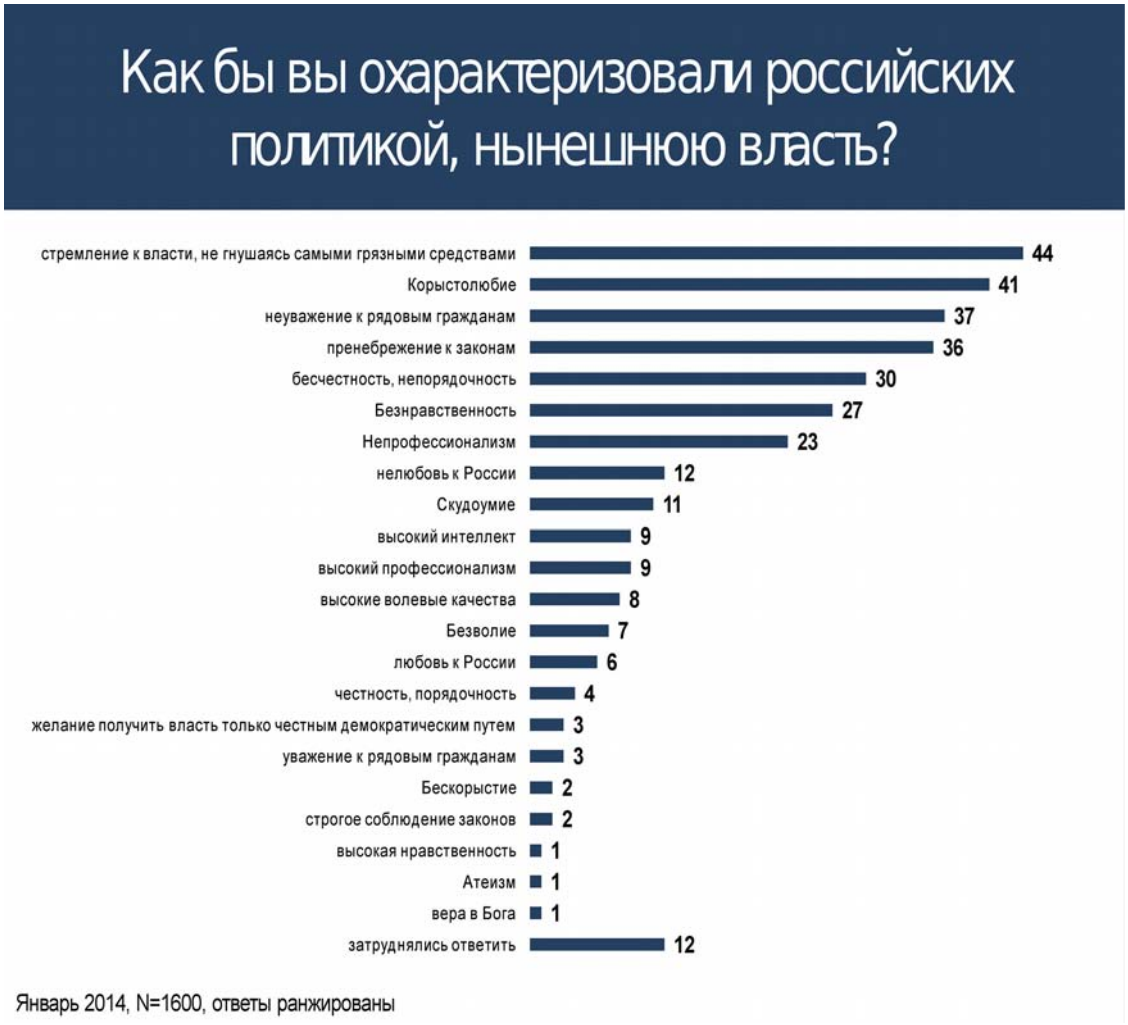
Таким образом, мы имеем дело с двойным набором причин моральной несостоятельности российского общества: первое — эффектом разложением морали (развращением) под действием репрессивных структур тоталитарного, а затем — авторитарного и коррумпированного государства и, во-вторых, неразвитостью, не модернизованностью низовых и провинциальных слоёв и зон населения, «недоморалью» населения, сохранением полуразрушенного этического традиционализма, отсутствием универсалистских представлений. Соединяясь вместе, эти обстоятельства и производят такой эффект общей моральной несостоятельности российского общества. Сохранение примитивности социальных отношений и самопонимания граждан, сниженного нравственного и интеллектуального уровня населения целиком объективно соответствует интересам и практике государственной бюрократии российского типа: простыми людьми, лишёнными чести и достоинства, компетентности и знаний легче командовать и управлять. Любая бюрократия, а бесконтрольная со стороны населения, тем более, может функционировать лишь постоянно и систематически упрощая и нивелируя имеющееся ценностное разнообразие, подгоняя «социальный материал» под общие положения своих инструкций. Аппарат нынешней власти тем охотнее это делает, что средств заставить его отвечать за свои решения и проводимую политику, за низкий уровень компетентности ни у населения, ни у самой верховной власти нет. Поэтому для обывателя есть лишь два варианта: подчиняться тому, что соответствует интересам правящей группировки, или обходить принятые бюрократией правила поведения.

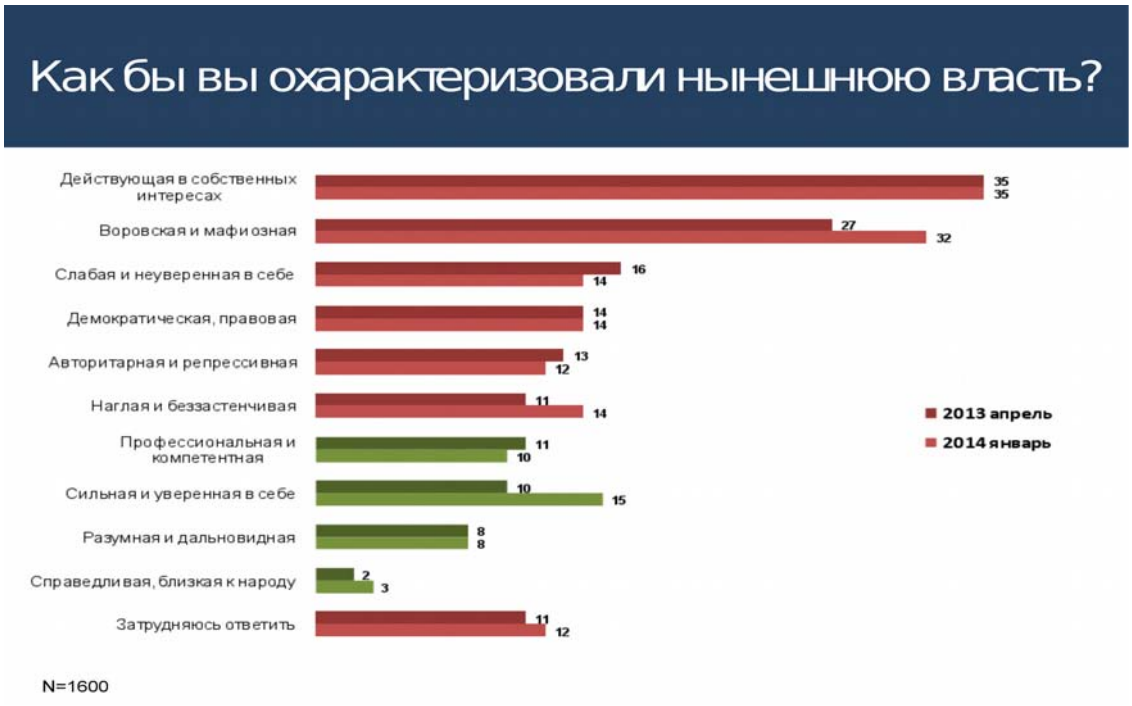
«Слабость» морального сознания российского общества (несостоятельность морали как структуры коллективных регуляций) связана с тем, что я называю «понижающим трансформатором», а Левада (более точно) — «стратегией понижающей адаптации», необходимостью уживаться с произволом самодостаточной власти. Репрессивный и аморальный характер российского социума не есть сущность сама по себе, это не просто проявление злой воли или природной низости населения, их «естественного», прирождённого стремления к дисквалификации и унижению Других, а следствие более примитивного, чем само российское общество или, как минимум, продвинутых и образованных групп, устройства власти — государства, церкви, их стремления удержать коллективные представления подчинённых на доступном ей (властной элите) уровне. Аморализм есть результат систематического понижения, упрощения социальных отношений, вызванных приспособлением к архаической и примитивной системе господства.

Для обывателя не являются новостью ни факты коррупции в высших эшелонах власти, ни вызывающий аморализм поведения власти (демонстративное нарушение общепринятых правил поведения — публичные оскорбления оппонентов, нарушения ПДД высокопоставленными чиновниками и их дворней, избирательное правоприменение и прочие действия, свидетельствующие о претензиях на *эксклюзивность* данных лиц, на исключение их из общих правил, и указывающие на символические ресурсы суверенности власти). Регулярные скандалы, еженедельно вспыхивающие в российском парламенте, в ключевых министерствах, в правоохранительных органах, в судах, в госкорпорациях и т. п. лишь подкрепляют массовые представления о казнокрадстве, лихоимстве и безудержной жадности тех, кто причастен к власти. Более того, эти представления давно стали частью образа самой власти, политического режима, сложившегося ещё до Путина и закрепившиеся при нем в нулевые и десятые годы. Избирательное правоприменение и карательный характер судебной системы предназначен, по мнению граждан, для защиты тех, кто кооптирован в высшие эшелоны власти, 79% считают, что в России сложилась система круговой поруки и ухода от ответственности людей, наделённых властью (апрель 2012, N=1600).

о том, что в общественном мнении нет связи между коррупцией, лживостью руководства и массовым насилием, то есть между политикой и частной жизнью граждан.

То, что люди во власти кормятся от казны, воруют, лгут, никого не удивляет, поскольку само занятие властных позиций мыслится исключительно как мотивированное чисто корыстными интересами, открывающее доступ к закрытым для обычных профанов ресурсам — обогащения (через инсайдеровскую информацию, сговор с бизнесом, получением откатов, взяток, льготного приобретения собственности или участия в рейдерских захватах с помощью суда и правоохранительных органов, установления преференций для членов семейного бизнеса и проч.), а также — самоценностью насилия, возможностями демонстративного потребления и праздной жизни. Оно лишено каких-либо признаков идеологического оправдания, ориентации на ценности «общего блага». Это и есть цель достижения власти, содержание ее суверенитета, ограждаемого барьером чрезвычайности, избирательности, недоступности для других (и несменяемости). Производное от этого — общая уверенность, что все врут, но те, кто выступают от имени государства, врут чаще и больше.


Как бы вы охарактеризовали российских политикой, нынешнюю власть?
стремление к власти, не гнушаясь самыми грязными средствами 44
Корыстолюбие 41
неуважение к рядовым гражданам 37
пренебрежение к законам 36
бесчестность, непорядочность 30
Безнравственность 27
Непрофессионализм 23
нелюбовь к России 12
Скудоумие 11
высокий интеллект 9
высокий профессионализм 9
высокие волевые качества 8
Безволие 7
любовь к России 6
честность, порядочность 4
желание получить власть только честным демократическим путем 3
уважение к рядовым гражданам 3
Бескорыстие 2
строгое соблюдение законов 2
высокая нравственность 1
Атеизм 1
вера в Бога 1
затруднялись ответить 12
Январь 2014, N=1600, ответы ранжированы


Как бы вы охарактеризовали нынешнюю власть?
Действующая в собственных интересах 35 35
Воровская и мафиозная 27 32
Слабая и неуверенная в себе 16 14
Демократическая, правовая 14 14
Авторитарная и репрессивная 13 12
Наглая и беззастенчивая 11 14
Профессиональная и компетентная 11 10
Сильная и уверенная в себе 10 15
Разумная и дальновидная 8 8
Справедливая, близкая к народу 2 3
Затрудняюсь ответить 11 12
2013 апрель
2014 январь
N=1600

Общее убеждение состоит в том, что *лгут практически все*, что это такой же код социальности, как насилие или управляемые выборы. Подобные представления укорены в традиционном российском восприятии политики (и пропаганды как государственной дезинформации и лжи — советское время здесь не является исключением, а лишь дополняющим подкреплением этих глубоко лежащих представлений). Скорее это следует относить на счет практики неправового государства, будь то самодержавная абсолютистская бюрократия, советский тоталитаризм или постсоветский путинизм. Недоверие к официальным источникам информации (при зависимости от них) пронизывает весь аппарат управления и общество в целом. Подобное недоверие может также быть средством поддержания персоналистских иллюзий и оправдания диктатора («он хотел лучшего, но ему обманывали, ему мешали, оказывали сопротивление и т. п.»).

Недоверие — это постоянное ожидание агрессии встречных людей, будь то чиновники или случайные попутчики в общественном транспорте, настороженность, готовность заподозрить всех и вся в обмане, враждебных намерениях, хищениях, несправедливом отношении и т. п.[6] И дело здесь не в недостатке надёжной информации, а в привычной убеждённости, что такова природа власти, что это не индивидуальные свойства конкретного политика (Жириновского, Лаврова, Путина, Сердюкова, Якунина, Собянина), а характеристики социальной роли, производной от занимаемой позиции и отношения к ней общества. Негативное определение Другого (обобщённого или конкретного партнёра) составляет консенсус власти и общества, обусловленный социальным типом человека, описанного в работах исследовательской группы проекта «Советский простой человек». Это сочетание негативизма (отсутствие уважения, что не обязательно должно сопровождаться возмущением) и безальтернативности (синдром лакея или крепостного) определяет мотивацию тех, кто, разделяя мнение о «Единой России» как «партии жуликов и воров», тем не менее, голосует за нее, испытывая к ней (к ее руководству, а не к низовом составу) смесь таких чувств, как надежду, пресмыкательство и презрение. Можно сказать, что это «панцирь» негативной социальности, играет роль внешнего корпуса норм поведения в обществе, система базовых представлений, негативным образом конституирующая само общество. (В отличие от представительной демократии и правового государства, составляющего костяк институциональной организации современного социума, здесь структуры негативной идентичности образуются как опорные системы защитных механизмов частной жизни, лишённой самой по себе определённости и устойчивости, как у ракообразных — хитиновый корпус, удерживающий мягкие внутренние органы) [Гудков 2000: 438].

Неуважение или хроническое (системное) презрение к власти опирается на представления о механизмах негативной или имморальной отобранности людей во власть. Другими словами, подобные персонифицированные оценки отражают слабо рационализированные представления об институциональных формах и принципах организации авторитарного или тоталитарного социума — нерасчлененного в функциональном плане и неспециализированного «общества-государства». Диффузное негативное представление о «власти» компенсируется или уравновешивается представлением о «лидере», национальном вожде или хозяине страны, который наделяется теми воображаемыми, желаемыми достоинствами (не имеющим отношения к реальности), которые *хотели бы видеть* в нем поданные. Подобный лидер получает нуминозный ореол достоинств, ценимых в обществе, поскольку они приписываются обществом

[6] Доминирует убежденность в том, что власти относятся к обычным людям несправедливо (66%), мнение «справедливо и одинаково, как к себе» разделяют лишь 23% (2007-11, N=1600).

самому себе. Поэтому этот символический потенциал практически неразрушим в текущем времени, так как он не может быть рационализирован, ибо состоит из *массовых иллюзий*.

Заведомо дисквалифицирующая интерпретация моральных качеств и мотивации действующих здесь лиц вменяет аморальные (асоциальные по отношению к основной массе населения), эгоистические или цинические мотивы действия, что предполагает тем самым отделение их от «обычных» людей, от «большинства», их отделённость (здесь важны отглагольные определения, содержащие процессуальные компоненты значений) [Городецкая, Сафронов 2013: 2][7]. Следовательно, специфическую характеристику оцениваемая таким образом сфера получает именно по отношению к неопределённому массиву «большинства» (низового или сниженного), которому назначаются свойства предельной тотальности — «все».

Подобная операция имеет двойное назначение: во-первых, выделяет негативно оцениваемые системы действия, неподконтрольные основной массе населения, а во-вторых — формирует столь же неопределённое представление о «всех», но уже лишённых негативных значений. «Большинство» — это не содержательное, не предметное определение совокупности каких-то социальных групп или образований, слоёв, классов и т. п., а апеллятивная инстанция, функция которой — идентификация с массой, «быть как все» [Левада 2006: 350–363]. За таким способом работы массового сознания стоит сохранение понятия недифференцированности целого («народа», «страны», «государства», «населения», «общества» и т. д.) и подавление необходимой специализации и разнообразия ценностных качеств и достоинств индивидов, групп, взаимосвязности и функциональной взаимозависимости институтов и групп, идея коммуникативной структуры сообщества.

Производимая таким образом *бескачественность «большинства»* позволяет не только выделить отдельные зоны сомнительных занятий, отделив их (в качестве «мы») от правящего «они», за которых обыватель не хочет нести ответственности, но одновременно производится девальвация, обесценивание частных форм самоопределения (с точки зрения господствующих групп или сил, присваивающих себе права представительства всего «целого», апроприирующих права и средства принуждения к признанию значимости этого целого, а значит — дисквалифицирующих любые попытки других действующих лиц субъективно выделиться из аморфного «большинства»). Единственно, что соединяет отдельные зоны или сферы и организует подобное «большинство», — это вера в общность происхождения, традиционалистская по способу своего действия интеграция социума.

Подобный механизм маргинализации или дисквалификации морального поведения или, напротив, наделения особыми ценностными значениями позиции индивида или группы не случаен. Напротив, работа такого рода есть выражение недифференцированного общественного устройства (когда целое представлено лишь в одном виде: авторитарная власть — подданные). Любое самодостаточное поведение индивида в таких случаях воспринимается либо как юродство, либо как асоциальное действие, оскорбление публики, кощунство, психическое отклонение [Гудков, Левинсон 2012: 136–139]. Неиндивидуальное представление о мотивах действия (тотализация действия: «вся политика», «весь бизнес», «все чиновничество», «весь народ») предполагает подсознательную стерилизацию моральных установок,

[7] Примечательно признание со стороны «верных русланов» режима той глубокой антипатии, которое население питает к власти,. Так, например, полпред правительства в высших судах Михаил Барщевский, выступая в Госдуме по поводу законопроекта [о запрете чиновникам иметь иностранную недвижимость, счета, собственность за рубежом], предупреждал, что «*нельзя принимать законы в угоду общества*» [курсив мой — ЛГ]: «Если вы предложите расстрел губернатора после окончания их срока полномочий, то во многих регионах общество это поддержит» — заявлял он в декабре прошлого года.

выражающих внутренний императив и требование «понимания», «понимать мотивы действующего».

Выделение производится не как признание заслуг или достижений, добродетели или достоинств тех, кого выделяют (что было бы фактически признанием процессов структурно-функциональной дифференциации общества), признаками чего должны были бы стать коммуникации разного рода, опосредующие взаимосвязи, авторитетная квалификация достижения (то есть механизм элитного структурирования социума). Оно основывается на негативном определении выделившихся (если смотреть «снизу») или позитивном признании властью в качестве того, что угодно господствующей группировке («их власть, кого хотят, того и награждают», как говорила А. Ахматова). Само общество отделено от системы квалификации социальных успехов, оценки поведения как должного и недолжного, как порочного или подобающего нравам и моральным принципам, то есть не различает зло, преступление или стечение обстоятельств т. п.

Бескачественность массы принципиальна в данном отношении, поскольку она не естественное состояние, а продукт, результат определённой организации советского и постсоветского социума, точнее — авторитарной власти, принципиально лишённой контроля со стороны общества. Этот эффект можно назвать следствием постоянно и систематически воспроизводимого обесценивания человека.[8] Ресурс власти — аморализм как специфический социальный эффект господства. Аморализм (цинизм) — не просто механизм понижения ценностей, а установка на систематическое упрощение представлений о природе человека. Когда авторитарная власть в целях стерилизации общественного протеста (рождаемого из потребности многообразия и моральной определённости) принимает на вооружение политические технологии дискредитации и дисквалификации оппонентов, руководствуясь тактикой «опускания» общества, поддержания его в состоянии отказа от будущего, бескрылости, деидеализации, то неконтролируемым следствием этого в недолгом времени оказывается тотальное равнодушие общества к «общим проблемам» и аккумуляция диффузной агрессии и злобы, ни на кого конкретно не направленной.

Функции насилия как культуры заключается в обосновании и сохранении таких диффузных представлений, напрямую не связанных с принуждением или репрессиями, которые обосновывают значимость практик дисквалификации частного существования, подавления автономных от власти структур, особенно таких, которые обладают потенциалом воспроизводства, передачи образцов. Нерасторжимая связь коллективных ценностей с насилием апроприируется и монополизируется властью, которая назначает себя хранителем и защитником интересов всего национального целого. Ими (символическими представлениями этого рода) могут быть любые смыслы, утверждающие культ силы и необходимость социальной мобилизации (великая держава, национализм, милитаризм, пафос героизма и коллективного самопожертвования) или традиционалистское превосходство коллектива над личностью, социального целого (группы, сообщества) над частным или отдельным существованием (нации, государства над группой или отдельным человеком), как это сегодня утверждает РПЦ.

То, что лишённое оправдания насилие, воспринимаемое как человеческая грубость, неразвитость, «хамство» («низость»), выдвигается в качестве высших образцов общественной структуры, стиля поведения национальных лидеров, паттернов социетальных структур[9], яв-

[8] Власть, по выражению главного редактора «Сноба» Н. Ускова, «относится к людям как к мусору» (из телевизионной передачи «Право голоса», ноябрь 2013 г.).

[9] На вопрос: «*Что вызывает у Вас чувство стыда и напряжения, когда Вы обращаетесь к российской истории XX века?*», задаваемый в рамках программы «Советский человек», от 78% опрошенных (1989 г.) до 69% (в 2008 г., наиболее благополучном, докризисном времени современной России) год заявили, «*великий народ, богатая страна, а живём в вечной бедности и неустроенности*», на втором месте ответы «*грубость нравов,*

ление — совершенно не случайное. Это не результат субъективного произвола диктатора, а закономерное выражение оборотной стороны «героического варварства». Идентификация населения с этими символическими комплексами представлений (с «великой державой», обладающей всеми непременными атрибутами: ракетно-ядерной мощью, массовой призывной армией, силовой политикой на подконтрольном пространстве, готовность к пренебрежению суверенитетом других стран, как это было в Афганистане или сегодня в Украине) позволяет властям обеспечить легитимацию собственного произвола, а также эксплуатировать производные от этого страхи населения, его потребность в безопасности, защищенности, спокойствии. Тем самым, происходит переключение, канализация страхов в ресурсы массовой поддержки власти: невольное принятие в роли руководителей великой страны номенклатурных фигур, исходно не избираемых, а кооптируемых во власть, и лишь затем превращаемых в «политических лидеров». Тем самым становится невозможным какой-либо контроль за ними, снимаются какие-либо требования ответственности за то, каким образом режим будет распоряжаться ресурсом легитимного доверия. Понимание, что власть пускает этот ресурс исключительно на собственные нужды — материального самообеспечения, обогащения, не меняет хронического чувства массовой незащищенности и уязвимости, с одной стороны, неизбежности подчинения, с другой.

Подавляя социальную дифференциацию и тем самым все прочие социальные структуры (представительства, выражения интересов и потребностей различных групп населения), власть подавляет или стерилизует возможности автономизации подобных групп, защищающих собственные интересы и интересы таких же как они, то есть само право, идею самодостаточности индивида, группы, общности, их право на автономию. Взамен этого власть всячески пытается поддерживать и подпитывать надежды населения относительно своих благих намерений. Массовые иллюзии такого рода тем устойчивее, что они не могут быть критически осмысленными, рационализируемыми (хотя, как мы видели ранее, скептицизм остаётся, но он существует как бы параллельно надеждам). В итоге интересы и потребности частной жизни никак не могут быть артикулируемы и представлены в публичном поле, что, собственно, и парализует потенциал и средства консолидации общества, общественного взаимодействия. Так возникает не только ложь перехвата, но и пространство взаимного обмана и лукавства. В свою очередь, такого рода игра является не только компенсацией дефицитом социальности, но и ресурсом уверенности властей в устойчивой и апатичной покорности населения. Авторитарный режим (в отличие от тоталитарного) не нуждается в идеологической индоктринации населения, «идейности», искренней «веры» подданных в обещания руководства, ему достаточно демонстрации лояльности или отсутствие признаков явного сопротивления власти.

Приспосабливаясь к действиям тех, у кого власть (средства капиллярного повседневного принуждения), общество вынуждено принимать и требования систематического упрощения правил социального поведения, подчиняться им, отказываясь от ориентации на более сложные и рационализированные образцы деятельности, обеспечивающие хотя и отложенный, но более сильный в конечном счёте гратификационный эффект и результаты. Насилие девальвирует ценности и новые представления, постоянно возникающие в общественных средах, где концентрируется и ферментируется культурное многообразие (мыслимое только при условии ограничения грубого насилия). Многообразие не может возникать и, тем более, воспроизводиться в условиях, грубо говоря, всероссийской кущевки. Поэтому состояние массовой апатии, присущее репрессивным (авторитарным и тоталитарным) режимам, равнодушия, бесчувственности к окружающим суть не «естественные» или традиционные характе-

неуважение людей друг к другу» (за те же 20 лет в среднем около 50% опрошенных, здесь колебания в ответах минимальны и лежат в пределах допустимой стандартной статистической ошибки).

ристики населения, а производные системы принуждения, подавление солидарности, установок на сотрудничество, готовности к благотворительности и сознания своей ответственность за происходящее в обществе. Культивируемое насилие, но с обратным эффектом: его функция — понижение социальной и антропологической сложности, ослабление разницы потенциалов между элитой и массой, напряжённости духовной (поисковой) жизни.

Насилие редко бывает гипостазировано на уровне общества в целом в виде чётко артикулированных структур — идеологии насилия, гораздо чаще оно, как и речь (или культура), реализуется в неформализованных и неформализуемых практиках институтов управления, принуждения, поддержания социального порядка [Trotha 1997; Антропология насилия 2001; Афанасьев 2001; Волков 1999; Волков 2005; Салаганов, Шашкин 2002]. Нас в данном случае интересует прежде всего капиллярное, диффузное, слабо отмеченное или даже само собой разумеющееся насилие как среда или атмосфера репрессивного государства и общества. В этом случае насилие или принуждение — это всегда «тёмная материя» социума, его «бессознательное», закрытое от рационализации не только специальными стараниями властей, но и потому, что здесь не работают позитивные стимулы и мотивы поведения индивидов, предполагающие открытый, публично социальный характер гратификации.

Мораль в России потому и не возникает как массовая система регуляции, что не возникает идеи «общего блага», и соответственно, подавляется сама социальная возможность символической инстанции, перед которой индивид должен (а значит — и может) отвечать, внутренне чувствуя свою связь и ответственность перед неопределённо большим коллективом или общностью себе подобных (совесть, интернализованный социальный контроль группы или даже института, например, научной совести). Как показывают данные опросов, люди в России ощущают ответственность только перед самым узким кругом близких: членами семьи, друзьями, в меньшей степени — коллегами. Возникновению моральных представлений препятствует присвоенное властью представление о национальном целом, которое (целое) якобы подлежит защите и монопольному представительству исключительно тоталитарной или авторитарной властью.

Подобная двойная идентификация — свой круг частных интересов и забот о собственном благе и благе ближних, забот выживания (продолжения существования) и план интересов власти, с которой время от времени, ситуативно идентифицирует себя индивид, — задаёт постоянную «игру» с рамками действия и смену перспектив, в которых происходит определения себя и других действующих лиц, оценки ситуации действия. Частный человек с его проблемами существования исключает (в российском контексте) понятие политического участия, допуская в некоторых случаях лишь связанное с ним понятие «подданного», государственно зависимого обывателя. И наоборот, политическая ангажированность и гражданская ответственность в нашем случае означает другую перспективу самоопределения, в которой на первый план выходят такие понятия, как чувство личной ответственности за положение дел в обществе, в стране, альтруизм и справедливость[10].

Подчинение такому режиму эксклюзивности равнозначно условиям принятия произвола власти, признания силы избирательного правоприменения, тихого согласия (или отсут-

[10] *Левада Ю.:* «Наш» вариант — это безальтернативные медиа, это люди, не привыкшие фильтровать и оценивать приходящую информацию. А главное же — изолированный человек, инкапсулированный в своем мире, не принимает гражданской ответственности за «происходящее в стране» и не только не готов, но и сам не испытывает склонности к гражданскому, коллективно-ответственному действию. Это прямое наследие советского, тоталитарного периода, которое как будто сохранилось в «первозданном» виде — за одним правда исключением: рассеялся, и, видимо, безвозвратно, тот универсальный страх, который допускал лишь один вид коллективного поведения — коллективное заложничество (если «все» считаются ответственными за «одного», это означает, что «все» принуждены, вынуждены и заранее готовы ради собственного спасения этого «одного» выдать и растоптать…). Сегодня, кажется, *такой* страх снят» [Левада 2006а: 367].

ствие сопротивления) на терпение насилия, все равно будет ли это практикой «социалистической законности» или «басманным правосудием»[11]. В любом случае это означает действия, поведение в условиях правового и морального партикуляризма. Последний не эквивалентен явлениям ценностного релятивизма (по генезису и по функциям), хотя может восприниматься как близкое или родственное ему явление[12].

Сознательное самоисключение из определённого круга ответственности моральных императивов и норм под действием произвола власти или внешнего принуждения социального окружения, опосредующего давление институтов господства (что может быть описано как «терпение» или как средовой «конформизм») указывает на своеобразную структуру личности — тип «советского человека». С точки зрения современной культуры, культуры модерного общества — этот тип приспособления должен был бы называться «моральным разрушением» личности, утратой ее целостности, но с точки зрения индивидуальной выживаемости в условиях террора или более умеренного, но все же репрессивного государства, каким сегодня является путинский режим, — ее следовало бы называть «пластичностью», «прагматизмом» или «реализмом беспринципности»[13].

Алгоритм поведения и определения ситуации строится на двойственности самотождественности: «я — вынужден так поступать, поскольку меня к этому принудили» (какие-то другие или в характерно анонимной форме: «обстоятельства сложились так, что я/NN был

[11] «Нельзя объяснить подобные ситуации [монолитного единомыслия] просто массовым принуждением или обстановкой всеобщего устрашения. И наш собственный, и чужой опыт свидетельствуют о значительной роли добровольного массового участия в поддержании атмосферы всеобщего единодушия — единогласия — единомыслия. Стремление «быть как все», более того, готовность упиваться собственным «растворением» в массе — распространённая разновидность социального мазохизма, которая предельно упрощает жизнь, избавляет человека от мук совести, от индивидуальной ответственности, сложности нравственного выбора, превращает его в потенциального добровольно-безответственного соучастника массовых акций, в том числе и массовых преступлений режима. В подобном пароксизме восторженного самоуничижения не столь важно, на кого переносится ответственность — непосредственно на «всех» (действуй как все»), на непогрешимого харизматического лидера («фюрер думает за тебя») или на некую идеологическую, религиозную структуру. Такого рода «растворенная» сопричастность создаёт сильнодействующую иллюзию безопасности, как внутренней (от сомнений), так и внешней (от враждебных сил). Более того, малейшая попытка противостоять всеобщему единодушию, сохраняя какую-то собственную позицию, вызывает спонтанное возмущение и яростный — не только по приказу — коллективный отпор: ведь сама возможность отдельного мнения подрывает всю систему коллективной безопасности. Поэтому столь зачаточный, искусственно созданный плюрализм с такой лёгкостью уступает новому единомыслию. Особенно в условиях социально-политической мобилизации и воинственной напряжённости» [Левада 2006а: 321].

[12] Релятивизм характерен для сравнительно развитого общества и индивидуального сознания. Он возникает как реакция на эрозию уже имеющегося универсализма права, морали в уже модернизированном, массовом обществе со сложившимися формальными институтами (рыночной экономики, представительной демократии, правового государства). Ценностный релятивизм — это реакция на выявляемые противоречия и процессы, идущие в современном обществе, предпосылка специфического западного цинизма. Моральный и правовой партикуляризм — явление принципиально другого рода, другого происхождения. Его нельзя рассматривать как производное от процессов модернизации. Это амальгама (или агрегат) архаических и современных образований и представлений, не подлежащих рационализации и генерализации, это «механическое» (в дюргеймовском смысле) сочетание не сливающихся друг с другом, разнородных социальных нормативных систем, не подлежащих проработки в силу подавления подобных возможностей репрессивной властью. Российский цинизм в этом смысле отличается от западного, порождённого модернизационным проживанием наследия Просвещения. Это последнее соображение принадлежит японскому исследователю проблемы национальной специфики цинизма Кёхэй Норимацу, сделанное им в частной беседе с автором.

[13] Черты или свойства этого типа описаны во множестве литературных или кинопроизведениях, авторская оценка его может простираться от безоговорочной симпатии (Иван Денисович) до частичного полного осуждения («Афоня», Служкин в совсем недавнем романе А. Иванова «Географ глобус пропил»), что не меняет структуры самого типа.

вынужден»), «так делают все», «иначе нельзя», «я только выполнял приказ» и проч.[14] Если рассматривать это обстоятельство в долгосрочной перспективе, оценивать социальные последствия «морального партикуляризма» (с логической точки зрения это — оксюморон, с социологической — действенная тактика приспособления к произволу, к репрессивному государству и обществу, механизм снижающей адаптации), то практика социализации к капиллярному и всеобъемлющему насилию превращается в своеобразную «культуру насилия», проявления которой уже непосредственно не связаны с институтами власти и господства. Эпифеномены культуры насилия могут быть самыми разнообразными: от внутрисемейной агрессии и грубости нравов до демонстрации силы на улице, на ТВ, в символическом проезде кортежей президента, парализующего уличное движение, машин высоких чиновников с мигалками, пытках в полиции, карательном судопроизводстве, дедовщине в армии, кущевках и т. п. явлениях диффузного насилия.

Хроническое насилие, воспроизводимое на протяжении десятилетий, стерилизует умственный потенциал наиболее образованных и специализированных групп, лишая их доверия к самим себе, а соответственно, и признания их деятельности в обществе, тем самым — систематически подавляя интеллектуальные способности всего общества[15]. Этот процесс может быть назван постоянной деинтеллектуализацией общества в целом, стерилизацией его ценностных оснований, на которых только и могут быть формируемы универсалистские институты современности. Прежде всего разрушается сама возможность формирования и кристаллизации этических оснований человеческого поведения, как собственного, так и ожидания его у других. Как следствие этого — *деморализация населения*, подавление способности населения к какой-либо нравственной оценке действий властей, расчеловечивание (или опредмечивание, «натурализация») политической системы, восприятие систем господства как бесчеловечной и часто — иррациональной, стихийной и неуправляемой силы, не доступной контролю обычных людей. Возможность обсуждения власти фактически табуируется массовым сознанием. В итоге не только сами практики подавления оказываются слабо рационализируемыми, но и восприятие власти оказывается окрашенным идущими из коллективного подсознания нуминозными установками (стертой священности традиционалистской, то есть не основанной на конкуренции и достижениях, социальной иерархии), социально девальвирующими поданных.

Такое отношение к политической системе господства старательно поддерживается нынешним режимом, подпираемое насаждаемыми через ТВ квазифундаментализмом, православием, демагогической защитой «национальных ценностей». Нейтрализации и вытеснению из сферы публичности подлежит все то, что могло бы потенциально побудить людей к более высокому уровню идеального, появлению ценностей как универсалистских регуляторов высшего уровня (альтруизма, чувства собственного достоинства, чести, немыслимой без сознания самодостаточности и автономности своего существования, то есть независимости от власти), а соответственно, к сознанию своих — *неотчуждаемых, то есть «естественных»,* прав. Как раз именно вопросы «прав человека» в России воспринимаются как нечто «неестественное», искусственное, привнесённое откуда-то извне, например, с «Запада». Напротив, обязатель-

[14] «Люди, для которых центральной задачей будет — уберечь себя. … Потому, что боятся, как бы не съели. Неосновательно бояться — такой стиль. К сожалению, это тот стиль жизни, с которым нам приходится сталкиваться. … Пока продолжается это, организация серьёзная нам не светит». … Советское общество плодило не коллективность, а что-то вроде всеобщего заложничества, где каждый отвечал за другого в смысле: вынужден был страдать за другого, а не как-то помогать ему» [Левада 2004b].

[15] «…Мы живем в обществе, которое поедает свои элиты и норовит их растворить, лишая смысла и слово „элиты“, и слово „интеллигенция“, например, а других способов увидеть цели, увидеть смыслы — нету. Вот причина многих коллизий, с которыми мы сталкиваемся сегодня, завтра» [Левада 2004a].

ства перед властями, повинности оказываются предметом постоянной критической, публичной и негативной оценки, что мотивирует людей на уклонение от них.

С уходом советской идеологии, массовым разочарованием в демократических реформах административный произвол лишился какого бы то обоснования или оправдания. Оказалось, что можно использовать любые возможные пласты и ресурсы символических значений: имперских, коммунистических, нацистских, расистских, православных, либерально-демократических, правового государства, модернизационного рывка, социального государства и проч. и проч. Способность к свободному оперирования подобными идеологемами — главный признак, характеризующий сегодняшние публичные фигуры. Образец здесь задан Жириновским, у которого учились все ведущие сегодняшние российские лидеры. Но председатель ЛДПР не творец, а лишь имповизатор. Ни ложь, ни политическая демагогия не являются чем-то особенным в истории общественной жизни. Лживость высших или ведущих политиков и государственных функционеров — это демонстративный эквивалент их силы или влияния. Эта уверенность держится на подразумеваемой всеми посылке, что — воля тех, у кого власть, какую бы несусветицу и неправду они не несли, должна определять социальный порядок в стране и его определяет. На этой посылке — на праве чрезвычайности (символического нарушения прежнего порядка и введения своего собственного нормативного определения реальности) авторитарной власти и держится ее суверенитет. Это — замена идеологии и каких-либо представлений о будущем, об «общем благе» (res publica), которым в других странах мотивирована деятельность бюрократии. «Длящийся вариант российского исторического выбора (в принципе все ещё завершающего «наш» затянувшийся XX век) недостаточно рассматривать на фрагментарном уровне как набор событий, акций, переживаний и т. д. Но и какой-то внутренней (да и декларативной) сверхзадачи, по постановке и реализации которой этот отрезок можно было бы оценить, не просматривается. Главным «принципом» характерной для него политики и морали можно считать воинственную беспринципность, ориентированную на краткосрочный практический успех, даже на эффект (впечатление в глазах высшего начальства) в любой области и любой «ценно» достигаемый. Поэтому определяющим признаком этого времени и его фигурантов служит преимущественно, если не исключительно, стиль их деятельности. Под стилем в данном случае (применительно к политическому периоду, политической деятельности) можно понимать прежде всего характерные способы связи целевых установок и используемых для их реализации средств, критериев оценки тех и других. Наиболее очевидны в данной ситуации такие его компоненты, как сведение политики к технологии, управления — к манипуляциям. Отсюда и снижение уровня социальных, политических, региональных международных проблем до административно-технологических (включая обращение к «силовым» структурам и соответствующим приёмам). Условием деятельности подобной «технологизированной» схемы оказывается предельное упрощение ее компонентов — фактическая отмена конституционного разделения властей (вертикального, горизонтального, функционального, независимости суда, массмедиа и т. д.), устранение нормативно-ценностного (морального, правового) социального контроля, подмена общезначимых норм текущими указаниями, приправленными известной долей личного произвола и пристрастий. Следствия известны — глубокий цинизм и всеохватывающая коррумпированность властных структур, разлагающие все общество» [Левада 2006а: 172–173].

Подданный, бесправный обыватель, привычно подчинённый распоряжениям всех мыслимых органов власти — от дэзов до дальних, почти абстрактных ведомств и правительства, в конечном счёте, действительно принимает определения себя властью во всех контекстах, которые квалифицируются как «государственно значимые», а стало быть — «политические». Это самоидентификация (в качестве компонента неопределённого множества зависимых от власти подданных) как лишённых самостоятельной ценности, людей пассивных или лучше

сказать — не имеющих признаков собственной активности, даже потенциально не расположенных к выражению собственного отношения к происходящему, а потому в социально-политическом плане — бесцветных или серых, неинтересных (не имеющих собственного, *заинтересованного* отношения к происходящему), незначимых самих по себе людей, есть производное двух обстоятельств.

Первое: авторитарная, бесконтрольная и потому — суверенная власть, государство, прежде всего, является основным источником смыслозадавания для населения, оно вносит доминантные смыслы в массы, конструируя для них «реальность», размечая события, интерпретируя их в нужном для себя плане (через ежедневную картинку ТВ, пропаганду, школу, выступления политических лидеров и т. п.). Никакие другие институты или социальные группы, включая и те, что претендуют на статус «элиты» — интернетовские блогеры, «публичные интеллектуалы», писатели, журналисты «независимой прессы», университетская профессура и проч. — не конкурируют с государством в этом качестве. Они слабы, зависимы, и не продуктивны, поскольку не сознают себя самодостаточными, они массовидны по своей сути (функции) и адресации своей деятельности. Они лишены *собственного достоинства* (чести) и не ощущают этого (Обращение к российскому судье — «Ваша честь» — несёт в себе сегодня неустранимо пародийный характер).

Второе: только государство обладает средствами легитимного определения и тотальной идентификации своих людей как стёртого множества взаимозаменяемых социальных единиц — поданных, именуемых в наших условиях «гражданами». Подчиняясь этой унификации, обыватель принимает принудительную идентификацию себя как лишённого субъективной значимости (и чья жизнь в строгом смысле не имеет ценности, как показывает и советская, и нынешняя практика бюрократического управления). Тайное сознание, что люди в постсоветском «обществе-государстве» такие и есть, какими их считает российская власть, что им нечем обосновать себя, обеспечить свою ценность, предъявить себя как представляющих какую-либо ценность для других, является одним из условий установления авторитарного режима и механизмом принятия такого социального порядка, отношений власти и населения. Сама власть считается не то чтобы «легитимной» или «справедливой», а «естественной», то есть не имеющей истории (следов законности своего происхождения), а значит — не допускающей причинно-следственных объяснений, прагматической рационализации, и инструментализации выхода из подобного положения. Поэтому социальный порядок подчинения такого рода не подлежит в массовом сознании даже мысленному «изменению», он воспринимается как *необходимый* (в прямом и в переносном значениях слова: такой, которого нельзя обойти).

Соответственно, ситуация взаимодействия индивида с властью лишена посредников какого-либо рода — формально-институциональных (суда, например) или общественно-политических (партийного представительства групповых интересов). Это такая ситуация, из которой нет «законного» или общепринятого выхода. Социальный порядок в этом случае не имеет альтернатив, даже мысленных, гипотетических. В нем приходится жить, чтобы выживать, а, значит, принимать все коннотации побочных или латентных последствий его принятия («с волками жить — по волчьи выть»). Такой порядок приходится принять, терпеть или …обойти в некоторых звеньях дефицитарных или коррупционных цепочек или сетей отношений. Поэтому стремление прикинуться *лишёнными* самостоятельности, автономности, достоинства, серыми, бесцветными, бессильными, со всеми негативными определениями «без-…», «недо-…», «псевдо-…», «квази-…» и проч., вполне оправдано и по своему рационально, закономерно , а главное — социально одобряемо и в свою очередь — требует принуждения от других, подчинения порядку от других. Этим навыкам адаптации к насилию или освоения техники насилия научаются как и другим социальным умениям.

Российское общество вращается в круге нерешаемых в принципе проблем: самодержавная репрессивная власть стерилизует и подавляет потенциал морального сознания у населения. Система вертикального насилия может сохраняться и воспроизводиться только одним образом: лишая всякой значимости ценности частного существования, придающего индивиду достоинство и самоуважение, а значит — уважение к таким, как он, что, в свою очередь, становится предпосылкой гражданской солидарности и интеграции общества. Дело не только в практике тотального социального принуждения и унижения, сколько в том, что ядро коллективных представлений составляют значения силы и самоценности великой «державы», являющейся синонимом или псевдонимом бесконтрольной власти. Насилие в этом случае становится высокозначимым и ценимым кодом социального поведения, признаком высокого статуса и уважениям. Общество, слишком долгое время «скрепляемое» пропагандой героического милитаризма, борьбы с врагами (внешними или внутренними — классовыми, национальными, сепаратистами, чуждыми «нашей культуре и традициям и т. п.), не может быть не внутренне агрессивным, фрустрированным и консервативным, хронически отсталым. А это, в свою очередь, ведет к деморализации населения и глубокому нравственному пессимизму или цинизму, позволяющему такой организации власти воспроизводиться, а обществу — ее терпеть. Таким образом, человек, социализируемый к таким институциональным условиям жизни, обладающий навыками приспособления к этой власти или техникой уклонения от ее слишком жестких требований, становящихся нетерпимыми, трудно изменяем, но легко манипулируем, как писал о нем Левада.

Г.В. Драч: Большое спасибо за интересный доклад. Понимание цинизма, которое вы сегодня дали, нуждается в уточнении. Я имею в виду классические смыслы, которые сообщают этому явлению его историческую и онтологическую значимость. Киники, стоики и эпикурейцы выступали за сохранение автаркии и человека, его выживание перед лицом надвигающейся глобальной опасности. Когда в эпоху эллинизма города-государства делали человека рабом, они теряли самостоятельность. Граждане теряли свое государство, хотя имели законы, армию, народное собрание. Надвигался новый мир. Что они могли ему противопоставить? Киники, стоики и эпикурейцы предлагали свои рецепты. Отсюда вытекает мой первый вопрос: сохраняется ли при описании сегодняшней ситуации эта классическая модель? Второй вопрос: можно ли принимать за чистую монету все те явления, которые вы сравнивали, как социологические и онтологические феномены (типа коррупции, диссертаций и т. д.)? Мне как специалисту неоднократно пришлось этим заниматься в ВАКе. От Навального и его помощников идут сфабрикованные диссертации. В Америке их бы не рассматривали. Как я могу доверить 30 помощникам мои интересы и рассылать диссертации по всем диссертационным советам? Разве это научная норма? И.

Л.Д. Гудков: Отвечаю на первый вопрос. Я думаю, если рассматривать цинизм с точки зрения социальной истории, то это периодически возникающее явление в истории культуры. Оно указывает на то, что ценностные, идеологические, идейные порядки — то, что вы называете онтологией — в какой-то момент начинают дробиться. Возникают другие ценностные порядки, конкурирующие с прежними представлениями. Далеко не случайно античные циники и киники разрушали предшествующие верования, порядки, осмеивали их, вступали с ними в полемику. Следующей фазой была знаменитая работа Макиавелли. Он прежде всего указывал на десакрализацию власти, т. е. считал всякую сакрализацию власти чисто прагматической технологией массового управления. Государь или князь не обязательно должен быть добрым, руководствоваться добрым началом, но он должен казаться добрым для дости-

жения своей власти. Вот это и есть десакрализация власти, утраты властью традиционного авторитета. Совершенно не случайно Макиавелли был сильнейшим критиком папства.

В Новое время был разрушен средневековый космос, произошла его дифференциация на конкурирующие сферы. Это явление описывали писатели и социологи. Напомню классическую работу Георга Зиммеля «Философия денег». В ней много страниц посвящено феномену цинизма, связанного с вторжением формальной (или научной) рациональности в сферу, которая раньше регулировалась традиционными представлениями. Возникла масса коллизий, с этим связанных. Возник конфликт обычного права (представления о материальной справедливости) с формальными регуляциями права. С другой стороны, он описывал и разбирал тему (например, проституцию), как можно перевести одно состояние в другое. Это явление выступало как цинизм. Короче говоря, цинизм — это не одно фиксируемое явление, а периодически возникающее состояние в истории развития различных обществ. Это симптом стагнирующих обществ. Это фаза острейших дискуссий, полемики и дискредитации носителей прежних представлений, попытки их опустить или лишить значимости. Как это делал, скажем, Диоген.

Насчёт диссертаций я категорически с вами не согласен. Это идёт не от Навального, а от самих научных сотрудников, от Академии наук прежде всего, а также от аналитиков, которые этим занимаются. В одном из последних номеров нашего журнала можете прочесть статью Андрея Ростовцева. Он рассказывает, как это делается. Я ответственно утверждаю: никакой связи с Навальным здесь нет. Существует масса людей в разных странах, которые этим занимаются. Совершенно анонимно, не зная друг друга, они анализируют массивы данных, сравнивая различные тексты и находя совпадения. Они показывают зоны подозрительного совпадения. Когда это накладывается на карты различных университетов, возникают естественные сомнения. Они не ставят вопрос об ответственности или что-то ещё. Это чисто формальное определение зоны заимствований. Возникает куча вопросов. Можно говорить не только о диссертациях, когда вдруг оказывается, что у 40 % нынешнего депутатского корпуса списанные друг у друга тексты. Конечно, это не причина возбуждения уголовного дела, но для репутации парламентариев это очень важный аргумент. То же самое относится ко всем скандалам, связанным с незарегистрированной собственностью, сомнительными источники состояний и рядом других вещей. Все это проникает в массовое сознание и создают определённое отношение.

Г.А. Матвеев: Вы говорили о цинизме в нашем обществе, опираясь на материалы, которыми вы владеете. Но цинизм — это общее мировое состояние, не только наше. Оно было и в старой имперской России, и в Советском Союзе. Хотя мы все ощущаем, что уровень массового сознания резко снизился. Какие пережитки, новые черты и нажитки появились в постсоветский период и как бы вы их определили?

Л.Д. Гудков: Вы знаете, я бы не стал бы говорить о цинизме в советское время. Хотя это вам покажется странным, я считаю, что советское общество находилось вне морали. К нему не приложима моральная оценка. Не возникала идея общего блага, общей инстанции. Террор и репрессии приводили к тому, что невозможно ставить моральные оценки во многих случаях. Поскольку у людей не было выбора в условиях террора. Возникала система или ситуация коллективного заложничества. Она снимала вопрос о морали, об ответственности. Поэтому сравнивать здесь чрезвычайно трудно. Советское время отличалось усвоенным оптимизмом. Он был связан с самой организацией общества и сохранялся вплоть до брежневского времени. Речь идёт об идее: страна строит новое общество и каждое поколение будет жить лучше. Перспектива, безусловно, была.

Г.А. Матвеев: Но это ценность или нет?

Л.Д. Гудков: Это ценность, конечно, но идеологическая. Это сильно отличается от нынешней ситуации. Тогда насилие получало идеологическое оправдание. Следы этого сохраняются и сейчас, но уже без абсолютной невозможности давать циническую оценку. Когда мы говорим о сталинском времени, возникает эффект слепоты или моральной глухоты. С одной стороны, большинство считает: «Безусловно, Сталин виноват в гибели миллионов людей». Но если он виноват, то надо ли его признавать государственным преступником? И ровно столько, сколько считают, что он виноват, отказываются придавать ему статус государственного преступника. Более того, под влиянием массовой пропаганды они начинают его оправдывать. Они полагают, что без него не было бы победы в ВОВ. Вот в чем тут дело. При признании гибели миллионов невиновных людей должен следовать моральный акт: признать преступником не только Сталина, но и всю государственную систему. Это было бы рационализацией нашего прошлого, осмыслением нашего наследия и возможности его переработки. Но вы представляете, какого рода усилие это потребует и какие следствия потянет за собой? Немцы, отчасти под давлением военно-оккупационной администрации, признали идею именно коллективных преступлений. У нас такой инстанции нету. Поэтому возникает механизм вытеснения, который психоаналитики называют деривации прошлого. Просто говоря, возникает всеобщая тупость: «Раз мы не можем разобраться в этом, лучше об этом забыть». Травма не уходит, она остаётся, но последствия весьма тяжёлые.

О.О. Бокоев: Вы говорили о цинизме как о потере доверия между людьми. А не является ли умеренный цинизм частью человеческих отношений? Ведь люди при коммуникации попадают в зону конкуренции.

Л.Д. Гудков: По мере развития капиталистических, торгово-экономических отношений? Я не совсем понял вопрос.

О.О. Бокоев: Является ли цинизм нормальным явлением во взаимоотношениях людей?

Л.Д. Гудков: Развитие торговых отношений обычно разрушает традиционалистские отношения. Это стремление к чистогану описывают все экономисты, даже гораздо ранее Маркса. Но это первая реакция, которая не учитывает культурный контекст и часто носит внешний характер. Более сложные исследования экономистов показывают, что как раз без определённого идеализма, в том числе основанного на религиозной культуре (особенно в протестантизме), эти явления не смогли бы сформироваться и развиваться. Более того, если взять первых американских идеологов, федералистов, то вы увидите, что они рассматривают новые экономические отношения как основу нового человеческого порядка. Основанного не на насилии и войне, а на совершенно других институтах — права, справедливости, мирного развития и процветания. Вебер показал, насколько это развитие опирается на институты права, политической репрезентации и т. д. У нас эти институты пока не работают. Если сравнивать доверие с формой суда, то высшую оценку доверия большинство высказывает арбитражному суду, который разбирает экономические дела, хозяйства и пр. Там объективность и справедливость оценивается выше, чем в судах другого порядка.

Н.С. Абдулов: Является ли разновидностью цинизма чрезмерное копание в трагических страницах истории нашего народа и игнорирование всего остального, что произошло?

Л.Д. Гудков: Нет, я не считаю это цинизмом.

В.Ю. Попов. Философы всегда спорили о том, где проходит граница между добром и злом. В обществе тоже происходит дрейф этой границы. Но тем не менее такие границы существуют. А если в обществе не остаётся никого, кто назвал бы зло злом, и если никакие институции не квалифицируют это как зло, можно ли отнести это состояние к цинизму в обществе?

Л.Д. Гудков: Если нет инстанций, которые маркируют добро и зло, то можно говорить о тотальном релятивизме и аномии социальных уровней и социальной дезорганизации. Дей-

ствительно, по уровню внутренней агрессии, дезорганизации, Россия находится в верхней пятёрке общего списка. По уровню самоубийств, по уровню алкоголизма, по немотивированной преступности она лидирует среди всех стран мира. А ведь это насилие против своих. Причём, есть отличие от классических форм аномии. Дюркгейм описывал аномию в крупных городах, в быстро дифференцирующихся социальных средах. В России аномия сползла из крупных городов на периферию, в малые города. Приведу пример для ясности. Показатель социальной аномии — хороший показатель добра и зла. Так вот, уровень самоубийств в Москве — 8 человек на 100 000, в Башкирии 48 на 100 000, в Хабаровском крае 80 на 100 000, а на севере и на Камчатке этот уровень зашкаливает за 100, 107–108 самоубийств на 100 000. Отчасти это лагерные зоны, депрессивная, дезорганизованная среда. Если смотреть по уровню урбанизации, то мы получим точно такую же картину. Разрушение села, депопуляция села, уход молодёжи, разрушение социальных порядков. Кто будет представлять, что такое добро и что такое зло? Пока что в России кредит морали выдан церкви. Хотя ее авторитет высок, но это кредит-суррогат, в него трудно поверить. Когда мы проводим исследования на тему социологии религии, то мы видим, что номинально церкви приписывают авторитет. Но когда дело касается практических вещей, люди не доверяют церкви и не хотят, чтобы она совала нос в частную жизнь.

С.П. Поцелуев: В вашем определении политического цинизма схвачен очень важный момент: это не просто нарушение нормы, а нарушение формы сознания. В этой связи у меня вопрос: нашумевший факт с карикатурами на пророка Мухаммеда и танцами Pussy Riot это тоже политический цинизм?

Л.Д. Гудков: Да, абсолютно. Это ведь не первый случай. Существует ряд журналов («Фокус», «Харакири») в странах Западной Европы, которые реализуют демонстративно циническое поведение. С моей точки зрения отвратительно, когда выходит рождественский журнал (это было в 80-х- начале 90-х годов), на обложке которого богородица говорит: «Поздравьте меня, я сделала аборт». Безусловно, это циническое поведение.

Н.А. Мининков: Насколько адекватны данные ваших социологических опросов? На схеме видно, что 86% населения поддерживает путинский режим. Так ли это? Нет ли такого расхождения, как и с РПЦ?

Л.Д. Гудков: Мы ничего не получаем от государства, хотя были бы не против. Один из вопросов звучит так: «Как вы думаете, массовая поддержка Путина, это результат государственной пропаганды или искренний выбор народа?» Результат такой: государственной пропаганды — 32 %, искренний выбор народа — 54 %. Это осень 2014 г. Теперь посмотрим, из чего состоит такой выбор, что его вызывает. Возьмём динамику одобрения и неодобрения. Пик одобрения приходится на время прихода Путина к власти и связан с массовыми ожиданиями авторитарного лидера, который мог бы вывести страну из глубокого кризиса 1990-х годов. Второй пик — август-сентябрь 2008 г. С одной стороны, это время грузинской войны, патриотической пропаганды и накачки. С другой стороны, это время завершения подъёма тренда реальных доходов населения. С 2002 по 2008 год реальные доходы населения росли по 6–8 % в год. Можно сказать, страна так никогда не жила. Другое дело, что это привело к сильнейшей дифференциации доходов, социальной зависти и пр. После этого был период роста делегитимизации власти, критики в адрес власти, недовольства, разных по природе массовых протестов. «Крым — наш» дал сильный скачок, но затем начался спад. Изменило ли это отношение к Путину? Чьи интересы представляет Путин? Прежде всего силовиков, затем олигархов и государственной бюрократии. Он не просто выражает их интересы, он на них опирается. Простых людей здесь нет. Весь режим строится вокруг этого. Посмотрите на эти данные, это авторитарные черты, но в некотором смысле тоталитарной ямы. До полной ямы не дошло, потому что нет идеологии.

Следующий вопрос: как вы считаете, какую роль играют сейчас в жизни России институты: Президент, ФСБ, правительство, вооружённые силы? Вы видите, что верх рейтинга составляет аппарат насилия. Если посмотреть на партии, профсоюзы, которые должны играть ведущую роль в выражении интересов, то они реально не играют никакой роли. 85% поддерживают Путина. Когда мы спрашиваем, виновен ли Путин в коррупции в связи с докладом Немцова и т. д., то 11–12% говорят, что он никак не причастен к этому. Весь период «Крым-наш» не увеличил эту цифру. Основная масса говорит: не знаю, но наверно. Высокопоставленные чиновники говорят: какая разница, правда это или нет, если жить стало лучше. Вот это и есть цинизм. К Путину нет достаточно серьёзных претензий. Большинство одобряет символическую роль президента, а также роль России на международной арене. Когда мы проводим фокус-группу, нам объясняют свой патриотический восторг и эйфорию и говорят: «Мы показали им зубы, мы заставили их нас уважать». «Их» — это Западу. На этом и строится поддержка Путина, он компенсировал дефицит коллективного самоуважения. Посмотрите, как резко упало отношение к США. За последнее время США демонизированы до почти метафизической страны, до метафизического зла. Это очень мощный элемент негативной идентификации. Начинаем уважать себя только тогда, когда ненавидим других.

Г.В. Драч: А разве в Америке не так, разве они не выстраивают всю шеренгу врагов первого, второго, третьего уровня. Разве это не так в мире?

Л.Д. Гудков: Я за Америку не буду говорить, я не ее апологет и не обвинитель её. Я сейчас говорю о своей стране.

Н.Н. Евченко: Скажите, пожалуйста, насколько важно все, что вы сейчас говорили, для экономической устойчивости? Через 25 лет мы оказались вовлечены в разделение международного труда. Как вы оцениваете улучшение экономической ситуации в связи с оценками, которые вы дали?

Л.Д. Гудков: То, что я говорю, связано с экономической политикой и с экономическим улучшением будущего страны. Вы понимаете, что без эффективных институтов никакого экономического развития не будет. Почему была столь высокая степень поддержки протестных настроений? По нашим опросам, выдвигалось три главных лозунга. Первый из них — независимый суд. Потому что без суда не будет гарантии частной собственности и инвестиций. Если 9/10 возбуждаемых дел по экономическим преступлениям не заканчиваются приговором, т. е. если суд используется как инструмент нечестной конкуренции, то какие могут быть инвестиции? 16% от всех наших предпринимателей сидят сегодня за решёткой. Это фантастическая цифра. За 2013 год из-за повышения налогов и страховых налогов ушло в тень 650 000 предпринимателей. Таково недоверие к институтам, и в зависимости от этого экономическое поведение. Поэтому кризис начался не в связи с санкциями, он начался в 2013, даже в 2012 году.

Н.Н. Евченко: Какова же перспектива?

Л.Д. Гудков: Не знаю, что вам сказать. Наверное, вы не хуже меня знаете. Я вам сейчас покажу еще одну картинку. Вот график, очень важный показатель оценки семьи. Вот крючок, на котором держались все массовые ожидания, характерные для государственного патерналистского сознания. Сегодня, после всплеска патриотических ожиданий власти, все экономические и финансовые ожидания пошли вниз. Это редкая ситуация, можно сказать, что мы это наблюдали в ослабленном виде только в 2008 году. Причём, снижение идёт чрезвычайно быстро.

Д.Н. Протасеня: Спасибо за интересный доклад. У меня два вопроса. Со времени публикации вашей статьи «Цинизм непереходного общества» прошло уже 10 лет. Поменялся ли методологический подход к проблеме цинизма в России? Второй вопрос: вы упоминали о феномене моральной глухоты, который сопутствует феномену цинизма. В связи с этим вопрос:

как призвать к дискуссии морально глухое общество? Ведь информация, которую нам дают медиа, базируется на моральной глухоте. А общественная дискуссия формируется из медиасообщений.

Л.Д. Гудков: Первая статья была 10 лет назад, честно говоря, я ее уже не помню.

В.П. Макаренко: А я ее перечитывал вчера и сегодня.

Л.Д. Гудков: Не думаю, что методологические установки принципиально изменились. Мне кажется, чтобы тут что-то изменилось, надо начать дискуссию об этом. Надо диагностировать саму проблему и ее составляющие. Пока я ещё не вижу источников изменений. Ситуация несколько меняется, если исходить из российской литературы и искусства. Как ни странно, литература и кино в первую очередь дают гораздо более тонкий диагноз, чем всякая социология. Мы сейчас ведём проект, связанный с литературной культурой, и берём только те произведения, которые номинированы на премию. Все книги — это диагностика ситуации социального распада и аномии. Легче сказать о кино, потому что не думаю, что многие читали «Елтышевы» Сенчина или другие подобные романы. Может, Иванова читали «Учитель глобус пропил», но кино «Брат-2», «Груз-200», «Елена» и «Левиафан» наверняка видели. Это то, что привлекает людей самых разных. А художники анализируют состояние аморализма и цинизма. В «Левиафане» даётся конъюнктурное изображение этой ситуации, потому что это кино явно ориентировано на западного зрителя. Поэтому все стереотипы здесь представлены в таком концентрированном виде. Но первый и более мягкий фильм Звягинцева «Елена», он, в принципе, о том же. Социолог движется к описанию общества. Если вы покажете другие моральные силы, я готов на это посмотреть. Пока что работают совершенно другие механизмы — культа умерших и наделения их ликом святого или совестью нации. Дмитрий Лихачев или Андрей Сахаров или ещё кто либо, — это всегда вынесение его за пределы настоящего.

В.П. Макаренко: Если вопросов больше нет, разрешите ответить на записку, которую мне написал Николай Степанович Авдулов. Соглашаетесь ли вы с тем, что чаще всего либералы говорят о либерализме, консерваторы о консерватизме, демократы о демократизме, социалисты о социализме, циники о цинизме, стоики о стоицизме и т. д.? Я отвечу на основании своего житейского и исследовательского опыта. Меня всегда интересуют вещи, которые выступают под разными идеологическими и мировоззренческими установками. Но интересуют они меня прежде всего с точки зрения ребенка 4–5 лет.

С этим связан факт моего детского опыта. Когда мне было шесть лет, моей трёхлетней сестре подарили куклу, которая закрывала глаза. Я разломал эту цацку, чтобы узнать, как это происходит? Как она устроена внутри? Вот с такой точки зрения меня интересуют и все идеологии. Как они сделаны и устроены внутри? С этой точки зрения я написал книжку о Марксе для полемики с Марксом, книжку о Ленине для полемики с Лениным, книжку о Вебере для полемики с Вебером. Изучать любую идеологию и фигуру можно с точки зрения ее культа, некого обоготворения. Такова наиболее распространённая позиция в отношении классиков: безудержный пиетет. Из него вытекают некие молчаливые выводы: если я читаю Библию, то с точки зрения постороннего и поверхностного человека я христианин или хотя бы религиозный человек. А я руководствуюсь всю жизнь другим постулатом. Он всем известен — «чтобы бить врага, надо знать его оружие». Такой подход я считаю более продуктивным. Он позволяет изучать предмет таким образом, чтобы знать всего его слабые пункты и прорехи.

С этой точки зрения я не согласен со смыслом вашего вопроса. Получается, что если человек изучает национализм, то он тоже «чешет национальную похоть», если использовать выражение Шукшина. А если он пишет о социализме и СССР, то он чешет социалистическую похоть в ее советском варианте. Я считаю, что мы руководствуемся когнитивным отношением к миру, пока у нас сохраняется детский инстинкт. Если он пропал, то мы превраща-

емся в ходячих мертвецов. Пиши пропало, как люди мы закончились. Значит, произошла полная идентификации с возрастом, ролью, партией, государством и т. д. Таков мой ответ на ваш вопрос.

Н.С. Авдулов: Так ответьте на вопрос.

В.П. Макаренко: Я уже на него ответил: не согласен или согласен лишь в той степени, в которой мы включаем в вопрос когнитивное отношение к миру. Если его отключить, человек превращается в животное, которое руководствуется инстинктами. Но даже кошка, когда кушает, выражает одновременно нечто эстетическое к своему хозяину, доверие к нему. Жена мне рассказала, что есть целые исследования на тему, как выражает кошка свои эмоции. Это вещь весьма замысловатая. Какие ещё есть вопросы? Вопросов нет. Большое спасибо, Лев Дмитриевич. Прошу прощения, если некоторые наши вопросы были махровые. Не обижайтесь на сирых и убогих.

Л.Д. Гудков: Вполне ожидаемые вещи.

В.П. Макаренко: Тогда разрешите предоставить слову моему давнему знакомому Александру Валентиновичу Оболонскому. Вчера я встречал наших гостей и попутно размышлял: что объединяет наших сегодняшних докладчиков? И оказывается, что все мы занимаемся (или занимались) проблемой бюрократии. С Александром Валентиновичем я познакомился в 1988 г. Вышла его первая книжка «Человек и управление». С тех пор мы с ним дружим. Лев Дмитриевич в кампании своих коллег в 1987 г. в журнале «Коммунист» опубликовал статью о бюрократизме и бюрократии. Антон Николаевич Олейник расскажет нам о своей недавно выпущенной книжке «Власть и рынок», в которой он детально описывает нынешних российских столоначальников.

Алексиевич С. 2013. Почему мы такие? — *Новая газета*. — № 95. — 28.08.2013. — С. 15–16.

Антропология насилия… 2001. *Антропология насилия*. (Отв. ред. В.В. Бочаров, В.А. Тишков). — СПб.: Наука.

Афанасьев Ю. 2001. *Опасная Россия: Традиции самовластья сегодня*. — М.: РГГУ.

Волков В. 2005. *Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ*. — М.: ГУ-ВШЭ.

Волков В.В. 1999. Ценности и нормы нелегальных силовых структур. — *Журнал социологии и социальной антропологии*. — Т. 2. — № 3.

Городецкая Н., Сафронов И. 2013. Расходное место. — *Коммерсантъ*. — № 63. — 11 апреля.

Гудков Л. 2000. Страх как рамка понимания. — *Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. VII Международный симпозиум*. — М., МВШСЭН-ИНТЕРЦЕНТР.

Гудков Л., Левинсон А. 2011 (2010). Образ Сахарова в общественном мнении: 20 лет спустя. — *Вестник общественного мнения*. — № 1 (107) январь-март. — С. 87–101 (*Сахаровский сборник*. Сост. А. Бабенышев. — М.: РГГУ. — С. 396–428).

Левада Ю. 2004a. *Лекция на «Полит.ру» в Билингве, 15 апреля 2004*. — Доступно: http://www.polit.ru/article/2004/05/15/levada/. — Проверено: 27.05.2015.

Левада Ю. 2004b. *Что может и чего не может социология. Лекция на «Полит.ру» в Билингве 16.12.2004*. — Доступно: http://www.polit.ru/article/2005/01/04/levada/. — Проверено: 27.05.2015.

Левада Ю. 2006a. *Ищем человека*. — М.: Новое издательство.

Левада Ю. 2006b. О «большинстве» и «меньшинстве». — Левада Ю. *Ищем человека*. — М.: Новое издательство.

Левада Ю. 2006c. Общественное мнение у горизонта столетий. — Левада Ю. *Ищем человека*. — М.: Новое издательство.

Левада Ю. 2006d. Сегодняшний выбор: уровни и рамки. — Левада Ю. *Ищем человека*. — М.: Новое издательство.

Салагаев А.Л., Шашкин А.В. 2002. Насилие в молодежных группировках как способ конструирования маскулинности. — *Журнал социологии и социальной антропологии*. — Т. 5. — № 1. — С. 151–160.

Trotha von. Tr. 1997. Zur Soziologie der Gewalt. — *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie, Sonderheft 37*. — S. 9–56.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИНИЗМ: КОНЦЕПТ И РОССИЙСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

А.В. Оболонский
Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики

Аннотация: *В статье рассматриваются теоретические, исторические и прикладные аспекты политического цинизма. Одним из современных проявлений политического цинизма автор полагает геополитический тип мышления, легитимирующий определённые действия конкретных политиков. Этот тип связан с посттоталитарным синдромом массового сознания в России. Выход из сложившейся ситуации автор видит в «политическом романтизме», основанном на «повышающей адаптации» — апеллировании к лучшим сторонам человека (чувству собственного достоинства, самоуважению, к потребностям высших уровней).*

Ключевые слова: *политический цинизм, общественное сознание, посттоталитарный синдром, понижающая адаптация, повышающая адаптация.*

Тема конференции не просто актуальна, а угрожающе актуальна, ибо политический цинизм в сегодняшнем его изводе представляет реальную угрозу самому существованию нашего общества как современного и цивилизованного. Я бы предпочёл, чтоб он был не столь актуален. Ведь не на пустом месте возникла почти апокалиптическая точка зрения, что Россия за последний год «выпала из цивилизации». Будучи относительным оптимистом, я не вполне с ней согласен как с констатацией (равно как и с утверждением о постигшей Россию «антропологической катастрофе»), но как с подобной вероятностью и угрозой — несомненно. Ведь политический цинизм из сферы рассуждений теоретиков переместился в область кровавой античеловечной практики. Попробую внести немного оптимизма в конце.

Но, как и полагается в академических текстах и штудиях, сначала немного об истории и понятиях.

Происхождение

Цинизм, как и многое в жизни человечества, родился из парадоксов. И первый из таких парадоксов — этимология самого слова. Как известно, оно произошло от самоназвания древнегреческих киников, людей, для которых главным было не философствование, не игра с понятиями, а «кинический» образ жизни. С веками кинический взгляд на «правила жизни» тем или иным образом вошёл в целый ряд на первый взгляд очень разных философских тече-

ний и типов поведения — от стоицизма и христианского аскетизма до экзистенциализма, хиппстерства и других демонстративных форм контркультуры XX–XXI веков. (Ведь «классические» хиппи — настоящие киники, даже по внешнему поведению похожие на Диогена. Да и на современный акционизм тоже можно посмотреть в киническом контексте; хотя его порой открыто провокативный характер приближает его к цинизму в современном смысле.) Но в основном киницизм к собственно цинизму в сложившемся понимании слова имеет скорее вербальное, чем смысловое отношение. И упомянул я об этом, чтобы предотвратить смешение понятий. А теперь перейдём к цинизму в подлинном смысле.

Из многочисленных определений цинизма наиболее чёткими и научными, как ни странно, оказались два из изданий глубоко советских времён. От них и будем отталкиваться. Лишь в немного сокращённом варианте.

«Цинизм — нигилистическое отношение к достоянию общечеловеческой культуры, особенно к морали, идее достоинства человека, иногда — к официальным формам господствующей идеологии, выраженное в форме издевательского глумления. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, стремящихся достигнуть своих эгоистических целей любыми средствами. В социальном плане явления цинизма имеют двоякий источник. Во-первых, это „цинизм силы“, характерный для практики господствующих… групп, осуществляющих свою власть и своекорыстные цели откровенно аморальными методами…. Во-вторых, это бунтарские настроения и действия (напр., вандализм) социальных слоёв, групп и индивидов, испытывающих гнёт несправедливости и бесправия, идеологическое и моральное лицемерие эксплуататорского класса, но не видящих выхода… и повергнутых в состояние духовной опустошённости» [Цинизм… 1978].

«Цинизм — моральное качество, характеризующее презрительное отношение к культуре общества, к его духовным, и в особенности нравственным ценностям…. первоначально это — возврат к „естественному состоянию“. Впоследствии цинизмом стали называть слова и деяния, в которых совершается надругательство над тем, что составляет исторические достижения культуры человечества, глумление над нравственными принципами, осмеяние идеалов, попрание человеческого достоинства. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, преследующих свои эгоистические интересы всеми возможными средствами, включая и аморальные» [Цинизм… 1975].

Развёрнутый набор элементов цинизма политического (что и является предметом конференции) дал Л.Д. Гудков в статьях 2005 и 2013 гг. К ним мы обратимся позже. А пока немного истории.

Принято считать, что первым теоретиком политического цинизма был Никколо Макиавелли, а его краткий трактат «Государь» (на самом деле — Prince, т. е. скорей Герцог) стал первым сводом цинических правил эффективного политического менеджмента (или «политтехнологий», на ещё более современном языке). Думается, однако, что пальмы первенства он не заслуживает. Первым теоретиком политического цинизма видится мне китайский аристократ Шан Ян. Ибо почти за две тысячи лет до Макиавелли он сформулировал основные принципы легизма, которые по своей полноте и разработанности далеко превосходят список рецептов, предлагавшийся флорентийцем. В сущности, написанная им «Книга правителя области Шан» — первая библия тоталитаризма, «справочник политтехнолога», чётко, откровенно, предельно цинично описывающий набор механизмов подавления народа и манипулирования людьми для обеспечения безграничной власти деспотического государства. Назову лишь некоторые.

1) Концепция наказания, предусматривающая отсутствие какой-либо связи между тяжестью проступка и мерой возмездия, ибо «там, где людей сурово карают за тяжкие преступления, но мягко наказывают за мелкие проступки, не только нельзя будет пресечь тяжкие преступления, но невозможно будет даже предотвратить мелкие проступки» [Шан цзюнь шу… 1968: 164].

2) Идея, что сила государства обеспечивается слабостью народа: «Когда народ слаб — государство сильное, когда государство сильное — народ слаб. Поэтому государство, идущее истинным путём, стремится ослабить народ». И соответствующая глава трактата названа предельно откровенно: «Как ослабить народ» [там же: 219].

3) Поощрение всеобщего доносительства и круговой поруки, начиная от семей и кончая армией.

4) Система прижизненных и загробных привилегий.

5) Целая совокупность мер по предотвращению возникновения бюрократических корпораций и подчинения всех чиновников лишь милости и гневу императора [Государственная служба… 2009: 20–21].

Поскольку автор, в отличие от Макиавелли, был и министром при правителе, то книга содержит проекты указов, его речей и наставлений. «Это был один из самых читаемых политических трактатов… древности, нового и новейшего времени… Формирование политических и экономических воззрений Чан Кай Ши и Мао Цзэдуна также испытало влияние „Книги правителя области Шан“» [Перемолов 1968: 109]. Но не будем углубляться в известную дискуссию о том, был ли Макиавелли искренним «макиавеллистом» или же просто написал справочник по заказу правителя. Ограничимся констатацией приоритета китайского автора как первого теоретика научного тоталитаризма.

Для нашего сюжета важней, что оба они были циниками откровенными, честными, если можно так выразиться. А во времена более близкие цинизм стал маскироваться, камуфлируясь понятиями «государственных интересов», «суверенитета» и т. п. Идеологической основой этих построений долгое время было так называемое «божественное право государей». В начале же XX века, когда легитимность религиозных обоснований светской власти потускнела, появились иные конструкты. И одним из самых популярных стала геополитика.

Геополитика как вид политического цинизма[1]

Расхожие суждения о России как стране парадоксов и «особого пути» обернулись для нас в XXI в. весьма печальной стороной, а в последние годы и особенно месяцы приобрели просто-таки угрожающий, злокачественный смысл. Одно из проявлений этого процесса — шумное возвращение на политическую авансцену геополитического типа мышления с соответствующими ему логикой и фразеологией, легитимирующими определённые действия реальных политиков. Если не входить в нюансы, то геополитика (сейчас ее предпочитают называть мировой политикой) — это государственная идеология и обслуживающая ее научная дисциплина, в основе которой лежит социал-дарвинистский взгляд на мир исключительно как на арену «внутривидовой» борьбы государств, борьбы, в которой меняются задачи, методы, промежуточные цели, но не сама суть: народы — враги, мир — ринг, государства — бойцы на нем, а конфликт — основа основ существования и взаимоотношений.

Этот геополитический фантом в XX веке стоил человечеству двух мировых и множества «малых» войн, а также неизбежно сопутствовавших им войн с «внутренними врагами», принеся людям неисчислимые беды и страдания. Словом, геополитика — насквозь пропитанный кровью вид ложного сознания. Казалось бы, страшные уроки минувшего столетия должны были начисто отвратить людей от подобных представлений, а саму геополитическую логику отправить на свалку истории. Но жизнь, увы, пошла «нижнечегемским путём», как писал по другому поводу Фазиль Искандер. Слишком уж удобна эта политическая алхимия для тех, кто благодаря ей вдруг могут ощущать себя вершителями судеб мира (или, по крайней мере, судеб миллионов), да ещё и получать с этого разного рода дивиденды. Выгодно это и обслуживающему их персоналу. А его немало — и в более низких коридорах власти, и в сре-

[1] Подр. см.: Оболонский 2015. Здесь я воспроизведу лишь некоторые тезисы указанной статьи.

де прикормленных экспертов, и в подконтрольных СМИ. Задача таких «учёных приказчиков» и идеологических «портных» — облечь античеловечные цели в пристойные квазиидеологические одежды, подкрасить их политологическим макияжем, а то и подсказать какие-нибудь циничные «политтехнологические» приёмы. При этом они, вооружившись новейшими технологиями, используют их для дезинформирования, а то и просто для «манкуртизации» людей. Люди старших поколений, наверное, помнят журналистское клише глубоко советских времён «поджигатели войны». Думается, сегодня оно уместно применительно ко многим рупорам пропагандистского оформления политики. А если его не воскрешать, а оттолкнуться от известной идеологемы, согласно которой «каждому воздастся по вере его», то для одних впереди маячит гаагский трибунал, а для других — суд Божий или геенна огненная. Но с аналитической точки зрения интересно, почему это оказалось столь эффективным, по крайней мере, в краткосрочном плане.

В сегодняшней России это соединилось с ностальгией по утраченной якобы «великой стране». А простая мысль, что внешняя политика должна лишь обслуживать главную — внутреннюю политику, поскольку именно та напрямую связана с интересами граждан страны, а не отражать некие химеры, рождённые в мозгу рассуждающих у крупномасштабных карт и глобусов политиканов и их присных, пока не очень воспринимается широкими слоями населения. И это вопреки тому, что отнюдь не сами политики и не их идеологическая «челядь», а обычные люди расплачиваются своими жизнями и лишениями за политические амбиции и мании величия придворных геополитиков.

Печальный результат возрождения геополитического синдрома известен: Россия превратилась в государство-изгоя со всеми вытекающими многообразными последствиями.

Посттоталитарный синдром сознания

Пораженность массового сознания россиян посттоталитарным вирусом оказалась куда серьёзнее, чем представлялось ещё недавно. И, что для многих стало совсем уж неожиданным, не сработал «принцип Моисея», 40 лет водившего по пустыне народ Израиля, ожидая, пока вырастет и войдёт в силу новое поколение, не знавшее рабства.

Причины устойчивости этого комплекса — тема отдельная и очень серьёзная. Её, в частности, глубоко осветил Л.Д. Гудков [Гудков 2013: 118–178]. Думается, её прежде всего надо обсуждать в категориях глубокой ценностной деформации и деградации отечественного общественного сознания. Вообще причины поразившего массовое сознание россиян «крымнашизма» и его последующих проявлений с трудом поддаются рациональному объяснению с позиций homo sapiens. Думаю, их следует обсуждать в контексте таких психологических феноменов, как «стокгольмский синдром», «виктимизация», демонстративный суперконфомистский активизм, снижение чувства эмпатии по отношению к назначенным «врагам», романтизм вседозволенности (вспоминается фраза песни из классического мультфильма советских времён — «романтики с большой дороги»), «банальность зла» (по Х. Арендт).

Полагаю, очень хорошую основу для этого содержат работы Л.Д. Гудкова. Напомню некоторые основные выделенные им конструкты: негативная мобилизация, понижающая адаптация, отрицание существования у людей «высоких» мотиваций, примитивизация ценностной шкалы и некроз высших ценностей, признание приоритета силы над правом, патерналистские суррогаты идеологии, стерилизация культурных и интеллектуальных элит, наконец — милитаристский национализм как негативная самоидентификация, в крайних проявлениях приобретающая печально знакомые черты нацизма.

Наше общество глубоко нездорово. Думается, одна из причин этого — комплекс социально-государственной неполноценности и боязни перемен. Он распространён на разных уровнях сознания, в разных социальных группах и возникает на пересечении двух компонентов: с одной стороны, это сознание ущербности, порочности и бесперспективности

господствовавшей испокон веку системы общественных отношений, с другой — ощущение своей органической сращенности с ней, из-за чего ее изменение воспринимается как угроза устоявшемуся порядку бытия, заведённому укладу жизни, пусть далеко несовершенному, но единственно привычному и, следовательно, как угроза. Причём перемен боятся и многие из тех, кто, казалось бы, могут от них лишь выиграть. Но пугают риск и состязательность. Государственная опека, дававшая гарантии прожиточного минимума, возможность прожить пусть кое-как, но зато без особого напряжения в труде, а в ряде случаев — лишь имитируя полезную деятельность, по-прежнему привлекательна. В целом здесь, видимо, срабатывает стереотип, о котором писал ещё Карамзин: «Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительно менее нового добра, а новому добру как-то и не верится» [Карамзин 1991: 114] И для цинизма здесь открыто широкое поле.

Начнём с уровня ***производителей смыслов.*** При этом «новый» извод политического цинизма опасней, ибо он демагогически маскируется такими словесными клише как «национальные интересы», «патриотизм» , «исторические корни» и т. п., одновременно стигматизируя несогласных клише негативными — «пятая колонна», «национал-предатели» и пр. При этом даже не озабочиваются придумыванием новых слов, а просто бездумно заимствуют из известных и давно дискрелитировавших себя источников. (Думаю, в этой аудитории уточнения не требуются).

В том же «поле» находится и ***наглость*** как стиль политического поведения и его вербального оправдания. Причём чем она «круче», как и неизбежно сопровождающая ее ложь, тем «лучше» и, в краткосрочной перспективе, по видимости, эффективней. Это проявляется, например, на переговорах с западными политиками, которые тушуются от этого, когда «на голубом глазу» отрицаются очевидные вещи.

При том, что, как справедливо отмечают некоторые авторы, при привлечении политической экспертизы ***выбор между качеством и лояльностью сделан в пользу последнего,*** и уровень экспертных оценок неизбежно понижается, этот «новый цинизм» не лишён некоторых претензий на интеллектуализм и рафинированность. Наряду с полублатными клише, используются и цитаты из серьёзных философов прошлого — из И. Ильина[2], например, или даже Н. Бердяева. Правда, весьма избирательно и порой путанно и ошибочно, но этого хватает, чтобы придать некоторым «пещерным» вещам некий псевдоинтеллектуальный лоск и видимость «научности».

Но оставим политический истеблишмент и перейдём на уровень ***потребителя смыслов.*** Тут тоже стоит выделить несколько вещей.

Активистский конформизм как форма демонстративной политической псевдоактивности. Её ведущая «ценность» (если здесь это слово вообще уместно) — демонстративная поддержка любых шагов высокого начальства. Чтоб избежать, во избежание эмоций, совсем уж близких примеров, вспомним персонажа из «Двенадцати стульев», на вопрос о его политическом кредо ответившего одним словом — «всегда»!

Синдром «маленького человека». Ее суть выражается типа «начальству видней» и т. п. Идея — быть подальше от «опасной» сферы политики и власти, максимально от нее дистанцироваться — «прикинуться несъедобным» (по Гудкову), или «шлангом», по народному. А циничность ее состоит в снятии с себя ответственности за все, происходящее за пределами маленького личного или группового мирка, в своего рода «самоиндульгенции».

Синдром одинокого человека Он, по сути, служит той же цели, но в несколько ином варианте, выражающейся словами «что я могу один?». (Тут вспоминается сцена из старого «капустника» в постановке Э. Радзинского в студенческом театре МГУ, где эта фраза повторялась все более заполнявшими сцену людьми, в какой-то момент начинавших маршировать, повторяя этот рефрен — «что я могу один?»). А в плане более научном этот синдром «толпы

[2] Иван Ильин, верней, вырванные из него цитаты и их интерпретации, стали сейчас у некоторых наших склоняющихся к нацизму государственников весьма модным инструментом. Но это — сюжет отдельный.

одиноких» означает отсутствие чувства **солидарности** между людьми. В частности, это проявляется в качественной, на порядки, разнице в количестве людей, выходящих на уличные акции в наших городах и городах зарубежных в качестве реакции на какие-либо экстремальные обстоятельства, например, а убийства по политическим или религиозным мотивам — от убийства «неудобных» журналистов до убийств оппозиционных политиков. (Например, на марши после убийства Политковской в Англии вышли тысячи, а в Риме — десятки тысяч человек; в Москве — триста. Даже совсем недавний траурный марш после убийства Немцова, все же собравший больше 50 тысяч человек, трудно сравнить с миллионным маршем в Париже после расстрела редакции «Шарли Эбдо»).

Преставление (искреннее или лицемерное) о политике как о деле, несовместном с моралью, имманентно «грязном» и потому якобы недостойном для «порядочных людей» занятии. Дескать, главное в политике это — властолюбие, стремление к власти любой ценой, умение предать, обмануть и т. п. Увы, следует признать, что подобные мнения и суждения подкреплены обширной практикой, как исторической, таки современной. Однако, на мой взгляд, здесь происходит лукавая ***подмена должного сущим, легитимация аморализма***. Сведение политики к «византийству», к макиавеллизму тоже имеет оттенок цинизма. Ибо отрицается такая несовместимая с цинизмом моральная категория как справедливость. А, как писал блаженный Августин ещё в IV веке, «в отсутствие справедливости что есть государства, как не просто большие шайки разбойников, и что есть шайки разбойников, как не государства в миниатюре» [Графский 2005: 185]. Мне представляется, что именно наличие моральных факторов маркирует границу между ***политикой и политиканством.*** Ибо чем же иначе отличается политика от того, что на современном жаргоне называется преступным «беспределом»?!

Наверняка эта классификация не исчерпывающа. И можно многое добавить или иначе сформулировать, например, проекцию на других собственных понижающих мотивов, о чем писал Гудков. Тут явно одним докладом не ограничиться. Но общим знаменателем мне представляется **глубокая ценностная деформация или даже ценностная аномия** у большинства нашего народа. Но отдающий безнадёжностью тотально пессимистический взгляд на состояние нашего общества, мне кажется, не оправдан и к тому же оказывает деморализующе воздействие на людей, на их готовность действовать, менять что-либо к лучшему. Поэтому для завершения хотелось бы добавить немного оптимизма.

Движение мира к моральной политике

Цинизм — это своего рода «принципиальный» аморализм. А главная тенденция в сегодняшнем мире все же иная. В мире политики и сегодня полно цинизма. Но трагический опыт XX века всё-таки кое-чему научил людей. Не переоценивая ни западных, ни, тем более, наших политиков, можно, тем не менее, с оговорками сказать, что в целом демократические страны, пусть спотыкаясь, оглядываясь, даже делая попятные шаги, но все же движутся к моральной политике. К этому политиков толкают возросший уровень обращаемых к ним общественных ожиданий и требований. Наступают «новые времена», когда даже политические циники вынуждены играть по другим правилам. Моральность политики выстрадана человечеством. Попытки игнорировать это исторически бесперспективны.

И дело не только в «высоких идеалах», но и в прагматике. Вспоминается название книги Сергея Ковалева «Прагматика политического идеализма». Ведь в хотя бы относительно нормальных обществах ***быть честным прагматически выгодно***, ибо бесчестность начисто губит репутацию человека и, соответственно, его карьерные и другие личные перспективы, делает его «нерукопожатным» с соответствующими последствиями. А один из ключевых элементов «нормальности» общества — уважение к основным государственным институтам. Неизбежным же следствием политического цинизма является их низкий общественный пре-

стиж и в целом падение уважения к государствам в их существующих формах, политическое отчуждение, массовые протесты, «двойная мораль». И даже самый высокий рейтинг отдельных политиков не компенсирует низкого престижа политических институтов, низкого уровня доверия и неуважения к ним. К тому рейтинг — вещь эфемерная, непостоянная, как мы знаем даже из отечественного опыта мгновенного падения рейтингов сначала Горбачева, потом Ельцина. Рейтинг без уважения к институтам, людей друг к другу — надутый «мыльный пузырь». А одна из базовых основ цинизма — всеобщее неуважение. Вспомним одно из последних стихотворений Булата Окуджавы:

Всемирный опыт говорит,
Что погибают царства
Не от того, что труден быт
Иль тяжелы мытарства.
А гибнут царства от того,
И тем больней, чем дольше,
Что люди царства своего
Не уважают больше.

Времена сегодня меняются быстро и непредсказуемо. Вспомним название книги Иммануила Валлерстайна: «Конец знакомого мира». Наступило время неопределённости и непредсказуемости даже с помощью лучших социологических инструментов. И при этом оно максимально спрессовалось. Десятилетия — до немногих лет. И будущее не в последнюю очередь зависит от того, сумеем ли мы преодолеть эпидемию морального цинизма, которая в чем-то даже опасней эпидемии Эболы.

И последнее. На шкале политической морали цинизм — противоположный полюс по отношению к романтизму. В 2011–14 гг. мы имели всплеск ***политического романтизма*** со всеми его симпатичными, возвышенными, но практически, инструментально неэффективными атрибутами. Сейчас маятник целенаправленными и безнравственными в своей основе усилиями власти затолкали в противоположную сторону — агрессивного цинизма. Но очевидно, что надолго удержать его в такой противоестественной позиции не удастся. Поэтому надо работать над приведением его в более устойчивую и политически рациональную центральную позицию. Назовём ее политическим реализмом, или ***«повышающей адаптацией»*** в противовес «понижающей адаптации», описанной Гудковым. В человеке, как говорится, много всякого «намешано». И ***надо апеллировать к лучшей его стороне — к чувству собственного достоинства, к самоуважению, к потребностям высших уровней*** (по пирамиде А. Маслоу). А не ограничиваться пусть даже самыми интеллектуально изощрёнными описаниями его низкой стороны и качеств и вытекающими отсюда формами поведения. Иначе это становится легитимацией цинизма, независимо от намерений аналитиков, даже самых честных и благородных. А апеллировать есть к чему. Вспомним «дядю самых честных правил», который «уважать себя заставил и лучше выдумать не мог». И надо помогать людям начать себя уважать, что, в частности, предполагает и презрительное неприятие циников, в том числе циников на политической ниве. Независимо от их ранга. И, что представляется ключевым и обещает реальные позитивные последствия, надо воспитывать не только презрительное к ним отношение, но и соответствующее этому отношению ***политическое поведение***. В этом видится моральный долг людей науки, т. е. нас с вами.

И.А. Иванников: Спасибо за доклад. У вас прозвучало, что Россия — государство-изгой. Что сделать, чтобы не быть страной-изгоем, а хорошим учеником? В Европе считают, что Россия должна быть хорошим учеником. Петр I, Горбачев, Ельцин были хорошими учениками, а сейчас плохой ученик. Путин говорит, что есть демократия, но это имитация демократии, т. е. ученик непослушный.

А.В. Оболонский: Что вы от меня в этом смысле хотите услышать? Это не я назвал Россию изгоем, мне это больно слышать. Это цитата, она отражает некое субъективное вос-

приятие реальности. Более того, считают, что Россия выпала из цивилизации. Мне это больно, я так не считаю.

И.А. Иванников: А как можно из этой ситуации выйти?

А.В. Оболонский: Такова нелицеприятная диагностика ситуации. А простого рецепта на излечение у меня нет. Давать простые ответы на сложные вопросы — шарлатанство. В рамках нашей дискуссии противоположностью цинизма может быть обретение чувства собственного достоинства. Оно проявляется во всем, в том числе в экономике. Разве наша так называемая элита себя уважает? Ничего подобного. А чувство собственного достоинства — очень важная штука. Помните, Солженицын говорил, что граница между добром и злом проходит не между партиями и не между народами, она проходит в сердце каждого человека. Я не шарлатан и рецепт вам не предложу. Государство за последнее время допустило целый ряд политических ошибок, а мы с вами за эти ошибки только начинаем расплачиваться. Прежде всего надо минимизировать политические ошибки.

Г.В. Драч: У меня простой вопрос, но он затрагивает сложные темы, о которых мы говорим. В 2003 году был Всемирный философский конгресс в Стамбуле. И на нем обыгрывались некоторые современные ситуации. А именно — недоверие, цинизм, отношения между странами, война, вмешательства в дела суверенного государства, бомбардировки. Там был доклад Юргена Хабермаса, мы с ним многократно общались, были выступления американских профессоров. Вы знаете, возникает ощущение полного диссонанса с тем, что сейчас мы здесь говорим. Это хорошо, так и должно быть, потому что они критиковали свою политику, а мы критикуем свою. Они должны заботиться о себе, а мы о себе. Но у них были правильные вещи, в том числе ссылки на трактат Канта «О вечном мире». Вопрос у меня такой: мы на классические вещи ссылаемся или выстраиваем новую концептологию, на основе анализа политических процессов, социологических обсчётов и т. д.?

А.В. Оболонский: Вы провоцируете длинные рассуждения. Но вы упомянули Канта, у которого есть золотое правило, а звучит оно так: «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой». Вот так кратко я могу ответить. Эта ценность должна лежать в основе и концептологии и политики. Не аморального политиканства, а политики. Раз вы уж Канта упомянули, то я сошлюсь на Аристотеля. Он сказал, что «политика это вещь, которая опрокинута в общественную сферу».

В.Ю. Попов: Я хочу задать вам вопрос, как правоведу. Когда было уничтожено советское правоведение 1920-х гг. и на его смену пришла социалистическая законность, то в принципе она была результатом революционного преобразования общества. Пытались найти некий компромисс между правом дореволюционной России и социалистической законностью. Вы говорили об очагах и эпидемии распространения цинизма. Как вы считаете: очаги распространения цинизма находятся ближе к событиям революции или к событиям, которые называются стабильностью и застоем? Мне кажется это важно, потому что некоторые связали цинизм с революцией. Но есть и концепция перманентной революции, она предлагалась как разновидность политической борьбы с цинизмом.

А.В. Оболонский: Имеется в виду Троцкий?

В.Ю. Попов: Да. Если мы стоим на позициях революционного процесса, смены и институтов, то не порождаем ли мы заново цинизм? Потому что старые формы не уходят, а новые ещё не установились. Очаги появления цинизма связаны с революцией или стабильные состояния общества порождают цинизм?

А.В. Оболонский: Спасибо, очень интересный вопрос. Старое ещё не уходит, а новое ещё не успело наступить. Действительно, одно разрушается быстрее, чем возникает новое. Это все описывается одним словом — аномия. Цинизм появляется как болезнь, хотя всякие аналогии сомнительны, но если их приводить, то цинизм — это чёрная оспа или чума. Вначале она возникала, а за нею шли страшны эпидемии. Тут важно, как играют интеллигенция и власть — на понижение или на повышение. Нынешняя власть мобилизует электорат на пони-

жающую адаптацию. Понижающая адаптация — очень точное слово, она тесно связана с цинизмом. Это требует длительного разговора.

Б.А. Камкия: Можно ли связывать явление цинизма с деятельностью политических элит, отчуждением масс народа от участия в демократии? Если общество основано на принципах морали и нравственности, то элиты должны работать по принципу взаимности с народом. Если же этот регулятив понизить, то они освобождаются от ответственности перед народом. Значит, элита виновата в массовом отчуждении народа от участия в политике?

А.В. Оболонский: Согласен с вами. Но это не вся история, а только ее часть. Общество состоит из индивидов, а в каждом индивиде есть множество разного. Поэтому можно апеллировать к одному или к другому. СМИ — это массовая апелляция к тому, что вы говорите.

Г.В. Драч: А когда массы реально участвовали во власти? Даже при социализме это было словах. В Америке они участвуют или просто ходят на эти шоу? Что вы сказки рассказываете? *(Шум в зале)*

А.В. Оболонский: Не знаю, с кем мне дискутировать. Я не могу давать готовых рецептов. Лев Дмитриевич более пессимистичнен, чем я. А я исторический оптимист, скажем так. А приказать вам — делай раз, делай два, делай три — как боевой устав, это не правильно, я считаю. Это можно делать по-разному. Я делаю то, что могу.

Г.А. Матвеев: У вас получилось, что геополитика есть главный источник политического цинизма

А.В. Оболонский: Один из них, но не главный.

Г.А. Матвеев: Я хотел уточнить, что это часть политики. Которая так же цинична, как и все остальное. Поэтому можно в какой-то мере с вами согласиться. Теперь второй вопрос. У вас оппозиция родилась из чувства собственного достоинства. На мой взгляд, это неверно. Потому что чувство собственного достоинства может возникнуть и у циничного человека. Он может сказать: «Посмотрите, какой я молодец, сколько я сделал в рамках своих задач». Мне кажется, здесь должна быть оппозиция цинизма и гуманизма. Если мы говорим, что цинизм — аморальная категория, то мораль — это позиция поведения человека, чтобы люди не убивали и не насиловали друг друга. Это очень простое определение.

А.В. Оболонский: Согласен с вами с одной поправкой. Подлинное чувство собственного достоинства включает уважение не только к себе, но и к другому. А гуманизм — замечательная вещь, но он может быть и боевым.

Государственная служба… 2009. *Государственная служба: комплексный подход*. Под ред. А.В. Оболонского. — М.

Графский В.Г. 2005. *История политических и правовых учений*. — М.

Гудков Л.Д. 2013. Человек в неморальном пространстве: к социологии морали в посттоталитарном обществе. — *Вестник общественного мнения*. — № 3–4. — С. 118–178.

Карамзин Н.М. 1991. *Записка о древней и новой России*. — М.

Оболонский А.В. 2015. Геополитика как фантом ложного сознания. — *Общественные науки и современность*. — № 1. — С. 75–82.

Переломов Л.С. 1968. *Конфуцианство и легизм в политической истории Китая*. — М.

Цинизм… 1975. Цинизм. — *Словарь по этике*. Под ред. И.С. Кона. — М. — С. 342.

Цинизм… 1978. Цинизм. — *Большая советская энциклопедия. Т. 28*. — М. — С. 570.

Шан цзюнь шу… 1968. *Шан цзюнь шу (Книга правителя области Шан)*. — М.

ВНЕКОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗОВАННОЙ ЛЖИ

В.П. Макаренко
Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье рассматривается проблема истины в политике. Основываясь на оригинальной интерпретации концепции Ханны Арендт, автор анализирует конфликты между истиной и политикой, истиной и мнением, истиной разума и истиной факта, позицией философа и позицией гражданина. «Главной правдой XX века», по мнению автора, стала связь между техническим прогрессом в создании средств насилия, который обессмыслил понятие военных преступлений и сделал неизбежной преступную войну, и возникшей системой организованной лжи как оружия в борьбе с истиной в политике.*

Ключевые слова: *истина и политика, истина и мнение, истина разума и истина факта, гражданская позиция.*

В.П. Макаренко: Вначале для разгона скажу несколько слов общего порядка. Всегда, когда делаешь доклад, тобою овладевает определённое чувство. Если ты говоришь о том, о чем писал полгода или три месяца назад, то это становится для тебя самого скучноватым, как минимум, а то и противным. Хотя публика этого не слыхала и не читала. Так обычно бывает. Я здесь и сейчас должен сделать доклад на тему «Донос в системе государственного цинизма». Но статья с таким названием уже опубликована три месяца назад [Макаренко 2014]. А писал я ее прошлой осенью. Мусолить то, от чего ты уже остыл, не хочется. А к Ханне Арендт я ещё далеко не охладел. Мне это интересно. Развернувшаяся здесь дискуссия (хотя и корявая), свидетельствует, что именно политико-философская часть этой проблемы будет более уместна для развития дискуссии. Поэтому я расскажу о том, что ещё не опубликовано[1]. *(Обращаясь к Г.В. Драчу)*. Гена, это реакция и на подпочву твоих вопросов, сентенций и риторики.

А.В. Оболонский: У меня есть комментарий по ходу дела. Все, что вы сказали, очень интересно. И даже возвышенно. Хотя со многим можно дискутировать. Но я не об этом, а насчёт Ханны Арендт. Пока вы говорили, я нашёл из неё очень хорошую цитату. Что проблема с Эйхманом заключалась именно в том, что таких как он, было много. Большинство не было ни извращенцами, ни садистами. Они, цитирую, «были и есть ужасающе нормальными. И что все эти зверства — уроки страшной, бросающей вызов словам и смыслам банальности

[1] Ко времени подготовки этой стенограммы к публикации статья опубликована [см.: Макаренко 2015]. Поэтому текст доклада В.П. Макаренко мы опускаем.

зла». После этого некоторые люди стали эмпирически насыщать эту концепцию. Я имею в виду прежде всего Стэндфордский эксперимент и то, что потом делал Зимбардо и Милгрэм. Вы помните, что из этого всего получались. Хорошие люди начинали творить зло. Действительно, тут работала дегуманизация. Мы с вами это слово почему-то сегодня забыли. Но хорошая новость в другом. Зимбардо и его предшественник нашёл противостояние этому. Да, зло банально. Но существует и другая концепция — банальности героизма, который злу противостоит. Причём, это рассуждение примерно такое: это общий признак человеческой природы, а не редкое качество, присущее немногим избранным; потенциал героизма есть в каждом человеке и ждёт своего часа; обычный герой не всегда идёт в обход; каждый способен стать героем в той или иной степени. То есть, это апелляция к лучшему в человеке. Примеров тому можно привести много. В том числе из сферы политики.

Чтобы никого не нервировать, не буду говорить о России. Скажу о Турция. Не так далеко отсюда. Пару лет назад в Стамбуле происходили очень жестокие массовые выступления. В связи с избыточной исламизацией. Полиция сначала вела себя терпимо, а потом довольно жёстко. Люди культуры, люди искусства начали находить формы противостояния полиции. Один довольно популярный актёр просто становился и стоял напротив полиции. Его бить было не за что. Но все понимали, почему он стоит и что таким образом выражает. И там выявилась одна вещь: так называемые правоохранители (а в российских условиях это сплошь и рядом правонарушители) гораздо глупее, тупее, менее изобретательнее, чем протестующие. Я занимался этим на американском опыте. В США полицейские тоже тупые. А креативность другой стороны гораздо выше. Лев Дмитриевич, я думаю, что вперёд движет не арифметическое большинство, и даже не всегда винтовка, которая рождает власть, а продвинутое меньшинство. Такова одна из листовок, обращённых к полицейским. Это относится и к Нюрнбергскому процессу. Придёт время, когда слова: «Я лишь выполнял приказ» не будут служить оправданием. Мы говорим только о верхушке. А была целая серия процессов с другими людьми.

В.П. Макаренко: Да. И стенограммы на русском языке до сих пор не опубликованы.

А.В. Оболонский: Выполнение преступного приказа не является оправданием. Кстати, это закреплено и в Российских законах. Например, в Законе о госслужбе, Законе о полиции. Другое дело, что у нас законы за фальсификацию выборов и за неправосудные приговоры реально не применяются. Так вот, насчёт банальности героизма. Можно ли это использовать в контексте повышающей адаптации чего угодно? Это не обязательно связано с какими-то броскими вещами. И пару вопросов хотел задать по этому поводу. Женщина облагораживает человечество.

В.П. Макаренко: Наш учитель по физике в шестом классе говорил: «Женщина облагораживает человека». Про человечество он не упоминал *(смех в зале)*.

А.В. Оболонский: А я вспомнил Каддафи. Не поленился прочитать его зелёную книжку. Там самая короткая глава — три страницы — называется: «Женщина тоже человек». И если Гитлер и Сталин были клоунами, то кто же мы такие, если они нас так разводят? На самом деле у них была масса изощрённых и тонких механизмов. О них можно говорить как о талантливых злодеях. А говорить, что они тупые — это себя унижать. Вот то, что я хотел сказать. А вообще это все интересно.

В.П. Макаренко: Надо как-то реагировать, а я не особенно хочу. Потому что, во-первых, я с этим согласен, но надо специально рассматривать соотношение героизма и зла. Вон сидит Даша Протасеня, у нее доклад о критике героизма Петером Слотердайком. Он на этом строит свою теорию цинизма. Это интересные темы, но я сейчас их не затрагиваю. Мы можем говорить о конкуренции концепций героизации и дегероизации человека. Это всегда вопрос личного выбора. Никто третий не в состоянии мне предписать броситься на вооружённого человека, когда я безоружен. Никто третий не может мне предписать броситься на амбразуру. Никто третий не в состоянии предписать мне выступить в критических обстоятель-

ствах. Я могу здесь с удовольствием сослаться на фронтовика Раппопорта, который в танковых войсках прошёл всю войну, а в сталинских дискуссиях по генетике имел мужество публично и резко сказать, что Лысенко дурак, а его взгляды не имеют отношения к науке. Тем более, что сегодня лысенковская белиберда реанимируется. Но Раппопорт был одним из немногих. Такие люди и такие поступки были и останутся эталонными. Моя мама называла большинство людей баранами. Я на основе личного опыта могу добавить, что все мертвые, живые и ещё не рождённые люди — это застывшая вулканическая лава, в которую вкраплены частички драгоценного метала. Этим и определяется ценность человека. Он сам решает, быть ему бараном, лавой или драгметаллом. На эту тему я не дискутировал. Моя задача реконструировать подход к проблеме, задать определённую теоретическую плоскость для обсуждения проблемы соотношения между истиной и политикой, истиной и ложью. В состав этой проблемы помещаются темы коллаборационизма и цинизма, хотя я об этом не упоминал. В надежде на проницательность аудитории. Домыслить это можно без особого труда.

А.В. Оболонский: Разница в том, что вы это качество подаёте как уникальное, а я как распространённое.

В.П. Макаренко: Что касается турок, то я об этом писал в статье об Орхане Помуке и его отношения к теме армянской резни.

А.В. Оболонский: Орхан Памук живёт давно в Германии.

В.П. Макаренко: Я не настаиваю, что исчерпал тему.

Г.В. Драч: Виктор Павлович, небольшой вопрос. Всё-таки государственные интересы противоположны истине в каком смысле? В том, как это делал Перикл? Строил большие стены, а Спарте все время говорил, что мы ничего не делаем, пока стены не были построены. А ведь государственные интересы никак не защитишь, только при помощи маскировки. Или какие-то другие возможны варианты?

В.П. Макаренко. По поводу Перикла. Я уже забыл о факте, который ты приводишь. Но это частный случай лжи ради другой цели. Это типичная ситуация в государстве. Зато я штудировал классическую работу Альберта Хиршмана «Лояльность, критика, уход». Там как раз дан обзор истории понятия интереса вообще и государственных интересов в частности. Оттуда вытекает, что понятия интереса (как отношения между сущностями) в Древней Греции не существовало. Это — изобретение схоластической философии, которое было заимствовано в Новое время. Тебе хорошо известно, что в средневековой философии проблема отношения между сущностями разделила всю философию на четыре направления. Значит, надо специально вникать в эту дискуссию. Что означало понятие интереса? Особая проблема — что означало понятие интереса в истории русского государства. Обсуждения этой проблемы у Хиршмана нет. Но хорошо известно, что вдруг, неожиданно, начиная с Петра I, начинает использоваться это понятие. Его базис — понятие государственного разума — было введено кардиналом Ришелье, но в России оно исчезло. Хотя я это говорю навскидку, я не такой знаток, надо копаться в рукописях того времени. Не является ли оно заимствованием такого же типа, как Петр строил корабли, создал кунсткамеру и так далее? Не знаю. Понятие интереса — термин латинского языка. Имеет ли оно коннотации в греческом языке, от которого произошёл целый ряд понятий славянских языков, тоже не знаю. Тут специальное исследование нужно. Я сейчас не могу этим заниматься. Это первая часть ответа

А на вторую часть я ответил в книжке «Главные идеологии современности». Там есть глава о национализме, в которой я выписал детально концепцию государственных интересов. И показал, что до сих пор концепт государственных интересов обслуживал горы трупов, принесённых на алтарь государства. Этот концепт связан с правом войны. Вот что такое в реальном воплощении ссылка на государственный интерес. Насколько люди, употребляющие это понятие, осознают все эти реальные сложности, если даже в научном сообществе мы не проводим различия между реальностью и использованием понятий ради их обслуживания? — это тоже специальная проблема.

Теперь задам тебе контрвопрос по поводу ссылки на Перикла. Не осуществляешь ли ты ошибку ретроспективы? Ведь Михаил Константинович детально описал эту ошибку. Она состоит в том, что мы сегодняшние наши оценки опрокидываем в историю трех- и двухтысячелетней давности. Здесь лежит острая методологическая историческая и политическая проблема. А что касается конкретных примеров — я с удовольствием предлагаю обсудить специально эту статью Петрова и книгу Хиршмана на совместных семинарах. Потому что тот и другой работали как подлинные историки философии. А я же вначале оговорку сделал: историко-философский пласт работы интересен сам по себе. Он связан с детальным, конкретным, микроскопическим, филологическим анализом смыслов данных понятий в каждый конкретный момент времени 1) в каждых конкретных документах, 2) при их составлении и практической реализации, 3) в конкретных ситуациях, 4) и так далее. Здесь чрезвычайно много важных и интересных вещей. Вот о чем идёт речь. Я прекрасно осознаю эту сложность. И думаю, чем лучше мы осознаем эту сложность, тем меньше будем дурачить друг друга, не говоря уже о публике. Вот как бы я ответил на твой вопрос, Гена.

И.А. Иванников: Виктор Павлович, у меня возникло сомнение в вашем утверждении: любая политика противостоит всем формам истины. Мне кажется, такая политика невозможна, она не жизнеспособна. И не может существовать какое-то длительное время. Она все равно так или иначе должна базироваться на каких-то реалиях или каких-то истинах. Возьмём конкретный пример. Политика современной России базируется на патернализме. Это истина или нет? В общественном мнении господствует имперский синдром и ностальгия по великому государству. Это истина или нет? Если да, то некорректно утверждать, что политика противостоит всем формам истины.

В.П. Макаренко: Спасибо за замечание. Вы правы. Я ведь только обозначил проблему. Ханна Арендт вводит различие между истиной факта и истиной мнения. Вы сейчас говорили об истинах мнения.

И.А. Иванников: Это не мнения, это реалии.

В.П. Макаренко: Политика невозможна без использования мнений. Арендт в этом видела свободу. Более того. Она пишет: когда мы лжём, мы реализуем собственную свободу. Значит, без учёта различия истины факта и истины мнения на этот вопрос ответить невозможно. А как раз истину мнения она связывает со спецификой политической деятельности. Я это просто опустил. Мне некогда было об этом говорить. Я потом скажу о том, на что я пока не нашёл ответа у Ханны Арендт.

И.А. Иванников: Имперский синдром — это реалии, а не мнение.

В.П. Макаренко: Я не пользуюсь этим жаргоном. Никакая это не реалия. Это вы предлагаете мне определённый способ языка для обсуждения этой реалии. А я отвергаю то и другое. Я конструирую свой собственный терминологический аппарат. Может, он и примитивный, но шаблонами официальной российской публицистики и журналистики я не пользуюсь. Лев Дмитриевич может хорошо рассказать, к чему ведёт использование этих словечек даже в социологических исследованиях. Это специальные проблемы социолингвистики как определённой методологии социологического исследования. Другое дело, что на нее почти не обращают внимания. Можно попасть в-большой-просак, если мы используем этот жаргон в качестве программы социологического исследования. Имперский синдром — это только одно из мнений в рамках определённого набора клише. Стало быть, если мы являемся сознательными гражданами данной страны, мы должны конструировать свой собственный язык. Если мы согласны с идеей гражданина как активного участника политического процесса. Я охотно признаю, что не успел обсудить эту важнейшую тему, и сделал на этот счёт особую оговорку.

Сейчас скажу, на что я не нашёл ответа у Ханны Арендт. Есть несколько концепций истины: Аристотеля, Гегеля, Тарского, Лукасевича. Она эту проблему не обсуждает. А если ставить ее всерьёз, то надо сравнивать различные концепты политики и различные концепты ис-

тины на протяжении всей истории и их преломление в сегодняшней ситуации. Я не в состоянии это сделать. Я могу только прокукарекать об этой проблеме.

В.А. Шкуратов: Здесь часто упоминалось понятие истины. А тебе не хочется обсудить противоречие между эссенциализмом и современным конструктивизмом? Ведь твоя концептология не столь эссенциалистская, как ты утверждаешь. Она склоняется к конструированию некоторых понятий, которые не укладываются в жёсткую онтологию.

В.П. Макаренко: Да я не возражаю. Но не могу ещё и этим заниматься. Пусть кто-нибудь другой. Вон Гена пусть займётся. Это философам ближе.

А.В. Лубский: Виктор Павлович, в связи с этим хочу высказать одну реплику. У Павла Флоренского есть интересная мысль: целокупная истина упала на землю и разбилась на мелкие осколки. А подобравшие её объявили себя обладателями всей истины. Поэтому спор который мы тут затеваем — это спор людей, которые подобрали осколки, но объявили себя обладателями истины.

В.П. Макаренко: Это ты цитируешь сам себя из одной из твоих статей. Я это предложение прекрасно помню. Но ведь Флоренский имел в виду религиозную истину.

А.В. Лубский: Я говорю к тому, что эти вопросы интересны, но они не по теме.

В. Козерь: Виктор Павлович, я с большим интересом прочитал вашу статью о доносе. Какова связь между коллаборационизмом и цинизмом? И существует ли в этих условиях высокой степени политического цинизма не цинический коллаборационизм?

В.П. Макаренко: На это отвечу шутя — верхне-донским говором: трошки существует *(смех в зале)*. Разве мне нельзя подурачиться? Разве я сейчас могу вникать в этот вопрос? Мало-мальски строго ответить на него не могу. А чистой риторикой заниматься не хочу. Здесь и так ее адептов хватает.

Макаренко В.П. 2014. Донос в системе государственного цинизма. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 4.

Макаренко В.П. 2015. Уроки Ханны Арендт: внеконстекстуальные проблемы системы организованной лжи. — *Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований*. — № 1.

КОНФЛИКТ ФОРМАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И «ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО» КАК ИСТОЧНИК ПОЛИТИЧЕСКОГО ЦИНИЗМА

А.Н. Олейник
Memorial University of Newfoundland (Сен-Джонс, Канада)

Аннотация: *В статье обсуждаются различные формы цинизма, в частности античный кинизм, господский цинизм и цинизм населения. В ней показывается, что цинизм является результатом противоречий между формальными и неформальными институтами общества. В этих условиях есть тенденция к осмеянию и отторжению формальных институтов. Особое внимание уделено распространению цинизма в современной России.*

Ключевые слова: *цинизм, Россия, формальные институты, неформальные институты.*

Цинизм — одно из тех понятий, которое трудно определить однозначным образом. С одной стороны, оно активно используется в быту и повседневном общении, причём обыденное понимание цинизма не совпадает с научной трактовкой этого термина. В русском языке под цинизмом обычно понимают «пренебрежение к нормам общественной морали, нравственности, наглость, бесстыдство» [Ожегов, Шведова 1992]. В английском языке акцент изменён: цинизм определяется как ожидание от окружающих обмана и эгоизма [Merriam-Webster 2015].

С другой стороны, и в научном обиходе консенсус относительно трактовки цинизма отсутствует. Цинизм как философская школа предполагает один взгляд на вещи (остро критический, о чем будет идти речь ниже), тогда как цинизм с точки зрения политической науки — совсем иной (сводящийся к согласию со сложившимся порядком вещей). В этом смысле цинизм стоит отнести к числу «спорных по сути своей» понятий: при наличии множества определений невозможно выбрать одно из них, используя исключительно абстрактные, теоретические критерии [Wartenberg 1990: 12; Макаренко 2005: 73]. В данном эссе после краткого, не претендующего на исчерпывающий характер, обзора некоторых значимых для политического анализа определений цинизма, основное внимание будет уделено одному из них, предложенному Питером Слотердайком [Слотердайк 2009].

Подход Слотердайка отличается как от обыденного понимания цинизма, так и от ряда научных определений данного феномена. В нем делается акцент на противоречии между формально декларируемыми и неформально разделяемыми ценностями и нормами как источнике цинизма вообще и политического цинизма в частности. В этой логике источником ци-

низма является разочарование людей в формальных институтах в результате неспособности этих институтов соответствовать внутренним убеждениям людей. Согласно наиболее общему пониманию институтов, их роль заключается в установлении «правил игры», или, выражаясь иначе, рамок взаимодействий людей [North 1990: 3]. Циники ощущают, что играют в «чужую» игру, правила которой они не приемлют.

Кинизм

Цинизм античного времени, или кинизм, занимает особое место в ряду различных проявлений цинизма. И не только потому, что, собственно, с кинизма начинает свой отчёт история цинизма. Кинизм отличает резкое неприятие жизни по тем правилам, которые не соответствуют человеческой природе, существу человека [Foucault 2011b: 165–315; Слотердайк 2009: 178–181]. Задача киника — наиболее известным среди них был древний грек Диоген — было вскрытие любой фальши и неестественности в отношениях между людьми, в особенности в поведении власть предержащих. Киник стремился показать людям, «что их образ жизни отличается от того, который соответствует их естеству» [Foucault 2011b: 315]. Ориентация на потребление, излишний комфорт, стремление к власти (понимаемой здесь как способность навязывать свою волю окружающим вопреки их возможному сопротивлению [Weber 1968: 53]), желание «быть как все» и не выходить за рамки общепринятых норм, какими бы искусственными они ни были — все это, по мнению киников, достойно критики и отрицания.

Методы, которые киники использовали для достижения своих целей, были столь же радикальными, как и их цели. Провокационные и экстравагантные «перформансы» Диогена, начиная с поиска человека с фонарём среди бела дня в толпе людей (настоящего человека среди них и не найти[1]) и заканчивая отправлением им естественных надобностей на публике (зачем стыдиться естественных вещей? стыдиться нужно всего того, что противоречит человеческой природе), обычно оставляют в тени менее броские, но от того не менее значимые практики паррезии (*Parrēhsia*). Мишель Фуко определяет паррезию как «способ говорения правды», ставя акцент именно на форме, а не на содержании этого донесения правды до окружающих [Foucault 2011a: 52]. В более близких к повседневной речи терминах паррезия означает «рубить (или резать) правду-матку». Киники именно «рубили правду-матку», высказывая свои сомнения о естественности тех или иных наблюдаемых ими вокруг практик, не обращая при этом внимания на лица и возможные санкции либо со стороны власть предержащих, либо со стороны не любящего слушать правду большинства. Киник критиковал любые проявления неестественности в человеческих отношениях, чего бы это ему не стоило (даже перед лицом возможной смерти).

Что служило точкой отсчёта для критики киников? С каких позиций они осмеивали превалирующие институты и общепринятые практики? Исходным пунктом для кинических атак были наиболее базовые, простые и близкие к природе аспекты человеческого поведения: ограничение питание только теми продуктами, которые действительно необходимы для поддержания организма в работоспособном состоянии (при этом Диоген дожил до глубокой старости), довольствование минимально необходимым уровнем комфорта и так далее. На первый взгляд, в контексте сегодняшнего общества массового потребления такая «естественность» вряд ли будет востребована. Однако это не так. Фактически к такому же решению — «уходу» из становящихся все более искусственных отношений, в том числе в современной семье, к естественности жизни в сельской местности, ближе к природе — приходит в своем фильме с говорящим названием «Век помраченья» (*L'âge des ténèbres*, 2007) и известный ка-

[1] Примечательно использование непрямой ссылки на Диогена Юрием Левадой, известным социологом и одним из основателей центра по изучению *общественного мнения*, ныне носящего его имя, в названии одной из его последних книг [Левада 2006].

надский кинорежиссер Дени Аркан (Denys Arcand)[2]. К теме критики институтов с точки зрения «естественного» и по-настоящему «человеческого» я ещё вернусь, ибо она неожиданным образом находит свое продолжение в тотальных институтах, прежде всего в тюрьме.

Господский цинизм

Следующей — если придерживаться хронологического порядка — формой цинизма можно считать теорию и практику циничной политики. Возникновение этой теории связывается с именем Никколо Макиавелли и его книгой «Государь», впервые изданной в 1515 г. [Machiavelli 1903]. Согласно данному подходу, для успеха в своей деятельности власть предержащим нужно научиться видеть в людях оппортунистов. «О людях вообще можно сказать следующее, учит Макиавелли. Они неблагодарны, говорливы без меры, скрывают свои действительные намерения, боятся опасностей и охочи на получение выгоды» [Machiavelli 1903: 66]. Если снять «розовые очки», то окружающие власть предержащих люди — их подданные и другие властители — выглядят весьма неприглядно. Стоит ли тогда власть предержащим брать на себя какие-либо моральные или иные обязательства по отношению к окружающим их людям? Макиавелли уверен, что не стоит. «Так как люди нечестны, и при любой возможности норовят обмануть, то и власть предержащему не стоит чувствовать себя связанным принятыми перед людьми обязательствами» [Machiavelli 1903: 70].

Слотердайк называет подобный взгляд на людей господским цинизмом. Господский циник ни во что не ставит «холопов» — всех тех, у кого нет (или меньше) власти. Точнее, господский циник при любой возможности ставит других людей «на место», то есть всячески подчёркивает их незначимость и никчёмность. «Голиафы всех времён — от надменных ассирийских военных вождей до современной бюрократии — показывают храброму, но не имеющему никаких шансов на победу Давиду, кто на самом деле наверху, а кто — внизу; это, так сказать, цинизм на службе обществу» [Слотердайк 2009: 195].

Термин «общество» не вполне уместен в данном контексте. Поставленные «на место» власть предержащими люди образуют не общество, а «население». По мнению Фуко, *общество* способно противостоять господскому цинизму, тогда как *население* соглашается с отводимой ему сугубо пассивной ролью [Foucault 2007: 43–44]. Общество проявляет активность и пытается заставить власть предержащих выполнить взятые ими на себя обязательства. Население же легко управляемо. Оно лишено амбиций не только управлять, но и критиковать, выражать свое несогласие.

Цинизм населения

Обратной стороной циничесого восприятия власть предержащими остальных людей является цинизм последних. Эту форму цинизма можно также назвать цинизмом населения. Цинизм населения предполагает симметричный взгляд на вещи, а именно предположение коррумпированности и нечестности власти предержащих. С этой точки зрения, политика — это всегда «грязное дело», а на занимающихся ей людях и «клейма ставить негде». Закономерным итогом данной формы цинизма является отсутствие со стороны населения уважения и доверия к политикам, а также преобладание у населения исключительно негативных ассоциаций с политикой и политиками [Agger, Goldstein, Pearl 1961: 477].

В отличие от господского цинизма и кинизма, эмпирические данные о цинизме населения более доступны. В случае кинизма основным препятствием для эмпирического изучения является удалённость во времени (не сохранилось ни одной работы, авторство которой одно-

[2] Собственно, все его творчество так или иначе связано с попытками возрождения кинической критики таких институтов, как религия (*Jésus de Montréal*, 1989), университет и академическая среда (*Le déclin de l'empire américain*, 1986 — этот фильм получил Оскара), средства массовой информации (*Stardom*, 2000) и так далее.

значно принадлежит Диогену) и собственно редкость кинической критики (уж слишком она опасна для «правдорубов»). А от власть предержащих — господ циников — вряд ли стоит ожидать открытого согласия с выводами Макиавелли. Что же касается цинизма населения, то его можно вполне успешно изучать с помощью данных массовых опросов [Agger, Goldstein, Pearl 1961; Litt 1963]. В частности, было эмпирически выявлено, что не последнюю роль в распространении цинизма населения играют средства массовой информации, изображающие политиков в негативном свете [Schuck, Boomgaarden, de Vreese 2013]. Впрочем, чем выше действительный уровень коррупции, тем меньше эффект от негатива, распространяемого сми. Люди и так не питают иллюзий.

Говоря о восприятии власть предержащих в сегодняшней России, то его вполне можно описать в терминах цинизма населения. Отвечая в апреле 2013 г. на вопрос о том, какие характеристики присущи обладателям власти, больше всего респондентов — 35% — вменило им действия исключительно в собственных интересах [Аналитический Центр Юрия Левады 2013: 44]. Справедливыми и близкими к народу увидели власть предержащих лишь 2% респондентов. С тем, что власть предержащие заинтересованы только в том, чтобы быть избранными (то есть сохранить/получить власть), а не в том, что действительно хотят избиратели, полностью согласны или скорее согласны 80% опрошенных [Аналитический Центр Юрия Левады 2013: 41]. И это несмотря на то, что российские сми, в отличие от западных, отнюдь не горят желанием показывать политиков иначе, чем в розовом цвете ввиду своей подконтрольности последним [Wilson 2005].

Специфическая модель отношений возникает в случае одновременного распространения господского цинизма и цинизма населения. Власть предержащие не ожидают ничего хорошего от населения, население платит им той же монетой. В этих условиях власть может быть реализована лишь посредством использования силы, угроз, манипуляции или обеспечения сочетания интересов на рынке [Олейник 2011: Гл. 3]. Власть по договору (подчинение которой вознаграждается с помощью стимулирования — материального вознаграждения) невозможна ввиду тенденции обеих сторон к отлыниванию от своих обязательств. Легитимная власть также недостижима ввиду взаимного недоверия и отчуждения власть предержащих и населения. В этих условиях можно согласиться с Виктором Макаренко, когда он говорит о ложности веберовской концепции легитимной власти как *общей* теории власти [Макаренко 1998: 82].

Когда «человеческое» не имеет институционального воплощения

Концепты господского цинизма и цинизма населения были предложены для изучения политических процессов (например, осуществления власти) и имеют ограниченную ценность вне политической сферы. Слотердайк предлагает более общую теорию цинизма, которая может быть использована в анализе политики, но при этом область ее применения политикой заведомо не ограничена. Слотердайк ищет источники цинизма за пределами узко определяемой политики и находит их в особенностях институциональной структуры общества.

Правила игры могут быть закреплены явным и неявным образом. В первом случае речь идёт о формальных институтах, во втором — об институтах неформальных [Helmke, Levitsky 2004]. Например, закон и официально декларируемые ценности (такие как моральный кодекс строителя коммунизма) являются примером формальных институтов. Традиции и устойчивые, повторяющиеся образцы поведенческие образцы, которые не регламентируются эксплицитным образом, иллюстрируют идею неформальных институтов.

По логике Слотердайка, цинизм можно осмыслить как особую реакцию людей на противоречия между формальными и неформальными институтами, между тем, как им предписывается вести себя и тем, как они считают нужным вести себя. «Циническое мышление может проявиться только тогда, когда возможны два взгляда на вещи — официальный и неофи-

циальный, стремящийся завуалировать истину — с позиции героя и стремящийся видеть ее во всей наготе и неприкрытости — с позиции камердинера» [Слотердайк 2009: 334]. Например, формальные институты нацеливают людей на достижение определённых идеалов, будь то самопожертвование во имя родины или индивидуальное обогащение. «Когда повседневный опыт людей обесценивает данные идеалы, их ответной реакцией становится цинизм. Везде, где рушатся идеалы,… недалеко до цинизма, который изливает свое разочарование, толкая то, что и без этого падает» [Слотердайк 2009: 748]. Политические институты — формальные и неформальные — представляют собой лишь частный случай. Конфликт формальных и неформальных институтов может возникнуть в любой сфере человеческой деятельности: экономике, искусстве, науке, религии и так далее.

Противоречие между формальными и неформальными институтами носит систематический характер и принимает особенно явные формы в тотальных институтах, прежде всего в тюрьме. То, как заставляют действовать оказавшихся в них людей, и то, как они сами считают нужным поступать, совершенно не совпадает. Так, в советской и постсоветской тюрьме то, как попавшие в нее люди считают нужным жить, нашло отражение в неформальных нормах, «понятиях» [Олейник 2001: 118]. Эти нормы ничего ничего общего с Правилами внутреннего распорядка и другими официальными документами, регламентирующими повседневную жизнь заключённых. Примечательно, что в основе понятий лежит так называемое «людское», то есть то, что естественно, присуще любому человеку с точки зрения самих заключённых [Олейник 2001: 190]. Налицо попытка пойти тем же путём, что и киники, то есть выявить наиболее базовые, простые и близкие к природе нормы человеческого поведения: не кради у ближнего, умей постоять за себя и защитить свое достоинство и так далее. Распространение цинического мировосприятия в таких условиях становится практически неизбежным[3].

В тотальные институты — армию, психиатрическую лечебницу, тюрьму, интернат для престарелых — люди обычно попадают помимо своей воли. Поэтому ожидать соответствия формальных и неформальных институтов в таких обстоятельствах сложно. Вне тотальных институтов, напротив, такое соответствие вполне ожидаемо. Расцвет той или иной институциональной системы — социалистической, капиталистической, или любой другой — наблюдается тогда, когда люди соглашаются с заложенными в них правилами игры и воспринимают игру как «свою».

Есть основания полагать, однако, что разочарование в формальных институтах и их отторжение выходит сегодня далеко за рамки тотальных институтов, причём как на Востоке, в том числе в постсоветской России, так и на Западе. Если это так, то циническое мышление превращается в универсальный и глобальный феномен. Эмпирическая проверка данного тезиса требует полномасштабного сравнительного анализа соотношения формальных и неформальных институтов в различных странах. В рамках данного эссе я ограничусь постановкой некоторых вопросов, ответ на которые может дать только полномасштабное сравнительное исследование. Начать стоит со следующих вопросов: какие формальные институты рассматриваются сегодня как соответствующие «человеческому», «людскому»? Можно ли назвать институты, «человечность» которых не была бы на сегодняшний день в той иной мере дискредитирована?

Слотердайк подробно рассматривает процесс «обесчеловечивания» религии. Институт церкви не смог сохранить тот гуманистический заряд, который был изначально в нем заложен. В реально существующей церкви — католической, русской православной или любой

[3] Цинизм не является единственно возможным результатом противоречий между формальными и неформальными институтами. Вместо того, чтобы стать циником, действующий в таких условиях человек может пережить внутренний психологический кризис. Александр Бек описывает именно такой случай в своем романе «Новое назначение». Он повествует о советском управленце, остро переживающего отрицание на официальном уровне тех идеалов, которые он разделял [Бек 1988].

другой — «человеческое» было принесено в жертву интересам воспроизводства этого института и обслуживающих его лиц.

Несостоятельность «реально существовавшего социализма» начала принимать явные формы задолго до формального распадения Советского Союза в 1991 г. Анализ доступных источников — например, писем в центральные газеты и журналы — показывает, что расхождение формальных институтов советского типа и повседневных практик граждан началось уже в 1970–1980-е годы [Shlapentokh 1989]. Публично заявляя о своей приверженности социалистическим принципам, советские люди все большее внимание уделяли частной жизни и взаимодействиям, которые напрямую противоречили официальным декларациям (например, блатным связям). В этом смысле Советский Союз был хорошей школой цинизма, а отнюдь не коммунизма[4].

Не лучше дело обстоит и с той институциональной системой, которая «победила» реально существовавший в Советском Союзе социализм — либеральной демократией. Она тоже не иключает рассогласования формальных и неформальных институтов, причём по иронии судьбы это рассогласование проявляется в наиболее явном виде как раз в постсоветской России. Одним из ключевых для функционирования либеральной демократии принципов является обеспечение верховенства законов, *rule of law*. На бумаге этот принцип имеет гуманистическое содержание, будучи направленным на защиту прав человека. На практике, однако, верховенство законов оборачивается господством специалистов по их интерпретации, юристов [Oleinik 2015: Ch. 5]. А способность юристов к беспристрастной интерпретации юридических норм у многих вызывает справедливые сомнения: юристы в первую очередь действуют в личных или узко-групповых интересах [Макаренко 2013: 603][5].

Что касается либеральной составляющей формальных институтов, пришедших на смену советским, то и здесь есть основания для превалирования цинического мышления. С формальной точки зрения, рыночные институты функционируют согласно постулатам неоклассической экономической теории: совершенная конкуренция, свобода входа и выхода на рынки, чётко определённые права собственности, нулевые трансакционные издержки и тому подобное. Эти постулаты формальным образом закреплены как в законах (например, антимонопольное законодательство), так и в экономической политике государства (например, программы поддержки малого и среднего бизнеса).

Однако на практике рынок оказывается системой властных отношений: институты рынка используются для укрепления позиций одних участников рынка и ослабления позиций других. Так, административные барьеры используются для контроля входа на рынок и ограничения конкуренции на нем в интересах конкретных фирм. Барьеры возводят представители государства, допуская на рынок только те фирмы, которые соглашаются делится с ними сверхприбылями и содействовать начинаниям власть предержащих иными средствами. Возникающее в результате неформальное сочетание интересов власть предержащих и допущен-

[4] Заслуживают внимание аргументы о необходимости различения оригинального марксизма («марксизма Маркса») и той его версии, которая легла в основу советских институтов («русского марскизма»). Виктор Макаренко, например, говорит о дискредитированном характере русского марксизма, но считает, что марксизм Маркса «не устарел до сих пор» [Макаренко 2013: 78]. При этом упускается из виду эволюция собственно марксизма Маркса (в работах некоторых советских марксистов «ранний» Маркс противопоставлялся «позднему» Марксу). Можно согласиться со Слотердайком в том, что «поздний», антигуманный Маркс — это закономерный результат эволюции «раннего», гуманистического Маркса. «В учении Маркса имеет место не пропасть между „идеологической“ и „научной“ фазами, а разрыв между двумя модальностями рефлексии — между наступательно-кинической, гуманистической, освободительной рефлексией и рефлексией объективистской, господско-циничесой, издевающейся и насмехающейся над стремлением к свободе у других в стиле функционалистической критики идеологий» [Слотердайк 2009: 164]. Иными словами, и в марксизме нет противоядия тенденции к рассогласованию формальных институтов и «человеческого».

[5] Сюжет фильма «Левиафан» (2014) Андрея Звягинцева иллюстрирует эти распространённые сомнения в беспристрастности судейской системы с помощью средств кинематографа.

ного на рынок бизнеса имеет мало общего с официально декларируемой свободой конкуренции и независимостью бизнеса от власти [Олейник 2011].

Учитывая рассогласование формальных и неформальных институтов в политической и экономической сферах[6], скептицизм россиян в отношении сложившейся на сегодняшний день институциональной системы закономерен. Ни одна из институциональных альтернатив — система советского типа, либеральная демократия западного типа и учитывающие национальную специфику институты — не пользуется у них однозначной и абсолютной поддержкой (Таб. 1). Примечательно, что популярность последней альтернативы — «государство с совершенно особым устройством и своим путём развития» — постепенно сокращается. Даже институты с национальной спецификой, видимо, не рассматриваются в качестве возможной основы для реализации «человеческого».

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Государством какого типа Вы хотели бы видеть Россию в будущем?», Россия, 1999–2013, N=1600[7]

	1999	2008	2011	2012	2013
Социалистическим государством типа СССР	15	17	23	22	24
Государством, подобным странам Запада, с демократическим устройством и рыночной экономикой	35	32	30	31	33
Государством с совершенно особым устройством и своим путём развития	45	39	36	41	33
Затруднились ответить	6	11	12	7	10

Неснятый характер противоречия между существующими формальными институтами и «человеческой», «людской» жизнью объясняет превалирование циничных умонастроений в сегодняшней России. Эта тенденция может выражаться в самых разнообразных формах: господский цинизм, цинизм населения, кинизм[8] и даже фашизм. На последнем в заключении остановлюсь особо. Слотердайк призывает рассматривать фашизм не только как политический феномен, но и как проявление цинизма в наиболее крайних, насильственных формах. Понятый таким образом, фашизм имеет шансы на возрождение уже в иных, чем в нацистской Германии, условиях.

Говоря об истоках фашизма, Слотердайк обращается к истории Веймарской республики в 1920-х — начале 1930-х годов [Слотердайк 2009: Раздел IV]. Веймарский период германской истории обычно связывается с пост-имперским синдромом, с крушением империи и его внутри- и гео-политическими последствиями [Любин 2013][9]. Однако сводить все к распаду империи было бы неправильно. Веймарская республика явила собой пример одного из наиболее сильных рассогласований между формальными институтами демократии и неформальными институтами, превалировавшими в Германии тех времён. В результате институты демократии — выборы, парламент и так далее — так и не приобрели легитимного характера в глазах населения Веймарской республики. Отсюда возможность отказа от каких-либо попы-

[6] О рассогласовании формальных и неформальных институтов в науке требуется особый разговор [Oleinik 2014].

[7] Источник: [Аналитический Центр Юрия Левады 2013: 36].

[8] Именно как проявления кинизма можно классифицировать перформансы Pussy Riot, арт-группы «Война» (Член «в плену ФСБ», Занимайся любовью «за наследника медвежонка» и другие, причём первая акция стала победителем VI Всероссийского конкурса в области современного визуального искусства «Инновация» в главной номинации «Произведение визуального искусства») и художника Петра Павленского с прибитием своих половых органов к брусчатке Красной площади в Москве.

[9] Отсюда попытки провести параллели между тем периодом и постсоветскими трансформациями — Александр Янов был одним из первых, кто их провёл [Янов 1995].

ток легитимации, которая и была реализована Гитлером. Фашизм как насильственная форма цинизма «прямо отказывается от стараний как-то легитимировать себя, открыто провозглашая жестокость и «священный эгоизм» как политическую необходимость и как историко-биологический закон» [Слотердайк 2009: 371]. Это своеобразная месть «заносчивой власти тому, кто, как она точно знает, никогда не будет уважать ее, но во все времена станет кричать чудовищу: «Легитимируй себя или будешь повергнуто!» [Слотердайк 2009: 375]. С этой точки зрения фашизм представляется ответом господского цинизма цинизму населения: в конечном счёте власть, не находящая иных оправданий, всегда может быть оправдана насилием, причём в наиболее явной, ничем не прикрытой форме[10].

Насколько велик риск превращения постсоветского политического цинизма в России в фашизм? Ответ на этот безусловно важный как с теоретической, так и с практической точки зрения требует специального исследования.

О.О. Бокоев: К сожалению, я не читал вашу книгу. Насколько мне известно, тюремная субкультура создает совершенно особую социальную среду. Какое место в этой среде занимает цинизм и кинизм? Есть ли там различия между высоким и низменным?

А.Н. Олейник: Там к телу как раз такое отношение, о котором я пытался рассказать в случае Павленского, в случае войны. Он, наверное, на этот вопрос ответил бы более красочно. Социальная антропология занимается теми же проблемами. В частности, Константин Маликов как раз занимается тюремными или режимными сообществами.

Там тело как раз и является последней точкой для критики всего. Начиная с особого отношения к мужскому достоинству и заканчивая татуировками. И тело является для них последним бастионом противостояния формальным институтам, которые они по понятным причинам отрицают. Потому что они там против своей воли.

О.О. Бокоев: Какой тип государства предлагает нам наша верхушка?

А.Н. Олейник: Трудно сказать. Есть Западный путь. Есть другие пути. Есть Третий путь. Все эти названия фигурируют. Но на деле неясно, какой тип декларируется. Вот Лев Дмитриевич может скажет.

Л.Д. Гудков: Так и есть. Это отказ от идентификации с Западным типом, крайне смутная утопия о социальной защищенности, благосостояния и социального порядка. Утопическая конструкция «как в нормальных странах», с которой постоянно сравнивается наш бардак и хаос. Социалистическое государство — понятие советское. А государство с особым устройством — это осознание того, что мы никогда не будем богатой страной. Но поскольку признать это слишком фрустрирующе, то появилась форма ухода, отказа от этого — государство с особой судьбой

В.П. Макаренко: То есть, это ложные альтернативы.

Л.Д. Гудков: Это вообще не альтернативы. Если говорить о массовых установках, то это доминанта крайне смутной социал-демократии. Как вариант государственного патернализма советского типа с элементами западной демократии. Не могу даже сказать, что это модель. Но она афишируется.

Г.А. Матвеев: Ваша концепция оригинальна. Но что такое формальные институты? Бывают ли неформальные институты?

В.П. Макаренко: Герман Аронович, надо было бы Дугласа Норта прочесть 200 страниц. Там все разъяснено. А так мы тратим время научной конференции на ликвидацию собственного невежества.

Г.А. Матвеев. У государства всегда есть форма, а у вас проскальзывает элемент анархизма.

[10] Здесь напрашиваются параллели между готовностью российских властей использовать неприкрытое насилие для «легитимации» своей позиции в украинском кризисе, начавшемся в 2014 г., и эксгибиционизмом [Олейник 2014].

В.П. Макаренко: Вот и хорошо, за это я его и люблю *(смех в зале)*.

А.В. Оболонский *(иронически, обращаясь к Г.А. Матвееву)*: Не анархизма, а синдикализма. Надо бы усвоить различие между ними. Это уже совсем другое. Это замечательная вещь.

Г.А. Матвеев: Я понимаю гуманистическую направленность вашей концепции. Вы хотите, чтобы государственные институты имели естественное человеческое измерение. Но мне кажется, в обозримом будущем этого не будет.

А.Н. Олейник: Спасибо за комментарий. Институты можно определить как правила игры. Я хочу через это определение вернуться к определению цинизма. Цинизм возникает в ситуации, когда человек вынужден играть не свою игру. Все мы знаем ситуацию, когда мы играем, но не чувствуем, что правила игры нам понятны. Что мы расцениваем институты как справедливые и так далее. Кстати, сегодняшняя мобилизация, о которой говорил Лев Дмитриевич, во многом и играет на этом ощущении, что мы так и не научились играть в эту игру, так и не научились рассматривать демократию в качестве своей игры. Давайте тогда мы будем по полной играть в эту игру деструктивно — не только в отношении себя самих, но и в отношении соседей. Так вот, существуют ли такие формальные правила, которые близки к этому человеческому, которое определяется по-разному? Может быть киническое определение человеческого, может быть «людское», и далее по аналогии. Но если аналогию с правилами игры продолжить, всегда можно найти свою игру. И опять-таки, в русском языке выражение «играть свою игру» есть ответ на ваш вопрос. Когда будет найдена своя игра — это и будет решение проблемы цинизма. Правила игры будут уважаться, не отторгаться и критиковаться, а наоборот.

Г.А. Матвеев: Люди разные. У них разные правила.

В.П. Макаренко: Это бесконечный разговор. Надо освоить концепцию Д. Норта и полемизировать с нею, а не с докладчиком, который работает в определённой теоретической традиции.

Н.Н. Евченко: Антон Николаевич, у меня вот какой вопрос. За последние 50 лет в сфере международной торговли строятся формальные институты. Создана ВТО, идут бесконечные переговоры для того, чтобы эти правила приняли большинство государств. И отдельные государства легко вступают в правила своей игры. А сегодня говорят о санкциях. Они противоречат тем институтам и правилам, которые создавались 50 лет. Мы начинаем в рамках формальных институтов решать эти проблемы. Одно государство подаёт в суд другое государство. Что является способом разрешения конфликтов в таких межгосударственных отношениях?

В.П. Макаренко: Я отвечаю одним словом: произвол.

А.Н. Олейник: Де-факто да. Произвол.

Г.В. Драч: Произвол — это проявление силы.

В.П. Макаренко: Это ты даёшь толкование. Я могу дать другое.

А.Н. Олейник: Произвол. Это действительно так. Тут даже о России можно не вспоминать. Взять Штаты и Канаду. Две Западные страны, которые изучаются в России как один кластер. Но даже там есть проблемы. Потому что с точки зрения канадцев США все время нарушают эти принципы. И поскольку канадцы не могут защитить эти принципы в других инстанциях, то им приходятся смириться.

Н.Н. Евченко: Право сильного?

А.Н. Олейник: Де-факто да. Но вы говорили о другом. Возможен ли другой механизм разрешения конфликтов? Для связи с предыдущей дискуссией можно сослаться на предложение Ясперса: нужен не суд победителей (т.е. США, ЕС, России и других государств по принципу Нюрнбергского суда над нацистской Германией), а суд, основанный на других принципах. Как может этот суд работать? Никто не знает. Как работает нынешняя ООН, все знают, там ведь тоже никакой демократии нет. Особенно с учётом права вето и т.д. Нужно стремить-

ся к той модели, о которой в своем выступлении сказал Виктор Павлович, который цитирует, в свою очередь, Ясперса. Я думаю, это и будет ответом, в том числе и в отношении ВТО.

В.Ю. Попов: Антон Николаевич, история философии знает ещё одну работу, связанную с человечеством. Это «Человеческое, слишком человеческое» Ницше. Вы её учитывали при написании вашей статьи? Потому что у вас «человеческое» взято в кавычки. Напомню, что работа Ницше вызвала серьёзную критику в свой адрес. В том числе она послужила основанием для ссоры с Вагнером, другими друзьями и соотечественниками Ницше. Среди прочего в этой работе Ницше утверждал, что человеческое в конечном счёте отринет метафизику и сакральность тех норм, которые тогда господствовали. И оно может быть более глубоким основанием для построения каких-то других правил для общества. В связи с этим ещё вопрос. В сегодняшнем Западном мире существует толерантное отношение к гомосексуальности. Принято решение считать это нормальным, чтобы эта энергия не размывала социальные институты. А в России это выглядит как некий цинизм. В России считают, что гомосексуальность противоречит каким-то естественным вещам, в плане семьи, рождения детей. Прокомментируйте это.

А.Н. Олейник: По поводу Ницше. Этой его работы, к сожалению, я не читал. Поэтому не мог ее использовать при написании текста. Но Слотердайк как раз полемизирует с Ницше. И для него Ницше является крайней формой циника, который переходит в форму агрессивного циника. Поэтому Ницше был популярен среди нацистов, как бы для обоснования отрицания существующих формальных институтов. Не просто отрицания, а агрессивного отрицания. Но этой работы Ницше я не читал.

Г.В. Драч *(разрумянившись)*: Этот вывод неправильный. Вы говорите о Ницше, а опираетесь при его оценке на других.

А.Н. Олейник: Для меня точкой отчёта был Слотердайк. Если вы хотите спорить…

Г.В. Драч *(багровея)*: Я не хочу спорить. Вы говорите вещи, непозволительные для историка философии…

В.П. Макаренко: Так. Опять пустозвонство.

В.Ю. Попов: Прошу не уходить в сторону, а просто ответить на вопрос об уточнении понятия «человеческое». Не более.

А.Н. Олейник: Я отвечу на вопрос ссылкой на Гумилева. По поводу поиска формы адекватной для отдельного общества, институциональной оболочке. Он говорит, что не любое общество имеет эту оболочку. Некоторые развивающиеся общества могут более активно её искать. Вы говорите об энергии, но это не мои термины. Я воспринимаю ваш вопрос в категориях Гумилева.

В.Ю. Попов: Но я к Гумилеву себя никак не отношу.

Т.А. Марченко: Ницше — интуитивист. А с позиций конструктивизма говорить об интуитивистских концепциях не стоит. Слов будет много, но толку не добавит. Переходить с этого уровня на другой уровень не надо.

В.П. Макаренко *(с улыбкой)*: Когда на днях я проезжал на авто по набережной Дона, увидел настенный лозунг: «Кошки, любите друг друга»…

В.В. Вольчик: Какие социальные ценности должны быть, чтобы вырастали нормальные демократические институты. Может, таких социальных ценностей просто нет и быть не может?

А.Н. Олейник: Вернусь к тому, что я пропустил сознательно — противоречие формальных и неформальных институтов в экономике. Если говорить не о централизованной и не плановой экономике, а о той, которая существует официально и неофициально в России с 1991-го года. Принципы рынка всем хорошо известны. Но при этом всем известно, что российский и не только российский рынок на Западе не работает. Принципы рынка в России только декларируются, но нигде не воспринимаются и не работают на уровне повседневности. Российский рынок основан на основе контроле входа. Это рынок, в котором нужно ку-

пить билет для входа на рынок. И через покупку этого билета ты получаешь право на некоторые привилегии. Ограничивается конкуренция. Ты получаешь большую прибыль, но взамен ты поддерживаешь тех, кто ограничивает вход на рынок, то есть представителей российского политического класса. Поэтому цинизм в экономике имеет ту же природу, если говорить в институциональных терминах, что и цинизм политический. Это рассогласование между повседневными практиками и формальными декларированными институтами. В Советском Союзе декларировалась плановая экономика, но при этом все знали, что есть блат, плановые согласования и так далее. А в России декларируется свободный рынок, но все знают, что он заканчивается первым курсом экономической теории. Потом начинаются реальные вещи, которые никакого отношения к свободному рынку не имеют. Поэтому экономисты такие же циники, как и политики и медики. Кстати, возвращаясь к Слотердайку: всем известно на уровне повседневности, что медики — это циники. Он объясняет это через тот же самый конфликт, о котором я говорил. Через разницу между декларируемыми и реальными нормами. В экономике такой же конфликт. Экономисты тоже циники.

А.В. Оболонский: Насчёт правды-матки. Это один из фундаментальных вопросов. На Руси говорить правду-матку мог только юродивый. В китайской традиции тоже маргиналам разрешалось говорить правду перед лицом дворца. А в демократическом обществе они включены в процесс. Другой вопрос про тюремный мир. Ведь система понятий распространяется не на всех, а только на блатных. А в обыденном языке вообще подразумевается под понятиями менее жёсткая система отношений.

А.Н. Олейник: Начну со второго вопроса. Понятия — это тоже правила игры, но не писанные. Есть разные понятия. Которые регулируют поведение блатных, блатных и мужиков, мужиков, блатных и опущенных. Там «конституция» ранжированная. Там правила игры есть, и есть желание их иметь. Это в классической тюремной системе. Я подчёркиваю — в классической системе, потому что сегодня она уже практически не существует. Сегодня в тюрьме размываются эти понятия и механизмы их воспроизводства. По поводу первого вопроса, я все-таки не соглашусь с вами. Сошлюсь в данном случае на Фуко. И на его описание Диогена, которого на самом деле никто не любил. Его не любил не только Александр Македонский, хоть и уважал, а население его не любило. Тут проблема в чем. Ведь он действительно ничего не написал. И это все на уровне легенд. И если верить этим легендам, то его любили как раз проститутки, бомжи, отбросы общества. Которые видели в нем…

В.П. Макаренко: Идеолога…

А.Н. Олейник: Да. А население как раз и было демократическим большинством. Диоген имел право голоса. Но при этом он говорил, что вы меня никогда не будете слушать. Вы будете слушать Сократа, который меня тоже не любит. Сократ его тоже не любил, потому что Диоген и Сократа высмеивал.

Г.В. Драч *(возмущенно)*: Откуда вы это знаете? Вы говорите так чётко и определённо, что историк философии, всю жизнь этим занимающийся, себе не позволил бы.

В.П. Макаренко. Гена, твоё замечание свидетельствует, что книгу Петере Слотердайка «Критика цинического разума» ты не читал. Если бы прочёл — твоего вопроса просто бы не возникло. Не отсюда ли вытекают твои постоянные кивки в сторону классиков? А ведь ещё гоголевский герой призывал не ломать стулья…

А.Н. Олейник: Вы слышали оговорку, извините. Я перейду немножко на другой тон. Я специально сказал, что основываю свои заключения исключительно на легендах. И любой, кто говорит о Сократе, да и о Диогене, делает то же самое. Потому что письменных источников у него нет.

Аналитический Центр Юрия Левады. 2013. *Общественное мнение — 2013. Ежегодник*. — М.: Левада-Центр

Бек А.А.1988 [1986]. *Новое назначение.* — Кишинев: Картя Молдавянескэ.

Левада Ю.А. 2006. *Ищем человека: Социологические очерки. 2000–2005.* — М.: Новое издательство.

Любин В.П. 2013. О неготовности постимперского общества к демократии (Винклер Г.А. Веймар 1918–1933: История первой немецкой демократии / Пер. с нем. Е.Е. Земсковой, А.И. Савина. — М.: РОССПЭН, 2013). — *Полития.* — №4 (71). — С. 176–190.

Макаренко В.П. 2013. *Русская власть и бюрократическое государство. Часть 1.* — Ростов-на-Дону: Изд-во Март.

Макаренко В.П. 2005. *Политическая концептология: обзор повестки дня.* — М.: Праксис.

Макаренко В.П. 1998. *Русская власть: теоретико-социологические проблемы.* — Ростов-на-Дону: Издательство Северо-Кавказского Научного Центра Высшей Школы.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 1992. *Словарь русского языка.* — Доступно: http://www.ozhegov.com/index.shtml. — Проверено: 29.01.2015 г.

Олейник А.Н. 2014. Повелители рынка: начало конца? — *Независимая газета.* — 24.12.2014 г. — С. 5.

Олейник А.Н. 2011. *Власть и рынок: Система социально-экономического господства в России «нулевых» годов.* — М.: РОССПЭН.

Олейник А.Н. 2001. *Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти*. — М.: ИНФРА-М.

Слотердайк П. 2009 [1983]. *Критика цинического разума*. — Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА. Перевод с немецкого Л. Перцева.

Янов А.Л. 1995. *После Ельцина: «Веймарская» Россия*. — М.: Крук.

Agger R.E., Goldstein M.N., Pearl, S.A. 1961. Political Cynicism: Measurement and Meaning. — *The Journal of Politics* — Vol. 23. — No. 3. — Pp. 477–506.

Foucault M. 2011a. *The Government of Self and Others. Lectures at the Collège de France, 1982–1983*. — New York: Picador/Palgrave Macmillan. Translated by G. Burchell.

Foucault M. 2011b. *The Courage of Truth (The Government of Self and Others II). Lectures at the Collège de France, 1983–1984*. — Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. Translated by G. Burchell.

Foucault M. 2007. *Security, Territory, Population. Lectures at the Collège de France, 1977–1978*. — Basingstoke and New York: Palgrave Macmillan. Translated by G. Burchell.

Helmke G., Levitsky, S. 2004. Informal Institutions and Comparative Politics: A Research Agenda. — *Perspectives on Politics*. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 725–740.

Litt E. 1963. Political Cynicism and Political Futility. — *The Journal of Politics*. — Vol. 25. — No. 2. — Pp. 312–323.

Machiavelli N. 1903 [1515]. *The Prince*. — Oxford: Oxford University Press. Translated by L. Ricci.

Merriam-Webster. 2015. *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary*. — Доступно: http://www.merriam-webster.com/info/index.htm. — Проверено: 29.01.2015 г.

North D.C. 1990. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. — Cambridge: Cambridge University Press.

Oleinik A. 2015. *The Invisible Hand of Power: An Economic Theory of Gate Keeping*. — London: Pickering & Chatto.

Oleinik A. 2014. *Knowledge and Networking: On Communication in the Social Sciences*. — New Brunswick, NJ and London: Transaction Publishers.

Schuck A.R.T., Boomgaarden H.G., de Vreese C.H. 2013. Cynics All Around? The Impact of Election News on Political Cynicism in Comparative Perspective. — *Journal of Communication*. — Vol. 63. — No. 2. — Pp. 287–311.

Shlapentokh V. 1989. *Public and Private Life of the Soviet People: Changing values in post-Stalin Russia.* — Oxford: Oxford University Press.

Wartenberg T.E. 1990. *The Forms of Power: From Domination to Transformation*. — Philadelphia, PH: Temple University Press.

Wilson A. 2005. *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. — New Haven, CT and London: Yale University Press.

Weber M. 1968 [1922]. *Economy and Society: An Outline of Interpretative Sociology*. — New York: Bedminster Press.

МЕЖДУ ТУЗЕМЦАМИ И ЭЛИТОЙ: БАЛАНС ЭНДОГЕННОСТИ И ЭКЗОГЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (Часть I)

В.А. Шкуратов
Южный федеральный университет

Аннотация: *Концепт цинизма в редакции П. Слотердайка используется для сравнения современного западного критического мышления и сознания российской интеллигенции, а также её оппонента — бюрократической власти. Эти три дискурсивные позиции рассматриваются как усилия по удержанию идентичности, в их формирующих социокультурных контекстах. Измерение «внешнее-внутреннее» берётся как конституирующее для идентификационных схем российской элиты и для миросистемной устойчивости страны.*

Ключевые слова: *П. Слотердайк, критическое сознание на Западе и в России, цивилизация и миросистема, цинизм, Веймарская Германия, идентичность и самость, эгоцентризм, интеллигенция, мы-центризм.*

Предлагаемая статья отталкивается от концепта цинизма в редакции П. Слотердайка [Слотердайк 2009], хотя и не использует его в качестве инструмента аналитической дескрипции отдельных сторон постсоветской реальности. Вместо того, чтобы предаваться морализующей критике политического режима, я пытаюсь определить позиции критики, а также её оппонента внутри их социокультурных контекстов. Именно: позиции автора «Критики цинического разума», российской интеллигенции и российской власти. Эти позиции дискурсивны, они возникают в усилиях по формированию и удержанию идентичности. Феноменологию сознания мне придётся оставить. Теоретические построения статьи имеют характер схем контекстуалистского плана. Первая схема возникла из размышлений над страницами «Критики цинического разума» и биографией Слотердайка. Две другие продолжают идеи о российской письменной ментальности, излагавшиеся в моих публикациях с начала 1990-х годов. В предлагаемой статье контекст российского политического сознания расширен до миросистемы. Полезная разработка Ф. Броделя и И. Валлерстайна привлекла моё внимание, поскольку преодолевает цивилизационный подход (который сам по себе есть проявление идентификации) и может служить метаязыком при его снятии. Бродель помещает Россию среди мировэкономик на периферии европейской системы, Валлерстайн наделяет приставкой «полу-».

Указанная промежуточность, видимо, и позволяет стране делать цивилизационную карьеру. Возникают вопросы, почему так долго и насколько ещё долго? Апелляция к бес-

крайним пространствам и трудностям их аккультурации до сих пор работает, однако имеется возможность извлечь объяснения из самой констатации «полу-». Измерение «внешнее-внутреннее» для периферийных переходных, догоняющих сообществ может считаться конституирующим. Его нельзя ограничивать географией, геополитикой, экономикой. «Внешнее-внутреннее» является характеристикой мирокартины, ментальным концептом. На эту квазипространственную горизонталь опирается иерархическая вертикаль власти, вдоль которой скользят соперничающие группы. Игра на поддержание горизонтальной мирокартины едва ли просто byproduct «реальной» промежуточности страны. Она её и удерживает от слияния с «центром». То, что в России игра ведётся долго, складывается в туры (циклы), позволяет говорить не только о политических технологиях, но также об устойчивых идентификационных штампах её элиты. Однако в уяснении идентификационных звеньев миросистемы макросоциальные построения Валлерстайна, к сожалению, не помогут. Королларием к его глобалистике могла бы послужить концепция символического капитала П. Бурдье. Счастливо уловленное Г. Дерлугьяном во время кавказских странствий соприкосновение мыслей американского и французского учёных, было, к тому же, в одном флаконе применено к советско-постсоветской истории [Дерлугьян 2010]. Но я не могу сказать, что получил ответ о влиянии российской политической идентичности на миросохранность России.

Россия — страна, в которой конкуренция интеллигенции и бюрократической власти имеет давнюю историю и признаки возвратно-поступательного движения. Хотя отношения двух фракций образованного класса доходят до антагонизма, в длительной исторической протяжённости общественно-политических циклов они поддерживают баланс эндогенности-экзогенности, от которого зависит идентичность промежуточной страны. Предположу, что этот баланс входит в условия выживания миросистемы. Поскольку мой тезис не может рассматриваться внутри дискурса указанных отношений, оттолкнусь от случая, который числит себя после идеологий и просвещения, т. е. прибегну к помощи Слотердайка.

Веймарская Германия и постсоветская Россия

Постциническое кредо даёт ключ к сравнению критической рефлексии Запада с оппозиционным сознанием российской интеллигенции. Различия двух случаев стилистические, содержательные, целевые. Весёлая наука, которую Слотердайк предлагает потомкам воспитанника Тёрлеса, истерзанного чтением «Критики чистого разума», если и не есть замена глубоко почитаемого мучительного труда, то, во всяком случае, индульгенция тем, кто не сумел его осилить. Российская же образованная прослойка индульгенций не приемлет и настойчиво штудирует истины просветительства, дезавуированные Слотердайком. Книга 1984 г. показывает читателю, как не отождествляться с идеями, лозунгами, доктринами, партиями, тогда как дискуссии российских гуманитариев отличаются квазирелигиозным накалом и распределяют их участников по идеологическим группировкам.

Тотальный критицизм выводит за рамки социально-политической лояльности. В России брюзжание по поводу «бардака» всегда массовое, но удила лояльности туго натянуты и анархическое «против всех» не поощряется. Для одних — к сожалению, а для других к счастью. В чём едва ли возникнут разногласия, так это в том, что денацифицированная Германия и постсоветская Россия — разные исторические случаи. В качестве аналогов наследницы СССР привычнее числить Веймарскую республику, которая не просто садок всех разновидностей цинизма, но и гремучая смесь противоборствующих лояльностей.

В 1984 г., в Западной Германии, «немецкая республика аферистов» — история, труп. Его Слотердайк реанимирует ради изучения цинизма. Он использует метод предельного эмоционального сближения, который называет микрологией. Я бы привлёк более привычный термин — вчувствование. Но вчувствование у Слотердайка особого рода — «страдание a priori» [Слотердайк 2009: 16].

Заканчивается исторический раздел «Критики цинического разума» эпилогом, иронически-садистским описанием плеврального шока, парафразом медицинского эпизода из «Волшебной горы» Т. Манна о том, как человека вскрыли и стали тыкать в него там тупым предметом — в то, что вообще недоступно для прикосновений. Вещь посильнее «Фауста» Гёте, поскольку Фауста всё-таки не вскрывали, а унесли вверх духи!

Философия жизни в лице Слотердайка с помощью Т. Манна доходит до своего рефлексивного антитезиса. Если её классика серьёзно излагала о неизбежной мучительности первооснов жизни, то добравшийся до финала цинизм разражается страдательной конвульсией тела и при этом изнемогающе хохочет. О..о..о..о…. — так вот в чём оказывается последняя истина. Больно, у..у..у..у… И в этом истина? Х-ха-ха..а..а…Вой, смешанный с хохотом. Боль есть очевидность, засвидетельствованная в гносеологическом суждении о несомненной своей ощутительности последней немецкой философией, уже обличившей все другие возможные подлинности.

И мы сможем изнемогающее похохотать, когда узнаем, что критика нашей идентичности — это ощущения при вскрытии её, т. е. нас. Но, скорее, примем синдром Антона Карловича Ферге, почтенного персонажа «Волшебной горы», за метафору. Слотердайк предусмотрительно берёт своим материалом веймарскую Германию. Во-первых, труп. Во-вторых, труп с хорошо задокументированной агонией. В-третьих, с превосходными рефлексивными описаниями этой агонии. В-четвертых, с хорошо известными последствиями защитного цинизма (ложного просветительства), поддерживавшими агонию почти 15 лет.

Веймарская Германия — это фальшивая демократия, несостоявшаяся республика, ностальгирующая по монархическому прошлому, случай постимперской травмы, которую попытались лечить чумой. Состоянием «после империи» была и Третья французская республика, в первое десятилетие своего существования управлявшаяся монархистами. Она закончилась военной катастрофой и коллаборационистским режимом легитимистских расцветок. Кстати, подтверждается прискорбное для исторического оптимизма обстоятельство: свобода не наступает на следующий день после падения бастилий. Ту чехарду государственных режимов, которую открывает революция 1789–94 гг., едва ли можно подвести под единое социально-правовое обозначение. Во французской историко-политической лексике она выглядит так: Первая республика (1792–1799), Консульство и Первая империя (1799–1814/15), монархия Бурбонов (1814/1815–1830), Июльская монархия (1830–1848), Вторая республика (1848–1852), Вторая империя (1852–1870), Третья республика (1870–1940), немецкая оккупация и режим Виши (1940–44), временный режим и Четвёртая республика (1944-1958), Пятая республика (с 1958). Путь от старого режима к новому, понимая под таковым стабильный демократический строй парламентского типа, и во Франции, и в какой-либо другой стране, увы, много длиннее, чем шаг от «тирании» к «свободе». На родине Декларации прав человека и гражданина он занял 180 лет, если считать, что отпущенный этой стране запас революций и насильственных перемен был исчерпан к началу 1970-х–гг.

Наш компаративистский интерес состоит в переборе и сравнении вариантов — какой наш: германский, веймарский или французский, Третьей республики? Но, разумеется, история всегда особенна. При том, что мы можем повторять некоторые типологические черты и общие этапы движения от т.н. старых режимов в современность, полного параллелизма нет, и в одну историю, как в одну реку, нельзя войти дважды.

Слотердайк даёт возможность ретроспективно взглянуть на нынешнее состояние России с рубежа, ею не достигнутого. Повторю: я использую эту возможность не для обличения цинизма её общества и политики, а чтобы сравнить западную критическую мысль в своём контексте с отечественной в своём. К счастью, наши контексты не так различны, как в романах братьев Стругацких о научных сотрудниках Института экспериментальной истории, работающих на планетах с отсталым общественным строем. Поэтому позиция Слотердайка не

закрыта для нашего понимания. Но и перепрыгнуть из своего настоящего в чужое невозможно.

Идентичность или идентичность самости?

Немецкий философ представляется читателю как наследник той традиции Античности, которая давала отпор серьёзной учёности. С древнего кинизма »начинается сопротивление— борьба экзистенции, которую обучали пользоваться понятиями, против самонадеянности понятий и против обучения, которое было чрезмерно раздуто и превращено в форму жизни» [Слотердайк 2009: 768]. Диоген использовал телесность наподобие логического аргумента против общества, уже познавшего яд и сладость философских умствований. Слотердайк готов продолжить такого рода аргументацию, однако строить экзистенцию по заветам античного патрона он не спешит. Главки про высунутый язык, выпученные глаза, зады, гениталии и т. д. весьма краткие, и ведь это не руководство к действию (иначе профессору пришлось бы примкнуть к группе «Фемен»), а изюминка во вполне учёной книжной выпечке.

Слотердайк с почтением относится к носителям критической теории в XX в. — В. Беньямину и Т. Адорно. Однако не спешит присоединиться и к ним: слишком минорны, плаксивы, отрицательные переживания заслоняют позитивное начало. Терзания годятся для исторической вивисекции Веймарской республики, но сегодняшний человек предпочитает наслаждаться. Компанию «израненной критики» Слотердайк пополняет фигурами Руссо, Шеллинга, Гейне, Маркса, Кьеркегора, Ницше, Шпенглера, Хайдеггера… В их ряды он тоже не хочет : «Я лишён амбициозного желания попасть в число страдальцев из этого достойного лазарета критических теорий. Настало время для новой критики темпераментов. Там, где просвещение выступает в роли «невесёлой науки», оно невольно способствует меланхолическому оцепенению. Потому критика цинического разума, скорее, обещает быть трудом, приносящим веселье, причем с самого начала ясно, что она не столько труд, сколько отдохновение от него» [Там же: 22–23].

Предложение широкой публике дать ей другую философию едва ли где-нибудь, кроме, разве, Германии, эту публику воодушевит. Вспомним, что Германия — страна всеобщего, по крайней мере, начального, философского образования, и что Кант, Шеллинг, Фихте, Гегель, Шопенгауэр для её уроженца — такие же хрестоматийные фигуры, как Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов для уроженца России. Родина Гуттенберга является сейчас одной из самых читающих стран в мире, отобрав пальму первенства у нашей страны. Массовая культура не может обойти такой ресурс, как национальная классика. Проект Слотердайка, сознательно или не очень, питается вовлечением в медийное пространство традиции философского чтения.

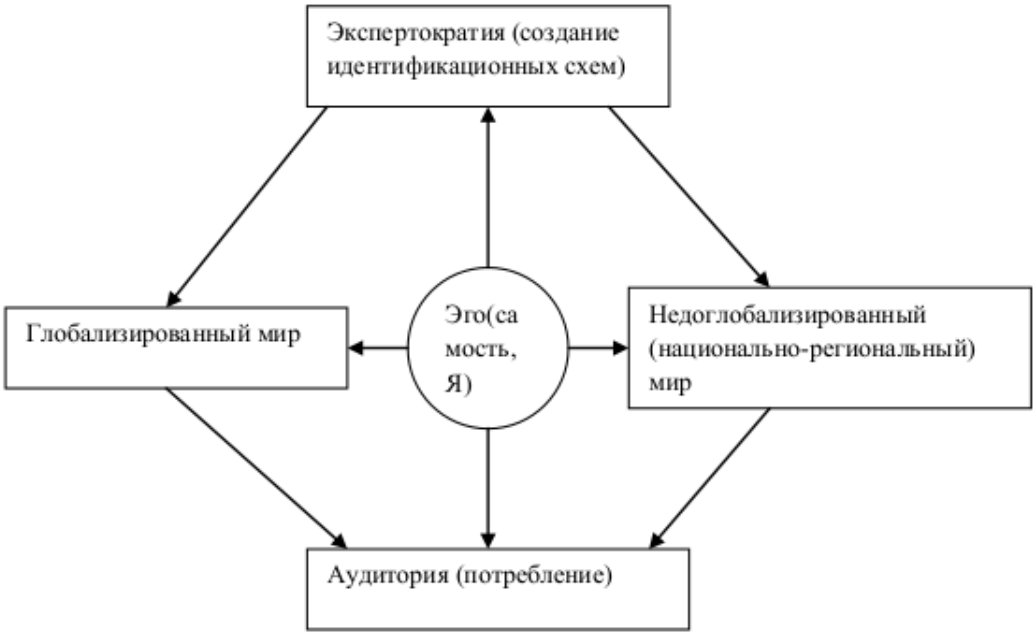
По истечении тридцати с лишним лет после выхода в свет «Критики чистого разума» уместно напомнить об упомянутом обещании и задать ряд вопросов. Удалось ли Слотердайку реализовать своё заманчивое предложение и сделать из невесёлой старой критики весёлую новую критику, которая не столько труд, сколько развлечение? Имеется ли в виду, если говорить на медийном жаргоне, инфотейнмент, т. е. соединение информации с шоу, или же наука в более собственном смысле? Как конфигурируются постцинизм и постнеоницшеанство Слотердайка контекстом массовой культуры и как выглядит в этом констексте его идентичность? Первые два вопроса в значительной степени риторичны, и я сосредоточусь на последнем.

Что удалось Слотердайку, так это завалить книжные магазины Германии своей продукцией (40 книг после 1984 г.!), заполнить телеэфир своими интервью и шоу, стать главным публичным философом страны. Последнее словосочетание не очень понятно, но, видимо, оно в родстве с титулом поп-звезды. Играя роль свободного «вненаходимого» киника, Слотердайк даёт пример постсовременного западного индивидуализма. Его цель — уклониться от любой идеологической позиции, но нельзя сказать, что он аполитичен, т. е. безразличен к

общественной жизни. Наоборот. Человек Никто существует в активной демонстрации разных интеллектуальных трюков, с помощью которых он отвергает любую политическую данность. Хотя Слотердайк декларирует свою индивидуальность как телоцентрическую, правильнее будет назвать её эгоцентрической. Социокультурная среда, в которой действует сегодняшний наследник Диогена — не городская площадь, а информационно-развлекательное пространство. На него Слотердайк работает в качестве свободного журналиста до выхода своего бестселлера и в качестве ведущего интеллектуальных шоу и провокативной медиаперсоны после.

Графически изображу, как существует идентичность интеллектуального эгоцентрика в его социокультурной среде:

Схема 1.



Горизонтальная ось показывает размах медийно-информационной популярности знаменитых особ. Предваряя схематизации отечественного материала, отмечу, что координата экзогенности-эндогенности в западном варианте не требует от национальной звезды больших усилий по адаптации к зарубежной аудитории. Пространство массовой культуры сейчас столь обобщено и его стандарты столь унифицированы, что чемпионы спорта, поп-музыки, кино неизбежно становятся таковыми и за пределами своей страны. Относится это и к рынку интеллектуальной продукции. Пример Слотердайка тем более показателен, что немецкий философ как будто и не особо стремится выходить за пределы своего германоговорящего мира. Однако в глобализированном сообществе символический капитал так же транснационален, как финансовый. Из всех книг по философии, вышедших в Германии после Второй мировой войны, «Критика чистого разума» собрала самые большие тиражи. После этого она была переведена на более чем тридцать языков. По негласному рейтингу ВИП-интеллектуалов, Слотердайк сейчас философ № 2 Германии после Хабермаса[1]. По тому же негласному рейтингу, он — главный мировой постмодернист после смерти Ж. Бодрийяра.

Экономика рейтингов, престижных шкал и других символических дериватов опирается на персонализированную мирокартину. Ведь оцениваются индивидуальные сущности: стра-

[1] Образцово-дотошные серьёзные штудии Хабермаса — это как раз то, что, по Слотердайку, надо отменить. Однако отношения между двумя светилами интеллектуального немецкого небосвода складывались неплохо до тех пор, пока очередная из провокаций Слотердайка не ударила в самое солнечное сплетение немецкой вины. Философ №2 призвал к селекции человеческого рода и философ №1 обвинил его в фашизме.

ны, компании, персоны. Центральное положение Эго в схеме означает легитимность индивидуальных проявлений в западной цивилизации, но также и то, что эти проявления в нашем случае являются товаром. Стрелки-лучи, идущие от светила коммодифицированного пространства в обе стороны, показывают, что капитализируются не только знания, открытия, идеи, мастерство, всякие достижения и таланты высокорейтинговой персоны. Её экстравагантность, непонятность, странные выходки равно идут в зачёт символически-престижного веса как проявления единственной самости.

Теперь обращусь к вертикальной оси. Она служит для изображения игр самости с налагаемыми на неё идентификационных схемами. Сделаю отступление, чтобы пояснить, каким образом представляю различие двух персонологических категорий, тем более, что в специальной литературе их соотношение рисуется весьма смутно. Между тем, уже само сложившееся словоупотребление даёт ключ к их разным значениям. Слово «идентичность» требует эпитета: психосоциальная, этническая, профессиональная, политическая и т. д. Самость же ни в каких уточнениях не нуждается и, более того, им противится.

Продвигаясь от феноменологического «я есть тот, кто я есть»[2] самости к её, самости, иному, мы оказываемся в охвате социума, который поручает присваивать звание самости культурным схемам идентификации. Эти схемы можно изобразить вложенными, концентрическими окружностями. Движение из центра начинается в онтогенезе от симбиоза плода и младенца с матерью. Затем человека вбирают в себя расширяющиеся круги семьи, сверстников, образовательных и профессиональных институтов, общества, цивилизации. Что касается историогенеза, то вообразим стоящий на острие цилиндр, который сложен из колец: маленькие кровнородственные группки внизу, выше — семейные и территориальные общины, племена, государства, союзы государств, планетарная общность человечества. Предположу, что эти круги есть: а) конструкты «семья», «община», «племя», «государство» и т. д., а не просто семья, община, племя, государство и т. д. как таковые и б) идентификационные схемы, убеждающие нас отказаться от физической изолированности, подозрительности, аналитизма по отношению к указанным «мы» нашего Я и принять их просто, как таковые.

Идентичности составлены разными идентификационными схемами и, собственно, состоят из них. Цель идентификации — групповая солидарность. Разные группы конкурируют за самость. Они привлекают Эго (самость, Я) в качестве маркера социализации, который присваивает индивида определённому «мы» через стирание зазора между идентичностью и самостью. Такие состояния идентификации, когда целокупность человека охвачена схемой как будто без остатка, особенно ценятся. В них вера подменяется религией, знание наукой, воображение искусством. Схематизмы конкурируют между собой как якобы самости («подлинные» определения «человеческой сущности»). Однако зазор не снимается. Конкурирующих идентификационных кругов много, да и личность способна сбрасывать надеваемые на неё этикетки. Первый случай предоставит возможность поговорить о России, определяющей себя через выбор разных предложений, второй — продолжить обсуждение западного эгоцентризма.

Определить принадлежность Слотердайка и подобных ему персон к правильному политическому спектру, идеологии, философскому методу, научной дисциплине и т. д. затруднительно. Даже казалось бы очевидный постмодернизм его под сомнением и наводит на мысль о неком «игривом (jovial) модернизме [Van Tuinen 2007]. Когда мэтр вроде бы серьёзно принялся за opus magnum фундаментально философского плана, то выбрал предметом пузыри, глобусы и пену [Слотердайк 2005–2010].

В качестве субъекта и подлинного Эго Слотердайк указывает тело. Он, как и Диоген, предлагает возлагать ответственность на естество. Но с естества взятки гладки. Тело, как известно, само по себе не обладает правоспособностью, не ведёт дебаты, не выступает с лекци-

[2] Первоначально — это самоопределение Бога. Так он отвечает на мольбу Иосифа назваться в книге «Исход» Библии.

ями и т. д. Ему нужны интерпретаторы. Интерпретаторы творчества маститого автора, его исследователи и знатоки, выступают и как эксперты по его личности, особенно когда она столь хитроумно адресует их к соме. На схеме они значатся под именем экспертократии, т. к. обладают приоритетом, напоминающим власть, в создании схем, идентифицирующих исключительное Я. Этими схемами пользуется аудитория, которая делает себя под своих кумиров. Она потенциально совпадает с народонаселеним, охваченным каналами массовой трансляции. ВИП-мыслитель зависим от экпертократии в том, что касается обработки и трансляции его Я, истолкования его мыследвижений для массового потребления. В то же время он отвергает идентификацию себя с конкретными «мы». В таком отождествлении он ощущает угрозу своей самости, которая — его ресурс в функционировании на рынке символического капитала. Правила игры состоят в том, что одна сторона истолковывает, а другая разрушает эти истолкования движениями своей непредсказуемой персоны. Слотердайк усматривает источник спонтанности в теле. С этим трудно согласиться, поскольку на интеллектуальный рынок поступают не соматические жесты, а новые слова, идеи, метафоры, мыслеобразы. Прямое обращение к «народу» затруднено, т. к. последний является аудиторией. Потребитель получает информацию через транснациональную и национальную сеть масс-медиа. Тёмные слова и речения интеллектуального гуру расходятся по б. ч. в форме реплик, афоризмов, сентенций, аннотаций, облегчённых изложений, подготовленных экспертами, и в гораздо меньшей степени от изучения его оригинальной продукции. В контуре символической экономики Эго ВИП-мыслителя играет роль сырья для восходящих циклов знаниево-информационной разработки, начиная от первичной текстовидеографии и кончая «хайтеком» статей, диссертаций, монографий. При размывании дисциплинарных границ науки гуманитарии и обществоведы группируются уже не только и не столько как философы, социологи, политологи и т. д., сколько как специалисты по Хайдеггеру, Фуко, Дерриде, Лакану, французскому структурализму, американскому прагматизму и т. д. Указанная тенденция, очевидно, работает в сцепке с эгоцентрированностью медиаполя, построенного как констелляции музыкальных, спортивных, политических, интеллектуальных и других звёзд. Вне экономического контура star пребывает закрытой индивидуальностью, оставаясь как таковая опорой системы**.**

Сам жаргон массовой культуры постоянно выводит и на другую, астрономическую, а не сырьевую метафору. Избранные самости составляют звёздные центры своих систем. Находящиеся в поле их тяготения фанаты взирают на своё солнце сквозь линзы идентификаций. Переход от замкнутого одноцентренного мира к Вселенной из бесконечного множества светил, следовательно, происходит и в социокультурном космосе. Однако нельзя сказать, что в гуманитарном регистре птолемеева система мира уже везде заменена коперниканской и релятивистской. Неполная секуляризация мировоззрения, меры против разбегание идеологий и по удерживанию их вокруг Авторитета, монополизация каналов символического обмена и ресурсов для высокорейтинговой жизни — всё это возвращает нас к случаям, переходным от закрытого, централизованного мира к плюралистическому космосу множества Я□s**.** Приходится объединять астрономию с экономикой, ведь Россия закупает прогрессивные идеи и технологии, чтобы поддерживать свой социокосмос в докоперниканском состоянии.

Слотердайк в России и наша идентичность

Отсутствие сродства между весёлой наукой Слотердайка и серьёзными мыслями российской интеллигенции было подтверждено чем-то вроде очной ставки. Приехавшая по культурной программе дней Германии в России знаменитость выступила в Петербургском университете перед аудиторией в 400 человек 19 апреля 2013 г. с лекцией «Непрерывный Ренессанс». 65-минутный доклад, прочитанный на немецком языке с листа, судя по отчётам, сначала воспринимался с напряжением, а затем просто вежливо. Проводившая социологический мониторинг и экспресс-опрос аудитории группа констатировала, что «по мнению неко-

торых слушателей, с которыми мы, по окончании выступления, вступали в короткие диалоги, лекция была затянутой. Интерес аудитории стал угасать примерно с последней трети выступления Показательно, что раньше окончания выступления заезжей звезды ушло порядка двадцати слушателей» [Семенков и др. 2013].

Лектор предлагал аудитории находить удовольствие в жизни во время эпидемии чумы. Непонятно, намекал ли он на Россию — речь шла о «Декамероне». Вопросы из аудитории не предполагались. Содокладчик Ф.И. Гиренок объяснил залу, что мышление Слотердайка клиповое, играет метафорами. Подобная стилистика лидеру нашего археоавнгарда должна была импонировать, однако «вечный Ренессанс» ему не понравился. Два других содокладчика высказали свои сомнения: «Доцент А.К. Секацкий убеждён, что всякое знание лишь умножает цинизм… Если судьба цинического разума состоит в том, чтобы быть сметённым новой наивностью, то как к этому следует отнестись: как к желанному варианту или неизбежному? Или как к некоторому основанию для печали, ибо понятно, что вслед за обновлением бытия почти автоматически с неизбежностью погибнут все достижения разума, которые совершенно не будут и не могут быть востребованы поколением новых юных совершенно не циничных людей. Профессор Александр Перцев, который переводил на русский популярную „Критику цинического разума“ Слотердайка, заявил, что из доклада философа сложно извлечь что-то нужное и полезное для современности, поскольку в наши дни проблема человечества заключается вовсе не в страшных эпидемиях, а в том, что „счастье“ подменили „успехом“» [Кофырин 2013].

Реплики отчётов указывают на иную, чем в рассмотренной выше схеме, аудиторию. Дело даже не в том, что публика плохо подготовлена к восприятию заезжей звезды, а в том, что в обход слотердайковской весёлой науки, она нацелена на серьёзные вопросы. Перейду теперь от впечатлений встречи к типологии идентичностей.

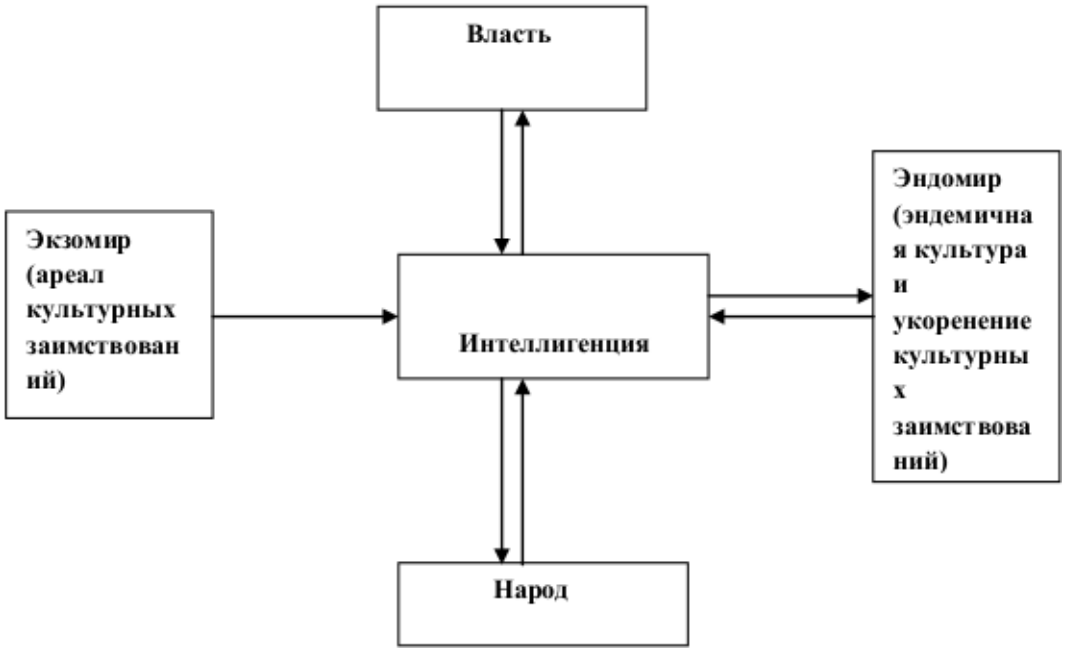
Коллективное критическое сознание в нашей стране имеет социальное тело, именуемое интеллигенцией. Исходно и по существу интеллигенты — это читатели. Они и пишут, но в отношении к высокой литературе остаются, скорее, пользователями, чем творцами. Читатель, участник кружка для обсуждения прочитанного, распространитель изданий определённого рода, публицист, организатор публикаций, адепт и пропагандист всяких «измов» — таков генезис и социальное предназначение интеллигента. Высокая литература, философия своими средствами открывают первичные формы существования Я в мире и потому эгоцентричны. Интеллигенция разделяется на группы в соответствии с кругами избранного чтения[3] и потому мы-центрична. При этом эксцентриситет единичного мыслительного или художественного мира она скругляет в узнаваемые клише для идентификации конкурирующих идейных лагерей.

Следуя за Б. Андерсоном [Андерсон 2001], можно отнести интеллигенцию к воображаемым сообществам; я применял обозначения «скриптогруппа», «скриптосообщество», «скриптокласс» [Шкуратов 2005; Шкуратов 2009], чтобы подчеркнуть её прикреплённость к пись-

[3] Чтобы не быть голословным, приведу пассаж из статьи Д.И. Писарева (1861), в котором критик фактически отождествляет интеллигенцию даже и не с читателем вообще, а с читателем толстых литературных журналов: «Развитие русской журналистики с каждым годом становится шире; возникают новые журналы и в короткое время приобретают себе значительный круг читателей; между тем старые журналы продолжают своё существование, и число их подписчиков нисколько не уменьшается. Периодические издания расходятся по всем концам России, и идеи, выработанные в тиши кабинета, за письменным столом, становятся достоянием целой обширной страны, становятся почти единственною умственною пищею для нескольких десятков тысяч человек» [Писарев 1955: 97]. Писарев понимает, что журнальное поветрие возникло в России не от хорошей жизни, а по убогости. Больше читать нечего, да и публика такова, что больше ничего читать и не будет: «Большинство публики читает одни журналы, это факт, в котором мог наглядно убедиться всякий, кто жил в провинции и бывал в обществе какого-нибудь уездного города. Один экземпляр „Современника“ или „Русского вестника“ читается целым городом, переходит из рук в руки и возвращается обыкновенно к владельцу в самом жалком, истрёпанном виде... При этом некоторые отделы остаются совершенно не тронутыми и даже не разрезанными…» [там же].

менной цивилизации. Скриптогруппы получают воображаемое единство (идентичность), противопоставляясь как скриптокласс носителю альтернативного социального проекта. В дореволюционной Европе Нового времени этот проект называется просвещением народа, его легитимный носитель — правящая бюрократия, другой скриптокласс письменной цивилизации. Критическая прослойка общества возникает в интерференции культуры и политики. Не будучи создательницей оригинальных философских, научных, художественных произведений, интеллигенция находит себя в публичном менеджменте идей и открытий. Упор делается на свободе мнений для решения социальных проблем. Идеологизируя сферу вольной словесности, интеллигенция представляет последнюю как собственный проект национального развития. Опираясь на литературу per se, класс читателей сооружает для себя контекст в виде тройственной мирокартины с политическим уклоном. Прибегну опять к графическому изображению. Новую схему уместно назвать интеллигентоцентрической:

Схема 2.



Если схема 1 трансцендирует Эго (самость) в отношении к социальности, то схема 2 социетальна — Эго (самости) в ней нет. В том, что расположено по вертикали, легко узнать вариант трёхфункциональной модели мира, обнаруженной Ж. Дюмезилем [Dumezil1968] у индоевропейских народов. В средневековой Европе она модифицировалась в трёхсословный порядок, составляющие которого (воины, священнослужители и труженики) Ж. Дюби назвал дискурсивными полемическими формациями [Duby 1978]. Обобщающая этот порядок трёхфункциональная модель есть структура с идеологом («полемическая формация», «дискурсивная практика»), которая сама себя обосновывает. А.Я. Гуревич предполагает, что «как правило, эта классификация общества предпринималась не с осознанной целью набросать картину классов, сословий, «орденов» (ordines), состояний — она, скорее, непроизвольно возникала под пером того или иного автора, когда он пускался в резонёрство» [Гуревич 1981: 247]. Уточню, что в тернарной структуре в центре помещается духовенство, это его образ мира, и что автор, как правило, анонимный, совсем не стремящийся выпятить своё Я, а смыкающийся со своим сословием.

Российская интеллигенция как подобие секулярного жречества также приобрела определённые черты сословия. По мнению некоторых авторов [Леонтович 1980; Миронов 2000], сословный строй в нашей стране сравнительно с Западом формируется очень запоздало, в

XVIII — XIX вв. Моё предположение состоит в том, что на фоне этой поздней институциональной трёхсословности идёт разворачивание альтернативной просвещенческой триады «власть-интеллигенция-народ». В моём первом применении структурной схемы к отечественному материалу я полагал, что в западном средневековом варианте тернарной модели идеолог обосновывает своё социальное устройство, в то время как в российском — своё сознание [Шкуратов 1990]. Затем я пришёл к мнению, что в периоды явных размежеваний просвещенческой элиты (пореформенная Россия, перестройка и первое постсоветское десятилетие) этот схематизм оказывает заметное влияние на конфигурацию политических сил и ход событий в стране [Шкуратов 2005; Шкуратов 2006].

Разумеется, между формулой европейского феодализма и мирокартиной российской интеллигенции есть не только сходство, но и различия. Всё-таки христианское духовенство средневековой Европы и по статусу, и по самовосприятию было сословием номер один и помещалось на верху феодального мироустройства. Являясь книжным, письменным, оно обладало реальными благами и привилегиями. Его положение нельзя назвать временным, нестабильным.

Совсем иначе ощущает себя интеллигенция. Она — «между» и вся в характеристиках промежуточности, переходности, прослоечности, условности. Ведь интеллигенция — это несостоявшееся духовное сословие России, равно как и несостоявшаяся часть среднего класса её современного общества. Состояться в качестве духовного сословия она не могла потому, что в XIX–XX вв. время сословий миновало. А дать начало средним и средне-высшим стратам современного общества она также не в состоянии, поскольку современного стратифицированного общества в России XX в. не возникло. Впрочем, в России указанное фантомное образование задержалось более чем на полтора века и, наверное, внесло вклад в устойчивую неустойчивость страны. Отвечать по счетам истории интеллигенция должна вместе с напарницей по просветительскому тандему — бюрократической властью. Однако вместе с ними к разбору надо привлечь и географически-геополитический фактор.

Если вертикальная ось схемы выглядит как разновидность индоевропейского универсализма, то горизонталь в большей степени указывает на специфику страны. Россия расположена между старыми историческими цивилизациями. Её размеры затрудняют культурную ассимиляцию соседями, а та же география мешает превращению в гомогенный социокультурный организм. Качество промежуточности, спроецированное на горизонталь, остаётся всё той же зависимостью класса культурных потребителей от первоисточников художественно-мыслительного опыта. Гегель, Шопенгауэр, Прудон, Маркс, Гюго, Бальзак, Жорж Занд, Диккенс, Ибсен, Метерлинк, Хемингуэй, Камю, Кафка, Ремарк, Сартр, Маркес приобретают у российской интеллигенции популярность, сравнимую с той, которой они пользуются у себя на родине, а иногда и превосходящую таковую. Бывает, (особенно в советские времена) это знакомство понаслышке, из вторых и третьих рук Плохая проницаемость государственных границ создаёт знанию из экзомира ореол сокровенности, а интеллигенции жреческий (иногда и мученический) престиж его толковательницы и распространительницы.

Итак, интеллигенция находится на пересечении горизонтального отношения экзогенности-эндогенности и вертикального — между правящей верхушкой и управляемой массой, как инстанция заимствования и осмысления иноземного культурного опыта и как посредница между властью и народом. Эти две функцию развиваются параллельно. Связи интеллигенции по вертикали двусторонние, как и по горизонтали с её эндомиром (автохтонной эндемичной культурой, «почвой»). Интеллигенция то часть и обслуга власти, то её конкурент. Она то ходатайствует за народ перед сильными мира сего, то поднимает против них. Интеллигенция то пересаживает в «почву» иноземные инновации, то пытается раствориться в родной земле. Связи же с экзомиром я пометил одной стрелкой, как односторонние. «Оттуда» заимствуется больше, чем передаётся туда. Этот дисбаланс вызван «догоняющим» характером российской

модернизации и читательской вторичностью интеллигенции. К тому же, канал внешних связей традиционно находится под контролем власти.

И.А. Иванников: Мы ещё не осознали все, что сейчас было сказано, и тем не менее: Россия — это Евро-азия или Европейское государство?

В.А. Шкуратов: Так просто не ответишь на этот вопрос. С моей точки зрения новая Россия начинается примерно с 1600 года, в тот момент, когда она сформировалась в двух своих частях — Европейской и Азиатской, которая включала Сибирь. Но в этот момент вектор развития России был европейским, то-есть континентальным. Кстати, об этом пишет Вернадский Георгий Владимирович: Россия и США — континентальные державы и формируются в одно время. Примерно на рубеже XVI-XVII веков начинается осваивание колоний в Северной Америке и движение русских к Тихому океану. Ермак поклонился Сибирью Ивану Грозному.

В.П. Макаренко: Но Сибирь ведь тогда означала только примерно нынешнюю Тюменскую область.

В.А. Шкуратов: Я предпочитаю говорить, что это ещё Европа. Что развивается европейский вариант, европейская возможность развития. А южный степной вектор появляется как дополнительный механизм отношения со старыми земледельческими цивилизациями и другими религиями, которые моделируются по типу отношений с Золотой ордой. В это время и появляется азиатская имперская довеска. Империя начинает расширяться к Югу, в сторону южных хребтов. Мне кажется, когда Россия испытывает сильные удары, то она постоянно возвращается к Европейскому варианту развития, но затем опять отклоняется. Потому что у элиты есть возможность не осваивать, а прикупать идентичность. Ресурсов очень много. Они избавляют от необходимости прорабатывать идентичность.

Кстати, об этом же писал Бжезинский. Он сначала писал в стратегическом плане: самое главное для США — это Евразийский проект. В то время на месте СССР появилась чёрная дыра. Неясно было, что с ней будет. Вот и с моей точки зрения, евразийство — это некое южное движение государства, обусловленное его географическими конфигурациями. Россия занимает некоторую геополитическую нишу. А где её ниша? На юге, до южных хребтов. На Востоке — это океан, на Севере — океан. Следовательно, Россия является евразийской державой в той степени, в которой элита отвергает существо восприятия европейских ценностей. Они многослойны. Но пропуском в эти ценности в настоящее время является принятие западной системы власти. Элита этого не хочет.

И.А. Иванников: Раз вы вспомнили Бжезинского, то до украинских событий в 2013 году в одной из его книг он сказал: границы Европейского союза закончатся рядом с Южной Кореей и Японией. Сначала вступает Украина, потом Белоруссия, и по частям Россия. Как вы думаете, насколько реалистичен этот проект в свете современных тенденций?

В.А. Шкуратов: Бжезинский не меняет свои взгляды. Сейчас он выступает даже за федерализацию Украины. Но он стратег и политик, то-есть, мыслит так, что надо будет что-то делать с российской элитой. То ли договариваться, то ли применять к ней другие приёмы. Но в любом случае для Бжезинского стратегическая цель США — это управление миром. Потому что для Бжезинского США есть единственная мировая держава. Почему? Потому что Соединённые Штаты имеют опыт континентальной цивилизации. Они прошли от океана к океану, как и Россия. В то же время они восприняли от Европы опыт океанической цивилизации. Они унаследовали от колониальных империй: Португалии, Испании, Италии, Франции, Нидерландов и сам опыт глобального охвата — во все концы, по всему земному шару. Поэтому Соединённые Штаты являются единственными наследниками двух типов освоения пространства — морского и сухопутного. Россия в этом отношении ограничена. У неё только континентальный опыт. Поэтому с точки зрения Бжезинского её шансы малы. Эта его книга была написана в 1997 году. Я не знаю, изменил ли Бжезинский кардинально свои взгляды.

По-моему, нет. А у Киссинджера другая геополитическая концепция — консенсуса разных сил. Это даже странно, поскольку Бжезинский был советником демократа, а Киссинджер — республиканца Никсона.

Г.В. Драч: Спасибо за интереснейший доклад. Ваша этой модель уже нашла применение при вопросах и ответах. В ней меня привлекает центр. Не превращается ли он при обсуждении проблемы цинизма в слепое пятно? Что все эти понятия представляют для вас: Восток, Запад, формы, конституирование элит, передачи власти, агональные приёмы для Запада? Что вы бы охарактеризовали как центр в развитии обсуждаемых идей?

В.А. Шкуратов: Цель бывают разные. Как говорит герой пьесы Маяковского «Баня»: «Цели бывают разных луёв». Речь идёт о целях кратко-, средне- и долгосрочных. С моей точки зрения имплицитной целью человечества является его единство, та или иная форма глобализации. От этого никуда не уйти. Другое дело, как оно к ней будет подходить и каким вектором идти. Я думаю, что существует американо-евразийский вектор, который будет собирать государства европейского корня. И тогда Россия должна примыкать к Европе и Америке и быть естественным мостом. Но возможны отклонения по меридиану, которые будут требовать вступать в альянсы с исламскими государствами, восточными государствами, Китаем. Вот здесь обсуждались проблемы геополитики. Я не геополитик, но занимаюсь психолого-исторической культурологией. Мне кажется, будет иметь место конфликт между этими трендами. Формирование общечеловеческого единства займёт много времени. С моей точки зрения совершенно естественным для России является тесное сближение с родственными нам европейскими народами. Они родственны нам по языку, ментальности, культуре, историческим связям, а восточные народы все-таки нам не подходят. Я бы сказал, что европейский путь является наиболее логичным для России, и с точки зрения дальних перспектив политически наиболее выигрышным. Препятствием к нему является наличие некой миросистемы под названием Россия. Эта миросистема себя сохраняет, несмотря на некоторые моменты полураспада. В этих моментах Россия всегда возвращается к некоторому европейскому варианту развития, но почему-то всегда от него уходит. Потому что её элита привыкла идентифицироваться, прикупая, а не усваивая свою идентичность.

Андерсон Б. 2001. *Воображаемые сообщества*. — М.

Гуревич А.Я. 1981. *Проблемы средневековой народной культуры*. — М.

Дерлугьян Г.М. 2010. *Адепт Бурдье на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе*. — М.

Кофырин Н. 2013. *Петер Слотердайк, доклад в Петербурге*. — Доступно: http://philosophy-ru.livejournal.com/204044.html. — Проверено: 23.05.2015 г.

Леонтович В.В. 1980. *История либерализма в России (1762–1914)*. — Париж.

Миронов Б.Н. 2000. *Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1*. — СПб.

Писарев Д.И. 1955. Схоластика XIX века. — Писарев Д.И. *Сочинения в четырёх томах. Т. 1*. — М.

Семенков В., Грибова О, Ходырева М. 2013. *Как социологи на лекцию Слотердайка ходили*. — Credo New. — № 3.

Слотердайк П. 2009. *Критика цинического разума*. — Екатеринбург-М.

Слотердайк П. 2005–2010. *Сферы*. Т. 1–3. — СПб.

Шкуратов В.А. 1990. Интеллигенция между организацией и самоопределением. — *Организационно-управленческая психология. Проблемы и перспективы (материалы конференции)*. — Ростов-на-Дону: РГУ.

Шкуратов В.А. 2005. Интеллигенция в проекте современности. — *Логос*. — № 6.

Шкуратов В.А. 2006. *Искусство экономной смерти (Сотворение видеомира)*. — Ростов-на-Дону.

Шкуратов В.А. 2009. Похороны и торжества (к скриптополитике и скрипторелигии русской интеллигенции). — *Политическая концептология*. — № 4.

Duby G. 1978. *Les trois ordres ou l'imaginaire du feodalisme*. — Paris.

Dumezil G. 1968. *Mythe et épopée. Vol. 1*. — Paris.

Van Tuinen S. 2007. Critique Beyond Resentment: An Introduction to Peter Sloterdijk's Jovial Modernity. — *Cultural Politics*. — Vol. 3. — No. 3.

ПУБЛИЧНЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИНИЗМ

А.В. Лубский
Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье рассматриваются различные представления об интеллектуалах и их социальных функциях, раскрываются особенности российских публичных интеллектуалов, культурные и когнитивные источники их политического цинизма, формы и способы его проявления в современном российском обществе.*

Ключевые слова: *интеллектуалы, публичные интеллектуалы, цинизм, политический цинизм, формула цинизма, циничный разум, цинизм «верхов», цинизм «низов», цинизм интеллектуалов.*

Сегодня много говорят о политическом цинизме не только «верхов» (власти), но и «низов» (массы). Об этом свидетельствуют, в частности, доклады на Всероссийской научной конференции «Политический цинизм: концепт и постсоветская реальность» (Ростов-на-Дону, 27–28 марта 2015 г.), сделанные Л.Д. Гудковым «От двоемыслия к цинизму: общественная цена стратегии понижающей адаптации (по материалам исследований Левада-центра)», А.Н. Олейником «Конфликт формальных институтов и „человеческого“ как источник политического цинизма», А.В. Оболонским «Политический цинизм: концепт и российская реальность», С.А. Денисовым «Политико-правовой нигилизм и цинизм административного класса современной России».

Вместе с тем в эпоху постмодерна, или позднего модерна, цинизм, как отмечают исследователи, стал диффузным, повсеместно проникающим и универсальным явлением, захватывающим ключевые позиции во всех сферах общественной жизни [Слотердайк 2009: 30–32]. Не обошёл цинизм стороной и интеллектуальное пространство, став постоянным спутником интеллектуальных дискурсов, посвящённых политической повестке дня. В связи с этим особый интерес вызывает политический цинизм не только «верхов» и «низов», но и публичных интеллектуалов, позиционирующих свою автономность по отношению к власти и массам.

В дискурсивных практиках термин «интеллектуалы» имеет множество определений и наполняется различными коннотациями не только позитивного, но и негативного характера [Голиченко 2004: 42–61; Фадеева 2012: 108–138; Posner 2002: Etzioni, Bowditch 2006]. Достаточно вспомнить названия таких книг, как «Позор и слава интеллектуалов» (П. Виерек) [Wierek 1957] «Предательство интеллектуалов» (Ж. Бенда) [Бенда 2009], «Опиум интеллектуалов» (Р. Арон) [Aron 1957], «Могила интеллектуалов» (Ф. Лиотар) [Lyotard 1993]. Поэтому

одни учёные называют интеллектуалами особую группу людей, обладающую общим самосознанием и чувством превосходства, отчуждённости и обособленности [Heyck 1982], и предназначение интеллектуалов видят в «разрушении старых стереотипов и ограниченных категорий, которые стесняют человеческую мысль и общение» [Said 1994: 4]. Для других исследователей интеллектуалы — это профессиональные дилетанты, которые берутся рассуждать обо всем, поскольку они ничего не понимают [Schumpeter 1942]. В связи с этим одни считают интеллектуалов цветом нации, другие характеризуют их как людей опасных, не полезных для общества, своего рода социальных «паразитов».

На представления об интеллектуалах влияют также национальные культурно-политические традиции. Так, английский учёный Н. Аннан, автор теории «интеллектуальной аристократии», выделял такие ее особенности, как предпочтение стабильности, склонность к постепенным социальным преобразованиям, убеждение в необходимости честных методов в политике, сильный моральный импульс, дистанцирование от аристократии или плутократии, умение найти свое место в обществе [Annan 1955]. Б. Рассел отмечал, что интеллектуалы — это люди, «обладающие мужеством отвергать подчинение, не стремясь к господству» [Russel 1957: 19]. Французский учёный Р. Арон считал, что интеллектуалы — это люди идей и науки, это те, чьё призвание «формировать общественные идеалы и пути их достижения». В результате во французской традиции сложилось представление о «диктатуре интеллектуалов», направляющих общественное мнение страны [Арон 2005: 187]. Поэтому в научной литературе противопоставляются французские интеллектуалы, критически мыслящие, нонконформистские и противостоящие политической элите, и английские интеллектуалы — некритические, конформистские, лояльные по отношению политической элите. В связи с этим в рамках французской традиции английские интеллектуалы — это не вполне или совсем не интеллектуалы.

Американский учёный Э. Шилз рассматривал интеллектуалов как представителей гомогенного класса, закрытого «для центров политической и социальной власти» [Shils 1970]. Другие американские исследователи подчёркивали, что интеллектуалы вследствие увлечённости творчеством, а также склонности к отказу от устоявшегося и традиционного бросают «вызов тому, что принимается и разделяется обществом в широком смысле» [Lipset 1972: 164].

В дискурсивных практиках «популярны размышления о том, что современные интеллектуалы уступают своим предшественникам по моральным качествам, талантам и общественным способностям». В частности, Ж. Бенда, как отмечают исследователи, заложил «традицию упрёков» в адрес интеллектуалов за увлечение идеологией. С.М. Липсет высказывает опасения, что интеллектуалы могут стать апологетами режима. Э. Шилз указывает на то, что интеллектуалам независимо от политических ориентаций не удаётся дистанцироваться от традиций или национальности: «ни консервативным интеллектуалам, сожалевшим о разрушении старого порядка, ни либеральным интеллектуалам, мечтавшим о свободном духом и политически человечестве». Ю. Хабермас, характеризуя миссию интеллектуалов в обществе, подчёркивает, что в прошлом интеллектуалы были обязаны различать «влияние» и «власть» и не употреблять то влияние, которого они добивались с помощью слов, в качестве средства для обретения власти. «Их делом было — не забывая о том, что и они могут ошибаться, — смело выдвигать нормативные мнения и с фантазией рисовать интересные перспективы» [Фадеева 2012].

Ю. Хабермас предложил идеальный тип интеллектуала: интеллектуал — это тот, кто, во-первых, способен первым почуять нечто важное и начинает волноваться по поводу определённых общественных тенденций «уже в тот момент, когда остальные ещё как ни в чем не бывало занимаются своими обычными делами», во-вторых, выдвигает плодотворные идеи и расширяет спектр релевантных аргументов, чтобы повысить уровень дискуссий в обществе. Вместе с тем Ю. Хабермас подчёркивает, что «интеллектуалы, оказывающие с помощью ри-

торически заострённых аргументов влияние на общественное мнение, нуждаются в общественности — бодрствующей, информированной, способной на отклик». В связи с этим он выделяет такие факторы, необходимые для формирования интеллектуалов в качестве особой социально значимой группы, как наличие общественности (публики) и правового поля (пространства свободы), в котором можно высказываться и получать отклик, а также возможность возражать властям и мобилизовывать массы [Хабермас 2006].

Публичное пространство, являясь местом политического бытия интеллектуалов, создаёт возможность для выражения ими определённых точек зрения на общество и происходящие в нем процессы. Публичное пространство, доступное всеобщему обозрению, выполняет, как отмечают исследователи, особую социальную функцию, поскольку здесь различные социальные группы неизбежно вступают в открытый коммуникативный контакт [Сеннет 2003: 24–25]. «Публичная сфера, в которой интеллектуалы плавали как рыбы в воде, стала, — как отмечает Ю. Хабермас, — более всеохватной, а общественный диалог — более интенсивным, чем когда-либо прежде». Вместе с тем он опасается, что «публичная сфера стала менее формализованной, а существующие в ней социальные роли — менее дифференцированными. Перед камерами в студии, где восхитительная ведущая собирает для разговора политиков, экспертов и журналистов, нет вакантного места, которое должен был бы занять интеллектуал. Нельзя сказать, что его там не хватает, ведь другие уже давно исполняют его роль, и даже лучше, чем он сам» [Хабермас 2006]. Более того, многие исследователи обращают внимание на то, что публичное пространство, понимаемое как универсальное и открытое для рационального обсуждения взглядов всеми гражданами, в настоящее время. замещается пространством эстетической саморепрезентации, в котором «публичный человек» выступает скорее в роли зрителя, но не активного участника, а функции агоры перешли к парламенту и масс-медиа [Усманова 2005; Lippman 1927; The Phantom… 1993].

Вместе с тем публичное пространство продолжает оставаться полем символической борьбы, в котором основным оружием интеллектуалов остаётся публичное слово. В этом пространстве «слова, — как отмечает П. Бурдье, — начинают жить публичной жизнью, то есть открыто, официально, когда они заставляют видеть или предвидеть вещи, существовавшие до этого в неявном, спутанном и даже вытесненном состоянии» [Бурдье 1994: 221].

Актуализация публичного пространства происходит в условиях кризисов, переломных моментов, когда общество нуждается в новых ориентирах. В таких условиях наблюдается всплеск дискуссий о публичных интеллектуалах, сопряжённых с активизацией их критических функций, направленных на поиск новых ориентиров общественного развития. Эти ориентиры интеллектуалы вырабатывают в значительной мере в ходе анализа их собственной роли, миссии, политической и социальной ответственности. Поэтому «ни в одной стране и ни в один из исторических моментов эта роль и миссия, — как отмечают исследователи, — не сводились к узкопрактическим, прагматическим, утилитарным целям» [Фадеева 2012]. При этом Ч.Ф. Гаттон подчёркивает, что современному публичному интеллектуалу как социальному исследователю необходимо держать «здоровую дистанцию» от политики, чтобы не утратить объективности и чёткости анализа [Gattone 2006: 133].

В связи с этим немаловажное место в изучении публичной деятельности интеллектуалов отводится их общественной роли: умению генерировать идеи, влиять на общественное мнение, способствовать распространению новых идеалов и ценностей. Некоторые исследователи считают, что для интеллектуалов характерным является: «1) культурное кодирование, с помощью которого создают идентичности; 2) восприятие себя как носителей сакрального знания, миссионерский пыл; 3) двойственное отношение к социальным элитам, балансирование между безоговорочной кооперацией с властью и радикальной оппозицией ей, чтобы сохранить свою особость» [Нарский 2009: 170].

Вместе с тем в научной литературе отмечается, что публичные интеллектуалы составляют сообщество, обеспечивающее конкурирующие взгляды и идеологии. «В результате фор-

мируется два типа интеллектуалов: те, которые легитимируют господствующие ценности, и те, которые их отрицают, или, по меньшей мере, ставят под вопрос. Те, кто стремится сохранить status quo, и те, кто стремится его изменить» [Intellectuals 1987: 4]. В связи с этим выделяют такие интеллектуальные типажи, как: 1) «критический интеллектуал», дистанцирующийся от власти, ставящий под сомнение правомерность и полезность тех или иных ее действий, осознающий ответственность за публично высказанное мнение [Усманова 2005]; 2) «органический интеллектуал», ангажированный властью и разрабатывающий систему ценностей, необходимую для ее легитимизации [Бауман 2003].

В России интеллектуалов часто рассматривают в качестве властителей дум, предлагающих обществу разные варианты осмысления действительности и различные модели общественно-политического обустройства. При этом надо отметить, что в российском обществе интеллектуал может быть (а может и не быть) оригинальным мыслителем, но при этом отечественный интеллектуал должен быть всегда репрезентативным. В определённом социальном контексте он должен чётко и емко выражать и оформлять основные мировоззренческие и ментальные ориентации, присущие тем или иным социальным группам. В отличие от мыслителей, российские интеллектуалы редко придумывают ценностные или философские системы, они скорее оперируют ими, обозначая с их помощью реально существующие в обществе позиции, которые без этого оставались бы размытыми и ускользающими. В российском обществе интеллектуал является не источником «света», а «фокусом», концентратором экспертных мнений. Поэтому в настоящее время в России понятию «интеллектуал» в большой мере соответствует понятие «эксперт» в его нынешнем смысле, т. е. как человек, берущий на себя задачу выносить репрезентативные суждения по разным поводам. Но это эксперт особого рода: для него важна не столько подготовка, сколько темперамент и склад характера.

Часто к интеллектуалам в России относят учёных с гуманитарным складом мышления, которые на практике являются «работниками отечественного пиара». Это своего рода ловкие и расторопные менеджеры, способные осуществлять технологичное сопровождение какого-либо властного, экономического, политического или социального проекта. Особого отношения к интеллектуальной сфере они не имеют, поскольку являются работниками сферы «инжиниринга», технически включающего в себя легковесную манипуляцию со «слоганами», фразами, информационными (стилизованными эстетически) потоками и всегда имеющего строгую конкретную прагматическую (оплаченную конкретным заказчиком) цель.

В России интеллектуалы как эксперты могут придерживаться разных — подчас полярных — систем ценностей. Их можно приблизительно разделить на интеллектуалов-консерваторов и интеллектуалов-прогрессистов, интеллектуалов-западников и интеллектуалов-традиционалистов, интеллектуалов с социалистическими симпатиями и интеллектуалов с рыночно-либеральными взглядами. Каждый политически ангажирован и оригинален в оформлении своей ценностной позиции, поскольку системы интеллектуальных ценностей в России, как правило, носят гибридный характер.

Ангажированность российских интеллектуалов заставляет задуматься над вопросом, почему у нас мало рефлексирующих субъектов, способных отстраненно вести диалог с участниками политического процесса. Некоторые исследователи это объясняют тем, что у «мыслящего» класса России в 90-х гг. прошлого века были утрачены социальные амбиции. Его представители были счастливы тем, что их просто не трогали и радовались тому, что им можно было «съездить в Париж, почитать лекции в Америке, перехватить грантик в Фонде Сороса, почитать Деррида на русском языке» [Я требую… 1996: 9].

В современной России много и таких интеллектуалов, которые постоянно норовят попасть в ногу с «велениями времени» и политическими модами, становясь, как отмечает В.П. Макаренко, «идеологическими» холуями власти [Макаренко 2008: 100]. Немногие отваживаются противостоять конъюнктуре, чётко формулируя свою интеллектуальную позицию. В связи с этим исследователи считают, что интеллектуалам должна быть присуща такая жиз-

ненная интенция, как дистанцирование от власти, поскольку объективная и последовательная ее критика возможна только с позиции субъекта, не участвующего в политической игре и действующего за рамками политического поля. Дистанцирование интеллектуалов — это также «полемика с существующими формами неравенства и монополии, это разработка концепций, ставящих под вопрос формы информационного и познавательного империализма извне и изнутри» [Макаренко 2001: 31].

В идеале интеллектуал — это тот, кто способен оригинально решать задачи, вставшие на повестку дня, в рамках определённых ценностных ориентаций, дистанцируясь от каких бы то ни было предпочтений, господствующих в обществе. При этом у интеллектуалов должно быть такое качество, как способность слушать и слышать других, признавая за ними право на «свою правду». Однако с этим в российском обществе проблемы. Более того, очень часто субъекты, считающие себя интеллектуалами, отказывают в праве называться интеллектуалами другим, проповедующим иные взгляды. Публичные интеллектуалы в России — это люди размышляющие, пишущие и говорящие, формирующие общественное мнение, а чаще всего его заменяющие. Российские интеллектуалы, апеллируя к «массе», постоянно находятся в дискурсе с политической властью, время от времени стремясь во власть.

Политический дискурс как поле интеллектуальной самопрезентации российских интеллектуалов, представляет собой, с одной стороны, многообразие суждений о политической действительности, ансамбль смысловых схем, образующих политическую реальность, с другой — когнитивное поле конкурентной борьбы, связанной с производством политического знания. Специфической ставкой в этой борьбе является монополия на компетентность, понимаемая как социально признанная за определенным интеллектуалом способность легитимно высказывать «истинные или правдивые суждения» о политической действительности.

Политический дискурс как рационально организованный социокультурный способ вербальной артикуляции имманентно-субъективного содержания сознания и экзистенциально-интимного содержания политического опыта, будучи включённым в социокультурный контекст, не может быть индифферентен по отношению к российской политической власти. Поэтому российские интеллектуалы в политическом дискурсе выполняют противоположные функции, занимаясь или интеллектуальным обеспечением политических проектов и легитимацией политических акций, или интеллектуальной критикой политических проектов и делегитимацией политических режимов.

Отсюда вытекает такая особенность российских интеллектуалов, как глубокий политический и ментальный раскол, основанием которого выступает несовместимость идеологем общественного развития России. В результате российский интеллектуальный дискурс часто превращается в «коммунальную квартиру». Отстаивая различные пути развития России, представители различных идеологем имеют свои критерии социального и политического значимого, свой язык и свою аргументацию, что затрудняет коммуникацию в сообществе российских интеллектуалов.

Ангажированность политического дискурса в России связана с воображением интеллектуалов как идеологической проекцией того, каким общество хочет видеть себя. В результате интеллектуальный дискурс становится противостоянием позиций, соотносимых прежде всего с «большими идеологиями», апеллирующими к «прекрасному будущему» или «удивительному прошлому», и, соответственно, связанными с презентацией будущего или прошлого России, опрокинутых в ее настоящее.

Ангажированность интеллектуального дискурса в современной России, обнаруживаемая в ригоризме идеологических суждений, напоминает ситуацию, о которой П. Слотердайк писал так: «В соревновании за самое жестокое сознание жестоких фактов друг друга наставляли дьявол и сатана. Из конкуренции сознаний возник двойной, сумеречный свет, характерный для современности: взаимное выслеживание идеологий, ассимиляция противоположностей, модернизация обмана, короче говоря, то отсылающее философа в пустоту положение, в

котором лжецы называют лжецов лжецами… За наплевательским отношением ко всем проблемам стоит в конечном счёте предчувствие того, что сталось бы с нами, получи мы о них полное представление» [Слотердайк 2009: 7–14]. В результате в современном российском обществе многое превращается в симулякры или становится ложью, если только не совершенно наивным выражением элементарной некомпетентности.

Дискурсивное интеллектуальное сообщество в России оказалось не в состоянии предложить ничего нового, что оказалось бы привлекательным или убедительным для всего общества. Дефицит креативности в современном российском обществе во многом обусловлен особенностями стиля мышления отечественных интеллектуалов. Характеризуя этой стиль, известный российский культуролог В.Н. Иванов писал: «Мы чрезвычайно легко видим в окружающем нас мире то, что мы хотим, что мы привыкли видеть. Это является следствием некритичности русского познавательного духа, которому все равно, верить ли в святость кн. Владимира или в непогрешимость Карла Маркса» [Иванов 2005: 15–16]. Дефицит когнитивной креативности порождает в российском интеллектуальном сообществе интеллектуальное эпигонство и интеллектуальную моду.

Дефицит когнитивной креативности, наряду ангажированностью интеллектуального дискурса, обнаруживаемой в ригоризме оценочных суждений, делает самих российских интеллектуалов с течением времени преимущественно маргиналами и в общественном мнении, и в глазах представителей политической власти. В результате можно выделить такую особенность публичных интеллектуалов в российской политике, как их фантомность. В постсоветской России многие публичные интеллектуалы в политике выскочили как «черти из табакерки», а потом «сгинули, оставив после себя ошарашивающее впечатление, мгновенную или мистическую память. А ведь некоторые из них, — как пишет Ж.Т. Тощенко, — занимали умы россиян и были в первых строчках при опросах общественного мнения» [Тощенко 2015: 55].

Если для одних российских интеллектуалов перманентная лояльность по отношению к государству обусловлена их этатистской ментальной программой, то для других интеллектуалов интенция постоянной борьбы с государством, несмотря ни на какие реалии общественной жизни, связана с традициями российской интеллигенции, основанными на «страхе» перед государством. Причём эта борьба направлена не на улучшение государства, а борьба с государством как таковым, имеющая целью показать, что мы, интеллектуалы-интеллигенты, не с государством, мы против, мы сами по себе.

Особенность российских интеллектуалов проявляется в антиномичности их сознания: неуёмное стремление к обладанию символической властью парадоксальным образом соединяется и них с патологическим стремлением к славе. В частности, в декабре 2011 г. французский еженедельник новостей «L'Express» так охарактеризовал одного из известных в ту пору интеллектуалов России: «Владислав Сурков, серый кардинал и циничный идеолог режима, манипулирует театриком российской политической жизни… Как бы его ни называли, „кремлевским кукловодом“ или „путинским Распутиным“, все сходятся в том, что Владислав Сурков — наиболее влиятельный советник в российской политике… во многом благодаря уму и беспринципности». В. Сурков убеждён, что настоящих демократий не существует. «С его точки зрения, главное — влиять на людей, давая им иллюзию свободы» [Гилден, Шевелкина 2011].

В связи с уходом В. Суркова с поста главы администрации президента в «гламурной» публицистике ему была дана такая характеристика: «Владислав Юрьевич человек очень начитанный, образованный, интеллектуал, любитель Миро и Сартра. Этот человек хотя бы говорил на одном языке с своими „жертвами“ и умел отравить их своим ядом магической силы, красноречия и цинизма. И Сурков, безусловно, понимает людей. Их природу, их слабости. Сурков — не негодяй и не Геббельс, он — качественный, верный работник и эффективный менеджер в предложенных обстоятельствах. Зло не в нем — он лишь его отражение. Другими

словами, вся его вина состоит в том, что он на публичном доме … старательно и усердно выводил „магазин плюшевых игрушек“ и рисовал трогательного мишку на витрине. И делал он, надо сказать, это талантливо» [Собчак 2011].

Антиномичность сознания интеллектуала В. Суркова проявлялась в том, что он одновременно занимался легитимацией политического режима, придумав, например, эвфемизм «суверенная демократия» для прикрытия авторитарных политических тенденций, и делегитимацией политического режима, опубликовав под псевдонимом роман «Околоноля», в котором с невероятным цинизмом описывает испорченные нравы российского политического класса. Стремление к славе у российских интеллектуалов порождает нарциссизм. Поначалу никто не заметил книжку В. Суркова, «тогда автор, — отмечает политолог С. Белковский, — мобилизовал свои связи и потратил огромные деньги, чтобы её признали шедевром». По роману даже был поставлен спектакль, режиссёра которого затем вознаградили. По признанию одной из журналисток, «на премьере обычно сдержанный Сурков раздувался от гордости» [Гилден, Шевелкина 2011].

Атрибутом интеллектуального сознания в России выступает политический цинизм. Под цинизмом вообще можно понимать мировоззрение, воспринимающее моральные ритуалы как мешающие или избыточные для решения практических задач, приводящее к девальвации нравственных принципов и порождающее откровенное, вызывающе-пренебрежительное отношение к нормам общественной морали. При этом цинизм выступает в двух ипостасях: с одной стороны, говорить о том, что есть на самом деле, обнажая социальные и индивидуальные пороки, с другой — говорить без всяких моральных условностей, дискредитируя, унижая или принижая оппонентов.

Цинизму присущи социальное обнажение и унижение, ценностное снижение и принижение, принципиальный нигилизм и аморализм, демонстративность и издёвка, гротеск и насмешка. Поэтому какой бы заманчивой ни казалась интеллектуальная сторона цинизма, он является, как писал О. Уайльд, «всего лишь удобной философией для человека, лишённого души». Циники, подобно людям, берущим свои мысли «напрокат в некоей разъездной библиотечке идей и в конце каждой недели возвращают их растрёпанными», всегда «стараются брать свои чувства в кредит и не желают платить, когда им присылают счёт». «Циник, — замечает автор — человек, знающий всему цену, но не знающий ценности» [Уайльд 2000: 510–511]. Циник всегда находится по ту сторону добра и зла, не различая плохого и хорошего. В связи с этим П. Слотердайк пишет, что цинизм неизбежно появляется тогда, когда наше сознание делает шаг, выводящий на позицию по ту сторону добра и зла, и есть два способа, какими достигается такая позиция — это знание и власть [Слотердайк 2009: 204].

Следует различать цинизм «верхов» и цинизм «низов». Цинизм «верхов» основан на подавлении. «Цинический господин, — замечает П. Слотердайк, — приподнимает маску, улыбается своему слабому противнику по игре — и тем подавляет его» [Слотердайк 2009: 194]. Цинизм «верхов» в России базируется на насилии, которое является атрибутом государственно-организованного общества и мобилизационного социотипа развития [Лубский 2014; Аникеев, Лубский 1997]. Цинизм в современной России есть также следствие девальвации морали в обществе на всех уровнях его социальной организации.

Цинизм «верхов» в России во многом обусловлен тем, что в ней практически отсутствует влияние общества на государство. Поэтому властная элита в российском обществе формируется в рамках государственных структур, конституируя при этом высший эшелон административно-политической бюрократии в качестве политической элиты [Гаман-Голутвина 2006: 53]. Для понимания специфики политической элиты значение имеет то, что российское государство является разновидностью служилого государства, поэтому политическая элита как высший эшелон бюрократии формируется в нем на основе принципа «привилегий за службу». Служебный характер политической элиты в России ограничивает возможности ее рекрутирования по признаку происхождения, наличия собственности или финансового капитала.

Служебный принцип рекрутирования политической элиты в государствоцентричном обществе предполагает наличие таких ее характеристик, как предельную собранность, способность к подчинению и мобилизации общества, склонность к насилию и, как следствие, политическому цинизму [Кислицын, Лубский 2014: 4–5].

Отсутствие влияния «низов» на деятельность политической элиты в России приводит к ситуации, которая хорошо описана в специальной литературе. «Как только господское сознание хоть немного демаскируется своим цинизмом, оно, — как отмечает П. Слотердайк, — с головой выдает себя противостоящей ему силе. Но что происходит, если такой силы нет? В обществах, в которых больше нет никакой эффективной моральной альтернативы, а силы, потенциально способные к противоборству, оказались встроены в аппарат власти, больше некому возмутиться по поводу цинизма господствующей власти. Чем более безальтернативным кажется современное общество, тем больше цинизма оно себе позволяет. В конце концов оно начинает иронизировать над своими собственными легитимациями. „Основополагающие ценности“ и оправдательные словесные ухищрения плавно переходят друг в друга. Власть имущие на политической и экономической сцене становятся болтливыми, шизоидными, легкомысленными» [Слотердайк 2009: 195]. В такой ситуации обратной стороной политического цинизма элиты начинает выступать цинизм «низов» по отношению к власти. Неуважительное отношение «низов» к политической элите, а политической элиты к «низам» является одним из источников политического цинизма в России, основанном на взаимном ценностном снижении.

Политический цинизм «низов» во многом обусловлен также неудачами модернизационных преобразований в современной России. Массовое разочарование «низов», испытывающих «боль» и «муки» от последствий модернизации «сверху», порождает цинизм, проникающий во все сферы общественных отношений и ставящий их участников по ту сторону добра и зла, не проводя пограничную черту между плохим и хорошим.

Вообще политический цинизм народа является, как отмечал А. Камю, продуктом массового общества, разочарования в социальных механизмах и идеализированных ожиданиях, недоверия к организациям и авторитетам, накопленного отрицательного социального опыта, выражения негативных чувств. В этом плане циник из народа является нигилистом и «бунтующим человеком», который ставит под сомнение все ценности и нравственный миропорядок [Камю 1990: 229]. В связи с этим следует отметить, что цинизм — он от природы человека и его политической культуры, а не от природы политического режима, хотя природа политического режима создаёт условия для проявления тех или иных сторон природы человека. Циничная природа просыпается тогда, когда появляется уверенность, что у нас все неправильно и никуда не годится.

Кроме политического цинизма «верхов» и «низов», есть политический цинизм интеллектуалов. Политический цинизм интеллектуалов, это, как писал А. Камю, «упразднение всяких политических норм, моральных ценностей и принципов, подмена их фактом, калифом на час, но калифом реальным». При этом философ подчёркивал, что «цинизм как политическая позиция логичен лишь как функция абсолютистской мысли, то есть как абсолютный нигилизм, с одной стороны, и абсолютный рационализм — с другой» [Камю 1990: 343].

Если «низы» ощущают, что в обществе что-то не так, то интеллектуалы, рассуждая по этому поводу и обнажая «порочную сущность», претендуют на «истину в последней инстанции». В следствие этого, в суждениях интеллектуалов всегда присутствует момент циничной агрессивности, связанный с полным «обнажением» социальной ситуации и стремлением к срыванию покровов конвенций, абстракций, лжи и засекречиваний. При этом П. Слотердайк отмечает, что «циническое мышление может проявиться только тогда, когда возможны два взгляда на вещи — официальный и неофициальный, стремящийся завуалировать истину — с позиции героя и стремящийся видеть ее во всей наготе и неприкрытости — с позиции камер-

динера. В культуре, в которой регулярно лгут, возникает желание знать не просто истину, а неприкрытую истину, истину во всей ее наготе» [Слотердайк 2009: 334].

Публичный интеллектуал стремиться быть не только критиком, но и реалистом. Быть реалистом для интеллектуала — это, значит, находится по ту сторону добра и зла, где «он, освободившись от метафизических и моральных предрассудков, беспристрастно и сухо изучает происходящее». В связи с этим «реалистическое» мышление интеллектуалов, считает П. Слотердайк, «вынуждено постоянно пользоваться аморальной свободой, чтобы обрести ясность взгляда» [Слотердайк 2009: 294].

Политический цинизм публичных интеллектуалов как крайняя форма политической безнравственности и как установка их политического сознания и дискурсивных практик, связан с интеллектуальным снобизмом и высокомерием. «У интеллектуалов, — пишет П. Слотердайк, — зрение часто оказывается притупленным — не в последнюю очередь потому, что они в период учёбы постоянно насилуют свои глаза: им приходится читать такие вещи, которые не позволяют взору проникнуть в свои глубины. Их глазам приходится служить только лишь инструментами для чтения, и нет ничего удивительного в том, что взгляд на мир у таких людей, привыкших видеть только чёрные строчки на белом, расходится с действительностью… Знание, свойственное господскому цинизму, накапливается в интеллектуальных головах и выдаёт себя неподвижным, застывшим взглядом, а также печалью во взоре и его ледяной холодностью. Этот взор фиксируется на вещах, в которые господский цинизм не может проникнуть и в отношении которых он предпочёл бы, чтобы они вообще не существовали» [Слотердайк 2009: 238–239]. Вместе с тем интеллектуальный цинизм смотрит «на действительность взглядом великого владыки и повелителя» [Слотердайк 2009: 280].

Публичные интеллектуалы-критики проявляют цинизм как по отношению к «массам», так и по отношению к «власти». «Массы» они «держат за дураков», а «власть» — за «недалёких и беспринципных дельцов». Обратная сторона — это цинизм «низов» («простого человека») по отношению к интеллектуалам, т. е. к тем, кто в России всегда «в очках и шляпе», а также цинизм «власти» по отношению к интеллектуалам, которые в глазах чиновника являются «болтунами и бездельниками».

Цинизм публичных интеллектуалов проявляется и по отношению к своим «собратьям по интеллектуальному цеху» в демонстративном и взаимном обнажении «пороков» и ценностном «снижении» оппонентов, сопровождаемом их демонизацией и наклеиванием ярлыков. Надо отметить, что страсть к наклеиванию ярлыков, выступающая в качестве эквивалента публичных оскорблений, является общим признаком цинизма интеллектуалов в России, поскольку, чем более ярлык выглядит стигматизирующим и неопределённым, тем, следовательно, в глазах «общественности» он становится неопровержимым.

Многие публичные интеллектуалы в России не уважают не только своих оппонентов, но и самих себя: не научившись уважать себя, не научились уважать других. Поэтому аморальными источниками цинизма таких публичных интеллектуалов являются тщеславие, гордыня и зависть. Когнитивные истоки цинизма публичных интеллектуалов в современной России обусловлены тем, что российское общество бросает им «вызов» — «вызов» сложности и неопределённости. Однако из российского интеллектуального клуба, который более похож на коммунальную квартиру, слышаться ответы на этот вызов более ангажированные и брюзгливым, чем выверенные и меткие. В такой квартире проявляется стремление, как пишет П. Слотердайк, больше покритиковать, чем подвергнуть критике [Слотердайк 2009: 14]. Это свидетельствует о том, что рост числа проблем в российском обществе, в котором обнаружилось «множество трещин и множество перспектив», обгоняет рост способности интеллектуалов к креативному мышлению.

Политический цинизм публичных интеллектуалов, обусловленный их ментальной программой, часто сопровождается бредовыми политическими идеями. Политический бред публичных интеллектуалов проявляется прежде всего в политических умозаключениях, не соот-

ветствующих реальности, в ошибочности которых патологически убеждённого в их правильности субъекта невозможно разубедить. Политический бред часто является следствием непомерной политической амбициозности публичных интеллектуалов, основанной на обострённом самомнении и самолюбии, мании величия и мании преследования. Политический бред публичных интеллектуалов зачастую носит аффективный характер, сопровождаясь относительно кратковременными, но сильно протекающими эмоциональными переживаниями (ярость, ужас, страх, отчаяние, тревога). Политическому бреду часто сопутствует ощущение неясной опасности, когда, например, параноидный бред преследования выливается в такую установку мышления и поведения публичных интеллектуалов, которая связана с истолкованием политических акций как различного рода «заговоров» и направлена на «поиски врагов».

Антиномичность сознания публичных интеллектуалов проявляется в сосуществовании противоположностей, связанных с абсолютизацией политического разума и политической веры. Игры политического разума интеллектуалов превращают политический дискурс в циничный перфоманс. Политическая вера публичных интеллектуалов, заключающаяся в полном и безоговорочном принятии ими какой-либо политической информации, являющейся основой их политических представлений, базируется на признание чего-либо политического истинным с такой решительностью, которая превышает силу любых фактических и формально-логических доказательств. Поэтому политическая вера выступает одной из основ политического «Я» публичных интеллектуалов, определяя их политические суждения и политические поступки. Так, например, вера в особое предназначение какого-либо народа зачастую служит для публичных интеллектуалов оправданием всякого имперского или национального цинизма.

Дискурс-анализ позволяет выделить несколько формул политического цинизма публичных интеллектуалов в России. Первая формула: ценностные ориентации «масс» используются ими, с одной стороны, как ресурс аргументации и интеллектуальной гегемонии, а с другой — как средство для достижения целей определённых «групп интересов» путём представления интересов этих групп в качестве национальных интересов. При этом надо отметить, что вопрос о национальных интересах решается в зависимости от того, какие субъекты является, по мнению интеллектуалов, их выразителями — государство, нация или этнос.

Публичные интеллектуалы в России — это идеологически ангажированные субъекты, подчиняющие мораль идеологии. Этим определяется вторая формула политического цинизма публичных интеллектуалов: нравственно все то, что служит делу либерализма, консерватизма, национализма или коммунизма.

Публичные интеллектуалы в России — политические реалисты и прагматики, стремящиеся прежде всего к выгоде в контексте правовой риторики. Отсюда третья формула политического цинизма публичных интеллектуалов: друзьям — все, врагам — закон.

Многообразны лики публичных интеллектуалов-циников в современной России: это «политические властолюбцы», «интеллектуальные нарциссы», «идеологические жрецы», «романтические авантюристы», «искатели славы». Но особенно следует выделить «политических фарисеев», «политических фаддистов» и «политических свистунов». У «политических фарисеев» наблюдается вопиющее расхождение между заявляемыми идеалами и личными поступками. «Политическим фаддистам», или «сверхупростителям», нужны ответы на все случаи жизни, они ищут, как отмечает Э. Тоффлер, «простого, изящного уравнения, которое сможет объяснить весь комплекс новизны, угрожающий его поглотить». Беспорядочно хватаясь за те или иные идеи, они временно становятся истинно верующими. Это помогает объяснить фаддизм как неистовую интеллектуальную придурковатость [Тоффлер 2002: 392–393]. «Политические свистуны» появляются в условиях шока от настоящего, когда не бывает такой нелепости и такого безумства, которые не могли бы рассчитывать на успех. Время «свистунов» — это время всевозможных интеллектуальных «безобразий» по поводу либерализма, консерватизма, национализма, патриотизма и гражданственности, время обесценивания лю-

бых ценностей, традиций и новаций, время погружения в виртуальную реальность [Лубский 2011: 19–28].

В современной России публичных интеллектуалов много, но «днём с огнём» не сыщешь в ней сегодня интеллектуальных авторитетов в публичной жизни. В данном случае речь идёт не о тех, кто обладает экспертным знанием или занимает видное положение в российском истеблишменте, а тех, кто облает интеллектуальным и духовно-нравственным превосходством. Публичные интеллектуалы на службе у власти обнаруживают рьяный реалистически-оборонительный цинизм, публичные интеллектуалы на службе у оппозиции проявляют агрессивный утопически-наступательный цинизм. В результате многие полезные идеи последних лет оказались, как подчёркивают исследователи, опороченными «только тем, что их поручили озвучить деятелям, которые не пользуются в народе не то что авторитетом, а и просто уважением. Соответственно и идеи эти были восприняты с противоположным знаком» [Демурин 1014].

В связи с этим хочется вспомнить статью Н.Н. Страхова «Воздушные явления», опубликованную в 1883 г. В ней он отмечал, что «авторитеты не лежат готовые на дороге, их нужно создать, нужно как здание сперва возвести, а потом укреплять и поддерживать. Земля, на которой нет таких зданий, — пустыня. Общество, в котором нет авторитетов, такая же пустыня в умственном отношении. Авторитет есть власть, следовательно, начало устроительное, связывающее, централизующее. В обществе, где не возникают авторитеты, господствует или совершенная анархия, неурядица мысли, или ещё вернее — леность и апатия, безжизненность и спячка». Далее автор отмечает, что «в обществе, где господствует анархия мысли, в обществе возбуждённом, но страдающем, так сказать, отсутствием умственных властей, начальство над умами может легко достаться силам не вполне здоровым и правильным. Против этого зла есть только одно средство спасения — именно деятельность здравых и правильных авторитетов; они должны составлять твёрдое препятствие и оплот против ненормальных влияний» [Страхов 2010: 122–123].

Отсутствие таких авторитетов, «бедность умственной жизни, слабое проявление и развитие основ нашего духовного строя, вот положение, при котором, — как подчёркивал Н.Н. Страхов, — возможны хаос и неурядица». Россия, писал автор, есть государство, в котором огромное множество мест и положений наполнены людьми малообразованными, поддельывающимися под образование. Говоря сегодняшним языком, людьми далеко не интеллектуальными. «А какой первый, бросающийся в глаза признак образованности? — спрашивал Н.Н. Страхов. — Конечно, свобода мысли, возможность о каждом деле свое суждение иметь, неподчинение авторитетам, самостоятельный взгляд». Отсутствие этого приводит к передразниванию самостоятельности и свободы суждения, и «начинается дешёвый скептицизм, копеечное, лакейское критиканство» [Страхов 2010: 125–126].

Аникеев А.А., Лубский А.В. 1997. Теоретические поиски в современной исторической науке и проблемы изучения истории Северного Кавказа. — *Научная мысль Кавказа*. — № 3.

Арон Р. 2005. Опиум интеллектуалов. — *Логос*. — № 6 (51).

Бауман З. 2003. Законодатели и толкователи. — *Неприкосновенный запас*. — № 1(27). — Доступно: http://magazines.russ.ru/nz/2003/1/baum.html. — Проверено: 25.05.2015.

Бенда Ж. 2009. *Предательство интеллектуалов*. — М.: ИРИСЭН, Мысль, Социум.

Бурдье П. 1994. Поле интеллектуальной деятельности как особый мир. — Бурдье П. *Начала. Choses dites*. — М.: Socio-Logos.

Гаман-Голутвина О.В. 2006. *Политические элиты России: Вехи исторической эволюции*. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Гилден А., Шевелкина А. 2011. Сурков — путинский Распутин. — *InoPressa. Иностранная пресса о России и не только*. — Доступно: http://www.inopressa.ru/article/16dec2011/lexpress/surkov1.html. — Проверено: 25.05.2015.

Голиченко Т.С. 2004. Интеллектуалы в фокусе современных французских социологических, политологических и исторических исследований. — *Социология: теория, методы, маркетинг*. — № 2.

Демурин М. 2014. Главная болезнь России: 150 лет диагнозу мыслителя Н.Н. Страхова, который верен и сегодня. — *Столетие. Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы*. — Доступно: http://www.stoletie.ru/vzglyad/glavnaja_bolezn_rossii_488.htm. — Проверено: 25.05.2015.

Иванов В.Н. 2005. *Мы на Западе и на Востоке. Культурно-исторические основы русской государственности*. — СПб.: Изд-во НУ Центр Стратегических Исследований.

Камю А. 1990. *Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство*. — М.: Политиздат.

Кислицын С.А., Лубский А.В. 2014. *Элиты и контрэлиты России: вопросы теории и политической практики*. — Ростов н/Д: Дониздат.

Лубский А.В. 2011. Социальные науки и социальная реальность: к вопросу о погружении в виртуальность. — *Научная мысль Кавказа*. — № 4 (68).

Лубский Р.А. 2014. *Российская государственность как социальная реальность*. — Ростов н/Д: Фонд науки и образования.

Макаренко В.П. 2001. Кавказ — концептологический анализ. — *Социологические исследования*. — № 12.

Макаренко В.П. 2008. Политическая концептология: первые итоги разработки. — *Экономический вестник Ростовского государственного университета*. — Т. 6. — № 2.

Нарский И. 2009. Российские интеллектуалы XIX–XX веков (несколько предложений по поводу теоретической рамки обсуждаемой проблематики). — *Пути России. Современное интеллектуальное пространство. Школы, направления, поколения*. — М.: Университетская книга. — Т. 16.

Сеннет Р. 2003. *Падение публичного человека*. — М.: Логос.

Слотердайк П. 2009. *Критика цинического разума*. — Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА.

Собчак об уходе Суркова с поста главы администрации президента. 2012. — *812`ONLINE*. — Доступно: http://www.online812.ru/2011/12/22/010/. — Проверено: 25.05.2015.

Страхов Н.Н. 2010. *Борьба с Западом*. — М.: Институт русской цивилизации.

Тоффлер Э. 2002. *Шок будущего*. — М.: ООО «Издательство АСТ».

Тощенко Ж.Т. 2015. *Фантомы российского общества*. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга.

Уайльд О. 2000. *Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3: Стихотворения. Поэмы. Эссе, Лекции и эстетические миниатюры. Письма*. — М.: ТЕРРА.

Усманова А. 2005. Философия и позиция критического интеллектуала сегодня. — *Топос*. — № 1. — Доступно: http://belintellectuals.eu/publications/200/. — Проверено: 25.05.2015.

Фадеева Л.А. 2012. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада. — *Диалог со временем*. — Вып. 41. — Доступно: http://roii.ru/dialogue/41/roii-dialogue-41_6.pdf. — Проверено: 25.05.2015.

Хабермас Ю. 2006. Первым почуять важное. Что отличает интеллектуала. — *Неприкосновенный запас*. — № 3(47). — Доступно: http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2-pr.html. — Проверено: 25.05.2015.

Я требую… 1996. «Я требую от власти ответственности!». Беседа с главным редактором «Художественного журнала» Виктором Мизиано. — *Логос*. — № 6 (16).

Annan N. 1955. Intellectual Aristocracy. — *Studies in Social History* / Ed. by J. Plumb. — L.: Long-mans.

Aron R. 1957. *The Opium of the Intellectuals*. — N.Y.: Doubleday & Company, Inc.

Etzioni A, Bowditch A. 2006. *Public Intellectuals: An Endangered Species?* — N.Y.: Rowman & Littlefield.

Gattone Ch. F. 2006. *The Social Scientist as Public Intellectual. Critical Reflection in a Changing World*. — N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers.

Heyck T.W. 1982. *The Transformation of Intellectual Life in Victorian England*. — L.: Croom Helm.

Intellectuals in Liberal Democracies. Political Influence and Social Involvement / Ed. by Alain G. Gagnon. 1987. — N.Y.; L.: Praeger.

Lippman W. 1927. *The Phantom Public*. — N.Y: Macmillan.

Lipset S.M., Dobson R.B. 1972. The Intellectual as Critic and Rebel; With special reference to the United States and the Soviet Union. — *Daedalus*. — Vol. 101. — N 3.

Lyotard J-F. 1993. The Tomb of the Intellectual. — Lyotard J-F. *Political Writings. University of Minnesota Press*.

Posner R. 2002. *Public Intellectuals: A Study of Decline*. — Cambridge, MA: Harvard University Press.

Russel B. 1957. *Power: A New Social Analysis*. — L.: Allen&Unwin.

Said E.W. 1994. *Representations of the Intellectual*. — N.Y.: Vintage books.

Schumpeter J.A. 1942. *Capitalism, Socialism and Democracy*. — N.Y.: Harper & Row.

Shils E. 1970. The Intellectuals and the Powers: Some perspectives of Comparative Analysis. — *On Intellectuals*. — N.Y.: Garden City.

The Phantom Public Sphere / ed. Br. Robbins. 1993. — Minneapolis: University of Minnesota Press,

Wierek P. 1953. *Shame and Glory of the intellectuals.* — Boston: Beacon Press.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ И ЦИНИЗМ АДМИНИСТРАТИВНОГО КЛАССА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С.А. Денисов
Гуманитарный университет г. Екатеринбурга

Аннотация: *Современное российское государство, по словам автора, можно сравнить с мошенником, который систематически обманывает свое население. Оно выдаёт свой произвол за право, дарует Конституцию, но само игнорирует ее нормы, и при этом ещё доказывает населению, что существующий в стране строй является конституционным. Орудием обмана становится Конституционный Суд РФ.*

Ключевые слова: *государство-мошенник, обман населения, правовой нигилизм, приемы обмана.*

В 1905 г. в России возникло новое государство, которое действует до сих пор. До этого года мы имели государство-насильника, которое откровенно делило людей на первый, второй и третий сорт, прямо заявляло, что монарх обладает неограниченной властью. С теми, кто с этим не соглашался, разговаривали казаки с помощью нагаек и жандармы с помощью тюрем и ссылок. 17 октября 1905 г. был обнародовании манифест царя. С этого времени российское государство перешло в другую стадию своего развития. Оно превратилось в государство-обманщика, в государство мошенника. Основным средством управления населения стал обман. Государство начало обещать населению, что предоставит ему все блага, которые имеются на западе: свободу слова, печати, право объединяться в политические партии, право митингов и демонстраций. Насилие стали применять как дополнительный инструмент, в основном к тем, кто не поддавался обману и пытался его разоблачать.

Умение обманывать население стало основным качеством административного класса. Конечно, на помощь ему была мобилизована служилая интеллигенция, которая являлась профессиональным, хорошо подготовленным лгуном. Всем известно, что профессиональный лжец должен быть циником. Если у него сохраняется хоть немного совести, то в процессе обмана населения он будет краснеть, смущаться и ложь не будет иметь должного эффекта, а то и вовсе будет разоблачена. Лучше, если лжец сам, как профессиональный актёр, будет верить в то, что говорит.

Конечно, уровень и качество обмана населения в России были резко повышено после октября 1917 г. Административное государство [Денисов 2010: 147–165] здесь начало обещать группам общества, на которые опиралось, всех возможных благ: землю — крестьянам,

фабрики — рабочим. В отличие от предыдущего государство оно смело заимствовало все лозунги западных стран и вписывало их в конституционные акты: республику, демократию, федерацию, права человека. Царь был наивен и пытался придерживаться в какой-то степени тех законов, которые подписывал. Советский административный класс был предельно циничен. Он не собирался исполнять ни одной нормы права, если она не соответствовала его интересам.

Современное государство продолжает эти «славные» традиции, а служилая интеллигенция старательно помогает ему. А.П. Чехов вложил в уста одного своего героя слова: приходится «лгать, улыбаться, и все из-за куска хлеба, из-за тёплого угла, из-за какого-нибудь чинишки, которому грош цена». Сегодня за грязную работу лжи (в отличие от царского и советского периода) платят хорошие деньги.

Фактической конституцией современной России является учение Н. Макиавелли, который писал, что государь, для сохранения своей власти должен научиться хитрить [Макиавелли 2003: 393]. Он должен уметь «кого нужно, обвести вокруг пальца» [Макиавелли 1982: 351]. В.О. Ключевский отмечал, что правители России превратили ее в торговую лавку или даже в вертеп разбойников [Ключевский 1993: 110]. Можно сказать, что современные правители России превратили российское государство в наперсточника.

Необходимо отметить, что административный класс и служилая интеллигенция успешно навязывают свой цинизм населению. С детских лет его приучают к лицемерию, к двоемыслию. Везде от человека требуют говорить так, как установлено каким-то властным субъектом. С детства школьник должен повторять, что Россия — это республика, не смотря на то, что ею правит одни человек, обладающий почти абсолютной властью. Студент юрист должен говорить на экзамене, что Россия — это федерация, не смотря на то, что в царской империи у населения регионов было больше прав, чем сейчас. Послушав первый раз выступление представителя критического реализма студенты спрашивают: «А разве это можно говорить в современной России»? Они привыкли слушать потоки лжи с кафедр гуманитарных наук и сами учатся лгать.

В качестве эксперимента, автор этой статьи не раз ставил перед аудиторией преподавателей во время разного рода научных конференций вопрос: «Врать или не врать студенту?». Ответ всегда был однозначен: «Врать!». Для оправдания своей совести, некоторые преподаватели добавляют: «Они вырастут и сами все поймут».

Все это объясняет то, что честные люди в России встречаются довольно редко. Они маргиналы. Им трудно жить, учиться, строить карьеру. Даже человек, стремящийся к честности, должен постоянно о чем-то умалчивать, что-то недоговаривать.

Россия остаётся административным обществом [Денисов 2011: 24–39], где административный класс является экономически, политически и идеологически господствующим. Это позволяет ему распространять привычки лицемерия во всех слоях общества. Административный класс распределяет общественный продукт и нанимает себе на службу тех лиц, которые готовы лгать себе и окружающим. В стране огромное количество бюджетников, которые послушно не только повторяют то, что приказывает чиновник, но и голосуют по приказу, ходят на разного рода публичные мероприятия в поддержку вождя и его политики за лишний выходной или просто за покровительство своего начальника. В России ни чего не знают об автономии вузов. На них распространяется вертикаль власти, а значить и требования единомыслия. Лицемерие стало частью национальной культуры России.

Далее предлагается посмотреть на конкретные направления циничного обмана населения в правовой сфере.

1. Административный класс России с помощью служилой интеллигенции навязывает россиянам представление, что существует только одно право, исходящее от государства и отождествляемое с государственным произволом (школа юридического позитивизма). Таким образом, людям внушают неуважение к универсальным принципам права, выработанным че-

ловечеством (обычно называемым естественным правом): свободе, равенству, гуманизму, справедливости. С большим трудом студенты первого курса юридического факультета усваивают мысль, что законы (так называемое позитивное право) могут быть правовыми и неправовыми, т.е. не соответствующие принципам естественного права.

Нигилистическим отношением к естественному праву пропитаны все юридические факультеты страны, большинство преподавателей права, большая часть правовой литературы. Уважение к естественному праву является экзотикой в России. Оно основано на неуважение людей к себе, к окружающим, к гражданскому обществу. Россия является этатизированным обществом. Люди привыкли относиться с уважением или страхом только к тем социальным нормам, которые исходят от государства и подкрепляются возможностью принуждения со стороны государства.

2. Важнейшим инструментом обмана населения в современной России является сам конституционный акт. Действуя в традициях большевиков, правящая группа записала в него все хорошее, что создано передовой конституционной мыслью. В России это не страшно, поскольку у нас есть традиция жить не по нормам Конституции, а на основании подзаконных актов, правовых обычаев, политических доктрина, правовых прецедентов. Создаётся целый механизм нейтрализации действия норм Конституции. В результате государственный аппарат по своему усмотрению решает, какие нормы Конституции, и в какой степени реализовать, а что останется пустой декларацией для обмана населения.

Очковтирательство, «пускание пыли в глаза», строительство «потемкинских деревень» является деятельностью, в которой административному классу нет равных. В этой области он наиболее искусен и создаёт шедевры. Страны, где давно действует конституционный строй, не могут похвастаться таким замечательным текстом Конституции, который есть в России. В Великобритании, первой перешедшей к конституционному строю, руки так и не дошли до принятия писаной конституции. Конституция США — больше похожа на памятник древности. Можно сказать, что у нас лучшая Конституция в мире, но не работающая. Она похожа на красивые часы, не показывающие времени, на птицу, которая не умеет летать.

3. Важнейшим направлением политики лжи в России является деятельность, направленная на доказывание, что нормы Конституции РФ реализуются на деле.

Государственная идеология (которая запрещена ст. 13 Конституции РФ, но процветает на деле) доказывает, что Россия является конституционным государством. Утверждается, что если в стране принят конституционный акт, то государство становится конституционным. Россию не назовёшь просвещённой страной. Поэтому мало кто знает, что в мире конституционным называется государство, над которым господствует сильное гражданское общество. Конституция принимается этим обществом (а не даруется правителем) и является средством обуздания государства, инструментом превращения его в слугу общества. Если в стране нет сильного гражданского общества, то здесь не может появиться конституционного государства. Европейский костюм можно одеть и на обезьяну. Это не приведёт к превращению её в человека.

Дарование населению конституции, которая не содержит норм, обеспечивающих господство общества над государством, давно используется в мире для обмана этого населения. Такие конституции получили название мнимых или ложных. Конституция РФ содержит несколько положений, которые можно признать неконституционными (не соответствующими конституционным ценностям). К ним относится закрепление чрезвычайно широких полномочий главы государства и центральных органов власти. Сразу видно, что над текстом Конституции РФ работали профессиональные мошенники. В него заложили противоречащие друг другу нормы. В результате, как в Средние века. Кто сильный, тот и прав. Пока сильными были регионы, они толковали текст Конституции в своих интересах. После усиления центральных органов на передний план стали выдвигать нормы, обеспечивающие восстановление имперских отношений, позволивших реколонизировать страну.

В конституционном государстве сильное гражданское общество выделяет из своей среды конкурирующих за общественную поддержку публичных политиков, которые и занимают должности президента, депутатов парламента, министров правительства. Если нет сильного гражданского общества, то нет и политиков. Их места занимают бюрократы, которые цинично выдают себя за политиков. Там, где нет политиков, там нет и политической системы. Ее функции выполняет административная машина (система). В современной России нет никакой политической системы. Должности президента, членов правительства занимают дослужившиеся до этих чинов бюрократы. Следующим Президентом РФ будет выслужившийся до этой должности чиновник, выбранный старым правителем. Даже депутаты Государственной Думы — это чиновники, заслужившие свои посты верной службой перед начальством (может быть партийным). Члены Совета Федерации России — это, в основном, отставные чиновники (бывшие губернаторы, аппаратчики центральных органов). У нас есть люди, которые изображают из себя публичных политиков. Но их никто не допускает к власти и они больше похожи на скоморохов, которые веселят публику своими экзотическими заявлениями.

В конституционном государстве сильное гражданское общество через своих политиков закрепляет универсальные общечеловеческие ценности в форму законов. Таким образом, создаётся правовое государство. Если этот механизм не работает, то административный класс издаёт неправовые законы, реализующие его собственные интересы, обеспечивающие его господство над обществом. Это может привести к формированию полицейского государства. Служилая интеллигенция пытается выдать его за правовое.

Чтобы придать традиционному российскому государству вид конституционного, административный класс и служилая интеллигенция цинично обманывает население, навешивая на имеющиеся органы власти ярлыки, заимствованные в западной политической и правовой литературе [Гудков, Дубин, Левада 2007: 33–35]. Более честными являются арабские государства, которые в соответствии с традицией называют главу государства королём, шейхом или султаном. Но российская властная элита всегда хотела походить на европейскую. Своего правителя она сегодня называет президентом. Совет при правители, который в мусульманских странах называется шурой, у нас называют на европейский лад парламентом. Органы расправы у нас называют органами правосудия.

Начиная с XX в. правители административных государств начинают объединять бюрократию и её клиентелу в партеобразные организации, которые получили название партии нового типа. Они не имеют ни чего общего с партиями, объединяющими часть населения для установления своего контроля над государством. У партеобразных объединений бюрократии совершенно иные цели, задачи, принципы организации и деятельности.

Усиленно административный класс и служилая интеллигенция пытается обмануть население и мир, доказывая, что в России, как в цивилизованных странах, есть разделение властей. Это даже записали в ст. 10 Конституции РФ. Фактически за разделение властей выдаётся разделение труда между органами власти, подчинёнными самодержавному правителю. Это разделение труда в России стало активно внедряться ещё при Петре I и существует почти в таком же виде до сих пор. Когда обнаружилось, что силовики арестовали в феврале 2015 г. опасного шпиона, в лице матери семи детей из Смоленской области, то сердобольные граждане пошли не в суд, ни в прокуратуру, а к вождю, который быстро принял решение, показав тем самым, что именно он в России является и верховным прокурором и верховным судьёй. Никто не скрывает факта, что он стоит над законами и над Конституцией РФ, отдавая команды Федеральному Собрания об изменении законов, в соответствии с его волей.

Органы власти, должностные лица цинично нарушают нормы Конституции РФ, которые декларируют конституционные ценности. Ст. 1 Конституции РФ требует, чтобы Россия была республикой. Выше уже отмечалось, что правящая группа внедрила в России типичную монократическую форму правления, которую иногда называют султанизм. Та же статья Конституции требует от государства поддерживать демократический политический режим. С

помощью законов и подчинённых Правителю органов власти в России введён пока ещё мягкий авторитарный режим с ограничением свободы мысли, свободы слова, права объединения, права собираться мирно. Административный класса организует управляемые выборы в органы власти с заранее известным результатом. Ст. 1 Конституции РФ требует поддерживать в стране федеративное государственное устройство. Как отмечалось выше, централизация страны сегодня достигла большего масштаба, чем в Российской империи при Николае II. Ст. 12 Конституции РФ требует отделить органы местного самоуправления от государственных органов. Главы регионов обычно не скрывают, что они взяли их под свой полный контроль. Ст. 13 Конституции РФ требует от государства отказаться от выделения какой-либо идеологии в качестве государственной и не навязывать ее обществу. Фактически государство взяло под свой контроль все электронные средства массовой информации (телевидение) и навязывает обществу идеологию великодержавия, вождизма, этатизма, консерватизма, ненависти к свободе. Оно превратило средства массовой информации в средства массовой пропаганды и успешно легитимирует через них всю свою деятельность.

Некоторые нормы Конституции РФ реализуются только формально. Государственный аппарат организует ряд ритуальных действий, которые должны создавать видимость наличия в стране республики и демократии. Как отмечалось выше, он систематически проводит ритуалы выборов в органы власти. Поддержание слабой оппозиции, манипуляция сознанием населения, контроль за проведением голосования и подсчётом его результатов позволяет административному классу почти всегда получать такие результаты голосования, какие ему нужны. В 2012 г. правящая группа отказалась от прямого назначения глав регионов и вернулась к имитации их выборов. Практика показывает, что ни разу, наместник Правителя, назначенный в провинцию, не потерпел фиаско. Политическая пассивность и наивность населения России позволяет применять достаточно простые формы обмана. В Иране сегодня применяется более хитрая модель. Там руководство страны предлагает населению самому решить, кому оно отдаст предпочтение из двух кандидатов в президенты, назначенных сверху рахбаром. Населению действительно предоставляется выбор. Назначенные сверху кандидаты ведут не шуточную борьбу за электорат.

Свою пропагандистскую деятельность административный класс с советских времён успешно выдавал за гласность работы органов власти и должностных лиц. В СССР чиновники должны были выходить в трудовые коллективы и рассказывать, как они замечательно работают. Сегодня они используют для этого Интернет.

Правитель, в соответствие с нормами Конституции РФ добросовестно передал должность Президента РФ своему помощнику в 2008 г. Власть над страной он, конечно, ни кому не передавал.

Игра с чужими для России словами имеет два назначения. С одной стороны доказывается, что наше государство и общество тоже цивилизованное. С другой стороны удаётся девальвировать ценности, стоящие за этими словами. Демократия отождествляется с охлократией и наделяется всеми негативными свойствами, которые присущи последней. Либерализм отождествляется с хаосом и на него навешиваются все последствия беспорядка в стране (1990-е гг.). На Федеральное Собрание России наклеивают ярлык парламент, а затем, со ссылкой на общественное мнение, доказывают, что России не нужен парламентаризм.

5. Более тонкие способы обмана населения и юридической общественности поручаются высококлассным юристам. Наши судьи Конституционного Суда постоянно путают право и свободу. Конечно, только узким специалистам известно, что декларация свободы в Конституции означает применение общедозволительного типа правового регулирования. Т. е. граждане могут делать все, что прямо не запрещено в целях реализации интересов других лиц. Если закон указал, каким путём можно реализовать свободу (установил «коридор», по которому может ходить субъект), то он устранил эту свободу, подменив ее правом на какой-то ограниченный перечень действий. Последнее называется разрешительным типом регулирования

(можно только то, что разрешило государство). Первый тип регулирования характерен для правового государства. Второй — для полицейского. Российский законодатель повсеместно устраняет свободу и заменяет ее правом на какие-то действия (это относится к законам об общественных объединениях, о политических партиях, о праве собираться мирно, о праве выбирать в орган власти). Судьи Конституционного Суда признают эту мошенническую подмену свободы правом на какие-то действия вполне конституционной.

Иногда создаётся впечатление, что наши судьи Конституционного Суда, являющиеся докторами юридических наук, забыли, чему их учили на первом курсе юридического факультета. Если студент юрист не скажет на экзамене, что первейшим признаком государства является его суверенитет, то он получит неудовлетворительную оценку. Но судьям Конституционного Суда ставит оценку за их работу Президент РФ и его Администрация. Поэтому в одном из своих Постановлений они заявили, что не смотря на то что субъекты Федерации не раз в Конституции РФ называются государствами, ни какого суверенитета у них нет.

Чуть-чуть краснея судьи Конституционного Суда изменяют свои взгляды на понимание Конституции РФ в зависимости от того, что сегодня выгодно Правителю. В одном решении Суда они заявили что, региональные представительные органы не могут участвовать в назначении на должность губернатора, что он как и Президент РФ должен избираться населением. Но когда мнение Правителя на этот счёт изменилось, на судей Конституционного Суда тоже «сошло просветление» и они заявили о смене своего мнения по поводу того, что написано в Конституции.

Судьи Конституционного Суда в нескольких своих решениях показали, что они обладают сверх острым зрением и видят в Конституции РФ то, чего там не написано. Не трудно догадаться, что они увидели не написанные, но скрытые между строк текста Конституции необъятные полномочия Президента РФ. Как бы он не расширял свою власть — все оказывается соответствующим нашей «резиновой» Конституции.

6. Конституция РФ требует от государственных органов и должностных лиц, чтобы вся их деятельность была направлена на обеспечение прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, 18). Однако мы видим, что их деятельность часто нацелена на поддержание собственной власти. Цинично нарушается не только Конституция, но и уголовный закон. В начале 2000-х гг. в России была проведена кампания по захвату государством основных каналов распространения информации. Автор считает, что организаторы и исполнители этой кампании фактически злоупотребляли своим служебным положением, превышали свои полномочия и должны быть привлечены к уголовной ответственности. К такого же рода преступной деятельности следует отнести проводимую с 2006 г. кампанию по ликвидации не устраивающих административный класс общественных объединений. В результате ее государству удалось в основном пресечь процесс роста сильного гражданского общества в России. Н. Бердяев точно определял, что «государство почти не может жить без преступлений, оно легко становится организованным, планомерным преступлением, чудовищем, пожирающим человеческие жизни, требующим кровавых жертв, не знающим пощады и милости. Отвлечённая, самодовлеющая государственность была не организованной борьбой со злом, а скорее организованным злом, организацией злых сил, насильнических и кровожадных» [Бердяев 1999: 113].

Как и в советские времена, нам доказывают, что только «кое-кто, кое-где у нас порой честно жить не хочет» и нарушает российскую Конституцию. Но недостатки, естественно, будут успешно устранены.

Издевательством над идеей законности является наглая избирательная правоприменительная практика в России. Прокуроры Куролесычи (подобные тому, что описал М.Е. Салтыков-Щедрин в сказке «Недреманное око») продолжают править Россией. Своим «недреманным оком» они враз находят нарушения в «Макдональдсе», как только начинаются конфликты с США. Конфликты со странами Прибалтики приводят к обнаружению чего-то несъедобного в их консервах. При конфликтах с Молдавией в молдавских яблоках обнаруживается ка-

кой-то страшный червь. Естественно, в сторону высокопоставленных лиц, вроде министр обороны, у современного Прокурора Куролесыча глаз не смотрит: «Где мздоимцы? Какие лихоимцы, никаких я мздоимцев не вижу! Это вы нарочно, такие-сякие кричите, чтобы авторитеты подрывать» — ворчит он [Салтыков-Щедрин 1987: 399–400].

Использование законов административным классом для реализации своих личных и групповых интересов поддерживает неуважение к закону вообще у всего населения. Оппозиции, не имеющей возможностей законным способом бороться за власть, не остаётся другого выхода, как действовать, нарушая установленные законы. Правящая группа сама ведёт страну к революции. Это, впрочем, является уже привычной дорогой России.

7. Гражданское общество осознает, что оно само должно защищать свои права и свободы. Задачей российских мошенников доказать населению страны, что оно может спать спокойно. Правитель, подчинённые ему органы государства стоят на страже интересов населения. Ему не нужно объединяться, не нужно создавать партии, тем более не нужно выходить на улицы с какими-то требованиями. «Добрый и мудрый царь» все видит и твёрдой рукой ведёт корабль России в светлое будущее. В крайнем случае, можно написать жалобу на начальство выше стоящему начальству или потребовать что-то через суд.

Много усилий идеологический аппарат государства прилагает к тому, чтобы опорочить западные ценности свободы, демократии, справедливости. Отечественные пропагандисты пытаются доказать населению, что вся западная культура сводится к гомосексуализму.

8. Профессиональный лжёт должен уметь прикрыть всю свою деятельность высокими идеями стремления к миру, справедливости, какой-то великой миссии, гуманизму, патриотизму. Свою лисью натуру надо уметь прикрыть, — учил Н. Макиавелли — «надо быть изрядным обманщиком и лицемером», чтобы дурачить простодушное и занятое своими личными делами население [Макиавелли 1982: 351-352].

Наивысшим взлётом цинизма можно считать принятие закона о запрете американцам усыновлять детей инвалидов из детских домов России. Тысячи детей сейчас будут гнить заживо на койках в домах инвалидов, никогда не узнав, что такое мама и папа. И вся эта подлость прикрыта высокими словами о патриотизме и гуманизме. Наивное и жестокое население в большинстве своем поддержало этот антигуманный закон.

Россией правят бывшие шпионы. Они привыкли осуществлять все свои действия под каким-то прикрытием. Устранение свободы слова в начале 2000-х гг. осуществлялось под прикрытием хозяйственных споров. Рейдерские захваты чужого имущества производились под лозунгом борьбы с олигархами. Уничтожение ростков гражданского общества шло под разговоры о борьбе с иностранными шпионами. Убийство в сентябре 2004 г. террористами детей в Беслане было цинично использовано как повод для лишения граждан права выбирать глав регионов.

Путин правит Россией пятнадцать лет, и видимо, не оставит ее без своего покровительства до самой смерти, естественно, не из стремления к власти, а единственно из желания принести ей благо. Он окружил себя своими друзьями юности единственно только потому, что они сплошь оказались гениями.

Социологические опросы показывают, что созданная в современной России идеологическая машина лжи является гораздо более эффективной, чем та, что была создана в нацистской Германии и в советской России. Хотя пока она работала в условиях роста жизненного уровня, связанного с высокими ценами на нефть и газ. Посмотрим, как она будет работать в условиях падения жизненного уровня населения. Сможет ли она, как громоотвод, отводить негативную энергию населения от правящей группы и ее вождя?

Обманывать население в правовой области гораздо легче чем, например, в экономической. Большинство не обладает достаточной правовой культурой и можно легко «черное» выдавать за «белое» и наоборот.

Вызывает сомнение, можно ли обман населения в правовой сфере называть цинизмом. Словарь русского языка говорит, что цинизм — это нарушение общепринятых норм. Но в России общепринятой является не честность, а обман. Население само, как маленький ребёнок, требует, чтобы ему «рассказывали сказки», про «доброго царя», про «молочные реки с кисельными берегами», которые у нас возникнут, если мы дадим ему абсолютную власть. Часто люди не хотят знать горькой правды. Они стремятся жить в мире иллюзий, прибегая, кроме государственной лжи, к таким искусственным мерам как алкоголь и наркотики. Высоко поставленный обманщик, если его уличили во лжи, не испытывает чувство стыда. Он лишь досадует, что обман не удался. При этом его поддержка населением не уменьшается.

Лживая правовая политика становится закономерным явлением жизни в условиях, когда массы уже приобрели силу, но ещё не научились думать и отличать ложь от правды (подростковый возраст). Разного рода государственные авантюристы используют их для достижения своих эгоистических целей.

Цинизм административного класса России порождает надежду, что население России постепенно начнёт прозревать и перестанет делать ставку в развитии страны на государственный аппарат. Когда-то до него дойдёт, что страну должно двигать вперёд сильное гражданское общество, а не чиновники.

Бердяев Н.А. 1999. *Новое религиозное сознание и общественность*. — М.

Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. 2007. *Проблема «элиты» в сегодняшней России. Размышления над результатами социологических исследований*. — М.: Фонд «Либеральная миссия».

Денисов С.А. 2010. *Общая теории административного государства*. — Екатеринбург: Гуманитарный университет.

Денисов С.А. 2011. *Административное общество*. — Екатеринбург: Гуманитарный университет.

Ключевский В.О. 1993. *Русская история: Полный курс лекций в трех книгах. Кн. 3*. — М.: Мысль.

Макиавелли Н. 1982. *Избранные сочинения*. — М.

Макиавелли Н. 2003. *Государь. Размышления над первой декадой Тита Ливия*. — Минск: Харвест.

Салтыков-Щедрин М.Е. 1987. *Избранное*. — М.: «Правда».

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИНИЗМ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (статья 1)

М.С. Константинов
Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье с позиций интегративно-когнитивистского подхода рассматриваются стратегии российско-украинской информационной войны 2013–2014 гг. В первой части статьи автор подробно анализирует когнитивные стратегии, концепты и фреймы российской пропаганды. Делается вывод, что придание конфликту экзистенциального статуса сняло моральные ограничения и стало причиной широкого распространения политического цинизма в современной России.*

Ключевые слова: *Российско-украинские отношения, информационная война, концепт, фрейм, когнитивная стратегия.*

Александр Валентинович Оболонский в своём докладе[1] совершенно верно заметил, что существуют важные различия между бытовым цинизмом, и цинизмом политическим, а также между древней философией киников, и современным политическим цинизмом. Я не буду повторять описанные А.В. Оболонским различия, отмечу лишь ещё один очень важный момент, позволяющий отличить современный политический цинизм от всех других его форм, обозначенных в рамках указанного доклада. Специфика политического цинизма, на мой взгляд, состоит не просто в демонстративном отрицании общепринятых моральных норм, но в манипулировании моральным чувством сограждан в достижении прагматических политических целей. И самой опасной формой этого цинизма является оциничивание — под различными псевдоморальными предлогами — самого общества, когда представители этого общества получают индульгенцию на демонстративно аморальное поведение по отношению к некоторым категориям людей, к которым моральные нормы, якобы, неприменимы. Либо по той надуманной причине, что эти люди собственным аморальным поведением сами себя сознательно вывели за рамки применимости моральных норм, либо потому, что они, якобы, внеморальны в принципе (например, таковы от рождения или «по своей природе» и т. д.)[2].

Я попытаюсь применить методологию интегративно-когнитивистского подхода[3] в анализе стратегий российско-украинской информационной войны, развернувшейся в конце

[1] См. с. 164–172 настоящего номера журнала.

[2] Этот приём противопоставления «их морали и нашей» далеко не нов [Троцкий 1990: 105–126].

2013 г. и продолжающейся с различной степенью интенсивности и накала по сей день. Суть этого подхода состоит в исследовании моральных фреймов, определённым образом организующих влияние идеологических концептов на восприятие и осмысление акторами актуальных политических проблем и, как следствие, на их мотивацию и целеполагание в политической деятельности. Это влияние выражается в следующих функциях моральных фреймов: долженствования, ориентации в политическом пространстве, групповой идентификации, коммуникации и т. д. Не вдаваясь в детали, скажу, что в самом общем виде фрейм можно определить как рамки, которые задают смысловое определение ситуации. И, соответственно, определение и переопределение этих рамок есть одна из ключевых целей пропаганды и информационной войны. Следует сразу оговориться, что ни юридические (будь то вопросы легальности передачи власти на Украине, прав граждан, (военно)пленных и т. д.), ни фактологические вопросы не были предметом моего доклада. Меня интересовало исключительно информационное освещение событий в медийном пространстве. Так, у нас нет данных о военной поддержке Россией самопровозглашённых Донецкой и Луганской народных республик. Однако факт наличия информационной поддержки этим республикам со стороны России навряд ли кто-то станет оспаривать.

Многие журналисты, публицисты и аналитики уже обращали внимание на то, что главным препятствием для реализации информационной войны между Россией и Украиной стало глубоко укоренённое представление о единстве украинского и русского народов, об их общей исторической судьбе. Преодоление этого препятствия осуществлялось посредством дегуманизации противника, придания ему нечеловеческого образа с целью уменьшить давление моральных запретов, лишив моральные фреймы объекта приложения. Так, с одной стороны конфликта широкое распространение получили такие наименования пророссийских активистов, как «колорады» и «ватники»; с другой стороны — «укропы», «бандерлоги» и т. д. Однако действенность подобной «дегуманизации» вызывает сомнения. В конфликте приходится сталкиваться с реальными людьми, а не с мультяшными «колорадскими жуками» или «укропом». Сам накал противостояния говорит о том, что информационная война затронула гораздо более глубинные пласты сознания или, если угодно, «менталитета» противоборствующих сторон, чем это предполагает использование инвективов, вроде «колорады» или «укроп».

Следует иметь в виду, что одним из ключевых отличий информационной войны от PR-кампаний и рекламы является навязывание чуждых целей, изменение на самом глубоком уровне целеполагания. Чтобы воздействовать на этот уровень, задача пропагандиста не может свестись к вбросу в медийное пространство инвектив и мультяшных образов, но должна предполагать подбор значимых и символичных фактов и событий (или их конструирование), актуализирующих в массовом сознании определённые концепты и закрепляющих ассоциированные с этими концептами моральные фреймы («фашистский оккупант» — агрессивный, трусливый, алчный, эгоистичный и т. д.; «воин-освободитель» — благородный, мужественный, добрый, щедрый, способный к самопожертвованию и т. д.). И, действительно, анализ позволяет выявить несколько таких стратегий, использованных в рассматриваемой информационной войне.

Уже на самом раннем этапе противостояния в российских СМИ были актуализированы несколько базовых концептов, которые вызывали в коллективной памяти моральные фреймы, негативно характеризующие сторонников Евромайдана («майдаунов»). Сам процесс отрешения В.Ф. Януковича от власти преподносился российскими СМИ не просто как «фашистский» переворот, но и как предательство по отношению к России и её народу, по отношению

[3] В основу доклада положен интегративно-когнитивистский подход к анализу моральных фреймов политических идеологий, разработанный С.П. Поцелуевым, М.С. Константиновым, Т.В. Беспаловой и И.В. Николаевым [Поцелуев, Константинов 2013: 61–64]. Данный подход предполагает комплексное изучение взаимообусловленности политической морали и идеологии, которое реализуется посредством сочетания методологии деятельностного и концептологического подходов, а также фрейм-анализа.

к коллективной «славянской» идентичности и к исторической памяти, одним из ключевых нарративов которой выступала история совместной победы над европейским фашизмом.

Термин «хунта», использовавшийся для характеристики временного правительства на Украине, наделялся специфическим для этого термина моральным смыслом предательства «истинных» («исторически сложившихся») интересов народов Украины и России, а также продажности, политической беспринципности, бесчестности, аморальности и даже сексуальной невоздержанности и извращённости (особенно симптоматичны в этом плане два «документальных» фильма «Принцесса у параши» и «Фурии Майдана: секс, психоз и политика», транслировавшиеся по телеканалу «НТВ» 29 марта и 19 апреля 2014 г.).

Демонстративная апелляция украинских властей к политикам США и Европы и стремление Украины ассоциироваться с ЕС привели к тому, что когнитивная матрица, активно навязывавшаяся в последние годы российской пропагандой по отношению к американцам и европейцам («наглые», «хитрые», «бездуховные», «аморальные», «извращенцы», «пендосы», «растлевающий Запад», «Гейропа» и т. д.), была спроецирована на сторонников «Евромайдана». Однако эта матрица приобрела и некоторую специфику: все перечисленные качества преподносились как вторичные, заимствованные, как следствие неумелого подражания заблудших и обманутых украинцев, порождённого временным помутнением рассудка и ослеплением ложными миражами европейского благополучия. Вполне естественно, что идея подражания, безумия и ослепления отсылает нас к поведению обезьяны, которая после прыжков и ужимок оказывается загипнотизирована песнями киплинговского Каа.

Эта идея закрепляется в образе «скачущего на Майдане бандерлога», который дал себя одурачить хитрым европейским политикам и готов фактически «продать страну» «за печеньки Виктории Нуланд». Популярность, которую получил в рунете ролик с кричалкой «Евромайдана» «Хто не скаче, той москаль», тому лишнее подтверждение. Понятно, что здесь есть отсылка также к истории колонизации Америки, к бусам, зеркалам и наивным аборигенам, но на этом я уже останавливаться не буду. Российское же общество в этой матрице представлялось как островок стабильности, духовности, традиционных моральных ценностей, вековой мудрости и великодушия: «Мы-то уже пережили ослепление 90-х гг. и хорошо знаем, чего стуят посулы и обещания американцев и европейцев! А вот наивные хохлы, напившись майдауновского чаю с наркотиками, совсем сбрендили и их нужно лечить». Определённое значение в этом контексте имело бескровное присоединение Крыма к России, позволившее противопоставить «кровавый Майдан» и «скакавших на нём бандерлогов», которые демонстрировали свою жестокость, бросая «коктейли Молотова» в сотрудников «Беркута», — «вежливым зелёным человечкам», обеспечивающим порядок при проведении референдума в Крыму.

Что здесь наиболее важно? То, что «вероломное коварство» коллективного «Запада» (и прежде всего, «заклятого партнёра» России — США), которое «ослепило, свело с ума и заставило скакать на Майдане» братский народ, было воспринято не просто как акт агрессии, но на гораздо более глубоком — экзистенциально-цивилизационном уровне — как братское предательство, попирающее самые основания морального фундамента и единства «русского мира». У Александра Зиновьева в книге «Гомо советикус» есть замечательная мысль о неприменимости моральных критериев к советскому обществу (Лев Дмитриевич Гудков тоже об этом говорил в своём докладе[4]), поскольку советский человек был поставлен в условия, которые ниже некоторого минимума, необходимого для практической применимости норм морали [Зиновьев 2000: 66]. Продолжая эту мысль, можно сказать, что драма, которая разворачивается на Украине, усилиями российских СМИ была представлена как покушение на самые фундаментальные основы существования российского общества или, если угодно, русской цивилизации, что с необходимостью снимало моральные барьеры в борьбе за выживание.

[4] См. с. 137–163 настоящего номера журнала.

Если общество ощущает угрозу собственному выживанию, культурно-цивилизационным основам своего существования, оно оказывается поставлено ниже той грани, о которой говорил Александр Зиновьев. И здесь важно не столько то, насколько реальны эти угрозы. Гораздо важнее абсолютно циничная готовность российских властителей дум в угоду сиюминутной политической конъюнктуре превратить заурядный, в общем-то, конфликт в цивилизационное противостояние, с нагнетанием истерии по поводу «фашистов-бендеровцев», «пятой колонны» и т. д. Фактически, именно российские СМИ выдали индульгенцию и власти, и простым россиянам на самое циничное поведение в отношении реальных или мнимых участников рассматриваемого конфликта. Произошло то, что Петер Слотердайк по отношению к Веймарской Германии назвал «превращением рефлексивно-цинического настроения общества в агрессивное и демонстративное… [Когда] мир стал продолжением войны другими средствами» [Слотердайк 2001: 452].

И в нашем случае аналогии с Веймарской Германией в известной степени уместны: российское общество усилиями медиа действительно оказалось в состоянии продолжения холодной войны. Болезненные воспоминания о поражении в холодной войне, о «предательских» 90-х гг., компенсируются активной мифологизацией победы во Второй мировой войне, вызывая желание реванша, повторения великих побед и возрождения военной мощи страны. Этим объясняется и терпимость по отношению к «антисанкциям», готовность к определённым жертвам. Поэтому одним из самых эффективных методов, доказавших свою действенность, стал метод эксплуатации коллективной памяти о Великой Отечественной войне (далее — ВОВ) посредством транспонирования фреймов из героического прошлого.

Особенно яркими примерами являются концепт долга, ассоциированный с фреймами ответственности перед поколением ветеранов ВОВ («деды воевали»), воинского благородства и мужества («русские своих не бросают», «триста стрелковцев»[5], вставших на защиту мирного населения), бесхитростной простоты и близости к народу («народные республики», «народные губернаторы», «народное ополчение», персонализируемое в медийных образах «Мотороллы» и «Гиви») и противопоставляемый ему концепт предательства, конкретизирующийся во фреймах коллаборационизма («каратели», «полицаи», «печеньки Нуланд»; в России — «пятая и шестая колонны»). Противопоставления визуализированы и маркированы различными цветами, символизирующими добро, жизнь, спасение («зелёные человечки» — «вежливые люди»), с одной стороны, и смерть, агрессию, алчность и жестокость — с другой («чёрные человечки» — «нацгады»).

Особенно ярко эффект транспонирования фреймов ВОВ проявил себя в двух «парадах», прошедших практически в одно и то же время (24 и 25 августа 2014 г.) в Киеве и в Донецке. Перформанс «парада» в Донецке символически и концептуально воспроизвёл «Парад побеждённых» в Москве 17 июля 1944 г. В рамках этого действа закреплялось противопоставление «антифашистского» ополчения «наёмникам» и «карателям, бомбящим мирных жителей». Особенно удачно обыгрывались бомбардировки жилых кварталов городов Донбасса, по-

[5] Рассматриваемые концепты весьма многослойны. Так, концепт «триста стрелковцев» отсылает, помимо прочего, к битве при Фермопилах и раскрученному образу «трёхсот спартанцев» царя Леонида. Об этом говорит, в частности, следующий факт: в размещаемых на Youtube роликах о Стрелкове и его «стрелковцах» в качестве фоновой музыки довольно часто использовался «Гимн Спарты» —саундтрек из фильма «Триста спартанцев» Зака Снайдера (см., например: http://www.youtube.com/watch?v=QL5IH_ODWac). Один из популярных весной-летом 2014 г. в Донецке билбордов, визуализировавших образ «трёхсот стрелковцев» (см., например: http://mosmonitor.ru/blogs/blog/razryiv_shablona_300_strelkovtsev) явно пытался создать и эксплуатировать эту ассоциацию: «героические триста спартанцев» — «стальные русские» («стрелковцы»). Это тем более очевидно, что по признаниям самого И.И. Гиркина (Стрелкова), его первоначальный отряд в Славянске насчитывал не 300, а всего лишь 50 человек.

Массу материалов для подобного анализа даёт националистический проект «Спутник и погром», предоставлявший активное медийное сопровождение проекту «Новороссия». Чтобы в этом убедиться, достаточно беглого просмотра визуализированных материалов, размещаемых на сайте http://sputnikipogrom.com/.

сколько ассоциировались одновременно и с гитлеровскими бомбардировками городов, и с бомбардировками Дрездена союзниками, и с атомными бомбардировками японских городов Хиросимы и Нагасаки (1945 г.). Звучавшая во время «парада» культовая песня «Вставай, страна огромная!» символизировала «восставший против фашистской хунты народ», а поливальные машины, следовавшие за пленными, очищали землю Донбасса от «грязи», оставленной «нацистскими сапогами».

Нарастание противостояния (знаковые события: Корсуньский погром, снайперы на Майдане, пожар в «Доме профсоюзов», начало АТО, события 2 мая 2014 г. в Одессе и т. д.), соответствующее медийное сопровождение этих событий — от однобокого освещения реальных фактов до откровенной лжи по поводу «распятых мальчиков в трусиках» и «изнасилованных эпилептических старушек» — только усиливали уверенность в экзистенциальном характере конфликта и накаляли страсти. Достаточно сказать, что есть целый ряд интервью с добровольцами из России — участниками вооружённого сопротивления на Донбассе, где в качестве толчка, капли переполнившей чашу, называются события 2 мая 2014 г. в Одессе. Эта трагедия, каковы бы ни были её реальные причины, в глазах российского обывателя окончательно поставила «другую сторону» конфликта за рамки добра и зла.

И речь нужно вести не только о самых явных проявлениях цинизма, таких как отвратительнейшая реакция некоторых журналистов и озлобленного общества на смерть Валерии Новодворской, гибель сына Сергея Иванова, сына Виктора Януковича или символичное, на фоне Кремля, убийство Бориса Немцова. Ещё пару лет назад подобная циничная реакция была бы просто невозможна. Однако это то, что на поверхности и бросается в глаза. Гораздо важнее, на мой взгляд, менее очевидные вещи. Например, отношение российского общества к поступку актёра Михаила Пореченкова: мало кого смутил сам факт эдакого «сафари» с целью пострелять в людей, которые ещё вчера считались братьями (а ведь моральную тупость в этом отношении довольно легко объяснить, учитывая героизацию ополченцев-добровольцев из России: ведь если осуждать Пореченкова, то придётся осудить и их, — тех, кто пишет в своих Интернет-блогах «е́ду мочить хохлов»). Возмущения высказывались только по поводу использования Пореченковым символики «Пресса», что потенциально может нести угрозу российским журналистам.

Но ещё более опасна терпимость общества к практикам достижения пусть даже и морально оправданных целей любыми средствами. В российском обществе произошёл некий серьёзный надлом, результатом которого стало всеобщее моральное отупение, абсолютное безразличие к любым, самым циничным действиям участников конфликта, будь то вовне или внутри. Когда можно обвинить мать семерых детей в предательстве Родины, оторвать её от грудного младенца, увести в другой город, и мало у кого этот факт вызовет моральное негодование. Когда можно устраивать самую настоящую травлю актёров, музыкантов, оппозиционных политиков и журналистов по федеральным каналам, и никого уже не смущает ни откровенное враньё, которое используется в этой травле, ни тот цинизм, с которым она совершается. И т. д., и т. п. Особенно показательно здесь понимающее приятие «лжи во имя…»[6] со стороны российской власти во время крымских событий. Сначала Россия устами её Президента, министра обороны и министра иностранных дел заявляет, что российских войск в Крыму нет, а вооружённые «зелёные человечки» — это местные добровольцы, купившие оружие «в военторге». Затем через пару месяцев признаётся, что это были российские войска, но те, которые разрешены договором с Украиной. И, наконец, апофеозом стал фильм Андрея Кондрашова «Крым. Путь на Родину», показанный 15 марта 2015 г. по телеканалу «Россия», в котором президент уже прямо говорит о военной операции, использовании (во имя благих целей, естественно!) сил специального назначения на территории другой страны и т. д. И мало у кого эта ложь и последующая бравада по поводу её успешности вызвали мо-

[6] По принципу «я сам обманываться рад», если результатом этого самообмана будет то, что «мы им показали».

ральное негодование. Типичная реакция: «Американцам можно, а нам нельзя? Бандерлоги людей сжигали, насиловали, убивали и т. п., а русские в Крыму нуждались в нашей защите».

Придание конфликту усилиями медиа экзистенциального статуса сняло моральные ограничения и стало оправданием откровенно циничного поведения как представителей российской власти, так и российского обывателя. Поразительно не то, что подобное вообще стало возможным — учитывая мощь современных медийных технологий и средств манипуляции, это не вызывает удивления, — но то, с какой скоростью это произошло и какой тонкой оказалась связь между украинским и российским народами, грань между цивилизацией и варварством.

Зиновьев А.А. *Собрание сочинений в 10 т. Т. 5: Гомо советикус*. — М.: Центрполиграф, 2000.

Поцелуев С.П., Константинов М.С. 2013. Интегративно-когнитивистский анализ моральных фреймов политических идеологий. — *Философия права*. — № 6(61). — С. 61–64.

Слотердайк П. *Критика цинического разума*. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001.

Троцкий Л.Д. 1990. Их мораль и наша. — *Вопросы философии*. — № 5. — С. 105–126.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦИНИЗМ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ УБОЖЕСТВО

Н.А. Кравцов
Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье анализируется антиэстетическая составляющая политического цинизма. Как полагает автор, одной из ключевых опор современного политического цинизма является эстетический примитивизм большинства населения.*

Ключевые слова: *политический цинизм, утилитаризм, эстетический примитивизм.*

Истоки цинизма в политике обычно рассматриваются с нескольких точек зрения. Прежде всего, в его основе видят преувеличение утилитаристского подхода к политике, доходящее до принятия формулы «цель оправдывает средство». Доктринальным выражением такого подхода, как правило, считается учение Н. Макиавелли и его последователей.

Другая основа — преувеличенный элитаризм. Представители политической элиты просто не считают чем-то обязательным соблюдение определённых принципов, и в этой необязательности видят один из признаков, собственно, принадлежности себя к элите. Причём, что особенно справедливо в отношении российской политики, представители не только правящего круга, но и высшие круги оппозиции (по крайней мере, системной) также относят себя к элите общества, и действуют по аналогичным поведенческим клише.

Ещё одной основой считается аморализм современной политики, как ее руководящий принцип. Рядом с ним следует поставить фактическое безбожие политиков, которые в подавляющем большинстве, не стремятся «собирать сокровищ на небе», но целиком преданы любоначалию и сребролюбию, и не задумываются о том, какую оценку лжи дают мировые религии.

При этом почти полностью игнорируется постановка вопроса о эстетической (или, если точнее — антиэстетической) составляющей политического цинизма.

Эстетический подход к социальной философии был весьма распространён в философии предыдущих веков и, в особенности — в философии древности. В современном же мире мы видим катастрофическое падение эстетизма, как жизненного принципа вообще и эстетического подхода к социальным явлениям, в частности.

Всё реже даже в бытовом лексиконе используются такие понятия, как «прекрасный поступок», или «некрасивый поступок». Задумаемся, когда в последний раз довелось слышать мать, или отца, говорящих ребёнку: «Перестань! Это некрасиво!». Тем менее распространены такие конструкции в лексиконе социальной науки.

Утилитаризм современной политики, определённым образом, приобретает особый смысл. Если старые формы утилитаризма, по крайней мере в теории, предполагали приоритет принципа общественной пользы (Каутилья, Макиавелли, Бэкон, Бентам и др.), то теперь политический утилитаризм, несмотря на всю демагогию и краснобайство современных политиков, предполагает, прежде всего, принцип пользы правящей элиты и высокопоставленной системной оппозиции.

Если перед этим циничным утилитаризмом бессильна мораль, если его уже почти не способно ограничить право, если перед ним беспомощна религия, то его тем более не в состоянии ограничить эстетика, в особенности эстетика нынешняя — слабеющая и склонная к упрощению норм.

Современность — время кризиса эстетики и художественного вкуса. Тем более, невозможно говорить о существовании в какой-либо из стран качественной системы эстетического воспитания народа. С этой точки зрения современные политики — плоть от плоти современных народов, всё более впадающих в эстетический примитивизм.

В определённом смысле, негативную роль сыграл отход от сословного принципа организации общества, несмотря на все его очевидные недостатки. Когда этот принцип действовал, представители правящей элиты с детства погружались в обстановку особой эстетической нормативности. Большое значение придавалось эстетике поведения. Зачастую речь шла об обязательном воспитании художественного вкуса. Это, вместе с религиозным воспитанием и сословным кодексом чести, ограничивало проявления цинизма вообще и политического цинизма в частности. Вред нанёс и ложно понимаемый демократизм, ставший официально руководящим принципом значительной части современного мира. Выйдя за рамки политики, распространившись на прочие сферы жизни, он привёл к упрощению эстетических норм.

Современный политик, как правило, не интеллигент — ни по образу мысли, ни с точки зрения эстетики поведения. Интеллигенция (здесь подразумевается, конечно, слой населения с особой духовной организацией, а не лица, работающие в определённой сфере, как это теперь часто подразумевают) всё более дистанцируется от политики, а политики придают интеллигенции всё меньшее значение. Современное образование, включая высшее, уже не гарантирует ни интеллигентности, ни развитого художественного вкуса.

В итоге, если современный политик ещё способен оценивать свои действия с нравственной точки зрения, то уж точно уже не может оценивать их с точки зрения эстетической. Однако не следует считать, что всему виной эстетический примитивизм только самих политиков. Одна из опор политического цинизма — эстетический примитивизм большинства населения. Народ тоже способен оценивать действия политиков с нравственной или религиозной точек зрения, но уже не оценивает их эстетически.

Бесспорно, эстетические нормы в современном мире, в отличие от древности — наименее эффективный из социальных регуляторов. Однако это, пусть и слабый, но всё же регулятор. И его кризис всё же предоставляет большую свободу для распространения социального негатива вообще и политического цинизма в частности.

Конечно, политический цинизм проявлялся и в те эпохи, когда значение эстетических нормативов было несоизмеримо большим, чем теперь. Однако, нельзя не заметить того, что, чем сильнее развивался эстетический примитивизм, тем более распространялся и цинизм, дойдя сегодня практически до политической нормы.

Старинные проявления политического цинизма, легко заметить, были часто связаны с проявлениями кризиса эстетики, или с повышением социальной роли эстетически малоразвитых слоёв общества. Не случайно один из теоретиков и апологетов политического цинизма, Макиавелли, творил в городе-республике, где большую политическую роль играли буржуазия и плебс. Вообще, одна из причин всплеска политического цинизма в эпоху Возрождения это проникновение эстетически мене развитой, в сравнении с дворянством, буржуазии во власть.

Известные своим цинизмом правители, если верить историческим свидетельствам, как правило, отличались неважно развитым, или искажённым эстетическим вкусом. Дурновкусие отличает и современных политиков. Более того, можно сказать, что в проявлении цинизма политики, а порой и население, стали находить определённую эстетическую привлекательность. Цинизм зачастую смешивают с целеустремлённостью, политической волей, нравственной и политической автономией, и находят в этом нечто прекрасное и достойное.

Эстетическая составляющая, повторим, не является краеугольным камнем ни социального негатива и политического цинизма. Однако в ироничной фразе Конан-Дойля «дурной вкус ведёт к преступлению» есть чарующий отблеск истины.

«ПО-БОЛЬШОМУ»: ГОРОДСКАЯ ИНФРАСТРУКТУРА И ВЛАСТЬ НАД ПРОСТРАНСТВОМ

Е.Г. Трубина
Уральский федеральный университет

Аннотация: *В статье использованы философские идеи (П. Слотердайк) и материалы, относящиеся к истории городов и истории эмоций для разговора о том, каково символическое и социальное значение городской инфраструктуры. В статье, в частности, идёт речь о том, что значит для граждан хронически недоразвитая инфраструктура, стоит ли использовать состояние канализации в городах для обсуждения принципов распределения общественных ресурсов. Проблематичный вклад инфраструктуры в городскую ауру, в сложное сплетение запахов, окутывающих людей в публичных и приватных местах также не обойдён вниманием. Затронута возможность дальнейшего разрушения инфраструктуры в городах страны, находящейся под санкциями. Представленный текст — часть масштабного проекта автора, посвящённого урбанизму во время санкций.*

Ключевые слова: *инфраструктура, запахи, общественные блага, городская атмосфера, недоразвитие, цивилизация и цивилизованность, неравенство.*

«Это та „великая“, в которой 30 млн до сих пор с[…] на улице
и не имеют канализации?»
(твит Елены Михайловой, 15 марта 2014 года)

Функционирование городской инфраструктуры сопряжено с вещами, которые обсуждать неудобно и не принято. Иные смельчаки — авторы популярных книг, хоть и находят благодарных читателей, но все же смущены тем, что посвящают книги, например, «неупоминаемому миру человеческих отходов» [George 2008][1]. О последних, однако, упрямо вспоминали в дискуссиях многие украинцы и русские зимой и весной 2014 года. Вспоминали метафорически[2] и буквально. Сведения о состоянии канализации в России, как явствует из «тви-

[1] На сайте Amazon, внеся в поисковик эту книгу, можно увидеть, сколь обширна сегодня коллекция популярных книг на похожие темы.

[2] К примеру, журналист Александр Морозов на своей странице в Facebook дал такую характеристику современных российских масс-медиа: «Товарищи авторы сидят в политическом режиме по горло в г*вне, им скоро ограничат доступ в интернет, на троне сидит агрессивный сумасшедший и они „озабоченно“ разбирают недостатки „переходного правительства“ соседней страны… Очевидно, что эти авторы являются частью „системы производства г*вна“, в котором они и все мы сидим». Обычно сдержанный в выражениях политолог Владимир

та», вынесенного в эпиграф, использовались для критического оспаривания имперских претензий правительства страны, либо иллюстрации традиционалистского, архаического крена, заметного в культурной (и не только) политике. Золотой унитаз поверженного украинского президента, став предметом «квеста» любопытствующих в его резиденции в Межигорье [Аронец, Коваленко 2014] быстро превратился в мем наряду с другим специфическим объектом складской инфраструктуры — шубохранилищем главы Российских железных дорог Якунина и прочими эмблемами «эксцессов» сильных мира сего. В обсуждении геополитического конфликта редко фигурировали технологические прорывы, по части которых обе страны вряд ли могут чем-то похвастаться. Неслучайно жалобами на плохое состояние соответствующих (а также всех других труб) труб переполнена Сеть обеих стран [В Киевсовете потоп… 2013; Этот город… 2013; Ад русских больниц… 2013; Приглашаем рожать… 2013].

Бессмысленность позолоты на самом, вероятно, функциональном предмете обихода, волонтеры-киевляне, уводившие стоявших на Майдане домой помыться, фотографии покосившихся домиков и удобств на улице, сделанные в российской глубинке, активно циркулирующие в Сети, пока идут дебаты по поводу Крыма и возможной войны — все это фрагменты продолжающегося исторического сдвига, не самые значимые, но важные для тематического блока о городской инфраструктуре. Многие книги и статьи об этом ключевом измерении городской жизни написаны ретроспективно[3], подытоживая воздействие модерности и капитализма на строительство электро-, гидро- и прочих сетей. Между тем неразвитость городской инфраструктуры фигурирует в недавних сетевых дискуссиях как дополнительное подтверждение безобразий молодого восточно-европейского авторитарного капитализма. Если говорить более абстрактно, эта неразвитость иллюстрирует неравномерность распределения ресурсов в организации эффективного обмена веществ между окружающей средой и городом, между человеческим и не-человеческим (то есть, техническим и природным). «Обмен веществ» — это биологическая метафора, сообщающая опосредуемым инфраструктурой процессам видимость автоматизма. В городских обменах, однако, не все усваивается и выводится, не все идёт на пользу. А если и идёт на пользу, то не всем. С одной стороны, удручающий разрыв в характере доступа привилегированных и не очень украинских и русских людей к «удобствам» (здесь я имею в виду отнюдь не только канализацию) встраивает истории городов наших стран в общую историю развития городской инфраструктуры в модерности. С другой стороны, контраст между изобильными золотом резиденциями властителей и безнадёжностью провинциальных клоак у нас настолько велик, что заставляет вспоминать об Индии, а не об Индианаполисе. Абсурдность территориального захвата, за который будет заплачено не только отключением граждан от информационных, финансовых и коммерческих глобальных сетей[4], но и географической «запёртостью» больших групп людей рядом с теми удобствами, на которые хватило их немногих средств, настолько бесповоротна, что мы только еще ищем язык описания инфраструктурных аспектов разворачивающейся исторической драмы. В этой статье я поведу речь о перекличках между той частью городской инфраструктуры, которая связана с циркуляцией воды и воздуха, и политико-культурным воображением, обращаясь к избранным страницам истории городов и к идеям Петера Слотердайка, Мишеля

Гельман там же выкладывает пост, обманчиво-академически названный: «Essentials of Russian foreign policy» и заявляет, что «Современная российская внешняя политика сводится к трем компонентам: 1. поднаср*ть Западу не по-крупному, но так, чтобы сильно воняло; 2. обоср*ться самим и обоср*ть всю Россию с головы до ног; 3. врать всем и самим себе, что Запад обоср*лся сам, а Россия его обоср*ла с головы до ног (19.03.2014)». Тем зарубежным читателям, что не следят пристально за перипетиями российской политики и считают, что вправе рассчитывать на более солидные медиа-ресурсы, используемые, как правило, для подтверждения выкладок автора, хочу напомнить, что все независимые медиа в России закрыты либо переформатированы.

[3] В истории городов есть особая школа историков городской инфраструктуры. См. напр.: Goldman 1997; Keating 1994; McKinney 1995; Melosi 2000; Rose 1995.

[4] Аналитик «Ведомостей» формулирует одну из сложностей жизни в условиях финансовой изоляции России: «наши банки используют инфраструктуру, над которой не имеют контроля» [Борисяк 2014].

Фуко, Найджела Трифта и Стивена Грэхема. Этическая и историческая неопределенность сегодняшнего дня побуждает оглянуться назад и кратко рассмотреть, как создавались узлы и точки пересечения самых разнообразных потоков, движений и метаболизмов, поддерживающих и определяющих городскую жизнь.

Функционирование «гидрополиса» [Graham 2000: 114] (С. Грэхем) — использование запасов воды и удаление ненужного при посредстве инфраструктуры — интересный пример пересечения трех аспектов понимания городской инфраструктуры. Во-первых, они составляют ключевую часть «материальной, экономической и геополитической ткани современных городов» [Ibid.: 115]. Капитал по-разному оседает в городах. Когда дело доходит до инфраструктуры, большая ее часть воплощает его реальное *закапывание*. Конечно, провода и магистрали сетей коммуникаций пролегают и через город и над ним, но слово «закапывание» тут оправдано ещё и потому, что прибыль от таких вложений образуется гораздо медленнее, нежели от собственно строительства. Эмпирическим проявлением этой данности является точечная застройка: врезаться в существующие сети коммуникации — значит, серьёзно сэкономить на затратах. Размах девелоперства в России был бы невозможен без коррумпированного «врезания» в имеющиеся сети коммуникаций. В прошлом общественные городские активы составляют сегодня серую зону, открытую для разнообразных манипуляций. Во-вторых, сети коммуникации тесно связаны с переживанием городской культуры: «они обязательно используются в образах, репрезентациях и идеологиях урбанистического „прогресса“ и города модерности всеми видами акторов — девелоперами, планировщиками, регуляторами, футуристами, производителями приборов… и… центральны для нормативных стремлений… реформаторов, модернизаторов, социальных активистов, вдохновлённых идеями «хорошего города» [Ibidem]. Состояние сетей коммуникаций может либо свидетельствовать о прогрессе либо вопить о том, что он многие наши местности обошёл стариной. У нас преобладает последний вариант: тема дурно пахнущих отхожих мест эксплуатируется давно и разнообразно. В-третьих, сети инфраструктуры связаны с воспроизводством и поддержанием существующей власти: «при их посредстве люди, организации, фирмы и институты способны осуществлять влияние в пространстве и времени помимо „здесь и сейчас“» [Ibidem]. И опять: история развития российской городской инфраструктуры (ей ещё предстоит быть написанной), скорее, свидетельствует о том, что «прогресс» подтверждался заводами и амбициозными проектами, что общественное здоровье и неунизительные условия жизни всегда были на втором плане по сравнению с промышленными (в прошлом) и коммерческими (сегодня) приоритетами. В итоге далеко не каждое жилье у нас, в начале двадцать первого века, соединено с источниками чистой воды и канализацией. Как это характеризует режимы, оставшиеся в прошлом и воцарившийся сегодня? Правы ли те, кто главной причиной отсутствия масштабной инфраструктуры и неокультуренного, неподключенного к сетям быта считает невзыскательность самих обитателей российских зон санитарных лишений? Это большой и долгий разговор, но хочу подчеркнуть, что и тогда, когда мы говорим о культуре, не учитывать отношения по поводу власти над пространством не получается.

«Группы, которые пахнут» и «причастность к привилегии величия»

«Удастся ли открытым большому миру существам — людям эпохи городов и империй — скачок от коллективного самосохранения в укреплённых городских общинах к индивидуальному обеспечению собственной безопасности в универсуме как таковом — по ту сторону случайных отечеств?» [Слотердайк 2007: 354] — спрашивает Петер Слотердайк, тревожась о судьбе мобильных индивидов, некоторые из которых за переход к имперскому государству заплатили «космофобией» [Там же: 363] и полюбили «великие теории порядка» [Там же: 365]. Слотердайку интересно, как совершался переход от имперской «иммунизации» гра-

ждан к европейской модерности, хотя он признает, что этот переход — лишь частичный, ибо империи сохранились, поддерживаемые «достаточно широким распределением шансов на причастность к привилегии величия» [Там же: 320]. Проводя параллель между географической глобализацией и метафизической глобализацией, он ставит в центре этого процесса город, воплощающий идею спасительной целостности вначале буквально, посредством возведённых вокруг него стен, затем иными способами — ставя заслон грязи и вони.

Если — не забывая, что в нашем фокусе инфраструктура — определить ее историю как историю обмена полезных и вредных веществ в городе, то она связана с простым, на первый взгляд, обстоятельством: обмен тогда наладился, когда города перестали безбожно пахнуть. Случилось это, по меркам мировой истории, практически вчера: во второй половине девятнадцатого и в двадцатом веке. В опубликованном в 1889 году эссе «Французы и англичане: сравнение», критик и моралист Филип Хамертон признавая, что обе нации могут быть сочтены относительно чистоплотными, замечает что «большинство в них считает некоторую степень запачканности более отвечающей их представлениям об истинном удобстве» [Там же: 306]. Спокойное отношение к телесной и окружающей грязи европейцев — современников Уайльда и Рембо — отчасти объясняется нарастанием сегрегации в крупных городах; средние классы почти не сталкивались с бедностью и скученностью городских центров, предполагающих весьма высокую степень «запачканности». Больше того, некоторое кокетство наблюдений Хамертона вполне симптоматично для духа эпохи, проявлявшегося, в частности, и в публично выражаемой брезгливости по отношению к городским запахам. Это свои, индивидуальные и неизбежные, запахи были простительны, а запах, к примеру, чужих экскрементов лишь за считанные десятилетия из привычного превратился в отвратительный. Изучение книг по истории городов (а в некоторых из них запахам заслуженно посвящены отдельные главы) [Пикард 2011] побуждает задуматься о том, как быстро, по историческим меркам, телесные и житейские запахи стали стигматизированы, начали обозначать «недоцивилизованность» или социальное исключение. Запахи оказались включёнными в несколько идеологий, и разделить, где заканчиваются социально одобряемые взгляды и начинаются социально порицаемые запахи, не всегда возможно.

Эпический нарратив Слотердайка интересующую нас городскую инфраструктуру помещает в историю становления оседлости. Наряду с хорошо известными культурными обретениями («плуг, меч и книга»), закрепление общностей на земле было сопряжено с сильной зависимостью от их собственных отходов. Слотердайк, не церемонясь, даёт крайне неожиданную трактовку идентичности укореняющегося на постоянном месте этноса: «В культурно-климатологической перспективе оседлое этническое единство представляет собой прежде всего группу, которая пахнет и в своем собственном запахе обнаруживает сферически распространяемый критерий идентичности» [Слотердайк 2007: 340]. (Найдётся, боюсь, немало российских гуманитариев, в опыт общения которых с зарубежными коллегами или друзьями входят неловкие попытки объяснить природу специфических аммиачных облаков, что витают над туалетами иных вокзалов и автостанций, либо неозабоченность иных соотечественников *body odor*[5]). Если кочевники рассеивают переваренное по бескрайней степи и бегут от него прочь и вдаль, то для горожан, гнёт свое Слотердайк, «характерна конвергенция между духом места и законом отхожего места» [Слотердайк 2007: 341]. Как горожанину не проникнуться

[5] Я, к примеру, провела немало часов в разговорах на эту деликатную тему с написавшим книгу Christoph Neidhart, 2003. *Russia's Carnival: The Smells, Sights and Sounds of Transition*. — Oxford. В главке о запахах в Советском Союзе он передает спертый воздух в купе поездов, «запах гнили с оттенком мочи, особенно в плохоньких обиталищах интеллигенции» [Neidhart 2003: 89], объясняя его тем, что люди с трудом расставались с дорого доставшимися вещами. Он вспоминает ванные в отелях Москвы и Питера, куда он возвращался с облегчением, потому что искусственные запахи чистящих средств, означая условную чистоту, напоминали о привычном. Он описывает, как менялся запах его знакомого рабочего от понедельника к субботе (времени посещения коллективной бани), но признает, что «носы стали более деликатными», а Россия — более буржуазной, цивилизованной и приятной для самих русских» [Neidhart 2003: 95].

идеями причинности, как не понять, что у любого действия есть последствия, если особый запах беспощадно свидетельствует о том, что есть поступки, которым точно не суждено остаться в тайне: «обонятельная Немезида» [Слотердайк 2007: 342] настигнет и индетерминиста.

В дисциплине «история городов» нехотя признается тот факт, что города до XX века представляли собой «заселённые клоаки» [Там же]: «Одним из любопытных фактов лондонской жизни является то, что в начале XIX века городская канализация ничем существенным не отличалась от канализации XV века… примерно под двумястами тысячами домов попрежнему находились выгребные ямы. В жилищах бедняков жидкие нечистоты порой поднимались вверх, просачиваясь меж досками пола» [Акройд 2006: 397]. Жизнь не щадила и обоняние москвичей: «С какой стороны ни подойдешь к ней, страшное зловоние встречает вас на самом пороге. Идём по запаху. Вот Красная площадь и на ней единственный в Москве монумент освободителям России в 1612 г. Вокруг него настоящая зараза от текущих по сторонам вонючих потоков. Около памятника будки, на манер парижских писсуаров; к ним и подойти противно. Ручьи текут вниз по горе около самых лавок с фруктами». В глубине города «в грязи и вони городские трактиры… А… рядом… отхожие места…», — сообщалось в газете «Русская летопись» в 1871-м [Делюхова 2008]. Сохранились и выразительные оценки жилого фонда Москвы: «Больше половины (52,1%) всех жилых квартир в Москве не имеет не только тёплого, но и холодного помещения для сортира, жильцы их должны пользоваться отхожим местом во дворе; при одной трети квартир есть особый сортир и только в 15% московских жилых помещений имеется ватер-клозет» [Кириченко 1997: 65]. Точного знания последствий загрязнения воды и воздуха не хватало [Cokayne 2008: 245], и реки европейских столиц (как и сегодня Чёрное море на пляжах Крыма и Краснодарского края) несли с собой не воду, а что-то совсем иное [Костенко-Попова 2013].

В основе назревших повсеместно санитарных реформ лежало стремление сократить смертность и эпидемии, меняя целую совокупность определяющих жизнь города факторов. Эдвин Чедвик в Англии ратовал за реформу канализации с надежной статистикой в руках и картографировал Лондон, Лидс и другие английские города середины XIX века так, чтобы можно было продемонстрировать взаимосвязь здоровья и социального благополучия жителей. Он отражал на своих картах социальные группы и места, в которых жили умершие от холеры в 1830 г., и иных болезней. Заболевания были осмыслены как следствия социального неравенства, а не результаты вредных привычек или невезения [Картографирование заболеваемости… 2012]. Историк Жорж Вигарелло, противопоставляя «чистоту напоказ» XVII века (главное, чтобы лицо было чистым) и «невидимую чистоту» XVIII века, показывает, как медленно оформлялись представления о гигиене [Vigarello 1998]. Он описывает, что в конце XVIII и начале XIX века оформились новые ценности, в том числе пришло понимание внутреннего здоровья как силы, *vigour*: «стремясь в новой силе, буржуазия конца XVIII века, пришла к теориям чистой кожи: поры должны были быть очищены, чтобы не препятствовать динамике тела, а холодная вода должна была придать твёрдость связкам. Чистота освобождала и укрепляла, так что должна быть использована вода, которая стягивала и упрочивала […] Теперь использовались те представления о воде и теле, которые отвечали теории твёрдости» [Ibid.: 228–229].

«Процесс цивилизации» (Норберт Элиас) набирал силу не спеша: отношение к чистоте, здоровью и гигиене менялось, как и представления о моральных обязательствах индивида по отношению к собственному телу. Мишель Фуко напоминает, что каждое обсуждение политики с восемнадцатого века обязательно включает главы об «урбанизме, коллективных учреждениях, гигиене и частной архитектуре» [Foucault 1984: 240]. Специфическими потоками веществ, связанных с повседневной жизнью субъектов, нужно было управлять так, чтобы поддержать социальный порядок и дисциплинировать частную жизнь. Порядок воплощало коллективное оборудование, включающее схемы расселения людей и насаждаемые среди

программы гигиены. Если канализацию ещё предстояло сделать частью социального порядка, и во многих европейских городах это массово произошло только в XX веке, то «идея патогенного города» [Foucault 1980: 175] и озабоченность распространением гигиены были быстро в XIX веке увязаны властями и их идеологами с пониманием городских бедняков как политической угрозы. Балансируя между минимизацией заразных болезней в целях политической стабильности и необходимостью постоянного прироста рабочей силы, государство подвергло очищению города, а на семью возложило ответственность за воспроизводство здоровых рабочих. «Медикализация» города выразилась в идеях о «расположении различных кварталов, их влажности и открытости, проветривании города в целом, системах его канализации и дренажа, размещении скотобоен и кладбищ, плотности населения» [Ibid.: 175], и все эти активные меры по распространению общественной гигиены были способом избежать «политико-санитарной тревоги» [Foucault 1994: 144]. Открытость, чистота, свет, систематический ремонт — все в этой оптике оказывается подверстанным под нужды оперативного полицейского доступа и надзора, нужными, чтобы «сохранять рабочую силу» [Foucault 1980: 170], представители которой побуждаются ещё и к самосохранению посредством выработки у них правильных гигиенических привычек. С «монументальной учёностью и обидным смехом» [Sloterdjjk 2013], присущими его стилю, Фуко скрупулезнейшим образом разбирает, как о гигиене *говорили*, как ее *пропагандировали*, продолжая вдыхать интенсивную городскую вонь — замечу я после чтения многочисленных книг историков города XVIII–XIX века,

О важности тревожных городских запахов для парижского воображения говорит то, что «центральной целью городской гигиенической реформы было всестороннее дезодорирование городской среды» [Prendergast 1992: 78-79]. Одержимость уничтожением неприятных «эманаций» сигнализирует о меняющихся политических и социальных обстоятельствах. Реформатор барон Осман, император Наполеон III, инженер Эжен Бельгран были главными фигурами, причастными к устройству в Париже системы подземных тоннелей, именуемых Османом *Cloaca Maxima*, чтобы риторически установить связь между главными градостроительными достижениями Римской империи и реформами в Париже XIX века. Рачительный барон возражал против того, чтобы новые подземные сети использовались для транспортировки экскрементов: для их сбора до конца XIX столетия использовались выгребные ямы, откуда добро вывозилось на пригородные поля. В то же время формировался «коллективный культурный фантазм — широко разделяемый страх вонючей субстанции и отвратительных испарений» [Ibidem: 77]. Описания переживаний парижан по поводу испарений, переносимых северо-восточным ветром из округа Монфокон объясняют, почему специфический габитус парижанина XIX века включал обостренное обоняние: «порог терпимости по отношению к запахам понизился и как условие и как следствие новой озабоченности общественным здоровьем» [Ibidem: 78]. Миазмы, инфекция, упадок — эти вещи теперь увязались в воображении публики в крепкий узел. Неизбежные, жизненные запахи стали ассоциироваться с болезнью и смертью. Воздушным путём передаваемые инфекции стали кошмаром врачей-гигиенистов: во второй половине XIX века они стали настаивать на том, чтобы строительство новых авеню велось так, чтобы избежать чрезмерного скопления народа, а подобающая циркуляция воздуха позволяла запахам быстро рассеиваться [Corbin 1988]. Отныне запахи туалета олицетворяли отсталость, грязь, нищету, низшие классы. Вентиляция и дезодорирование вплелись в прогрессисткие программы элиминации бедности. Соответствующие дискурсы отлагались в пропагандистских брошюрах, памфлетах, либеральной прессе, учёных книгах, переплетаясь с другими формами жизни. Реалии бедности, несчастья, трущоб, отхожих мест соединялись с опытом жизни в городе позапрошлого столетия, где субъект жил вдыхая его миазмы и отворачиваясь от его язв.

Рисуя во второй части своего монументального труда «Сферы» подробнейшую «медиаисторию империи», Слотердайк напоминает, что «пространство империи может сохраняться только в качестве семиосферы согласия относительно его благополучия или воспроизводства

в условиях упадка и опасности» [Слотердайк 2007: 342]. О том, насколько опасно, по этой логике, зловоние, свидетельствует игривый, но точный тезис мыслителя о том, что «отвратительные эманации», присущие современному обществу, это же общество пытается перекрыть «запахами филантропии, эгалитаризма и долга памяти» [Там же: 350–351]. Только в XIX–XX веках филантропия и эгалитаризм воплотились в «систематическом решении» этой специфической «эндоклиматологической» проблемы: в городах были устроены сети канализации. Снабжение города водой и использование воды для транспортировки отходов — это арена, на которой разворачиваются конкретные политико-экономические программы. Каким образом политическая экономия урбанизации проявляется в дискурсивных и материальных практиках в отношении воды? Как инновации, классовые предрассудки и экономические возможности соединяются в решении санитарных проблем?

Избавиться от человеческих отходов можно было, полагаясь на возможности либо земли, либо воды. История становления инфраструктуры включает в себя, так сказать, магистрали и боковые ходы: первые — это возобладавшие методы транспортировки, вторые — те, что обсуждались, но были отброшены. Так, бостонские инженеры в XIX веке, обсудив использование вакуума и сжатого воздуха для транспортировки отходов (вакуумная система Берлье и гидро-пневматическая система Шоуна, задействованная в 1886 в английском парламенте и продемонстрированная на Колумбовой всемирной выставке в Чикаго в 1893-м), сочли этот способ слишком технологически сложным [Ben-Joseph 2005: 88]. Понадобились бы отдельные механизмы для транспортировки экскрементов и грязной воды. Им вторили чиновники, отвечающие за общественное здоровье, и санитарные инженеры: они считали самым важным *скорость* избавления от всего ненужного для предотвращения эпидемий, а использование воды для этого было более эффективным. В Англии аналогичные дискуссии сопровождались сетованиями одних на разбазаривание полезного удобрения — человеческих экскрементов (в случае если отходы будут спускаться в море), и утверждениями других, что это не разбазаривание, а экономия: слишком дорого доставлять такой неэффективный «навоз» на поля. Реформатор Флоренс Найтингел была активным пропагандистом водного способа. В итоге сторонники сухой либо полусухой вакуумной канализации проиграли в бостонских дебатах. Высокооплачиваемые профессионалы убедили власти в необходимости централизованной канализации (это, среди прочего, гарантировало членам их профессиональной лиги стабильные доходы и в будущем). Соображения экономии (часто использовались уже имеющиеся трубы) и простоты (централизованная транспортировка всех отходов по одним трубам), соединялись с озабоченностью вывозом всего этого за пределы города, а не эффективной переработкой [Ibidem]. Автор этой занимательной истории об экологической слепоте западных властей добавляет нечто важное для моего дальнейшего повествования: «Такая система привлекала местные власти тем, что делала избавление от отходов автоматической процедурой и облегчала индивидуальную ответственность (…): не нужно санитарное устройство препоручать низшим классам, а нужно все для них сделать» [Ibidem: 90].

Масштабность санитарной революции, происшедшей в Европе, впечатляет, хотя въедливые историки добавляют, что абсолютного контроля над циркуляцией чистой и грязной воды достичь не удалось нигде. Одним из источников головной боли были и остаются промышленные стоки: у промышленности был карт-блаш как на потребление воды, так и на избавление от загрязненной. В итоге договорённостей властей с промышленниками промышленные стоки попадали и в наземные водоёмы и под землю. Много чего попадало и в океан: автор статьи, опубликованной в 1974 году простодушно заявляет, что «вопреки широко разделяемому мнению, океан — подходящее место для избавления от некоторых видов человеческих отходов» [Bascom 2005: 91].

Особенности национальной канализации

Петер Слотердайк, пишущий о борьбе с запахом нечистот в городской жизни — в хорошей компании: от Томаса Мора, апеллировавшего к пяти названиям фекалий в полемическом трактате, до Мишеля Монтеня, сетовавшего в «Опытах» на резкий запах кала в Париже. Упомянутый выше историк Парижа и французской культуры Кристофер Прендергаст напоминает о мусорщике, упавшем в 1782 году в сточную яму возле одного из парижских домов. Беднягу пытался спасти один из стоявших неподалёку учёных, в подобающем месте изучавших потенциал вещества, изобретатель которого клялся, что оно уничтожает миазмы. Милосердный ученый попытался сделать бедняге искусственное дыхание, но в ужасе отшатнулся [Prendergast 1995: 75–78]. Меня упрекнут в слишком проблематичной параллели, но я хочу упомянуть, что почти всякий раз, когда белорусские, украинские, российские коллеги рассказывают о посещении домов простых сограждан, их озадачивают сложные запахи, вырывающиеся из жилищ[6].

Если создание современной канализации пришлось во многих европейских городах на начало двадцатого века, то в Украине, Беларуси, России и других бывших советских республиках оно массово осуществилось во второй половине двадцатого века. Здесь очень важно понимать, какой путь прошли наши страны к сегодняшней дезодорированной жизни больших городов и благополучных людей. Если в 1913 году лишь в 190 из 1078 городов России (число жителей свыше 10 тысяч человек) был водопровод (а в Германии в тот же период уже в 98 из 100 городов был водопровод), то сплавная канализация имелась лишь в 13 городах и устраивалась в трех. Итогом было то, что «в результате обследования городов Киева, Харькова, Ростова-на-Дону и С.-Петербурга в 1907–1910 гг. оказалось, что одною из причин широкого распространения эпидемий тифа и холеры было загрязнение водопровода сточными водами» [Анфимов, Корелин 1995]. Автор «Истории туалета» сосредоточивается на санитарной жизни Питера, описывая насыщавшие воздух зловонием обозы, тянувшиеся по ночам по Невскому, протекающие выгребные ямы, спуск нечистот в дождевую канализацию, реки, каналы и Финский залив, баржи с фекалиями неподалёку от Зимнего дворца, и создание в городе к концу XIX века «обще-сплавной канализации», в которой циркулировали все растворимые в воде отходы» и превращение каналов города в «открытые канализационные коллекторы» [Богданов 2007: 69]. Жёсткое огосударствление жилищной политики в СССР сопровождалось санитарным кошмаром: «катастрофическое ухудшение состояния домов в результате затопления подвалов фекалиями, происходящее вследствие подтопления грунтовыми водами, а также из-за порчи водопровода и канализации» [Меерович 2008: 49], отмечаемое наблюдателями в 1920-е, в тех или других формах продолжается по сей день. Это интерпретируется как симптом недостаточной включенности России в ранг цивилизованных стран, ведь там представлены страны урбанизованные, а мерой урбанизации мыслится наличие канализации. Географ Татьяна Нефедова считает, что «именно отсутствие канализации, а не газа и даже не водопровода в России — верный признак застройки сельского типа, отсутствия элементарных удобств, поистине ключевой индикатор ирреальной урбанизированности» и подтверждает этот вывод такими цифрами: «лишь 143 из 1098 городов России обеспечены канализацией на 95–100%. В малых городах без канализации живёт около половины населения. В средних (50–100 тысяч жителей) канализации не имеет 21% жилого фонда, а 10% лишено ее даже в городах миллионных» [Нефедова 2004].

[6] Белорусский политический активист и урбанист Дмитрий Горенко так описывает недавнее посещение квартир в микрорайоне Комаровка в Минске: «Самое сильное впечатление длинного дня посещения людей, попросивших о возможности проголосовать — запах. Он отличается в подъездах и в квартирах стариков, в квартирах пахнет едой, в подъездах мусором и животными… Трудно сказать, где пахнет сильнее» (пост в Facebook от 24.03.2014).

Тот факт, что централизованная канализация в стране, прошедшей через форсированную индустриализацию, не пришла во все города, сложно уместить в голове. Нужно как-то объяснить, что за двадцатилетие постсоветского развития в городскую инфраструктуру власти, конечно, вкладывались, но, как правило деньги уходили на зрелищные, громкие проекты, к примеру новые дороги. Здесь у меня нет возможности подробно остановиться на том, как изобретательно российское правительство камуфлировало крайности сверхцентрализации, от которых страдают граждане, регионы и города России — камуфлировало сначала дискурсом модернизации и роста, а теперь уже и геополитическим громом. В этом отношении действия российских властей вполне могут быть рассмотрены в связи с неолиберальной эволюцией отношений федеральных правительств развитых капиталистических стран со своими народом и территориями[7]. У нас преобладает технократический менеджмент (сегодня это повсеместно преобладающий стиль правления), а популистский консенсус достигается при помощи масс-медиа, которые организуют «участие» в принятии решений (при одновременном упрощении нравов публики). Напомню, что если реформаторы-канализационщики XIX и XX веков объясняли необходимость централизованного решения проблемы вывода отходов недоверием к доброй воле низов, то сегодня представления об отношениях между гражданами и обществом (в частности, гражданскими обязательствами) меняются опять-таки в неолиберальную сторону. Эта идеология вытесняет в частную сферу экономическое неравенство и возможности достижения гигиенического комфорта делает сугубо личной проблемой горожанина. С этой общей тенденцией перекликается такое объяснение постсоветских проблем с канализацией, предложенное Натальей Зубаревич: «Чем дальше в глубинку, тем меньше потребность (подчёркнуто *мною — Е.Т.*) в горячем водоснабжении, канализации и других удобствах. Когда у людей есть деньги, они тратят их на телевизор, автомобиль, но не на нормального вида нужник. Раз для людей это не становится значимой потребностью, то и власти особенно не стараются в деле обеспечения электората канализацией… Отсутствие канализации и других коммунальных удобств работает на закрепление патриархального образа жизни. Если вы не можете круглогодично принять душ и пользоваться унитазом, то вас довольно сложно модернизировать. Архаика быта влияет на архаику ценностей. Бытовой архаизм закрепляет очень многие мотивации, стереотипы поведения в других сферах» [Попов 2013]. Меня смущает в таком объяснении провинциальных инфраструктурных ужасов отсутствие макроэкономических параметров и изображение все сильнее пахнущих по мере приближения субботы людей как не желающих «де-архаизироваться». Под макро-экономическими параметрами я имею в виду, в частности, то, что даже выделенные в рамках жилищно-коммунальной реформы средства на ремонт сетей коммуникации были, как правило, потрачены на другое. Я также имею в виду, что инвестиции в канализацию практически не обсуждались в качестве приоритетных ни в советское, ни в постсоветское время.

Россия здесь не одинока. Если уж о Соединённых Штатах Америки Дэвид Харви пишет, что шумиха вокруг IT-отраслей и креативных индустрий, то есть, «продвинутых», а значит сулящих символические дивиденты, отраслей экономики, «отвлекла внимание от того факта, что базовые области физической и социальной инфраструктуры недополучали инвестиций» [Харви 2007: 212], то что уж говорить о России и ее соседях. Однако в Штатах возможность продуктивно включиться в экономические отношения и заработать на свой дом, а не только на нужник, все же значительно выше. Что касается недостаточной модернизированности нечистоплотных сограждан, на которую сетует Зубаревич, обращение к документам, личным историям людей, материалам Сети убеждает в том, насколько реальная картина сложнее нарисованной. Она включает непрояснённость вопросов собственности, постоянную смену ведомственной принадлежности имеющихся (и нередко разрушающихся) сетей, недофинансирование городских администраций и многое другое. Приведу лишь «графический»

[7] Я рассматриваю некоторые аспекты этой гибридизации авторитаризма и неолиберализма в статье: Трубина 2013.

фрагмент отчёта Уполномоченного по правам человека Свердловской области за 2008 год, где говорится, что в городе Артемовском Свердловской области десятки жителей не имеют возможности сходить в туалет. На фоне обсуждения в администрациях многочисленных „Концепций реформирования жилищно-коммунального комплекса» коммунальщики снесли уличный деревянный туалет, служивший жителям двадцати двухэтажных домиков 30-х годов застройки. Журналист Татьяна Шарафиева поясняет, как выходят из положения жители: «Некоторые жители сделали самодельные выгребные ямы, содержимое которых они вывозят, нанимая машину, за свой счёт. Но выгребные ямы — это вонь, антисанитария и т.п. У многих бабушек, таких как тётя Лида с улицы Ленина 40, которая сильно болеет, еле ходит, некому ей помочь и ещё нескольких пенсионеров выгребных ям нет. Они ходят в ведёрко и выливают, где придётся. Жители не раз обращались в администрацию, „Егоршинские вести“ писали об этой ситуации, но ничего с места не сдвинулось» [Доклад о деятельности… 2008]. Другой пример, подтверждающий плачевное состояние санитарной инфраструктуры во многих местах России — ситуация в Ленинградской области: «В Кировском районе в посёлке Павлово очистные разрушены, сточные воды сбрасываются в Неву без очистки; в городе Мга, посёлках Путилово и Шум канализационные очистные не работают. В Волосовском районе сточные воды с низкой степенью очистки сбрасываются на рельеф очистными сооружениями в деревнях Зимитицы, Каложицы, Клопицы, Курск, Сельцо, Сумино. В Ломоносовском районе практически отсутствует очистка сточных вод в деревнях Яльгелево, Малое Карлино, посёлке Большая Ижора. Без очистки сбрасываются сточные воды в посёлке Лукаши и деревне Сяськелево, так как очистные сооружения и там разрушены» [Очистные сооружения… 2014]. То, что Дэвид Харви называет «неоколониальный и имперский подход к присвоению активов» [Харви 2007: 212–123] проявляется, в частности, в обилии так называемых «империй климата» и «империй тепла, комфорта и уюта» — частных контор, предлагающих частные же услуги тем людям, у которых есть средства продемонстрировать причастность к современности уютным туалетом.

Серое будущее?

Пока призрачная Российская империя переживает сомнительное возрождение в умах, текстах и в политике, западные урбанисты обращаются к метафоре империи для того, чтобы зафиксировать размах, сложность и взаимозависимость сетей, которыми начинена сегодня городская жизнь: «Тот самый „чёрный ящик“ инфраструктурных систем, неспособность пользователей видеть дальше бегущей строки, автоприборной панели, компьютерного экрана, телефонного аппарата или горячей плиты, неспособность разглядеть империю функций (*выделено мой — Е.Т*), стоящую за работой по обслуживанию, означает слишком многое для воображения городской инфраструктуры» [Graham 2007: 1–25]. Грэхем и Трифт сетуют на то, что в представлениях горожан инфраструктура более упорядочена и стабильна, чем она в действительности есть. Невидимая инфраструктура городской жизни, делающая эту самую жизнь достаточно упорядоченной и предсказуемой, принимается нами как должное. Однако противопоставление урбанистами реальной сложности и хрупкости всей городской оснастки и воображаемого населением идеального порядка ее работы, кажется чрезмерно жёстким и недооценивающим повседневную (и небезосновательную) тревожность рядового горожанина. Со сбоями в работе городских сетей сталкивался каждый: лондонцы — в постоянном напряжении от забастовок и поломок в метро, жители Нью-Йорка ещё не забыли об урагане «Сэнди» и 11 сентября. Да, надёжность сетей городских коммуникаций принимается многими как должное, но возможность городской катастрофы не исключает никто — и в России, и повсеместно. Другое дело, разговоры о том, что платой за последний взлёт имперских российских амбиций может стать развал страны, заставляют особенно ярко вообразить, насколько легко чистота и порядок в некоторых больших российских городах может уступить место

разрухе. Точнее, новая разруха может добавиться к разрухе хронической. Уже сегодня разруха с ее неизменными спутниками — грязью, вонью, пылью и гнилью — упоминается и в апокалиптических прогнозах, и в описаниях российской и крымской провинциальной повседневности. Груды мусора, что видны вокруг мусорных ящиков после праздников, могут стать повсеместной обыденностью.

Нарушение привычного городского порядка, помимо видимых его компонентов, будет включать те, что раздражают иные органы чувств. Если отключение воды на пару дней сопровождает лёгкий неприятный запашок из кранов, то страшно представить, что будет исходить из всех этих труб, решёток и сетей в случае, если коммунальщики перестанут получать платежи, а их начальники сбегут в Таиланд. Трубы, туннели и водохранилища уязвимы и без всякого урагана «Сэнди». Опыт стран-изгоев тут очень поучителен: если вы продаёте только нефть, а остальное ввозите, санитарная катастрофа наступит очень быстро. Подвергнув Ирак экономическим санкциям, США не давали Багдаду импортировать насосы для заводов, которые очищают воду Тигра, превратившегося в открытую клоаку из-за разрушения заводов, перерабатывающих отходы. Хлорка, необходимая для обеззараживания воды, была запрещена потому, что могла быть использована как химическое оружие. Последствия всего этого более всего проявились в детских клиниках: из-за заражённой воды под ударом оказались, прежде всего, дети — они особенно беззащитны перед гастроэнтеритом и холерой [Gordon 2010]. Алан Вейсман, автор книги «Мир без нас» рисует будущее Нью-Йорка в случае, если жители в нем исчезнут: «Без работающих насосов, метро непроходимо затопит. За двадцать лет стальные колонны, поддерживающие улицу над поездами […] заржавеют и рухнут, Лексингтон-авеню обрушится вниз и станет рекой. В первые несколько лет без тепла, трубы в городе лопнут повсеместно, цикл «замерзание-оттаивание» переместится в квартиры, и начнётся серьёзное разложение. Засорённая канализация, затопленные туннели и превратившиеся в реки улицы размоют фундаменты, здания над ними рухнут. Постепенно асфальтовые джунгли уступят место настоящим».

Зависимость судьбы горожанин и города от капризов политиков разного уровня влияет на работу воображения и на то, как складываются представления о мерах, необходимых для выживания. Инфраструктура как общее благо, миллионами способов связанное с твоими личными шансами на поддержание нормальной жизни, обращает наше внимание на парадоксальность современного города — динамичного, но беззащитного. Метаморфозы воды и пищи, деятельность, чувства, опосредованные андроидами и лэптопами, — все это нерасторжимо переплетают между собой физические, технологические и социальные процессы. За ними важно видеть различные варианты городских инфраструктур — от «умных» домов и ухоженных парков, сосредоточенных на территориях «дворянских гнёзд» и коттеджных посёлков, со сложными системами фильтрования воды и транспортировки наружу ненужного, до вредных отходов, таящихся в почве под домами попроще, квартиры в которых отделаны дешёвыми, но вредными для здоровья материалами, где Интернет работает с перебоями, а вода из-под крана далеко не всегда фильтруется. Соглашаясь с британскими урбанистами, что «большую часть жизни в городе составляет, скорее, механическая циркуляция тел, объектов и звуков речи, равно как и наличие и регуляция в ее недрах трансчеловеческой и неорганической жизни (от крыс до канализации)» [Amin 2002: 228], все же не хочется забывать об инфраструктурном разрыве, которым отмечена жизнь большинства городов и о воспроизводстве глубоко несправедливых отношений в контексте того, что в России именуется «коммуникациями». Сегодняшние электросистемы, водоснабжение и канализация — своеобразные памятники более или менее эффективному использованию общественных денег в прошлом, к которым прибавляются сегодня последствия неудачной жилищно-коммунальной реформы. Недостаток места не даёт возможности подробнее остановиться в этой статье на сегодняшнем периоде, когда капиталистические интересы девелоперов побуждают их врезаться в существующие «коммуникации», обрекая «коммунальщиков» (с переменным

успехом) справляться с последствиями точечной застройки. Большинство труб было проложено в советское время, они лопаются, дымя паром зимой и растекаясь летом, что теперь есть неизбежная часть городского пейзажа. Чертыхаясь и ругая мэров и губернаторов, люди как-то справляются с бытовыми трудностями. Справляются в том числе и «врезаясь» в инфраструктуру домов, вставляя свои трубы, батареи и насосы. Вот последние особенно интересны. Их тактики можно объяснить неолиберальной логикой *self-responsibilization*: чтобы напор в твоём душе был нормальным, ты должен постараться сам. Но, чтобы доставить себе утреннее удовольствие от хорошего напора воды в душе, ты захватываешь воду, предназначающуюся всем. «Коммунальность» жизни многоэтажки тем самым — лишь видимость: ресурсы одних позволяют им устраивать мини-экспансию, присваивая то, на что другие, «лузеры», уже напрасно рассчитывают: они так и будут мыться под «писающим мальчиком» на своем двенадцатом, скажем, этаже. Мини-империя может располагаться у тебя за стеной.

Выводы

Сложность обсуждения городской инфраструктуры связана, среди прочего, с тем, что эта сторона городской жизни — типичный «гибрид» материи и ценностей, техники и аффектов, денег и представлений о цивилизационных расколах. Избавление от дурных запахов в большинстве стран было результатом воплощения двух стратегий: во-первых, трансформации гигиенических привычек индивидов и, во-вторых, внешних, совершавшихся вне жилищ, реформ и мер, связанных с планированием городов, устройством централизованной канализации (либо поощрением частных усилий), а затем — поддержания ее в порядке. Санитарная пропаганда полезных привычек, связанных и с физическим и с моральным здоровьем подкреплялась открытием новых клиник. Тесно сплетённые с самоуважением личные техники «заботы о себе» были лишь частью масштабных реформ, осуществляемых государством и бизнесом, деятельно создающих специфические сети, по которым источающие запах субстанции отводились туда, где, предполагалось, они ничьё обоняние не тревожили. У нас же, в Восточной Европе и России, половинчатые результаты социалистического проекта, соединившись с «гибридным» капитализмом, привели к тому, что общие неудачи по части избавления от вони изображаются как региональные особенности либо как проявление личной беспомощности и нецивилизованности. Отсутствие механизмов продуктивного давления на власти со стороны общественности, воспроизводство «символического насилия» (Пьер Бурдье), выражающееся в *спокойном* отношении большинства людей к социальному неравенству, поощряет нерегулируемую урбанизацию. Пост-фордистское использование имеющихся в городе технологических сетей сопровождается выжиманием прибыли из остатков общественных благ и полным забвением эгалитаристских установок модерности. Миллионы вдыхают вонь, в то время, как одни ведут разговор о велодорожках (то есть, о воспроизводстве идеализованной модели капиталистического города), а другие воспевают воображаемый «народ», от имени которого осуществляется проблематичная политика, лишающая сам этот «народ» (его неустанно убеждают в важности геополитических праздников) возможностей цивилизованной жизни. Инфраструктура тем самым предстаёт перед нами во всей ее сложности, состоя не только из технологий и материи, но и из акторов, поддерживающих существующее в порядке и пользующимся им, писаных и неписаных правил, по которым эти системы функционируют, экономических ресурсов, необходимых для ее поддержания, и культурных ценностей, с которыми она сплетена.

Эта сложность и объясняет, почему зависимость от пути предыдущего развития преследует развитие «систем коммуникаций» в той или иной стране. Радикальное их изменение невозможно нигде, но есть федеральные и региональные правительства, деятельность которых отмечена подчёркнутым равнодушием к городской инфраструктуре.

Ад русских больниц… 2013. *Ад русских больниц*. — Доступ: http://uglich-jj.livejournal.com/62312.html. — Проверено: 25.05.2015.

Акройд П. 2006. *Биография Лондона*. — М.

Анфимов А.М., Корелин А.П. 1995. *Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник*. — Раздел XIII. Здравоохранение. — СПб.

Аронец А., Коваленко О. 2014. *В поисках золотого унитаза, или Экскурсия по резиденции Януковича в Межигорье*. — Доступ: http://news.tut.by/world/387941.html. — Проверено: 25.05.2015. — См. также здесь: http://fakty.ictv.ua/ru/index/view-media/id/55658 и здесь: http://chechenews.com/world-news/russia/16705-1.html. — Проверено: 25.05.2015.

Богданов И. 2007. *Unitas, или Краткая история туалета*. — М., НЛО.

Борисяк Д. 2014. Как обезопасить карты российских банков от блокировок международными платёжными системами. В Думу внесён законопроект против блокировки карт российских банков международными платёжными системами. — *Vedomosti.ru*. — 24.03.2014.

В Киевсовете потоп… 2013. *В Киевсовете потоп*. — Доступ: http://gazeta.ua/ru/articles/politics/_v-kievsovete-potop/534925. — Проверено: 25.05.2015.

Дедюхова И. 2008. *Водоснабжение и канализация жилищного сектора России до революции*. — Доступ: http://www.deduhova.ru/srvreform/sewerage.htm. — Проверено: 25.05.2015.

Доклад о деятельности… 2008. *Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека Свердловской области в 2008 году*. — Доступ: http://ombudsman.midural.ru/files/49d2f477bc203.doc. — Проверено: 25.05.2015.

Картографирование заболеваемости… 2012. Картографирование заболеваемости. Осознание причин эпидемий сквозь призму карт. — *ArcReview*. — № 1(60). — Доступ: http://www.dataplus.ru/news/arcreview/detail.php?ID=6662&SECTION_ID=221&print=Y. — Проверено: 25.05.2015.

Кириченко Е.И. 1977. *Москва на рубеже столетий*. — М.

Костенко-Попова О. 2013. Из канализации — в море. Чем опасны отечественные водоемы и курорты? — *Аргументы и Факты*. — 04.09.2013. — № 36. — Доступ: http://www.aif.ru/society/healthcare/46486. — Проверено: 25.05.2015.

Меерович М. 2008. *Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми*. — М.

Нефедова Т. 2004. Городская сельская Россия. — *Демоскоп*. — Доступ: http://demoscope.ru/weekly/2004/0141/tema02.php. — Проверено: 25.05.2015.

Очистные сооружения… 2014. *Очистные сооружения в Ленобласти не очищают воду, а отравляют природу*. — Доступ: http://47news.ru/articles/73225/. — Проверено: 25.05.2015.

Пикард Л. 2011. *Викторианский Лондон*. — М.

Попов А. 2013. Всеобщая канализация страны. — *Эксперт*. — 24 сентября. — Доступ: http://expert.ru/2013/09/24/vseobschaya-kanalizatsiya-stranyi/. — Проверено: 25.05.2015.

Приглашаем рожать… 2013. *Приглашаем рожать в Россию*. — Доступ: http://uglich-jj.livejournal.com/63105.html. — Проверено: 25.05.2015.

Слотердайк П. 2007. *Сферы II. Глобусы*. — СПб.

Трубина Е.Г. 2013. Центр и периферия между ростом и развитием. — *Логос*. — № 4.

Флигельман М. 2010. Цивилизация — это канализация (моя версия национальной идеи). — *Точка зрения*. — Август. — Доступно: http://www.tztver.ru/articles/detail/205. — Проверено: 25.05.2015.

Харви Д. 2007. *Краткая история неолиберализма*. — М.

Этот город… 2013. *Этот город в г*вне: район Хабаровска уходит под канализацию*. — Доступ: http://andrey-che.livejournal.com/2702701.html (2013-08-27). — Проверено: 25.05.2015.

Amin A., Thrift N. 2002. *Cities — Reimagining the Urban*. — L.

Bascom W. 2005. The Disposal of Waste in the Ocean. — *Scientific American*. — 231 (2).

Ben-Joseph E. 2005. *The Code of the City: Standards and the Hidden Language of Place Making*. — Cambridge, (MA).

Briggs A. 1989. Water, Water. A review of "The Conquest of Water: The Advent of Health in the Industrial Age" by Jean-Pierre Goubert. — *London Review of Books*. — 9 November. — Vol. 11. — No. 21.

Cockayne E. 2007. *Hubbub: Filth, Noise and Stench in England, 1600–1770.* — New Haven: Yale University Press.

Cockayne E. 2008. *Hubbub: Filth, Noise & Stench in England*. — Yele University Press

Corbin A. 1988. *The Foul and the Fragrant: Odor and the French Social Imagination*. — Cambridge.

Foucault M. 1980. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*. — NY.

Foucault M. 1984. Space, Knowledge and Power. Rabinow P. (Ed.). — *The Foucault Reader*. — L.

Foucault M. 1994. The Birth of Social Medicine. — Foucault M. *Power: Essential Works of Michel Foucault 1954–1984*. Ed. Faubion J. D. — NY

George R. 2008. *The Big Necessity: The Unmentionable World of Human Waste*. — Metropolitan Books.

Goldman J.A. 1997. *Building New York's Sewers: Developing Mechanisms of Urban Management*. — West Lafayette (IN).

Keating A.N. 1994. *Invisible Networks: Exploring the History of Local Utilities and Public Works*. — Malabar (FL).

McKinney H.A. 1995. *The Development of Local Public Services, 1650–1860*. — Westport (CT).

Melosi M.V. 2000. *The Sanitary City: Urban Infrastructure in America from Colonial Times to the Present*. — Baltimore.

Rose M. 1995. *Cities of Light and Heat: Domesticating Gas and Electricity in Urban America.* — University Park: Pennsylvania State University Press.

Gordon J. 2010. *Invisible War: The United States and the Iraq Sanctions*. — Cambridge.

Graham S. 2000. Introduction: Cities and Infrastructure. — *International Journal of Urban and Regional Research*. — March. — Vol. 24. — Issue 1.

Graham S., Thrift N. 2007. Out of Order: Understanding Repair and Maintenance. — *Theory, Culture & Society*. — 24 (3).

Neidhart N. 2003. *Russia's Carnival: The Smells, Sights and Sounds of Transition*. — Oxford.

Prendergast C. 1992. *Paris and the Nineteenth Century (Writing the City)*. — Oxford.

Prendergast C. 1995. *Paris and the Nineteenth Century*. — Wiley-Blackwell.

Sloterdijk P. 2013. *Philosophical Temperaments: From Plato to Foucault*. — Access: http://issuu.com/columbiaup/docs/sloterdijk_on_foucault. — Verified: 25.05.2015.

Vigarello G. 1998. *Concepts of Cleanliness: Changing Attitudes in France Since the Middle Ages*. — Cambridge.

Тёплые связи бытия

От редакции

Название этой рубрики мы позаимствовали у Ильи Сельвинского. В одном из его стихов есть такие строки:

Когда хоронишь друга — это
Ты сам частицею со света
Уходишь. Что же значит «Я»
Без тёплых связей бытия?

Но поэт ничего не писал о том, как это ощущение преломляется в наши чувства и мысли, когда они формируются в связке «учитель-ученик», возникающей в школе и университете. Когда мы годами и десятилетиями питаем безмолвную благодарность в отношении людей, которые однажды подсказали нам круг научных идей, интересующих нас всю последующую жизнь. Это царство безмолвия не всегда нужно и хочется нарушать, поскольку в нем скрыт наш сокровенный мир. Но корни научного творчества без таких связей немыслимы. Питомцы нашего университета разбросаны по всему земному шару. Приглашаем вас, наши учителя и ученики, коллеги и друзья, духовные отцы, дети и внуки в наш уголок воспоминаний. Сделаем его уютным…

ПАМЯТИ СОВЕТСКОГО И РОССИЙСКОГО ЛОГИКА ЮРИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ГЛАДКИХ (17 сентября 1938 — 27 ноября 1999)[1]

Н.П. Стешенко
Южный федеральный университет

Аннотация: *На основании личного опыта общения с Юрием Григорьевичем Гладких приводятся воспоминания о педагогической и научной деятельности основателя ростовской*

[1] Фотография Ю.Г. Гладких от 6 ноября 1976 г.: «Лекция по логике в РГУ» предоставлена Н.П. Стешенко.

школы логики. Излагаются взгляды Ю.Г. Гладких на природу логики. Под «природой логики» имеется в виду предмет логики и факторы изменения, развития логики.

Ключевые слова: *логика, логика без экзистенциальных предпосылок, предмет логики, природа логики, Аристотель, Первая Аналитика, Вторая Аналитики.*

Юрий Григорьевич был замечательным логиком, удивительным человеком и талантливым педагогом.

Родился в Перми 17 сентября 1938. Его отец был начальником цеха одного из пермских заводов, мать — домохозяйкой. В 1956 г. он окончил среднюю школу и поступил работать на завод слесарем-сборщиком. С 1957 по 1960 г. служил в рядах Советской армии в Прибалтийском военном округе, в Калининграде. С 1962 по 1967 г. обучался на философском факультете МГУ, который окончил с отличием. Специализировался по кафедре логики, с 1967 по 1970 г. учился в аспирантуре под руководством Смирновой Елены Дмитриевны. Эти биографические данные я позаимствовал [Бочаров 2006: 5–6]. Профессор кафедры логики философского факультета МГУ Вячеслав Александрович Бочаров — друг Юрия Григорьевича — так характеризовал студента и аспиранта Гладких Ю.Г.: «Этот молодой, очень энергичный человек умел весьма в жёсткой форме отстаивать свою позицию, и «сбить» его с занимаемой точки зрения было совершенно невозможно. Видно было, что выбор логики в качестве своей специализации, которую он сделал на философском факультете**,** — выбор окончательный и бесповоротный. Все, что он делал в это время, было направлено на его становление как высококлассного профессионального логика» [Бочаров 2006: 6].

Высокий профессионализм им был проявлен уже во время обучения в аспирантуре: он опубликовал в это время в журнале «Вопросы философии» две статьи, которые и очертили круг его научных интересов — это логика без экзистенциальных предпосылок. Сам факт публикации аспирантом двух статей в этом ведущем философском журнале страны был редким случаем, возможно, уникальным.

В 1970 г. начал работать на философском факультете Ростовского университета (РГУ), с которым была связана вся его дальнейшая научная и педагогическая деятельность. Приступив к чтению обязательного курса логики на факультете, он перестроил все его содержание на современный лад и поставил его на уровень, соответствующий мировым стандартам. Из числа своих первых и лучших студентов Юрий Григорьевич подготовил квалифицированных специалистов в области логики, тем самым создал условия для открытия специализации по логике. Следующие поколения студентов, которые специализировались по логике, уже изучали различные разделы логики: модальную, деонтическую, эпистемическую, индуктивную логики, историю логики. На спецкурсах изучались основные работы зарубежных учёных по семантике модальных и интенсиональных логик, логике изменения и времени, теорию доказательств и теорию моделей. Собственно Юрий Григорьевич сыграл определяющую роль в формировании, как структуры, так и содержания учебных курсов и спецкурсов по логике. Лучших учеников Юрий Григорьевич направлял для учёбы в аспирантуру на кафедру логики философского факультета МГУ. Специализацию по логике прошли 32 человека, 5 из них стали докторами наук, остальные, за редким исключением, кандидатами наук. Была создана ростовская школа логики.

К сожалению, активной научной и педагогической деятельностью Юрий Григорьевич смог заниматься всего 15 лет. В 1985 г. он перенёс тяжёлый инсульт, который повторился в 1992. В 1999 г. 27 ноября Юрия Григорьевича не стало.

Это, конечно, сухая, почти анкетная констатация событий жизни человека. По-видимому, у каждого человека, который соприкасался с Юрием Григорьевичем как студент, его уче-

ник или просто коллега по работе на философском факультете сформировался свой образ этого человека.

Помню мнение Виктора Николаевича Дубровина — преподавателя истории философии — о Юрии Григорьевиче, которое он высказал мне года за два до своей смерти. Как-то после сессии мы с Виктором Николаевичем жаловались друг другу на студентов, которым вынуждены были поставить двойки. Я заметил, что вот Юрий Григорьевич как-то умудрялся всегда находить сильных студентов, а я не умею этого делать. На что Виктор Николаевич заметил: «Юра был гением». Можно лишь предполагать, что он подразумевал некоторую сумму фактов педагогической и организаторской деятельности этого человека, в которую включался и факт создания, можно сказать, на пустом месте ростовской школы логиков, о которой знали по публикациям на всех философских факультетах университетов Советского Союза. И это было действительно так. Отмечу, что в 1982 г. в Литве (город Паланга) проходила Всесоюзная конференция по «Логике и методологии науки», в которой приняли участия шесть учеников Юрия Григорьевича. Тезисы докладов его учеников касались самых современных и различных разделов логики. За этим скрывалась огромная работа, энергия, особые, трудноуловимые психологические и педагогические качества, а также убеждённость, почти религиозная, в пользе логики не только для философии и науки, но и для культуры любого человека. Такие педагогические и научные результаты вызывали уважения к этому человеку у всех философских логиков страны.

Тот обязательный курс логики, который читался всем студентам философского факультета РГУ, был значительно сложнее и объёмнее нынешнего курса логики. Тогда курс логики был рассчитан на три семестра, сейчас он составляет два. В настоящее время много говорят о самостоятельной работе студентов. При Гладких Ю.Г. самостоятельная работа включалась в совокупную экзаменационную оценку. Экзаменационные билеты делились на три уровня. Первый уровень — это три балла. Чтобы их получить, достаточно было ответить на вопросы, которые детально излагались в лекциях и прорабатывались на семинарских занятиях. Чтобы получить четыре балла, от студента требовались дополнительные усилия: надо было доказать ряд логических теорем, на лекциях намечались лишь контуры доказательства этих теорем и их методологическое значение для логики. Но чтобы получить пять баллов за весь обязательный курс логики студент должен был знать доказательство теоремы Курта Геделя о неполноте и теоремы о полноте логики предикатов первого порядка. В последнем случае, когда студент претендовал на отличную оценку, от него требовались огромные усилия и большие затраты времени, и такой студент всегда мог получить консультацию Юрия Григорьевича. Естественно, эти условия приёма экзаменов доводились до сведения студентов, и каждый студент через несколько первых недель изучения логики понимал, чтобы получить высокую оценку по логике, надо постоянно работать.

Как тогда, так и сейчас встречаются студенты, которые считают себя стопроцентными гуманитариями, и полагали, что логика нечто чужеродное для их философского образования, поскольку она использует символьный язык. Таких студентов было достаточно много, и Юрий Григорьевич регулярно старался показать важность логики для философии. В частности, он интерпретировал в терминах логики историко-философский материал, прежде всего некоторые аспекты учений Парменида, Платона, Аристотеля. Лично меня такие интерпретации вынуждали быть более внимательным к текстам философов и вызывали огромное уважение к истории философии как учебной дисциплине. Отдельным студентам из числа стопроцентных гуманитариев такие усилия со стороны преподавателя помогали выстроить усердное отношение к логике, но закоренелые гуманитарии оказывались упорными в своем неприятии символов. Обычно у последних и возникали проблемы с изучением логики: неправильные установки обрекали их на полное непонимание логики.

В 1975 г. я стал студентом философского факультета РГУ. Я знал, что среди прочих предметов имеется и логика, которую мне придётся изучать, начиная с первого семестра. Впервые о том, что такое логика, я услышал в первых числах сентября от своей землячки, она возвратилась на первый курс после академического отпуска, в который она вынуждена была уйти, поскольку не сдала логику. По ее оценке — логика такая дисциплина, которую невозможно изучить. Такое утверждение меня весьма удивило и настроило на серьёзный лад, не хотелось попасть в академический отпуск и поэтому, несколько напряжённо ожидал первую лекцию по логике. В аудиторию вошёл невысокий человек с высоко поднятой головой, в огромных очках. Не помню содержание этой первой, вводной лекции, но осталось общее впечатление доверия к тому, о чем говорил этот человек.

Семинарские занятия вели его ученики Агапов Евгений Петровичи и Солодухин Олег Анатольевич. Уже в первом семестре было заметно, что Юрий Григорьевич внимательно следил за текущей успеваемостью студентов по логике, и на тех студентов, которые занимались по логике на «отлично», обращал особое внимание. Свои лекции он начинал с краткого обозрения содержания предыдущей лекции, в этот период лекции он обычно и обращался к «отличникам», чтобы они объяснили тот или иной ключевой фрагмент предыдущей лекции. Иногда случалось так, что ни один «отличник» не мог дать удовлетворительный ответ на его вопросы, тогда он раздражался (приблизительно так: «не понимаю, за что вам Солодухин и Агапов ставят пятёрки»), и начинал по новому объяснять этот фрагмент предыдущей лекции. Правильные ответы на его вопросы вызывали у него довольство и улыбку, иногда это сопровождалось кратким рассказом из его, Гладких Ю.Г., студенческой жизни. Запомнил один такой рассказ. Зиновьев Александр Александрович задал на дом множество заданий на построение выводов из посылок. К нашему всеобщему удивлению, говорил Юрий Григорьевич, большинство из этих доказательств никто из нашей группы не мог построить. На семинарском занятии Зиновьев раскрыл причину этого: надо было применять не прямые, а косвенные методы доказательства. Тогда эти выводы становились достаточно лёгкими, но до этого надо было додуматься, прежде этот способ доказательства на семинарских занятиях не использовался. Позже, когда я специализировался по логике, Юрий Григорьевич использовал этот приём обучения, но в более сложных ситуациях. Он давал на дом ряд однотипных заданий, которые легко решались, если кто-либо мог придумать и сформулировать (без доказательства) обобщение, которое являлось следствием из некоторой известной теоремы. Это способствовало лучшему пониманию базовых теорем.

Ещё во время общего изучения курса логики преподаватели логики во главе с Юрием Григорьевичем пытались выявить студентов склонных и заинтересованных в изучении логики. В частности, с этой целью в каждой группе среди желающих, после занятий, насколько помнится один раз в семестр, проводились конкурсы на лучшее решение логических задач. Победители награждались книгами.

На специализацию по логике обычно шли более или менее сильные студенты. Первоначально преподавателям логики надо было согласовать смутные интересы студента, мотивируемые скорее философскими, а не логическими знаниями, с тем или иным разделом современной логики. У каждого студента, специализирующегося по логике, была своя индивидуальная история. Детально помню свою. При изучении общего курса логики Олег Анатольевич Солодухин вёл в моей группе семинарские занятия по модальной логике, на этих занятиях давались (в соответствии с программой) элементарные представления об этом разделе логики. Я обратил внимание, что используемые в модальной логике отношения между понятиями «необходимость» и «возможность» сильно отличаются от отношения между сходными гегелевскими категориями. Олег Анатольевич достаточно быстро продемонстрировал, что семантическое значение гегелевских категорий весьма смутно, их содержание зависит от контекста

и «переплетения» с другими гегелевскими категориями. Также отметил, что ему неизвестны логические экспликации гегелевских категорий. Через некоторое время, по-видимому, на основе информации Солодухина О.А., Юрий Григорьевич продолжил со мною разговор на эту тему. Он рассказал, что есть польский логик Роговский, который формализовал некоторые фрагменты гегелевской «Наука логики», и убеждал меня в том, что изучать тексты Гегеля с точки зрения современной символической логики дело весьма важное. Предложил подумать. В итоге мои логические интересы сформировались до начала специализации, и я имел на руках монографию Леонарда Роговского, которую Юрий Григорьевич привез мне из Москвы. Отмечу кстати, что Юрий Григорьевич полностью обеспечивал студентов, специализирующихся по логике, необходимой литературой. К тому же в ростовских библиотеках попросту не было нужной литературы по логике. На этот счёт он был чрезвычайно энергичным и изобретательным. Для написания диплома мне требовалась одна статья англоязычного автора (Р. Раутли), которой не было в библиотеках Советского Союза. Он добыл мне эту статью в Венгрии через своих знакомых.

С теми студентами, которые специализировались по логике, у Ю.Г. Гладких складывался особый стиль общения. Эти студенты приглашались на квартиру, общение начиналось с обязательного чаепития на кухне. Здесь на кухне обсуждались не только логические проблемы, которые интересовали того или иного гостя, но и житейские дела. Позже, когда мы привыкли к этой гостеприимной квартире, заходили уже не только по учебным делам, заходили, чтобы обсудить свои проблемы, спросить совета, поделиться радостью или поведать о своем каком-то затруднении. Мы чувствовали, что Юрий Григорьевич и его жена Энне Иоханесовна Труве были рады нас видеть. В этой квартире я всегда получал разумный совет и поддержку. Юрий Григорьевич и Энне Иоханесовна полностью доверяли нашим человеческим качествам. Здесь, на квартире, я впервые узнал о запретных в то время политических событиях: расстреле рабочих в Новочеркассах, правозащитной деятельности А.С. Есенина-Вольпина и Гастева Ю.А. Первый был известен нам, студентам, как переводчик знаменитой монографии С. Клини «Введение в метаматематику»; второй — Гастев — как переводчик учебника С. Клини «Математическая логика» и автор книги «Гомоморфизм и модели», которую мы в деталях изучали. Но в основном велись разговоры на философские или логические темы. Многое узнал для себя об аналитической философии, здесь впервые услышал новые имена русских философов.

Самыми ответственными моментами являлись студенческая неделя науки и написание дипломных работ. Удивительно много времени он уделял своим студентам. Помню свою подготовку к первой неделе науки. Сначала я написал полный текст своего сообщения, затем, по замечаниям Юрия Григорьевича, этот текст несколько раз переписывался. Из этого текста надо было сделать тезисы выступления. Накануне дня выступления на неделе науки он попросил, чтобы я пришёл к нему на квартиру в часов 8 или 9 вечера. Я очень старался, и пришёл к нему, как мне казалось, с хорошо написанными тезисами выступления. Он их прочитал, и сказал, что тезисы никуда не годятся, по тексту тезисов высказал детальные замечания. Переписывай — сказал. Вновь и вновь он делал замечания по проделанной мною работе, иногда подсказывал, терпеливо ждал мои исправления, не вмешиваясь в ход моей работы, много курил. Работа прерывалась чаепитиями. Некоторые его замечания ставили меня в тупик, тогда он сам выводил меня из этого затруднения, говорил, что именно надо написать или сам писал нужный фрагмент текста. Временами мне казалось, что я сделал именно, то, что он требовал, но Юрий Григорьевич показывал, что это не так. Работа была закончена приблизительно в шесть утра. Ощущения усталости не было, но было чувство удовольствия от проделанной работы. Гораздо позже я понял, что это был процесс обучения написания научных тезисов по логике. Сейчас весьма сожалею, что не сохранились тезисы моего выступления,

фактически — это была моя первая научная работа, хотя и написанная при помощи Юрия Григорьевича. Процедура написания диплома намного длиннее во времени, но сам ход написания диплома во многом совпадал с тем, как писались тезисы к выступлению на неделе студенческой науки.

Юрий Григорьевич занимался и трудоустройством своих учеников. После окончания университета я был оставлен на факультете в качестве преподавателя логики на других факультетах, но стало ясно, что шансы на получение жилья в Ростове нулевые. При помощи Юрия Григорьевича я устроился работать в другом городе на весьма перспективных условиях.

Когда я жаловался, что диссертационный текст идёт плохо, он давал некоторые советы, которым я следую и сегодня при написании текстов. Советы были высказаны такие. Прочти не слишком широкий, но достаточный для понимания темы объем литературы; составь план, который, возможно, будет постепенно изменяться в ходе написания текста; не думай об объёме работы, который предстоит совершить, а сосредоточивайся на отдельном предложении; пиши так, как сам думаешь, совершенно не заботься о том, что другие будут думать о твоих предложениях; принимай только рациональные, хорошо обоснованные возражения на свой текст; учись защищать свой текст.

Последние 14 лет своей жизни Юрий Григорьевич тяжело болел. Он не замкнулся в своей болезни. Поражало в этом человеке то, что, несмотря на болезнь, он живо интересовался судьбой своих учеников, радовался их научным и жизненным успехам, сильно огорчался их неудачам. Страдал, когда они причиняли ему боль своими поступками. У меня сложилось впечатление, что они, ученики, и составили основной смысл его жизни.

В 2000 г. отмечалось 30-летие философского факультета РГУ, съехались выпускники факультета. Они, познав труд преподавательской работы, вспоминали Юрий Григорьевича, с удовольствием рассказывали свои истории общения с этим человеком. Многие отмечали, что такого яркого человека и преподавателя больше не встречали в своей жизни.

Но Гладких Юрий Григорьевич был ещё и замечательным логиком.

Я попытаюсь максимально адекватно изложить взгляды на природу логики Юрия Григорьевича Гладких на основании вводной главы его монографии: «Логика без экзистенциальных предпосылок».

Первое издание этой монографии появилось в ротапринтном варианте в 1984 в издательстве Ростовского государственного университета. Через 22 года, в 2006 году, эта монография была переиздана издательством МГУ. Мотивы переиздания книги изложены в «Предисловии редактора»: «…книга посвящена весьма важному разделу современной неклассической логики… и в нашей отечественной литературе является единственной работой, которая достаточно полно и систематично описывает эту область» [Бочаров 2006: 5].

Под «природой логики» имеется в виду предмет логики и факторы изменения, развития логики.

Чтобы описать взгляды Гладких Ю.Г. на природу логики, для начала отмечу, что рефлексия над теми или иными сторонами природы логики занятие не новое в философии. Укажу наиболее известные, — классические, — представления о природе логики.

С точки зрения содержательного состава логики (чем занимается логика) принципиальных разногласий, да и особых споров относительно того, чем должна заниматься логика, не было. Начальный круг проблем, которым занимается логика, установил Аристотель.

Это, во-первых, теория дедуктивных рассуждений, изложенная в Первой Аналитике и Второй Аналитике, и представленная аристотелевской силлогистикой.

Во-вторых, Аристотель начинает разрабатывать логико-семантическую проблематику, изложенную в различных работах Аристотеля, но прежде всего, в работе «Об истолковании».

Речь идёт о типах значимых выражений языка: различные виды терминов (логические и дескриптивные) и высказываний различной формы (у Аристотеля это предложения 4-х видов, например такого вида «А не присуще ни одному Б», «А сказывается обо всех Б», «Б не присуще некоторым В»).

В-третьих, логико-методологическая проблематика, также разбросанная по различным работам Аристотеля, но больше всего представлена в работе «Топика» и «Вторая Аналитика». Это, прежде всего определения.

Дальше, в ходе развития логики этот круг проблем расширялся, например, возникли индуктивная логика, неклассические логики; кроме этого появились более совершенные методы исследования, как указанных проблем, так и новых.

Гладких Ю.Г. описывает расширения и уточнения заданного Аристотелем круга проблем. Но что является основой этих изменений, происходящих в логике? Для объяснения этих изменений он использовал марксистскую схему «практика — теория», но в несколько модифицированном виде — «логическая практика — теоретическая логика».

Такая схема позволяла с одной стороны избежать кантовского априоризма в понимании предмета логики.

Этот априоризм Кант сформулировал следующим образом: «Логика есть наука о разуме не только по форме, но и по материи, — априорная наука о необходимых законах мышления, но не в отношении отдельных предметов, а всех предметов вообще; следовательно, — наука о правильном применении рассудка и разума вообще, но не в субъективном употреблении, т. е. по эмпирическим (психологическим) принципам, не о том, как рассудок мыслит, а об объективном применении, т. е. по принципам, *a priori*, о том, как он должен мыслить» [Кант 1980: 323–324].

Кант полагал, что логика — завершённая наука, что оказалось, после того как появились работы Дж. Буля и Г. Фреге, очевидно неверным. Кантовское понимание логики как законченной науки есть следствие его априоризма.

С другой стороны, схема «логическая практика — теоретическая логика» позволяла избежать эмпиризма, который был связан с психологизмом в понимании логических законов. Психологизм рассматривал логику как часть психологии, а сами логические законы понимал как обобщение из опыта. Детальная критика различных вариантов психологизма в логике дана Э. Гуссерлем [Гуссерль 2011].

По мнению Юрия Григорьевича, предметом логики как научной дисциплины является «эмпирически данная логическая практика» [Гладких 2006: 12]. Что такое логическая практика?

«То, что мы называем логической практикой, можно описать кратко как практику оперирования концептуальными средствами. Под концептуальными средствами имеется в виду, в частности (и прежде всего), высказывания и термины самых различных форм и категорий, а также самые различные комплексы из высказываний и содержащихся в них терминов… Соответственно оперирование определёнными, теми или иными концептуальными средствами включает, в частности (и прежде всего), разнообразные действия с ними, например рассуждения (выводы) самых различных типов, определения и т. п., а также различные взаимодействия ассоциируемые с определённого рода концептуальными средствами, например диалоги, вопросно — ответные процедуры и т. д.» [Гладких 2006: 12]. Сама логическая практика включается в познавательную деятельность.

Приведём некоторые примеры «высказываний и терминов самых различных форм и категорий», без оперирования которыми невозможно построить ту или иную логическую теорию. Без высказываний логической формы «Всякий S есть P», «Всякий S не есть P», «Некоторый S есть P», «Некоторый S не есть P» невозможно построить силлогистику. Но в логиче-

ской практике вместо переменных S и P на самом деле использовались предложения с конкретными терминами, например «Все люди есть смертны». Без оперирования в процессах познания, в частности философского, предложениями вида «необходимо, что…», «возможно, что…», где вместо точек используются утвердительные предложения, невозможно построить модальную логику.

Но что значит, что логическая практика нам дана «эмпирически»?

Это означает, во-первых, что из практики нам известно, что значит построить доказательство, построить определение, осуществить классификацию, и провести другие логические действия и операции. Во-вторых, эти наблюдаемые разнообразные логические действия и операции должны быть зафиксированы лингвистически, т. е. в языке [Гладких 2006: 14].

Таким образом, этот эмпиризм не является обычным эмпиризмом, известным из истории философии. Ведь сами логические действия и операции не являются эмпирическими процедурами.

Второй член схемы «логическая практика — теоретическая логика» есть теоретическая логика и ее цель «исследовать эмпирически данную логическую практику и составить о ней систематический отчёт в форме теоретических построений» [Гладких 2006: 14].

С другой стороны, теоретическая логика не только усовершенствует то, что имеется в практике, но также создаёт такие элементы логических построений, теорий, которые еще не использовались в логической практике.

Теоретическая логика развивается во времени. Начало теоретизирования в логике положено Аристотелем и оформлено в виде логической системы (силлогистическая теория). Но аристотелевская силлогистика — это ещё не формальная логическая система (исчисление). Впервые идею построения формальной логической системы, или исчисления высказал Лейбниц. Он высказал мысль о построении универсального языка, на основе которого возможно формализовать любые рассуждения, а не только математические рассуждения. Фреге — создатель логики предикатов — переоткрыл идею Лейбница и реализовал эту идею в виде аксиоматического исчисления [Гладких 2006: 16–18].

Замечательно то, что Фреге также имел дело с логической практикой (речь идёт о доказательствах), зафиксированной лингвистически — в арифметических текстах (статьи, книги по арифметике). Пытаясь восстановить все шаги (цепочки) в доказательствах арифметических суждений Г. Фреге писал: «…я обнаружил препятствия в недостаточности языка, который при всей возникшей неуклюжести выражений, по мере усложнения отношений, все меньше позволял достичь точности, требуемой для моей цели. Из этой нужды возникла идея предлежащего „Шрифта понятий“» [Фреге 1987: 87–88].

Внутренние потребности логики породили теорию моделей и теорию доказательств. Сформировались методологические требования к исчислениям в виде различных метатеорем.

В средине XX века начался отход от «парадигмы Фреге». Одним из вариантов отхода от этой парадигмы Фреге и была логика без экзистенциальных предпосылок, которой занимался Юрий Григорьевич.

Однако описать его вклад в технически сложный раздел современной логики — логики без экзистенциальных предпосылок — невозможно без специальных терминов и утверждений логического характера. Поэтому эта часть логического творчества Юрия Григорьевича опускается. Он занимался и различными аспектами логической теории истины.

Чтобы дать представление о научной деятельности Гладких Ю.Г. в этих сферах логики ограничусь указанием только тех его публикации, которые непосредственно связаны с логикой без экзистенциальных предпосылок и логической теорией истины.

[**1970а**] Логика, свободная от экзистенциальных предпосылок // Вопросы философии. № 3. С. 108–119.

[**1970в**] Трактовка существования в формальной логике // Вопросы философии. № 9. С. 183–185.

[**1976**] Первопорядковая логика существования // 7 Всесоюзный симпозиум по логике и методологии науки. Тез. сообщений. — Киев. С. 90–92.

[**1979**] Singular terms, existence and truth: some remarks on the first- order Logic of existence // Essays on mathematical and philosophical Logic. Ed. J. Hintikka. — Boston. London. P. 405–415.

[**1982**] Теория истинности для модальной логики // Модальные и интенсиональные логики. Материалы к 8 Всесоюзной конференции «Логика и методология науки». — Вильнюс. С. 31–35.

[**1984**] Логика без экзистенциальных предпосылок. — Ростов-на-Дону. Из-во РГУ.

[**1987**] Предикация и существование // Современная логика и методология науки. — М., С. 126–129.

[**2006**] Логика без экзистенциальных предпосылок. — Москва. Из-во МГУ.

Отмечу, что во второе издание монографии «Логика без экзистенциальных предпосылок» было добавлено — по воле редактора Бочарова В.А. — две весьма важные работы Ю.Г. Гладких — «Предикация и существование» и «Теория истинности для модальной логики».

Бочаров В.А. 2006. Предисловие редактора. — Гладких Ю.Г. *Логика без экзистенциальных предпосылок*. — М.: МГУ. — С. 5–9.

Гладких Ю.Г. 2006. *Логика без экзистенциальных предпосылок*. — М.: МГУ.

Гуссерль Э. 2011. *Логические исследования. Т. 1. Пролегомены к чистой логики*. — М.: Академический Проект.

Кант И. 1980. Логика. Пособие к лекциям. — Кант И. *Трактаты и письма*. — М.: Наука. — С. 319–444.

Фреге Г. 1987. Шрифт понятий. — *Методы логических исследований*. — Тбилиси.: Мецниереба. — С. 83–151.

НАШИ АВТОРЫ

Бойко Сергей Иванович — соискатель кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (s.boiko70@mail.ru)

Булдаков Владимир Прохорович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (kuroneko@list.ru)

Гудков Лев Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, директор Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр) (direct@levada.ru)

Денисов Сергей Алексеевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры прав человека Гуманитарного университета г. Екатеринбурга (sa-denisov@yandex.ru)

Камкия Беслан Астамурович — кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Сочинского института РУДН (kafedra-teoria@yandex.ru)

Константинов Михаил Сергеевич — кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии Южного федерального университета (konstantinov@sfedu.ru)

Кравцов Николай Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета (nikikrvtsv@hotmail.com)

Лубский Анатолий Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры экономической социологии и регионального управления Южного федерального университета (info@ippk.sfedu.ru)

Макаренко Виктор Павлович — доктор политических и философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии наук Украины, директор Центра политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (vpmakar1985@gmail.com)

Оболонский Александр Валентинович — доктор юридических наук, профессор кафедры государственной и муниципальной службы Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики (aobolonsky@hse.ru)

Олейник Антон Николаевич — Ph.D, доктор экономических наук, Associate professor Университета «Мемориал» (Сен-Джонс, Канада), приглашённый профессор, ф-т свободных искусств и наук СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия) (aoleynik@mun.ca)

Пивоваров Юрий Сергеевич — академик РАН, доктор политических наук, научный руководитель Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН) (dir@inion.ru)

Стешенко Николай Иванович — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и методологии науки Южного федерального университета (steshenkon@list.ru)

Трубина Елена Германовна — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Уральского федерального университета им. Б. Ельцина (Elena.Trubina@usu.ru)

Цвынар Катажина Мария — доктор гуманитарных наук (doktor nauk humanistycznych), адъюнкт Института политических наук Жешувского университета (Польша) (kmcwynar@univ.rzeszow.pl)

Шкуратов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры общей психологии и психологии развития Южного федерального университета (shkuratov@sfedu.ru)

Summaries and keywords

Makarenko V.P. Hannah Arendt's Lessons: the problem of creating of an intellectual counterweight to the power (Article 2)

Summary: The problem of truth in politics is considered in the article. Based on an original interpretation of the Hannah Arendt's conception, the author analyzes the conflict between truth and politics, truth and opinion, truth of reason and truth of fact as well as between philosopher's position and position of citizen. One of the major discoveries of Hannah Arendt, in author's opinion, was the realization that the coercive power of the truth opposes to political power.

Keywords: truth and politics, truth and opinion, truth of reason and truth of fact, civil position, cognitive resistance.

Buldakov V.P. The crisis rhythm of Russian history: Towards a cultural-anthropological rethinking

Summary: The author explains why in Russia a crisis but not evolutionary type of development continues to dominate. Throughout many centuries of Russian history, the main task of the Russian state was the mastering of "immense" spaces. During the gradual expanding management at the large areas with sparse population a steady centralization of power was progressed. The inertia of this process is continued to the present time. Ultimately, the authorities tried to concentrate in his own hands not only the management of production and property, but also the minds of his subjects. The governance system of this kind tends to get a crisis situation. The most notable systemic crises took place in the seventeenth, and in the beginning and in end of the twentieth century. With all their external dissimilarities, they contain the same interactive components: moral, ideological, political, organizational, social, ochlocratical, recreational. Besides, at all stages an emotional but not a rational motivation of choice prevails. As a result of system crises, every time, there is a revival of traditional Russian authoritarianism which based on paternalistic illusions of low classes. This historical situation excludes the state's interest in the development of the modernization potential of population. Despite the proclaimed populist slogans, the government is interested primarily in its own self-improvement for the sake of more efficient recovery and monopolization of the surplus product.

Keywords: Russia, Empire, traditions, modernization, paternalism, ideology, politics, violence, cyclicity, crises, revolutions, social movements, stagnation, culture.

Pivovarov Yu.S. About the "Soviet" and ways to overcome it

Summary: The author focuses on a historical genesis of the Soviet in Russian socio-political practice. Analysis of nature of reconstruction processes in Russian society allows the author to question the notions of reformism in relation to many so-called "Russian reforms." An alternative approach to understanding the Russian socio-political life is proposed: a look at it through the prism

of the formation/decomposition of oprichnina-zemstvo models of power and society organization. The author provides an answer to a number of interrelated issues: what is the nature of political regime established in post-Soviet Russia? What are the reasons for preservation and revival of the "Soviet substance" in this period? What is the ratio of the Russian and the Soviet? What tools and strategies will heal Russian society? The main task of the current stage of political transformation in Russia is formulated in the article.

Keywords: Russia, state, reforms, revolution, the Soviet, Academy of Sciences, freedom, oprichnina-zemstvo, power, corruption, de-Stalinization, new Russian liberalism, constitution.

Cwynar K.M. Mass media in contemporary culture: information & enlightenment or manipulation?

Summary: The author formulates the thesis, in the modern world the role of journalism has been lost, namely the role as a means of transmitting information about the events, promotion of knowledge and building positive cultural values. This happened due to the fact that we moved away from a culture of values. At present, mass media establish a consumerist culture which is reduced to short-term interests and banalities of life. That culture creates conditions for the manipulation of the public in the interests of different groups of influence. The condition for overcoming this state of affairs unfavorable for society is revival of the Enlightenment ideals and culture of values.

Keywords: mass media, manipulation, culture, values, interests.

Boyko S.I. Dramaturgy of the nation concept in program discourse of Russian "party without power"

Summary: The article discusses the dramatic performance of the ideological concepts belonging to the Russian "party without power" which struggles for its place under the sun of Russian parliamentarism. The dramaturgic aspect of a political figure is of particular importance in the case of quasi-oppositional parties making up the Russian "party without power".

Keywords: Pretender, Jester, Outcast, concept, party without power, Russian question, Russian Power, political figure.

Kamkiya B.A. Contextualism in political philosophy

Summary: The author has set a goal to consider the advantage of the contextual approach in political philosophy. In this regard, the characteristic of contextualism is given, in comparison with idealism and pragmatism as the most famous lines in political philosophy. In a study of this problem, the author draws attention to the epistemological potential of contextualism. The author concludes that contextualism requires the collection of details of the situation, in order to develop the key positions of analysis, giving rise to "the epistemological field." That makes an advantage of a contextual approach as well as the main difference between a contextual approach on the one hand, and idealism and pragmatism — on the other.

Keywords: idealism, pragmatism, contextualism, contextual approach, political philosophy, political theory, justice, epistemological problem, context, social cohesion, political context, social structure.

“Political cynicism: concept and post-Soviet reality” (Materials of the Scientific Conference on 27-28 March 2015, Rostov-on-Don)

Gudkov L.D. From doublethink to cynicism: the public price of the lowering adaptation strategy (based on research by the Levada Center)

Summary: The author describes the phenomenon of political cynicism and the reasons for its spread in Russia. This phenomenon is due to the negative mobilization of the masses. The latter, in turn, is due to unsuccessful attempts to reform the institutional system of Soviet society and create the new elites as well as due the mass disillusionment, social powerlessness and the distrust the authorities. One of the main consequences of these processes is the erosion and destruction of the value system of the society and the spread of cynicism.

Keywords: social consciousness, social control, negative mobilization, lowering adaptation, political cynicism.

Obolonsky A.V. Political cynicism: concept and Russian reality

Summary: The article discusses the theoretical, historical and applied aspects of political cynicism. One of the contemporary manifestations of political cynicism, as author believes, is a geopolitical mindset which legitimizes the certain actions of specific politicians. This type is associated with post-totalitarian syndrome of mass consciousness in Russia. Way out of this situation the author sees in the “political romanticism” based on an “heightening adjustment”, i.e. in an appeal to the better side of human (to the self-respect, self-esteem, and the needs of the higher levels).

Keywords: political cynicism, social consciousness, post-totalitarian syndrome, lowering heightening adaptation.

Makarenko V.P. Hannah Arendt's Lessons: extra-contextual problems of an organized system of lie

Summary: The problem of truth in politics is considered in the article. Based on an original interpretation of the Hannah Arendt's conception, the author analyzes the conflict between truth and politics, truth and opinion, truth of reason and truth of fact as well as between philosopher's position and citizen's position. “The main truth of the XX century”, according to the author, was the link between technical progress in the creation of the violence means and the emergence of organized system of lies as a weapon in the struggle with the truth in politics. The mentioned progress made meaningless the notion of war crimes and also made inevitable a criminal war.

Keywords: truth and politics, truth and opinion, truth of reason and truth of fact, citizen's position.

Oleinik A.N. Conflict between formal institutions and the “human”, as a source of political cynicism

Summary: The article discusses several forms of cynicism, namely ancient cynicism, cynicism of the masters and cynicism of the slaves. It argues that cynicism results from a mismatch between formal institutions and informal values and practices that prevail in a particular society. As a result,

formal institutions tend to be ridiculed and rejected. A specific attention to the spread of cynicism in today's Russia is devoted.

Keywords: cynicism, Russia, formal institutions, informal institutions.

Shkuratov V.A. Between indigenes and elite: the balance between endogeneity and exogeneity in the Russian political identity (Part I)

Summary: The concept of cynicism in the wording of P. Sloterdijk is used to compare the modern western critical thinking and consciousness of the Russian intelligentsia, as well as latter's opponents, bureaucratic power. These three positions are seen as discursive efforts to keep identity in the socio-cultural contexts forming mentioned positions. The dimension "external-internal" is taken as a constitutive one for the identification schemes of the Russian elite as well as for world-system stability of the country.

Keywords: P. Sloterdijk, critical consciousness in the West and in Russia, civilization and world-system, cynicism, Weimar Germany, identity and selfness, egocentrism, intelligentsia, we-centrism.

Lubsky A.V. Public intellectuals and political cynicism

Summary: The article discusses different views on intellectuals and their social functions; moreover, the author describes peculiarities of Russian public intellectuals, cultural and cognitive sources of their political cynicism as well as forms and ways of its manifestation in contemporary Russian society.

Keywords: intellectuals, public intellectuals, cynical, political cynicism, the formula of cynicism, cynical mind, cynicism of the top circles, cynicism of the lower classes, cynicism of intellectuals.

Denisov S.A. Political & legal nihilism and cynicism of an administrative class in contemporary Russia

Summary: The contemporary Russian state, according to the author, can be compared with a swindler who systematically deceives its people. It turns his tyranny into right; it grants to people Constitution, but itself ignores its norms and at the same time tries to convince people that de facto state system existing in Russia is a constitutional one. The Constitutional Court of the Russian Federation becomes instrument of deception.

Keywords: swindler state, deception of population, legal nihilism, techniques of deception.

Konstantinov M.S. Political cynicism in the context of Russian-Ukrainian information war

Summary: From the standpoint of cognitivist integrative approach, the strategies of the Russian-Ukrainian information war (2013-2014) are considered in the article. In the first part, the author analyzes in detail the cognitive strategies, concepts and frames of Russian propaganda. The conclusion is that, as the conflict has obtained an existential status, all moral restrictions were lifted, and this is what caused widespread political cynicism in contemporary Russia.

Keywords: Russian-Ukrainian relations, information war, concept, frame, cognitive strategy.

Kravtsov N.A. Political cynicism and aesthetic misery

Summary: The article analyzes the anti-aesthetic component of political cynicism. The author believes that one of the key pillars of modern political cynicism is an aesthetic primitivism of the majority of population.

Keywords: political cynicism, utilitarianism, aesthetic primitivism.

Trubina E.G. "Big jobs": urban infrastructure and power over space

Summary: The article draws on philosophical ideas (P. Sloterdijk) and materials related to the history of cities and history of emotions to talk about what the symbolic and social importance of urban infrastructure is. The article give consideration, in particular, to the question, what chronically underdeveloped infrastructure for citizens means, and is it worth to use a state of sanitation in urban areas as a topic when discussing principles for the distribution of public resources. The problematic contribution of infrastructure into urban aura and complex web of smells enveloping people in the public and private areas are not overlooked. The issue of possibility of further deterioration of urban infrastructure in the country under sanctions is touched upon. The presented text is part of author's big project devoted to urbanism during the sanctions.

Keywords: infrastructure, smell, public goods, urban atmosphere, underdevelopment, civilization and civility, inequality.

Steshenko N.I. In memory of Soviet and Russian logician Yuri Grigoryevich Gladkikh (September 17, 1938 – November 27, 1999)

Summary: Based on personal experience with Yuri Grigorievich Gladkich, the memories of teaching and research activities of the founder of the Rostov school of logic are given. Y.G. Gladkich's views on the nature of logic are presented. Under "nature of logic" is meant the subject of logic as well as factors of change and development of logic.

Keywords: logic, logic without existential premises, subject of logic, nature of logic, Aristotle, Prior Analytics, Posterior Analytics.

CONTENTS

EDITOR'S WORD

Makarenko V.P.
Hannah Arendt's Lessons: the problem of creating of an intellectual counterweight to the power (Article 2)..... 6

PROBLEM OF IMPERIAL AND SOVIET PAST RESEARCH

Buldakov V.P.
The crisis rhythm of Russian history: Towards a cultural-anthropological rethinking..... 18

Pivovarov Yu.S.
About the "Soviet" and ways to overcome it..... 53

GENERAL PROBLEMS OF POLITICAL CONCEPTOLOGY

Cwynar K.M.
Mass media in contemporary culture: information & enlightenment or manipulation?..... 97

Boyko S.I.
Dramaturgy of the nation concept in program discourse of Russian "party without power".. 109

Kamkiya B.A.
Contextualism in political philosophy..... 132

DEBATE AND DISCUSSION

Materials of the Scientific Conference
Political cynicism: concept and post-Soviet reality (27–28 March 2015, Rostov-on-Don)..... 137

Gudkov L.D.
From doublethink to cynicism: the public price of the lowering adaptation strategy (based on research by the Levada Center)..... 138

Obolonsky A.V.
Political cynicism: concept and Russian reality..... 164

Makarenko V.P.
Hannah Arendt's Lessons: extra-contextual problems of an organized system of lie..... 173

Oleinik A.N.
Conflict between formal institutions and the "human", as a source of political cynicism..... 178

Shkuratov V.A.
Between indigenes and elite: the balance between endogeneity and exogeneity in the Russian political identity (Part I)..... 191

Lubsky A.V.
Public intellectuals and political cynicism..... 204

Denisov S.A.
Political & legal nihilism and cynicism of an administrative class in contemporary Russia... 217

Konstantinov M.S.
Political cynicism in the context of Russian-Ukrainian information war..... 225

Kravtsov N.A.
Political cynicism and aesthetic misery..... 231

Trubina E.G.
“Big jobs”: urban infrastructure and power over space..... 234

WARM TIES OF BEING

Steshenko N.I.
In memory of Soviet and Russian logician Yuri Grigoryevich Gladkikh (September 17, 1938 – November 27, 1999)..... 248

Authors..... 257

Summaries and keywords..... 259

Contents..... 264

Notes for contributors..... 266

К сведению авторов

Предварительно автор должен подготовить рукопись статьи в соответствии с требованиями к оформлению статей. Далее рукопись необходимо отправить на электронную почту редакции konstantinov@sfedu.ru, konstms@gmail.com (просьба дублировать на оба адреса) с пометкой «Статья для электронного журнала „Политическая концептология“». Статьи, оформленные не надлежащим образом, не принимаются к рассмотрению. После поступления в редакцию рукопись проходит обязательное рецензирование, по результатам которого принимается решение о публикации статьи или отказе. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о решении относительно публикации и ее условий (срока и формы публикации, необходимости доработки). В случае, если статья нуждается в авторской доработке, автору высылается отзыв рецензента. Редакция оставляет за собой право правки текстов, не наносящей вред искомым идеям автора статьи. Рукописи не возвращаются. Все статьи публикуются бесплатно вне зависимости от статуса автора.

Требования к оформлению статей

1. Статья должна быть объемом не более 1,5 п.л. – 60 тыс. знаков, набрана в формате *.doc* (*Microsoft Word* или *OpenOffice.org*).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученые степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт *Times New Roman*, 12 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу – 2 см, справа и слева – 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.

4. Допускается использование шрифтов *Arial* и *Courier New* для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

5. Сноски постраничные (не концевые!) автоматические. Нумерация начинается с цифры «1». (Просим не делать нумерации вручную с круглыми или квадратными скобками!).

6. Библиографический список оформляется следующим образом:
Фамилия И.О. Год. *Название работы*. – Город: Издательство. – Количество страниц.
Фамилия И.О. Год. Название статьи. – *Название журнала*. – Номер. – С. ... .
Фамилия И.О. Год. *Название источника*. – Доступно: http://URListochnika/ . – Проверено: Дата.